СТИХИ

АГАТОВ Владимир Гариевич (ГУРЕВИЧ Вэлвл Исидорович) (1901 - 1966)

В. Агатов
ТЕМНАЯ НОЧЬ

Тёмная ночь, только пули свистят по степи,
Только ветер гудит в проводах, тускло звезды мерцают.
В тёмную ночь ты, любимая, знаю, не спишь,
И у детской кроватки тайком ты слезу утираешь.

Как я люблю глубину твоих ласковых глаз,
Как я хочу к ним прижаться теперь губами!
Тёмная ночь разделяет, любимая, нас,
И тревожная, чёрная степь пролегла между нами.

Верю в тебя, в дорогую подругу мою,
Эта вера от пули меня тёмной ночью хранила…
Радостно мне, я спокоен в смертельном бою,
Знаю встретишь с любовью меня, что б со мной ни случилось.

Смерть не страшна, с ней встречались не раз мы в степи.
Вот и теперь надо мною она кружится.
Ты меня ждёшь и у детской кроватки не спишь,
И поэтому знаю: со мной ничего не случится!
1943

В. Агатов
***

Шаланды полные кефали
В Одессу Костя приводил,
И все биндюжники вставали,
Когда в пивную он входил.
Синеет море за бульваром,
Каштан над городом цветёт,
И Константин берёт гитару
И тихим голосом поёт:

- Я вам не скажу за всю Одессу,
Вся Одесса очень велика,
Но и Молдаванка, и Пересыпь
Обожают Костю моряка.

Рыбачка Соня как-то в мае,
Направив к берегу баркас,
Ему сказала: "Все Вас знают,
А я так вижу в первый раз!.."
В ответ, раскрыв "Казбека" пачку,
Сказал ей Костя с холодком:
"Вы интересная чудачка,

Но дело, видите ли, в том:

- Я вам не скажу за всю Одессу,
Вся Одесса очень велика,
Но и Молдаванка, и Пересыпь
Обожают Костю моряка.

Фонтан черёмухой покрылся,
Бульвар Французский был в цвету.
"Наш Костя, кажется, влюбился," –
Кричали грузчики в порту.
Об этой новости неделю
Везде шумели рыбаки.
На свадьбу грузчики надели
Со страшным скрипом башмаки.

- Я вам не скажу за всю Одессу,
Вся Одесса очень велика,
Но и Молдаванка, и Пересыпь
Обожают Костю моряка.
1943

АГРАНОВИЧ Евгений Данилович (1918 - 2010)

Е. Агранович
***

Я в весеннем лесу пил березовый сок,
С ненаглядной певуньей в стогу ночевал,
Что имел не сберег, что любил — потерял.
Был я смел и удачлив, но счастья не знал.

И носило меня, как осенний листок.
Я менял имена, я менял города.
Надышался я пылью заморских дорог,
Где не пахнут цветы, не светила луна.

И окурки я за борт бросал в океан,
Проклинал красоту островов и морей
И бразильских болот малярийный туман,
И вино кабаков, и тоску лагерей.

Зачеркнуть бы всю жизнь да с начала начать,
Полететь к ненаглядной певунье своей.
Да вот только узнает ли родина-мать
Одного из пропащих своих сыновей?

Я в весеннем лесу пил березовый сок,
С ненаглядной певуньей в стогу ночевал,
Что имел не сберег, что любил — потерял.
Был я смел и удачлив, но счастья не знал.
1954

Е. Агранович
ТАЙНА РОБИН ГУДА

Сосед! Мы здесь в лесу одни
Полночною порою.
Ту тайну свято ты храни,
Что я тебе открою.
Свершили в чаще колдуны
Над Робин Гудом чудо:
При свете солнца и луны
Нет смерти Робин Гуду,
В костре он будет невредим,
Из битвы выйдет целый,
И от стальной его груди
Отскакивают стрелы.
– Нет, ложную ты слышал весть,
Сосед, об этом чуде!
Наш Робин должен пить и есть,
Как все на свете люди.
Как ты да я, он не стальной,
Ничуть других не тверже!
И может быть пронзён стрелой
Или мечом повержен.
Тогда над ним склонится друг,
Из близких самый смелый,
И из его застывших рук
Он примет лук и стрелы.
В заветный рог он затрубит
Над рощами Шервуда.
Пока он в схватке не убит,
Он будет Робин Гудом!
Ты можешь Гудом стать, сосед,
А может, я им буду.
Вот почему на тыщу лет
Нет смерти Робин Гуду.
1970

АДЫШЕВА Тенти Жунушбаевна (1920 - 1984)

Т. Адышева
***

Я – смерть твоя!
Не бойся!
С первых дней
Я родилась ровесницей твоей…
И в мир прийти
Случилось вместе нам,
Чтоб за тобою
Шла я по пятам.
И я, как ты,
От взоров прячу грусть,
Своей кончины исподволь страшусь.

Недуг коль тяжкий
Средь лученья дня
Тебя согнет, -
Не станет и меня.
И если пронесешь
Свою мечту
Сквозь все преграды,
Грозы и вражду,
До цели вместе
Я с тобой дойду.
И жизни всей
Речной водоворот
С тобою вместе
Переходим вброд.
Я – твой близнец,
Твой друг.
В пути крутом
Ты зря сочла
Меня своим врагом!

И если
Утомят тебя года,
Когда не сможешь
Дальше ты идти,
То просто черной
Точкою тогда
Я стану вдруг
В конце всего пути.

Т. Адышева
***

Нет, нет,
Я не умру,
Я буду тихо спать,
В объятия Земля
Меня возьмет,
Как мать.
И будет обо мне
Заботиться она,
Баюкая листвой,
Когда придет весна.
Мне тень
Подарит сад
В прозрачный
Летний зной,
И белой шубой я
Укутаюсь зимой.
Нет, нет,
Я не умру,
Я буду просто спать,
Примчится ветерок
Печальный холм ласкать.

Когда затихну я
В объятиях Земли,
Услышу – трель свою
Рассыплют соловьи.
Нет, нет,
Я не умру,
Я буду тихо спать,
В безмолвии ночей
Тепло Земли вдыхать.
Любимая тропа
На склоне том крутом
Запомнит, как по ней
Взбегала босиком.
Мой голос сохранит
Журчание реки,
И образ мой на дно
Запрячут родники.
А горы загрустят
Задумчиво тихи,
Но в людях будут жить
Моей души стихи.

АЙВАЗЯН Николай Вартанович ()

Н. Айвазян
***

Словно бритвой воду разрезая,
Корабли уходят. Вьется дым.
И Анапа, в путь их провожая,
Веткою деревьев машет им.
Волны тихо белыми когтями
Загребают золотой песок;
В парке дышит "тульская" мехами
И напев разносит ветерок.
Чайки, дорогие сердцу птицы,
Словно банты в море голубом;
В распашонке беленькой из ситца
Месяц сладко дремлет под кустом.
Вся природа, словно чудо-сказка.
Не к тому ли я подумал вдруг:
Видно, жизнь на свете тем прекрасна,
Что такая красота вокруг.

АЛЕКСАНДРОВ Александр Данилович (1912 - 1999)

А. Александров
ДУХ ЧЕЛОВЕКА.

Когда в последнем взрыве катаклизма
Земля сгорит, как новая звезда,
И Человечество исчезнет навсегда
Без поминанья, памятника, тризны;

Когда помчится расщепленный газ
В бескрайние межзвездные пространства
И Дух слетит с Земли для новых странствий,
То, знаю, будет не в последний раз:
Когда-нибудь, и где-нибудь опять
Он воплотится в тело для мученья,
Для поиска и претворенья,
Для бега вверх и возвращенья вспять.
Ты, вечный Дух упорного стремленья,
Что породил собой Добро и Зло,
Кто не оставил в мире ничего, -
Вне сферы знания и воли превращенья,
Твори,
Великий Дух,
И обращай природу
В громадную арену мощных сил,
Которую собой ты породил,
Чтобы в борьбе завоевать свободу
И вызвать катаклизм, а, может быть, и смерть
Матерьи косной и ничтожной,
Но сделать невозможное возможным
И к новой Жизни возродиться впредь.

АМАНЖОЛОВ Касым Рахимжанович (1911 - 1955)

К. Аманжолов
***
Мулла, сидящий за молитвой,
Мне неприятен и смешон.
А я, сидящий за стихами,
Ведь я такой же, как и он,

Нет, не такой! Он славит бога,
А я - людей всей силой строк.
Мулла - ничтожный раб аллаха,
А я в своих созданьях - Бог!
1949

АНАНЬЕВ Иван ()

И. Ананьев
БАСНЯ О БИЗНЕСЕ

Однажды Волк, Медведь и Лис
Вести хозяйство собрались.
Нашли пенёк с большой дырой,
Где жил всегда пчелиный рой,
И стали рядом с ним судить
Как пчел им лучше разводить.
Медведь сказал: "Меня вперед –
Я самый главный пчеловод.
Ты, Волк – мой зам по сбору меда,
А Лис ответит за расходы.

Работать будем круглый год
И крупный получать доход.
К утру издайте вы приказ,

Чтоб пчелы строем каждый час
Маршировали дружно в ногу
И мед сдавали мне в берлогу,
Что вы следить за всем должны,
А я посплю-ка до весны".
Дал заместителям задачку –
И тут же завалился в спячку.

Остались двое управлять,
Тут Волк сказал: "Едрёна мать!
Мне не до этих мелких тварей,
Пора с друзьями на сафари –
Овчарни нужно посетить.
Послушай, Лис, давай делить –
Ты пчел расставишь по местам,
А с медом я управлюсь сам:
Весной проверю сданный мед
И дам Медведю в том отчет".

Остался Лис. Он без проблемы
Развил финансовые схемы:
Открыл ЗАО «Медовый сбор»,
А также шесть других контор,
В которых медом занимался,
На благо бизнеса старался,
Набрал кредитов даже впрок,
Три раза заложив пенёк,
Расходы снизил, все учел,
Понятно, стало не до пчел.
А пчелы – наглый же народ,
Зимой не собирают мед!

Каков финал медовой басни?
Пришла весна и в одночасье
Пень в талых водах утонул –
Спасите, кризис, караул!
2010

И. Ананьев
СВОБОДНАЯ ЛИЧНОСТЬ

Свободная птица по небу летает,
Свободная рыба по речке плывет,
Свободная личность сама выбирает,
А что выбирает и толком не знает –
То рыбьи глубины, то птичий полет.

Свободные выборы – высшее благо!
Свободно и весело личность живет

Пускай без надежды, зато без напряга,
К чему ум и совесть, и честь, и отвага –
Свободе, одной лишь свободе почет!

Пускай среди лжи ты не выберешь честность,
И между воров ты не сыщешь закон,
Пусть выбор решает смазливая внешность
И ловких речей плутовская словесность,
Упругих телес надувной силикон.

Свободные выборы – дивное чудо!
Заброшу свободу стремиться, мечтать,
Бороться и помнить: кто я и откуда,
Свободу прищучить любую паскуду,
И мир этот грешный достойно менять.

Зачем мне оно – я свободная личность:
Свободно ем то, что положат в лоток,
И делаю то, за что платят наличность –
Пускай все яснее моя идентичность:
Я – вечно жующий большой хомячок!
2010

И. Ананьев
***

Если завести кота,
Исполняется мечта –
Дома маленькое чудо
Лихо бегает повсюду,
Моет язычком посуду,
Ловко прыгая на стол,
Шерсткой подметает пол,
Сложит вещи по порядку –
Все носки и все перчатки
Не износятся теперь.
Кот – в хозяйстве главный зверь!

Если завести кота,
То без старого бинта
И зеленки или йода
Вы познаете путь йоги –
У кота четыре пасти
И одна другой зубастей,
И когтей не перечесть,
Все подряд он будет есть –
Руки, ноги и живот
Исцарапает злой кот.
Как устанет вас кусать –
Страшный зверь заляжет спать.

Если завести кота,
Все удобные места

Вроде кресла и кровати,
Где привыкли отдыхать мы,
Можно сразу позабыть –
Кот же должен где-то жить,
Где-то спать или валяться?
Он не даст нам расслабляться –
Думали вздремнуть часок?
Ждет вас бешеный наскок.
Вот и прервана сиеста –
Уступи питомцу место.

Если завести кота,
То ночная темнота
Превращается в ужастик.
Этот маленький проказник
Вам поможет сладко спать –
Будет бегать и шуршать
И конечно с голодухи
Завывать как злые духи,
Тапками играть в футбол –
Запасите корвалол,
Чтобы ночью просыпаться
И за сердце не бояться –
У кота глаза блестят
И на вас в упор глядят.
2012

АНДРЕЕВ Даниил Леонидович (1906 - 1959)

Д. Андреев
СЕРАЯ ТРАВКА

Полынушка, полынушка,
Тихая травка,
Серая, как придорожная пыль!
К лицу подношу эту мягкую ветку,
Дышу - не могу надышаться,
Как невозможно наслушаться песней
О самом любимейшем на Земле.
Кто ее выдумал?
Какому поэту, какому художнику
В голову мог бы прийти
Этот ослепительный запах?
Сухая межа в васильковом уборе;
Жаворонок,
Трепещущий в синей теплой струе,
Полузакрывши глаза
И солнцу подставив серую грудку;
Зноем приласканные дороги;
Лодки медлительных перевозов,
Затерянные в медоносных лугах;
И облака кучевые,
Подобные душам снежных хребтов,

Поднявшись к небу –
Все в этом запахе,
В горьком духе полыни.
Когда я умру,
Положите со мной вместо цветов
Несколько волшебных веток,
Чтобы подольше, побольше чувствовал я
Радость смиренномудрой Земли
И солнечной жизни.
Не позабудьте!
1950

АНДРОПОВ Юрий Владимирович (1914 - 1984)

Ю. Андропов
***

Да, все мы смертны, хоть не по нутру
Мне эта истина, страшней которой нету.
Но в час положенный и я, как все, умру,
И память обо мне сотрет святая Лета.
Мы бренны в этом мире под луной:
Жизнь – только миг; небытие – навеки.
КрутИтся во вселенной шар земной,
Живут и исчезают человеки.
Но сущее, рожденное во мгле,
Неистребимо на пути к рассвету.
Иные поколенья на Земле
Несут все дальше жизни эстафету.
1983

АНТОНОВ Кирилл ()

К. Антонов
ОГОНЬ И ПЛАМЯ

Огонь и пламя – то, что не подвластно,
Огонь и пламя – то, что так опасно,
Огонь и пламя – то, с чем не играют,
Огонь и пламя – то, в чем умирают,

Огонь и пламя – то, к чему стремятся,
Огонь и пламя – то, чего боятся,
Огонь и пламя – то, чего не знаем,
Огонь и пламя – их не понимаем!

АНЧАРОВ Михаил Леонидович (1923 - 1990)

М.Анчаров
БАЛЛАДА О ПАРАШЮТАХ

Парашюты рванулись,
Приняли вес.

Земля колыхнулась едва.
А внизу - дивизии "Эдельвейс"
И "Мертвая Голова".

Автоматы выли,
Как суки в мороз,
Пистолеты били в упор.
И мертвое солнце
На стропах берез
Мешало вести разговор.

И сказал Господь:
- Эй, ключари,
Отворите ворота в сад.
Даю команду
От зари до зари
В рай пропускать десант.

- И сказал Господь:
- Это ж Гошка летит,
Благушинский атаман,
Череп пробит,
Парашют пробит,
В крови его автомат.

Он врагам отомстил
И лег у реки,
Уронив на камни висок.
И звезды гасли,
Как угольки,
И падали на песок.

Он грешниц любил,
А они его,
И грешником был он сам,
Но где ты святого
Найдешь одного,
Чтобы пошел в десант?

Так отдай же, Георгий,
Знамя свое,
Серебрянные стремена.
Пока этот парень
Держит копье,
На свете стоит тишина.

И скачет лошадка,
И стремя звенит,
И счет потерялся дням.
И мирное солнце
Топочет в зенит
Подковкою по камням.
1964

АСАДОВ Эдуард Аркадьевич (1923 - 2004)

Э. Асадов
ТРУСИХА

Шар луны под звездным абажуром
Озарял уснувший городок.
Шли, смеясь, по набережной хмурой
Парень со спортивною фигурой
И девчонка — хрупкий стебелёк.

Видно, распалясь от разговора,
Парень, между прочим, рассказал,
Как однажды в бурю ради спора
Он морской залив переплывал,

Как боролся с дьявольским теченьем,
Как швыряла молнии гроза.
И она смотрела с восхищеньем
В смелые, горячие глаза…

А потом, вздохнув, сказала тихо:
— Я бы там от страха умерла.
Знаешь, я ужасная трусиха,
Ни за что б в грозу не поплыла!

Парень улыбнулся снисходительно,
Притянул девчонку не спеша
И сказал: - Ты просто восхитительна,
Ах ты, воробьиная душа!

Подбородок пальцем ей приподнял
И поцеловал. Качался мост,
Ветер пел… И для нее сегодня
Мир был сплошь из музыки и звёзд!

Так в ночи по набережной хмурой
Шли вдвоем сквозь спящий городок
Парень со спортивною фигурой
И девчонка — хрупкий стебелек.

А когда, пройдя полоску света,
В тень акаций дремлющих вошли,
Два плечистых темных силуэта
Выросли вдруг как из-под земли.

Первый хрипло буркнул:- Стоп, цыпленки!
Путь закрыт, и никаких гвоздей!
Кольца, серьги, часики, деньжонки —
Все, что есть,- на бочку, и живей!

А второй, пуская дым в усы,

Наблюдал, как, от волненья бурый,
Парень со спортивною фигурой
Стал спеша отстегивать часы.

И, довольный, видимо, успехом,
Рыжеусый хмыкнул:- Эй, коза!
Что надулась?! — И берет со смехом
Натянул девчонке на глаза.

Дальше было всё как взрыв гранаты:
Девушка беретик сорвала
И словами: - Мразь! Фашист проклятый!-
Как огнём детину обожгла.

— Комсомол пугаешь? Врешь, подонок!
Ты же враг! Ты жизнь людскую пьёшь! -
Голос рвется, яростен и звонок:
— Нож в кармане? Мне плевать на нож!

За убийство — стенка ожидает.
Ну, а коль от раны упаду,
То запомни: выживу, узнаю!
Где б ты ни был, все равно найду!

И глаза в глаза взглянула твердо.
Тот смешался:- Ладно… тише, гром…-
А второй промямлил:- Ну их к чёрту! —
И фигуры скрылись за углом.

Лунный диск, на млечную дорогу
Выбравшись, шагал наискосок
И смотрел задумчиво и строго
Сверху вниз на спящий городок,

Где без слов по набережной хмурой
Шли, чуть слышно гравием шурша,
Парень со спортивною фигурой
И девчонка — слабая натура,
«Трус» и «воробьиная душа».
1963

АСЕЕВ Николай Николаевич (1889 - 1963)

Н. Асеев
СИНИЕ ГУСАРЫ

1
Раненым медведем
мороз дерет.
Санки по Фонтанке
летят вперед.
Полоз остер —
полосатит снег.

Чьи это там
голоса и смех?
— Руку на сердце
свое положа,
я тебе скажу:
— Ты не тронь палаша!
Силе такой
становись поперек,
ты б хоть других -
не себя — поберег!
2
Белыми копытами
лед колотя,
тени по Литейному
дальше летят.
— Я тебе отвечу,
друг дорогой,
Гибель не страшная
в петле тугой!
Позорней и гибельней
в рабстве таком
голову выбелив,
стать стариком.
Пора нам состукнуть
клинок о клинок:
в свободу — сердце
мое влюблено.
3
Розовые губы,
витой чубук,
синие гусары —
пытай судьбу!
Вот они, не сгинув,
не умирав,
снова
собираются
в номерах.
Скинуты ментики,
ночь глубока,
ну-ка, запеньте-ка
полный бокал!
Нальем и осушим
и станем трезвей:
— За Южное братство,
за юных друзей.
4
Глухие гитары,
высокая речь…
Кого им бояться
и что им беречь?
В них страсть закипает,
как в пене стакан:
впервые читаются

строфы «Цыган».
Тени по Литейному
летят назад.
Брови из-под кивера
дворцам грозят.
Кончена беседа,
гони коней,
утро вечера
мудреней.
5
Что ж это,
что ж это,
что ж это за песнь?
Голову на руки
белые свесь.
Тихие гитары,
стыньте, дрожа:
синие гусары
под снегом лежат!
1925

АХМАТОВА (ГОРЕНКО) Анна Андреевна (1889 - 1966)

А. Ахматова
***

Когда в тоске самоубийства
Народ гостей немецких ждал,
И дух суровый византийства
От русской церкви отлетал,

Когда приневская столица,
Забыв величие своё,
Как опьяневшая блудница,
Не знала, кто берёт ее,

- Мне голос был. Он звал утешно,
Он говорил: "Иди сюда,
Оставь свой край, глухой и грешный,
Оставь Россию навсегда.

Я кровь от рук твоих отмою,
Из сердца выну черный стыд,
Я новым именем покрою
Боль поражений и обид".

Но равнодушно и спокойно
Руками я замкнула слух,
Чтоб этой речью недостойной
Не осквернился скорбный дух.
1917

А. Ахматова

РЕКВИЕМ
(отрывок из поэмы)

Опять поминальный приблизился час.
Я вижу, я слышу, я чувствую вас:

И ту, что едва до окна довели,
И ту, что родимой не топчет земли,

И ту, что красивой тряхнув головой,
Сказала: «Сюда прихожу, как домой».

Хотелось бы всех поименно назвать,
Да отняли список, и негде узнать.

Для них соткала я широкий покров
Из бедных, у них же подслушанных слов.

О них вспоминаю всегда и везде,
О них не забуду и в новой беде,

И если зажмут мой измученный рот,
Которым кричит стомильонный народ,

Пусть так же они поминают меня
В канун моего поминального дня.

А если когда-нибудь в этой стране
Воздвигнуть задумают памятник мне,

Согласье на это даю торжество,
Но только с условьем — не ставить его

Ни около моря, где я родилась:
Последняя с морем разорвана связь,

Ни в царском саду у заветного пня,
Где тень безутешная ищет меня,

А здесь, где стояла я триста часов
И где для меня не открыли засов.

Затем, что и в смерти блаженной боюсь
Забыть громыхание черных марусь,

Забыть, как постылая хлопала дверь
И выла старуха, как раненый зверь.

И пусть с неподвижных и бронзовых век
Как слезы, струится подтаявший снег,

И голубь тюремный пусть гулит вдали,

И тихо идут по Неве корабли.
1938

А. Ахматова
МУЖЕСТВО

Мы знаем, что ныне лежит на весах
И что совершается ныне.
Час мужества пробил на наших часах,
И мужество нас не покинет.

Не страшно под пулями мертвыми лечь,
Не горько остаться без крова,
И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.

Свободным и чистым тебя пронесем,
И внукам дадим, и от плена спасем
Навеки!
1942

БАГРИЦКИЙ (ДЗЮБИН) Эдуард Георгиевич (1895 - 1934)

Э. Багрицкий
РАЗГОВОР С КОМСОМОЛЬЦЕМ НИКОЛАЕМ ДЕМЕНТЬЕВЫМ

- Где нам столковаться!
Вы - другой народ!..
Мне - в апреле двадцать,
Вам - тридцатый год.
Вы - уже не юноша,
Вам ли о войне...
- Коля, не волнуйтесь,
Дайте мне...

На плацу, открытом
С четырех сторон,
Бубном и копытом
Дрогнул эскадрон;
Вот и закачались мы
В прозелень травы,
Я - военспецом,
Военкомом - вы...

Справа - курган,
Да слева курган;
Справа - нога,
Да слева нога;
Справа наган,
Да слева шашка,
Цейсс посередке,
Сверху - фуражка...

А в походной сумке
- Спички и табак,
Тихонов, Сельвинский,
Пастернак...
Степям и дорогам
Не кончен счет;
Камням и порогам
Не найден счет.

Кружит паучок
По загару щек.
Сабля да книга
- Чего еще?
(Только ворон выслан
Сторожить в полях...
За полями - Висла,
Ветер да поляк;
За полями ментик
Вылетает в лог!)
Военком Дементьев,
Саблю наголо!

Проклюют навылет,
Поддадут коленом,
Голову намылят
Лошадиной пеной...
Степь заместо простыни:
Натянули - раз!
...Добротными саблями
Побреют нас...

Покачусь, порубан,
Растянусь в траве,
Привалюся чубом
К русой голове...
Не дождались гроба мы,
Кончили поход.
На казенной обуви
Ромашка цветет...

Пресловутый ворон
Подлетит в упор,
Каркнет "nevermore"* он
По Эдгару По...
"Повернитесь, встаньте-ка,
Затрубите в рог..."
(Старая романтика,
Черное перо!)

- Багрицкий, довольно!
Что за бред!..
Романтика уволена
За выслугой лет;

Сабля - не гребенка,
Война - не спорт;
Довольно фантазировать,
Закончим спор.
Вы - уже не юноша,
Вам ли о войне!..

- Коля, не волнуйтесь,
Дайте мне...
Лежим, истлевающие
От глотки до ног...
Не выцвела трава еще
В солдатское сукно;
Еще бежит из тела
Болотная ржавь,
А сумка истлела,
Распалась, рассеклась,
И книги лежат...

На пустошах, где солнце
Зарыто в пух ворон,
Туман, костер, бессонница
Морочат эскадрон,
- Мечется во мраке
По степным горбам:
"Ехали казаки, Чубы по губам..."

А над нами ветры
Ночью говорят:
- Коля, братец, где ты?
Истлеваю, брат!
- Да в дорожной яме,
В дряни, в лоскутах
Буквы муравьями
Тлеют на листах...

(Над вороньим кругом
- Звездяный лед.
По степным яругам
Ночь идет...)
Нехристь или выкрест
Над сухой травой,
- Размахнулись вихри
Пыльной булавой.

Вырваны ветрами
Из бочаг пустых,
Хлопают крылами
Книжные листы;
На враждебный Запад
Рвутся по стерням:
Тихонов, Сельвинский,
Пастернак...

(Кочуют воро**о**ны,
Кружа**а**т кусты.
Вслед эскадрону
Летят листы.)
Чалый иль соловый
Конь храпит.
Вьется слово
Кругом копыт.

Под ветром снова
В дыму щека;
Вьется слово
Кругом штыка...
Пусть покрыты плесенью
Наши костяки
- То, о чем мы думали,
Ведет штыки...

С нашими замашками
Едут пред полком
- С новым военспецом
Новый военком.
Что ж! Дорогу нашу
Враз не разрубить:
Вместе есть нам кашу,
Вместе спать и пить...
Пусть другие дразнятся!
Наши дни легки...
Десять лет разницы
- Это пустяки!

* Никогда (англ.).
1927

Э. Багрицкий
ТВС

Пыль по ноздрям – лошади ржут.
Акации сыплются на дрова.
Треплется по ветру рыжий джут.
Солнце стоит посреди двора.
Рычаньем и чадом воздух прорыв,
Приходит обеденный перерыв.

Домой до вечера. Тишина
Солнце кипит в каждом кремне.
Но глухо от сердца, из глубины,
Предчувствие кашля идет ко мне.

И сызнова мир колюч и наг;
Камни – угли, и дома – углы;
Трава до оскомины зелена;

Дороги до скрежета белы.
Надсаживаясь и спеша донельзя,
Лезут под солнце ростки и Цельсий.

(Значит: в гортани просохла слизь,
Воздух, прожарясь, стекает вниз,
А снизу, цепляясь по веткам лоз,
Плесенью лезет туберкулез.)

Земля надрывается от жары.
Термометр взорван. И на меня,
Грохоча, осыпаются миры
Каплями ртутного огня,
Обжигают темя, текут ко рту,
И вся дорога бежит, как ртуть.
А вечером в клуб (доклад и кино,
Собранье рабкоровского кружка).
Дома же сонно и полутемно:
О, скромная заповедь молока!

Под окнами тот же скопческий вид,
Тот же кошачий и детский мир,
Который удушьем ползет в крови,
Который до отвращения мил,
Чадом которого ноздри, рот,
Бронхи и легкие – всё полно,
Которому голосом сковород
Напоминать о себе дано.
Напоминать: «Подремли, пока
Правильно в мире. Усни, сынок».

Тягостно коченеет рука,
Жилка колотится о висок.

(Значит, упорней бронхи сосут
Воздух по капле в каждый сосуд;
Значит, на ткани полезла ржа;
Значит: озноб, духота, жар.).
Жилка колотится у виска,
Судорожно дрожит у век.
Будто постукивает слегка
Остроугольный палец в дверь.
Надо открыть в конце концов!

- Войдите, - и он идет сюда:
Остроугольное лицо,
Остроугольная борода.
(Прямо с простенка не он ли, не он
Выплыл из воспаленных знамен?
Выпятив бороду, щурясь слегка
Едким глазом из-под козырька.).
Я говорю ему: «Вы ко мне,
Феликс Эдмундович? Я не здоров.».

…Солнце спускается по стене.
Кошкам на ужин в помойный ров
Заря разливает компотный сок.
Идет знаменитая тишина.
И вот над уборной из досок
Вылазит неприбранная луна.

«Нет, я попросту потолковать»,
И опускается на кровать.

Как бы продолжая давнишний спор,
Он говорит: «Под окошком двор
В колючих кошках, в мертвой траве,
Не разберешься, который век.
А век поджидает на мостовой,
Сосредоточен, как часовой.
Иди – и не бойся с ним рядом встать.
Твое одиночество веку под стать.
Оглянешься – а вокруг враги;
Руку протянешь – и нет друзей;
Но если он скажет: «Солги», - солги.
НО если они скажет: «Убей», - убей.
Я тоже почувствовал тяжкий груз
Опущенной на плечо руки.
Подстриженный по солдатски ус
Касался тоже моей щеки.
И стол мой раскидывался, как страна,
В крови, в чернилах, в квадратах сукна,
Ржавчина перьев, бумаги клок –
Всё друга и недруга стерегло.
Враги приходили – на тот же стул
Садились и рушились в пустоту.
Их нежные кости сосала грязь.
Над ними захлопывались рвы.
И подпись на приговоре вилась
Струей из простреляннной головы.
О, мать революция! Не легка
Трехгранная откровенность штыка;
Он вздыбился из гущины кровей,
Матерный желудочный быт земли.
Трави его трактором. Песней бей.
Лопатой взнуздай, киркой проколи!
Он вздыбился над головою твоей –
Прими на рогатину и повали.
Да будет почетная участь твоя;
Умри, побеждая, как умер я».
Смолкает. Жилка о висок
Глуше и осторожнее бьет,
(Значит: из пор, как студеный сок,
Медленный проступает пот.).
И ветер в лицо, как вода из ведра.
Как вестник победы, как снег, как стынь.

Луна лейкоцитом над кругом двора,
Звезды круглы и круглы кусты.
Скатываются девять часов
В огромную бочку возле окна.
Я выхожу. За спиной засов
Защелкивается. И тишина.
Земля, наплывающая из мглы,
Легла, как неструганная доска,
Готовая к легкой пляске пилы,
К тяжелой походке молотка.
И я ухожу (а вокруг темно)
В клуб, где нынче доклад и кино,
Собранье рабкоровского кружка.
1929

Э. Багрицкий
СМЕРТЬ ПИОНЕРКИ
Грозою освеженный
Подрагивает лист.
Ах, пеночки зелёной
Двухоборотный свист!

Валя, Валентина,
Что с тобой теперь?
Белая палата,
Крашеная дверь.
Тоньше паутины
Из-под кожи щек
Тлеет скарлатины
Смертный огонёк.

Говорить не можешь,
Губы горячи,
Над тобой колдуют
Умные врачи.
Гладят бедный ежик
Стриженных волос.
Валя, Валентина,
Что с тобой стряслось?

Воздух воспаленный,
Чёрная трава.
Почему от зноя
Ноет голова?
Почему теснится
В подъязычьи стон?
Почему ресницы
Обдувает сон?

Двери отворяются.
(Спать. Спать. Спать.).
Над тобой склоняется
Плачущая мать:

- Валенька, Валюша,
Тягостно в избе,
Я крестильный крестик
Принесла тебе.
Все хозяйство брошено,
Не поправишь враз,
Грязь не по-хорошему
В горнице у нас.
Куры не закрыты,
Свиньи без корыта,
И мычит корова
С голоду сердито.
Не противься ж, Валенька,
Он тебя не съест,
Золоченый, маленький,
Твой крестильный крест.

На щеке помятой
Длинная слеза,
А в больничных окнах
Движется гроза.

Открывает валя
Смутные глаза…

От морей ревучих
Пасмурной страны
Наплывают тучи,
Ливнями полны.

Над больничным садом
Вытянувшись в ряд,
За густым отрядом
Движется отряд.
Молнии, как галстуки
По ветру летят.

В дождевом сиянии
Облачных слоев
Словно очертание
Тысячи голов.

Рухнула плотина -
И выходят в бой
Блузы из сатина
В синьке грозовой.

Трубы. Трубы. Трубы
Поднимают вой.
Над больничным садом,
Над водой озёр,
Движутся отряды

На вечерний сбор.

Заслоняют свет они
(Даль черным черна)
Пионеры Кунцева,
Пионеры Сетуни,
Пионеры фабрики Ногина.

А внизу, склоненная,
Изнывает мать:
Детские ладони
Ей не целовать.
Духотой спаленных
Глаз не освежить:
Валентине больше
Не придется жить.

- Я ль не собирала
Для тебя добро?
Шелковые платья,
Мех да серебро?
Я ли не копила,
Ночи не спала,
Все коров доила,
Птицу стерегла?
Чтоб было приданное,
Крепкое, недраное,
И фата к лицу,
Как пойдешь к венцу!
Не противься ж, Валенька!
Он тебя не съест
Золоченый, маленький
Твой крестильный крест!

Пусть звучат постылые
Скудные слова –
Не погибла молодость,
Молодость жива!

Нас водила молодость
В сабельный поход,
Наш бросала молодость
На кронштадтский лёд

Боевые лошади
Уносили нас,
На широкой площади
Убивали нас.

Но в крови горячечной
Поднимались мы,
Но глаза незрячие
Открывали мы.

Возникай, содружество
Ворона с бойцом –
Укрепляйся, мужество
Сталью и свинцом.

Чтоб земля суровая
Кровью истекла,
Чтобы юность новая
Из костей взошла,

Чтобы в этом крохотном
Теле навсегда
Пела наша молодость,
Как весной вода.

Валя, Валентина,
Видишь – на юру
Базовое знамя
Вьется на шнуру.

Красное полотнище
Вьется над шнуром,
- Валя, Будь Готова! –
Восклицает гром.

В прозелень лужайки
Капли как польют!
Валя в синей майке
Отдает салют.

Тихо поднимается
Призрачно легка
Над больничной койкой
Детская рука.

- Я Всегда Готова! –
Слышится окрест.
На плетеный коврик
Упадает крест.
И потом бессильная
Валится рука
В пухлые подушки,
В мякоть тюфяка.

А в больничных окнах
Синее тепло,
От большого солнца
В комнате светло.

И, припав к постели,
Изнывает мать…

За оградой пеночкам
Нынче благодать.

Вот и всё…

Но песня
Не согласна ждать.

Возникает песня
В болтовне ребят,
Поднимает песню
На голос отряд
И выходит песня
С топотом шагов
В мир, открытый настежь
Бешенству ветров!
1932

БАРАНОВ Юрий Федорович (1921 - 1942)

Ю. Баранов
ГОЛУБОЙ РАЗЛИВ

Ой, какие светлые дали!
Ой, какой голубой разлив!
Только я сегодня печален
И поэтому молчалив...

Жизнь, которой мы так гордились,
Не лежит на нашем пути,
Видно мы не затем родились,
Чтобы счастье свое найти...

Скоро мир, что широк и розов
Превратится в кромешный ад,
Скоро крылья чужих бомбовозов
Голубое небо затмят.

Озаренные солнцем славы
Закаленные в дни войны,
Легионы чужой державы
Перейдут рубежи страны.

Где-то первый залп всколыхнется,
Где-то вспыхнет первый пожар.
Кто-то первый в землю уткнется,
Кто-то первый примет удар.

Позабудьте сказки и были
И не тешьте себя мечтой -
Войны, все, которые были,
Перед это будут - ничто.

.....

Будет враг разбит и рассеян,
Но какой жестокой ценой.
Долго будет плакать Россия,
Вспоминая великий бой...

Не для маршей и не для гимнов
Над кладбищенскою травой,
Мы родились, чтоб жить и гибнуть
С непокорною головой.

Но прекрасно все понимая,
Но готовый идти на рать,
В этот солнечный вечер мая
Я совсем не хочу умирать.

Вот поэтому я печален,
Вот поэтому я молчалив.
.....
Ой, какие светлые дали!
Ой, какой голубой разлив!
01 мая 1941

БАРУ Михаил Борисович (род. 1958)

М. Бару
***

Как хорошо
Среди дискуссии научной,
Пробушевав и два и три часа,
Слегка раздвинуть рамки этикета
И к носу оппонента своего
Ученого (и, несомненно, очень)
Кулак приставить... Не для мордобоя –
Лишь для того, чтобы еще раз подчеркнуть
Весомость и серьезность аргументов.

БАШЛАЧЕВ Александр Николаевич (1960 – 1988)

А. Башлачев
ГРИБОЕДОВСКИЙ ВАЛЬС

В отдаленном совхозе «Победа»
Был потрепанный старенький «ЗИЛ»,
А при нем был Степан Грибоедов
И на «ЗИЛе» он воду возил.

Он справлялся с работой отлично,
Был по обыкновению пьян.
Словом, был человеком обычным
Водовоз Грибоедов Степан.

После бани он бегал на танцы,
Так и щупал бы баб до сих пор,
Но случился в деревне с сеансом
Выдающийся гипнотизер.

На заплеванной маленькой сцене
Он буквально творил чудеса.
Мужики выражали сомненья
И таращили бабы глаза.

Он над темным народом смеялся
И тогда, чтоб проверить обман
Из последнего ряда поднялся
Водовоз Грибоедов Степан.

Он спокойно взошел на эстраду
И мгновенно он был поражен
Гипнотическим опытным взглядом,
Словно финским точеным ножом.

И поплыли знакомые лица,
И приснился невиданный сон:
Видит небо он Аустерлица,
Он не Степка, а Наполеон!

Он увидел свои эскадроны,
Он услышал раскаты стрельбы,
Он заметил чужие знамена
В окуляре подзорной трубы.

Он легко оценил положенье
И движением властной руки
Дал приказ о начале сраженья
И направил в атаку полки.

Пели ядра и в пламени битвы
Доставалось своим и врагам.
Он плевался словами молитвы
Незнакомым французским богам.

Вот и всё. Бой окончен. Победа!
Враг повержен. Гвардейцы, шабаш!
Покачнулся Степан Грибоедов,
И слетела минутная блажь.

На заплеванной сцене райклуба
Он стоял, как стоял до сих пор.
А над ним скалил желтые зубы
Выдающийся гипнотизер.

Он домой возвратился под вечер
И глушил самогон до утра.

Всюду чудился запах картечи
И повсюду кричали «Ура!»

Спохватились о нем только в среду.
Дверь взломали и в хату вошли.
А на них водовоз Грибоедов
Улыбаясь, глядел из петли.

Он смотрел голубыми глазами,
Треуголка упала из рук.
И на нем был залитый слезами
Императорский серый сюртук.
1983

А. Башлачев
АБСОЛЮТНЫЙ ВАХТЕР

Этот город скользит и меняет названия.
Этот адрес давно кто-то тщательно стер.
Этой улицы нет, а на ней нету здания,
Где всю ночь правит бал Абсолютный Вахтер.

Он отлит в ледяную, нейтральную форму.
Он тугая пружина. Он нем и суров.
Генеральный хозяин тотального шторма
Гонит пыль по фарватеру красных ковров.

Он печатает шаг, как чеканят монеты.
Он обходит дозором свой архипелаг.
Эхо гипсовых горнов в пустых кабинетах
Вызывает волнение мертвых бумаг.

Алый факел - мелодию белой темницы –
Он несет сквозь скупую гармонию стен.
Он выкачивает звуки резиновым шприцем
Из колючей проволоки наших вен.

В каждом гимне - свой долг, в каждом марше - порядок.
Механический волк на арене лучей.
Безупречный танцор магаданских площадок.
Часовой диск-жокей бухенвальдских печей.

Лакированный спрут, он приветлив и смазан,
И сегодняшний бал он устроил для вас.
Пожилой патефон, подчиняясь приказу,
Забирает иглой ностальгический вальс.

Бал на все времена! Ах, как сентиментально...
И паук - ржавый крест - спит в золе наших звезд.
И мелодия вальса так документальна,
Как обычный арест, как банальный донос.

Как бесплатные танцы на каждом допросе,

Как татарин на вышке, рванувший затвор.
Абсолютный Вахтер - ни Адольф, ни Иосиф,
Дюссельдорфский мясник да пскопской живодер.

Полосатые ритмы синкопой на пропуске.
Блюзы газовых камер и свинги облав.
Тихий плач толстой куклы, разбитой при обыске,
Бесконечная пауза выжженных глав.

Как жестоки романсы патрульных уставов
И канцонов концлагерных нар звукоряд.
Бьются в вальсе аккорды хрустящих суставов
И решетки чугунной струною звенят.

Вой гобоев ГБ в саксофонах гестапо
И все тот же калибр тех же нот на листах.
Эта линия жизни - цепь скорбных этапов
На незримых и призрачных жутких фронтах.

Абсолютный Вахтер - лишь стерильная схема.
Боевой механизм, постовое звено.
Хаос солнечных дней ночь приводит в систему
Под названьем… да, впрочем, не все ли равно.

Этот город скользит и меняет названья,
Этот адрес давно кто-то тщательно стер.
Этой улицы нет, а на ней нету зданья,
Где всю ночь правит бал Абсолютный Вахтер.
Март 1985

А. Башлачев
ПЕТЕРБУРГСКАЯ СВАДЬБА

Звенели бубенцы. И кони в жарком мыле
Тачанку понесли навстречу целине.
Тебя, мой бедный друг, в тот вечер ослепили
Два черных фонаря под выбитым пенсне.

Там шла борьба на смерть. Они дрались за место
И право наблевать за свадебным столом.
Спеша стать сразу всем, насилуя невесту,
Стреляли наугад и лезли напролом.

Сегодня город твой стал праздничной открыткой
Классический союз гвоздики и штыка.
Заштопаны тугой, суровой, красной ниткой
Все бреши твоего гнилого сюртука.

Под радиоудар московского набата
На брачных простынях, что сохнут по углам,
Развернутая кровь, как символ страстной даты,
Смешается в вине с грехами пополам.

Мой друг, иные здесь. От них мы недалече.
Ретивые скопцы. Немая тетива.
Калечные дворцы простерли к небу плечи.
Из раны бьет Нева. Пустые рукава.

Подставь дождю щеку в следах былых пощечин.
Хранила б нас беда, как мы ее храним.
Но память рвется в бой. И крутится, как счетчик,
Снижаясь над тобой и превращаясь в нимб.

Вот так скрутило нас и крепко завязало
Красивый алый бант окровленным бинтом.
А свадьба в воронках летела на вокзалы.
И дрогнули пути. И разошлись крестом.

Усатое "ура" чужой, недоброй воли
Вертело бот Петра в штурвальном колесе.
Искали ветер Невского да в Елисейском поле
И привыкали звать Фонтанкой - Енисей.

Ты сводишь мост зубов под рыхлой штукатуркой,
Но купол лба трещит от гробовой тоски.
Гроза, салют и мы! - и мы летим над Петербургом,
В решетку страшных снов врезая шпиль строки.

Летим сквозь времена, которые согнули
Страну в бараний рог И пили из него.
Все пили за него - и мы с тобой хлебнули
За совесть и за страх. За всех за тех, кого

Слизнула языком шершавая блокада
За тех, кто не успел проститься, уходя.
Мой друг, спусти штаны и голым Летним садом
Прими свою вину под розгами дождя.

Поправ сухой закон, дождь в мраморную чашу
Льет черный и густой осенний самогон.
Мой друг "Отечество" твердит как "Отче наш",
Но что-то от себя послав ему вдогон.

За окнами - салют. Царь-Пушкин в новой раме.
Покойные не пьют, да нам бы не пролить.
Двуглавые орлы с побитыми крылами
Не могут меж собой корону поделить.

Подобие звезды по образу окурка.
Прикуривай, мой друг, спокойней, не спеши.
Мой бедный друг, из глубины твоей души
Стучит копытом сердце Петербурга.
Ноябрь 1985

А. Башлачев
СЛУЧАЙ В СИБИРИ

Когда пою, когда дышу, любви меняю кольца,
Я на груди своей ношу три звонких колокольца.
Они ведут меня вперед и ведают дорожку.
Сработал их под Новый Год знакомый мастер Прошка.
Пока влюблен, пока пою и пачкаю бумагу,
Я слышу звон. На том стою. А там глядишь — и лягу.
Бог даст — на том и лягу.
К чему клоню? Да так, пустяк. Вошел и вышел случай.
Я был в Сибири. Был в гостях. В одной веселой куче.
Какие люди там живут! Как хорошо мне с ними!
А он… Не помню, как зовут. Я был не с ним. С другими.
А он мне — пей! — и жег вином. — Кури! — и мы курили.
Потом на языке одном о разном говорили.
Потом на языке родном о разном говорили.
И он сказал: — Держу пари — похожи наши лица,
Но все же, что ни говори, я — здесь, а ты — в столице.
Он говорил, трещал по шву — мол, скучно жить в Сибири…
Вот в Ленинград или в Москву… Он показал бы большинству
И в том, и в этом мире. — А здесь чего? Здесь только пьют.
Мечи для них бисеры. Здесь даже бабы не дают.
Сплошной духовный неуют, коты, как кошки, серы.
Здесь нет седла, один хомут. Поговорить — да не с кем.
Ты зря приехал, не поймут. Не то, что там, на Невском…
Ну как тут станешь знаменит, — мечтал он сквозь отрыжку,
Да что там у тебя звенит, какая мелочишка?
Пока я все это терпел и не спускал ни слова,
Он взял гитару и запел. Пел за Гребенщикова.
Мне было жаль себя, Сибирь, гитару и Бориса.
Тем более, что на Оби мороз всегда за тридцать.
Потом окончил и сказал, что снег считает пылью.
Я встал и песне подвязал оборванные крылья.
И спел свою, сказав себе: — Держись! — играя кулаками.
А он сосал из меня жизнь глазами-слизняками.
Хвалил он: — Ловко врезал ты по ихней красной дате.
И начал вкручивать болты про то, что я — предатель.
Я сел, белее, чем снега. Я сразу онемел как мел.
Мне было стыдно, что я пел. За то, что он так понял.
Что смог дорисовать рога он на моей иконе.
— Как трудно нам — тебе и мне, — шептал он, —
Жить в такой стране и при социализме.
Он истину топил в говне, за клизмой ставил клизму.
Тяжелым запахом дыша, меня кусала злая вша.
Чужая тыловая вша. Стучало в сердце. Звон в ушах.
— Да что там у тебя звенит?
И я сказал: — Душа звенит. Обычная душа.
— Ну ты даешь… Ну ты даешь!
Чем ей звенеть? Ну ты даешь —
Ведь там одна утроба.
С тобой тут сам звенеть начнешь.
И я сказал: — Попробуй!
Ты не стесняйся. Оглянись. Такое наше дело.
Проснись. Да хорошо встряхнись. Да так, чтоб зазвенело.

Зачем живешь? Не сладко жить. И колбаса плохая.
Да разве можно не любить?
Вот эту бабу не любить, когда она — такая!
Да разве ж можно не любить, да разве ж можно хаять?
Не говорил ему за строй — ведь сам я не в строю.
Да строй — не строй, ты только строй.
А не умеешь строить — пой. А не поешь — тогда не плюй.
Я — не герой. Ты — не слепой. Возьми страну свою.
Я первый раз сказал о том, мне было нелегко.
Но я ловил открытым ртом родное молоко.
И я припал к ее груди, я рвал зубами кольца.
Была дорожка впереди. Звенели колокольца.
Пока пою, пока дышу, дышу и душу не душу,
В себе я многое глушу. Чего б не смыть плевка?!
Но этого не выношу. И не стираю. И ношу.
И у любви своей прошу хоть каплю молока.
Январь 1986.

БЕДНЫЙ Демьян (ПРИДВОРОВ Ефим Алексеевич) (1883 - 1945)

Д. Бедный
ПРОВОДЫ

Как родная меня мать
Провожала,
Как тут вся моя родня
Набежала:

«А куда ж ты, паренек?
А куда ты?
Не ходил бы ты, Ванек,
Да в солдаты!

В Красной Армии штыки,
Чай, найдутся.
Без тебя большевики
Обойдутся.

Поневоле ты идешь?
Аль с охоты?
Ваня, Ваня, пропадешь
Ни за что ты!

Мать, страдая по тебе,
Поседела,
Эвон в поле и в избе
Сколько дела!

А дела теперь пошли:
Любо-мило!
Сколько сразу нам земли
Привалило!

Утеснений прежних нет
И в помине.
Лучше б ты женился, свет,
На Арине.

С молодой бы жил женой,
Не ленился!»
Тут я матери родной
Поклонился.

Поклонился всей родне
У порога:
«Не скулите вы по мне,
Ради бога.

Будь такие все, как вы
Ротозеи,
Что б осталось от Москвы,
От Расеи?

Все пошло б на старый лад,
На недолю,
Взяли б вновь от нас назад
Землю, волю;

Сел бы барин на земле
Злым Малютой,
Мы б завыли в кабале
Самой лютой.

А иду я не на пляс,
На пирушку,
Покидаючи на вас
Мать-старушку, -

С Красной Армией пойду
Я походом,
Смертный бой я поведу
С барским сбродом,

Что с попом, что с кулаком –
Вся беседа:
В брюхо толстое штыком
Мироеда!

Не сдаешься! Помирай,
Шут с тобою!
Будет нам милее рай,
Взятый с бою.

Не кровавый, пьяный рай
Мироедский, -
Русь родная, вольный край,

Край Советский!»
1918

Д. Бедный
НАША РОДИНА

Дворяне, банкиры, попы и купечество,
В поход обряжая Тимох и Ерем,
Вопили: "За веру, царя и отечество
Умрем!"
"Умрем!"
"Умрем!"

И умерли гады нежданно-негаданно,
Став жертвой прозревших Ерем и Тимох.
Их трупы, отпетые нами безладанно,
Покрыли могильная плесень и мох.

"За веру!"-
Мы свергли дурман человечества.
"Царя!"-
И с царем мы расчеты свели.
"Отечество!"-
Вместо былого отечества
Дворян и банкиров, попов и купечества –
Рабоче-крестьянское мы обрели.

Бетоном и сталью сменивши колодины,
Мы строим великое царство Труда.
И этой - родной нам по-новому – родины
У нас не отбить никому никогда!
01 августа 1934

БЕЗЫМЕНСКИЙ Александр Ильич (1898 - 1973)

А. Безыменский
ПОУЧЕНИЕ ЛЕКТОРА ПО НАУЧНОМУ АТЕИЗМУ СВОЕМУ СЫНУ

Ей Богу, нет на свете Бога.
И это правда, видит Бог.
Даст Бог, ты скоро подрастешь
И, с Божьей помощью поймешь,
Что все религии на свете
О, Господи, конечно, ложь!

БЕРГГОЛЬЦ Ольга Федоровна (1910 - 1975)

О. Берггольц
СЛЕПОЙ

Вот ругань плавает, как жир,
пьяна и самовита.
Висят над нею этажи,

гудят под нею плиты,
и рынок плещется густой,
как борщ густой и пышный,
а на углу сидит слепой,
он важен и напыщен.
Лицо рябее решета,
в прорехи брезжит тело.
А на коленях отперта
слепая книга смело.
А женщины сомкнули круг,
все в горестях, в поту,
следят за пляской тощих рук
по бледному листу.
За потный рыжий пятачок,
за скудный этот звон
судьбу любой из них прочтет
по мягкой книге он.
И каждая уйдет горда
слепым его ответом…
Но сам гадатель не видал
ни женщин и ни света…
Всё смыла темная вода…
К горстям бутылка льнет,
и влага скользкая тогда
качает и поет.
И видит он тогда, что свет
краснеет густо, вязко,
что линий не было и нет,
и нет иной окраски…
И вот когда он для себя
на ощупь ждет пророчеств,
гнусаво матерясь, скорбя,
лист за листом ворочая.
Но предсказанья ни к чему,
и некому сказать,
что смерть одна вернет ему
небывшие глаза.
1927

О. Берггольц

РАЗГОВОР С СОСЕДКОЙ

Дарья Власьевна, соседка по квартире,
сядем, побеседуем вдвоем.
Знаешь, будем говорить о мире,
о желанном мире, о своем.

Вот мы прожили почти полгода,
полтораста суток длится бой.
Тяжелы страдания народа —
наши, Дарья Власьевна, с тобой.

О, ночное воющее небо,

дрожь земли, обвал невдалеке,
бедный ленинградский ломтик хлеба —
он почти не весит на руке…

Для того чтоб жить в кольце блокады,
ежедневно смертный слышать свист —
сколько силы нам, соседка, надо,
сколько ненависти и любви…

Столько, что минутами в смятенье
ты сама себя не узнаешь:
«Вынесу ли? Хватит ли терпенья?
— «Вынесешь. Дотерпишь. Доживешь».

Дарья Власьевна, еще немного,
день придет — над нашей головой
пролетит последняя тревога
и последний прозвучит отбой.

И какой далекой, давней-давней
нам с тобой покажется война
в миг, когда толкнем рукою ставни,
сдернем шторы черные с окна.

Пусть жилище светится и дышит,
полнится покоем и весной…
Плачьте тише, смейтесь тише, тише,
будем наслаждаться тишиной.

Будем свежий хлеб ломать руками,
темно-золотистый и ржаной.
Медленными, крупными глотками
будем пить румяное вино.

А тебе — да ведь тебе ж поставят
памятник на площади большой.
Нержавеющей, бессмертной сталью
облик твой запечатлят простой.

Вот такой же: исхудавшей, смелой,
в наскоро повязанном платке,
вот такой, когда под артобстрелом
ты идешь с кошелкою в руке.

Дарья Власьевна, твоею силой
будет вся земля обновлена.
Этой силе имя есть — Россия
Стой же и мужайся, как она!
Декабрь 1941

БЕРЕСТОВ Валентин Дмитриевич (1928 - 1998)

В. Берестов

КТО ЧЕМУ НАУЧИТСЯ?

Чему первым делом
Научится кошка?
- Хватать!
Чему первым делом
Научится птица?
- Летать!
Чему первым делом
Научится школьник?
- Читать!

Котенок вырастет кошкой,
Такой же, как все на свете.
Птенец превратится в птицу,
Такую ж, как все на свете.
А дети читают,
А дети мечтают.
И даже их мамы и папы не знают,
Кем станут, кем вырастут дети.

БЕРЯЗЕВ Владимир Алексеевич (род. 1959)

В. Берязев
ЗАЧАТИЕ

Ночь подступила к горлу откровением,
Заполнила поры предчувствием неотвратимости,
Подняла с постели, понесла
Без единого дуновения
По упругой весенней земле.
По кустам бересклета и жимолости.

Псы и те не аукали.
Ветер, свернувшись калачиком,
Мерно в кустах посапывал.
И лишь луна, почуя, что час ее пробил
Царила над мальчиком,
Царила над девочкой,
Грустно смотрела она.

...Уже ничего нельзя было сделать,
Вмешаться, поправить.
В ложбинку межгрудья капал березовый сок.
Мальчишка перехватывал капли ладонью,
Хохотал, опрокидывался на травы
И светло окунался в волосы,
Укрывавшие левый сосок.

А она улыбалась беспечно,
Отрешенно глядела в небо,
Иногда невпопад смеялась
И теребила его вихры.

Он же, захлебываясь, рассказывал
Про какую-то "Игрек-Омега" –
Голубую звезду-гиганта,
Где найдет он чужие миры,
Про пульсары, магнитные бури,
Про тоску галактических странствий,
Про неистовость, неистребимость
Этой жизни и этих звезд...
Только девочка чуть лукаво
Говорила мальчишке: "Разве
Ты оставишь меня и Землю?!
Неужели это всерьез?"

Усмехалась совсем по-женски
Краем губ и, ресницы смеживая,
И рукою нежною-нежною
Все пыталась прервать рассказ.
Словно чувствовала, что бешеная
Буря скрутит их, но не небесная,
Что стихию земную, здешнюю,
Мир земной для людей припас.

Не печалилась - счастья чаяла.

А весну качало молчание
Под весенней необычайностью
Май таился, разбойно цветист.
Знать не знала, что в теле девичьем
Зачинается новое нечто:
Человек - чья дорога - Млечность,
Тот, что все-таки долетит.
1982

БЕХТЕРЕВ Игорь Александрович (род. 1948)

И. Бехтерев
МОЛОДОСТЬ.

Поздняя осень. Закат.
Влажно мерцающий сад.
Дачи пусты с воскресенья...
Ярко и чисто горят
В печке сухие поленья.

Жаркий, напористый свет.
Бездна непрожитых лет.
Бьется, торопится сердце...

Жизнь не оставить в наследство.
Жалости к времени нет.

БИКЕТОВА Оксана ()

О. Бикетова
***

Я – кошка, что бродит сама по себе,
Я – та, что приносит Вам запахи крыш.
Я здесь – растворилась в осеннем дожде,
Но ты не увидишь, пока ты не спишь.

В тот день, когда ветер развеял слова,
Поскольку слова стали Вам не нужны,
Услышали кошку ли Вы, иль листва
Шуршит под ногами у старой весны?

Нет, это не я, - здесь меня больше нет…
Молчание Солнца у нового дня
Приносит с собой молчаливый рассвет
Без запаха крыш и, теперь, без меня…

БЛАЖЕННЫЙ Вениамин (АЙЗЕНШТАДТ Вениамин Михайлович) (1921 – 1999)

В. Блаженный
***

И есть язык у кошек и собак,
И был язык единственный у мамы.
Его не заменил мне Пастернак,
Не заменили песенные ямбы.

И был язык у мамы небогат,
Слова простонародные затерты,
Но, слыша маму, пробуждался брат –
И забывал на время, что он мертвый.

И кошка знала разумом зверья,
(И уши шевелились осторожно),
Что мама, кошка тощая и я –
Мы все на небе будем непреложно.

В. Блаженный
***

Если Бог уничтожит людей, что же делать котенку?
- "Ну, пожалуйста, - тронет котенок Всевышний рукав, -
Ну, пожалуйста, дай хоть пожить на Земле негритенку, -
Он, как я, черномаз, и, как я, беззаботно лукав...

На сожженой Земле с черномазым играть буду в прятки,
Только грустно нам будет среди опустевших миров,
И пускай ребятишек со мною играют десятки,
Даже сотни играют - и стадо пасется коров.

А корова - она на лугу лишь разгуливать может,
Чтобы вымя ее наполнялось всегда молоком...

Ну, пожалуйста, бешеный и опрометчивый Боже, -
Возроди этот мир для меня - возроди целиком.

Даже если собаки откуда-то выбегут с лаем,
Будет весело мне убегать от клыкастых собак,
Ибо все мы друг с другом в веселые игры играем,
Даже те, кто как дети попрятались в темных гробах..."

***

Я хочу быть у Бога домашним животным,
Понимающим звуки божественной речи,
Я хочу быть привычным, хвостато-бесплотным,
Догорающим в синих мерцаньях, как свечи.

Есть такой договор у животных с Всевышним:
Что-то знать, обменявшись таинственным взглядом,
Но важнее всего во Вселенной затишье,
Когда Бог и творенье соседствуют рядом.

Я хочу быть у Бога тишайшей забавой,
Облаченным в пушистую шерсть совершенством,-
Вот Господь со своею вселенскою славой,
Вот и я со своим неприметным блаженством.

О, потешная дружба кота и титана!
Я прижмусь к твоей тайне трепещущим боком,
А Господь дышит так, как уста урагана,
Но не боязно мне в этом вихре жестоком.
1989

В. Блаженный
***

По какому-то следу, по ниточке бреда предсмертного,
Доберусь я до детства, до тех и широт и высот,
Где я жил не тужил, и на Господа Бога не сетовал,
И смотрел, как на старой трубе умывается Кот.

И я думал, что Кот на трубе, не из удали,
А спустился с высот по своим поднебесным делам,
И сидел на кресте колокольном во городе Суздале,
И во городе Пскове похаживал по куполам.

Что-то было в том звере хвостато-усато-крылатое
И такое волшебное, столько святой старины,
Словно взмахом хвоста истребил он все воинство адово
И теперь на трубе снова видит домашние сны.

В. Блаженный
МАЛЕНЬКАЯ КОШКА

Мы все любили маленькую кошку, которая жила в мире чудес:

То, что для нас было миром - было для нее подушкой и ковриком,
А на подушке в коврике никто не станет играть со смертью.
Солнечный лучик интересовал ее не меньше, чем астронома,
Но, вопреки всем научным теориям она не уступила ему приоритета:
Сначала луч, потом кошка. Нет, сначала кошка, потом луч!
Вот почему она била по лучу капризной лапой,
Что, конечно, не станет делать ни астроном, ни я, ни Вы.
Если бы маленькая кошка знала хоть сотую долю
Того, что знаем мы (я и Вы),
Она превратилась бы в страшного тигра, стерегущего свой помет.
Но она убирала помет с невинной сосредоточенностью,
Между тем, как глаза ее следили за летящей паутинкой
И отыскивали у ней хвост.
Не знаю, чем казались ей люди, может, деревьями, может, морем,
Хотя она и не видела моря.
Когда я садился есть, шевеля губами,
Она видела что-то, чего не видел я: большие сосны воздуха.
Поэтому и присоединялась к трапезе.
После еды она умывалась: ритуал обновления.

В пустоте неожиданной смерти она ощутила все, что ощущаем мы:
Неудобство слишком большого тела, жесткий колючий воздух,
Вес и размер предметов и их враждебность.
В глазах ее, мучительно слепнущих от света,
Громоздились огромные небоскребы,
И она жалобно мяукала: Погасите свет!
Ибо темнота возвращает ей неведение.
Умирая, она на мгновение постигла связь
Между мраком и светом, теплом и холодом, жизнью и смертью.
Маленькая, мертвая кошка.

Смерть снова отступила от нас (от меня и от вас),
Но, отступая, унесла маленькое окровавленное тельце.
И я обвиняю во всем этажи.
... О, эти этажи - тяжелые, серые, каменные этажи, раздавившие кошку.
1964

В. Блаженный
***

Я мертвых за разлуку не корю
И на кладби́ще не дрожу от страха, –
Но матери я тихо говорю,
Что снова в дырах нижняя рубаха.
И мать встает из гроба на часок,
Берет с собой иголку и моток,
И забывает горестные даты,
И отрывает савана кусок
На старые домашние заплаты.

В. Блаженный
ПОСЛЕДНИЙ ВОЛК

Последний волк
На территории цивилизованного государства,
На территории общества,
Где есть сортиры, бордели, общественные учреждения.

Последний волк
Принюхивается к запаху поредевшего леса,
Прячет в лапы усталую голову,
Он спит или мертв.

В. Блаженный
***

Господи, приду я не один
На последний Божеский допрос...
Этот вот облезлый господин –
Мой свидетель, безымянный пес.

Он свидетельствует, что и я –
И моя ли в том была вина? –
На путях-дорогах бытия
Получил от Господа сполна.

Сколько было на Земле камней,
Сколько разметал их в поле черт, -
Всех их испытал Господь на мне,
Был почтенен каменный эскорт.

Пес свидетельствует неспроста:
Был со мною нелюбезен ты,-
Со времен гонимого Христа
Не было гонимей сироты.

Не было гонимее собак,
Я гонимей всех гонимых был,-
Или все это был тайный знак,
Что Господь гонимого любил.
1990

В. Блаженный
***

В калошах на босу,
В засаленном картузе
Отец торопился к Богу
Навстречу былых друзей.

И чтобы найти дорожку
В неведомых небесах, -
С собой прихватил он кошку,
Окликнул в дороге пса…

А кошка была худою,

Едва волочился пёс
И грязною бородою
Отец утирал свой нос.

Робел он, робел немало,
И слезы тайком лились, =
Напутственными громами
Его провожала высь…

Процессия никудышных
Застыла у Божьих врат…
И глянул тогда Всевышний,
И вещий потупил взгляд.

Михоэл, - сказал он тихо, -
Ко мне ты пришел не зря…
Ты столько изведал лиха,
Что светишься, как заря.

Ты столько изведал бедствий,
Тщедушный мой богатырь…
Позволь же и мне погреться
В лучах твоей доброты.

Позволь же и мне с сумою
Брести за тобой, как слепцу,
А ты называйся мною –
Величье тебе к лицу.

В. Блаженный
***

Как мужик с топором, побреду я по Божьему небу.
А зачем мне топор? А затем, чтобы бес не упер
Благодати моей – Сатане-куманьку на потребу…
Вот зачем, мужику, вот зачем, старику, мне топор!

Проберется бочком, да состроит умильную рожу:
Я-де тоже святой, я же тоже добра захотел…
Вот тогда-то его я топориком и огорошу –
По мужицкой своей, по святейшей своей простоте…

Не добра ты хотел, а вселенского скотского блуда,
Чтоб смердел Сатана, чтобы имя святилось его,
Чтоб казался Христом казначей сатанинский Иуда,
Чтобы рыжих иуд разнеслась сатанинская вонь…

А ещё ты хотел, чтобы кланялись все понемногу
Незаметно, тишком, куманьку твоему, Сатане,
И уж так получается: молишься Господу Богу,
А на деле – псалом распеваешь распутной жене.

Сокрушу тебя враз, изрублю топором, укокошу,

Чтобы в ад ты исчез и в аду по старинке издох,
Чтобы дух-искуситель Христовых небес не тревожил,
Коли бес, так уж бес, коли Бог – так воистину Бог…

БЛАНК Гелий ()

Г. Бланк
***
А.М.

Вот так сгорает день,
И город стал слепым.
Согрета эта ночь
Дыханием твоим.

Занял небесный трон
Божественный кентавр –
Чужие имена
Он старым звездам дал.

Вот так проходит год,
За ним сплетенье лет.
Под бременем забот
Забыт прощальный свет.

И в браке состоят
Царь Лев, два Близнеца,
Повенчано с Тельцом
Созвездие Стрельца.

Глядишь - и все пройдет.
Сверкающая мгла.
Но путник в ней найдет
Дорогу без труда.

Состарится Харон,
И нимфы замолчат,
Но вечен Млечный Путь,
Пустяк, что звезды спят.
1997

БЛОХ Раиса Ноевна (1899 - 1943)

Р. Блох
ЧУЖИЕ ГОРОДА

Принесла случайная молва
Милые, ненужные слова:
Летний сад, Фонтанка и Нева.
Вы, слова далекие, куда?
Здесь шумят чужие города
И чужая плещется вода.
Вас нельзя ни спрятать, ни прогнать,

Надо жить и надо понимать,
Чтобы больно не было опять.
Не идти ведь по снегу к реке,
Пряча щеки в пензенском платке,
Рукавица в маминой руке.
Это было, было и прошло.
Что прошло – то вьюгой замело,
Оттого так пусто и светло…
1932

БЛЮМЕНФЕЛЬД Лев Александрович (1921 - 2002)

Л.А. Блюменфельд
СУБЪЕКТИВНЫЙ ИДЕИАЛИЗМ

Мучаясь проклятыми вопросами,
Для себя решеными заранее,
Понапрасну скучные философы
Спорят о границах мироздания.
Истина, формально безупречная,
Силлогизм, плоды рассудка голого –
Ясно, что Вселенная конечная,
Раз она легко влезает в голову.
Были звезды, а к утру померкли,
Спрашиваешь - некому ответить.
Как давно сказал епископ Беркли,
Каждый человек один на свете.
Каждый строит заново Вселенную,
И она единственно реальная.
Есть Вселенные довольно ценные,
Большинство Вселенных - тривиальные.
Сколько их, и грязных, и заброшенных,
Для других вселенных - просто бедствие,
Делайте Вселенные хорошими,
Ведь они слегка взаимодействуют.

Л.А. Блюменфельд
СТАТФИЗИЧЕСКАЯ ТРАГЕДИЯ

Случилось это в фазовом пространстве
Одной из многих замкнутых систем.
Координата после долгих странствий
Устала и измучилась совсем.

Так холодно вокруг, куда не кинься
В рассеянной в системе теплоте...
В одной ячейке обобщенный импульс
Провел с координатой дельта t.

И так их было радостно свиданье,
И так им было хорошо вдвоем
В одном и том же микросостояньи
Средь хаоса, царящего кругом.

Но в физике закон суров и точен,
Сомнет тебя, борись иль не борись.
По прихоти фигуративныых точек
Они по дальним клеткам разошлись.

И вот они уже с другими связаны
И с ним навряд ли встретится она,
Поскольку эргодичность не доказана,
А, может быть, и вовсе не верна.

Случайное случается на свете,
В работу превращается тепло,
Но если ты единственную встретил,
Тебе невероятно повезло.

В системе жизни незаметный атом –
В тоскливой ежедневной суете
Не потеряй свою координату,
Не покорись жестокому kT.
1968

БОБРОВ Алексей Николаевич (род. 2006)

А. Бобров
СКАЗКА О ЧЁРНОМ ОЗЕРЕ

Жемчужиной родного края
Его считаем без прикрас.
Начну для всех, стихи читая,
О Чёрном озере рассказ.
«Среди могучих сосен, елей
В ложбине спряталось оно.
Глядит сквозь вековую зелень
Зеркально-черное кольцо.
У озера есть дуб зелёный,
Златая цепь на дубе том,
И днём и ночью Кот Учёный
Там ходит по лесу кругом.
Идет направо – мусор, свалка,
Налево - костерок горит,
Там, где в ветвях была русалка,
Давно никто уж не сидит…
Там на неведомых дорожках
Следы «невиданных зверей»:
Пустые банки, пластик, ложки…
Неужто это от людей?
Там лес и дол отбросов полны,
Там на заре прихлынут волны
На берег мертвый и пустой
И тридцать витязей прекрасных
Чредой из вод выходят грязных,
И с ними – дядька Озерной.

И, в ужасе, уйдут обратно:
- Уж очень здесь у вас отвратно!
Там ступа с Бабою Ягой
Тележку тащит за собой.
В тележку бабушка кидает
Всё, что народ здесь оставляет:
Кульки, газеты, шкурки, палки,
Здесь даже не растут поганки!
Не скачет зайчик на опушке,
В траве не квакают лягушки…
Там Царь Кощей у свалки чахнет.
Там русский дух… Но чем же пахнет?
Во что мы сказку превратили?
Зачем мы озеро сгубили?
У озера есть дуб зелёный,
Стоит почти две сотни лет.
Под ним гуляет Кот Ученый,
Нам хочет добрый дать совет:
-Живая гладь озерной чаши
С укором смотрит Вам в глаза.
Что здесь найдут потомки Ваши?
Какими будут чудеса?»
У озера одно начало –
Любовь полазненских сердец.
Перо поэта дописало
Для сказки правильный конец:
«Среди могучих сосен, елей,
В ложбине спряталось оно.
Глядит сквозь вековую зелень
Зеркально чистое кольцо!»
2019

БОБРОВНИКОВА Елена (1967 - 1996)
Московская школьница

Е. Бобровникова
***

Здания - это книги,
В которых страницы - из камня,
А буквы - в изгибах линий
И мысли - в слиянии форм.
Здания - это книги,
Написанные веками,
И есть у каждой эпохи
Воздвигнутый временем том.

Сфинксы и пирамиды
Построены были рабами.
Держат гробницы эти
Фундамент из их костей.
Мрачные эти книги
Вечными голосами

Нам говорят о власти
Древних жестоких царей.

Готика Средневековья,
Ажурная лепка розеток,
Воздушная стрельчатость линий,
Как ритм поэтических строк.
Готика Средневековья...
Сквозь окна узорных сеток
Нам зодчий хотел оставить
Мечты застывшей поток.
24 июня 1981

Е. Бобровникова
ЧУДО

Примчался волшебник с седой головой
На лошади черной и в шляпе простой,
Скакнул по селению в серой пыли,
Подбросив комки темно-бурой земли.

И сосны качнулись приветливо вслед
(Так носом качает заснувший сосед,
Когда ему снится таинственный сон),
И всадник ответил кивком на поклон.

Галопом помчался он по полю в лес –
Знакомое место всех давних чудес, -
Но в поле увидел он вместо цветов
Пшеницу простую отборных сортов.

А там, где столетние ели росли,
Встречал он тропинки, где путники шли,
И там, где светились просветы полян,
Крапива качалась и стлался бурьян.

И время, и род человечий кляня,
Старик осадил вороного коня,
Пришпорил, во мгле горизонта исчез.
И долго вздыхал опечаленный лес.

А ночью на поле обрушился шквал;
И в танце свирепом бурьян заплясал;
Тропинки слились в торопливый узор;
Луна на пшеницу наставила взор;

И словно колосьев трепещущий вал
Из золота черт для потехи ковал.
3 июля 1981

Е. Бобровникова
13 ИЮЛЯ 1793 ГОДА. ПАРИЖ.

Ко мне, мой друг!..

Глаза опрокинулись,
Тяжелые, холодные.
Душный воздух давит.
Все это - сон?

Нет, конец. Подождите!
Так скоро?..
Зачем моя хрупкая жизнь
Этим холодным глазам
Из сонного Канна?..
(Симона! Симона! Где ты?)

Ловите скорее, ловите
Эту бесшумную, серую тень
Из странного старого Канна...

Меня убили.
Вы слышите? Или вы оглохли?
МЕНЯ УБИЛИ!
Почему же так тихо?..

Это ты, Симона?
Наконец-то...
Я чувствую прохладные гибкие руки твои.
Что за странная сладость у меня во рту?
Что за сладкие теплые слезы у тебя в глазах?

Ты помнишь, Симона?
Ты помнишь...
Там, за серыми шумными крышами,
Там, далеко, Собор Богоматери.
Мы забирались туда, наверх, на небо.
Мы смотрели оттуда с облака на Сену.
Симона! У тебя глаза голубые,
А волосы осенние, как у Сены.

Ты слышишь?
Ты помнишь?
Ты помнишь, Симона,
Жизнь такая хрупкая и сладкая,
Как слезы твои.
Не плачь!
Все это сон, мой друг,
Сладкий, тяжелый, душный...
Ты помнишь?..

Пояснение: 13 июля 1793 года в Париже был убит Жан Поль Марат (1743 - 1793).
Октябрь 1981

БОГУСЛАВСКИЙ Семён Рувимович (1926 - 2005)
Директор школы.

С. Богуславский
ВЫПУСКНИЦА

Как ты выросла вдруг!
Никакой ты не гадкий утенок.
Хоть и взгляд озорной,
Да и голос по прежнему звонок.

Ты и скромная девочка
В школьном застиранном платье,
Ты и взрослая девушка
С новой, уверенной статью.

Я считал тебя маленькой:
Быстрой, веселой, беспечной.
Вот и годы промчались.
Поистине, жизнь быстротечна.

Через год, через два, через жизнь
Ты увидишь другими глазами
Школу, дождь за окном,
Тихий сумрак и этот экзамен.

И пойдешь по Земле
Осторожно ступая на пух тополиный,
И прольется слеза
Благодарно в печали невинной.
1990-е гг.

БОГУЧАРОВ (МАРКОВКИН) Александр Константинович (1931 - 1978)

А. Богучаров
***

Продавали выходной,
Чёрный, папин, из бостона…
Мама, я спешу домой
С желтым горлышком батона.
Спелый, верно, заварной,
Обещают, что пшеничный,
Чувствую себя отлично,
Как тогда перед войной.
Лишь одним я огорчен:
Папа не придет к обеду…
Если б знал я, что батон
Мама отнесет соседу…
Он из госпиталя вдруг
Появился дядя Грунин,
Летчик без обеих рук,
Голова бледнее луня.
Мы стояли у плетня:
Я, сестренка и щенок,

И слеза текла со щек
У голодного меня.
И прожектор осветил,
То, что видится киношным.
Кто-то камешком оплошным
С яблони комочек сбил.
1972

БОЛОХОВ Владимир Евгеньевич (род. 1946)

В. Болохов
БАЛЛАДА О СЧАСТЬЕ

Под клетчатым небом в безвременный час
От зэков бывалых я слышад рассказ.
Быть может, он байкой досужею был,
Да только откуда без пламени дым.

А впрочем, пусть судит дотошнейший век…
Чадил за острожной стеной человек
За смелое слово. Не раз и не два
Больной безнадежно, дышал он едва.

Однажды в подземную клетку к нему
Спустился, придумавший эту тюрьму
И накормить заключенного всласть
Дал приказанье имеющий власть.

Со ржавого ложа поднявшись с трудом
Воздух хватая ввалившимся ртом,
Выхрипнул узник: - Не надо еды…
Коль не юродствуешь – свежей воды.

В сумерках затхлых, блистая слюдой
Ковш появился с желанной водой.
- Ещё чего хочешь? Не сдерживай прыть.
- Зажмурил кандальник глаза: - Покурить…

Лязгнули властные губы: - Табак!..
Пришедший подумал: - Иль спятил, дурак?
А, может быть, дурочку тешит и он?
А, впрочем, блаженным не писан закон…

Узник сигарку свернул толщиной
В прут, что в оконной рещетке стальной
И, затянувшись, упал на постель.
Сшиблись от зелья мозги набекрень.

Вольный куражиться вволю, спросил:
- Жрать приказать? И услышал: - Нет сил…
Но голод – не тетка, тем паче, не дось.
…Жевал обреченный, покуда невмочь.

- Теперь чего? Требуй! Быть может, вина?
А, может, чего там, красотка нужна?
- Того и другого, - раздался ответ.
- И будешь ты счастлив? – Глупец, хоть и сед.

Не надо мне женщин, не надо вина,
Смердящая сила твоя не нужна.
Высокого воздуха вольный глоток,
Да хлеба свободного честный кусок,
Да чтобы в темнице ты вместо мне…»

Явился тюремщик, ключами гремя…
1967

В. Болохов
ЧТО ТАКОЕ ХОРОШО?

Жил на свете непоэт:
И, как будто, честно.
Честность есть, а славы нет,
Согласитесь – пресно!

Это та же бузина
В дядиной ограде…
Непоэт не пил вина
Даже службы ради.
Никого не обличал,
Даже под сурдинку.
И на ближнего стучал,
Смазав лишь машинку.

Как-то внук к нему пришёл,
Карапуз несносный;
Напиши ка, дед, стишок,
Только не доносный!

Старика хватил удар…
Горевала кроха:
- Получил бы гонорар,
Разве это плохо.

БОНДАРЕНКО Надежда Андреевна (род. 1950)

Н. Бондаренко
ДОЖДАЛИСЬ

Я долго спал в холодной мгле,
Общаясь мысленно с иными...
Но что-то часто на Земле
Мое тревожить стали имя.

Какой-то слышу крик и стон,
И почему-то плачут дети...

Иль это плачет старый клен,
Когда его сгибает ветер?

Иль это просто птичий гам,
Иль снова брат пошел на брата,
И мир безбрежный – пополам
Опять на бедных и богатых?

Мне снится дом и старый пруд,
И конь, и молодость лихая...
И снится, что меня зовут,
Зовут, любя и проклиная,

Дитя на грязной мостовой,
Вдова, одетая в обноски...
Но почему над головой
Какие-то гнилые доски?

Приют мой, право, слишком тих
И темен, тесен не по росту...
Сейчас я раскидаю их,
Мне это очень даже просто!

Я долго спал, но не забыл
Нектар магического слова,
Когда решетки я крушил
И с маху разбивал оковы,

Когда на взмыленном коне
Врывался в барские усадьбы.
В бою, в опасности, в огне
Я веселился, как на свадьбе!

И огнекрылая неслась
За счастье и за честь народа...
Не гнев, не золото, не власть,
- Меня вела одна СВОБОДА!

Вы тоже вспомнили меня?
А то ли будет, погодите,
Когда из нового огня
Опять взойдет народный мститель!

Не примирить добро и зло,
И правду не венчать с обманом.
Как душно, скверно, тяжело...
Ну, ничего, сейчас я встану!

Еще напор, еще чуть-чуть,
Лишь дайте мне расправить плечи,
Лишь дайте воздуха глотнуть...
Иду на голос человечий!

Кто говорит: «Не может быть!»?
Да что он знает, тот ученый!
...Плита могильная трещит,
С испугу каркают вороны.

...На белом свете хорошо!
Под ветром клонятся березки...
Ну что, дождались? – Я пришел!
Моя фамилия – Котовский!

БОРИСОВ Исаак (БОРУХОВИЧ Иче) (1923 - 1972)

И. Борисов
***

Первый листик люди замечают –
Тонкий, как порез, он зеленит,
Солнечным лучом его качает,
Задрожит зенит - и он звенит.

Листик маленький всего боится:
Может, буря лес начнет валить?
Может быть, она не состоится?
.....
Если б я умел с ним говорить!
1965

И. Борисов
***

Мир хочет радостный известий... Что ж,
Уважим - как сумеем - старика:
Расскажем, как хорош весенний дождь,
Любовь с землей он закрутил слегка.

Еще добавим, что в руках твоих
С моей души тихонько сходит лед...
...Пускай у мира просветлеет лик,
Пусть хоть на миг от горя отдохнет!
1967

БОРИСОВА Майя Ивановна (1932 - 1996)

М. Борисова
***

Памяти Игоря
Александровича
Тельтевского

Вы не звоните моему дяде:
Моего дяди нету дома.
Он ушел погулять с собакой,
Со своим коричневым доберманом,

С тем, который запрошлым летом
Околел от собачей хвори
И уложен в мягкую землю
Под тяжелый валун гранитный
На ладожском острове Лауватсари.
Дядя ушел погулять с собакой.
Вдвоем идут они, где - не знаю.
Без поводка доберман ликует,
Дядя шагает - седой, веселый...
Где - не знаю, куда - не знаю.
Но, полагаю, он не вернется...
И вы ему не звоните больше.

М. Борисова
БАЛЛАДА О МЕДВЕЖЬЕМ СИРОТСТВЕ

Что же, милости просим, звери!
Приходите в мою берлогу.
Вы ведь долго, громко стучали,
Демонстрируя беспокойство.
Приходите в берлогу, звери,
Будьте, звери, моими гостями.
Только вы уж не обессудьте:
Неуютно в моей берлоге,
Печь не топлена, пол не вымыт.
Потому что вчерашним утром
Мать мою из ружья убили.
Не робей, проходи лисица
В шубке цвета спелой моркови.
Положу я в тарелки меду,
Полижи этот мед, почмокай.
Вспомни, как ты вчера лизала
На траве, в малиннике старом
Капли бурой медвежьей крови
И сопела от наслажденья...
Проходи, будь желанной гостьей!
Я ведь знаю, ты не по злобе –
По своей, по лисьей натуре.
Ты, сорока, садись на лавку,
Веселей стрекочи, сорока,
Не косись круглым глазом в двери,
Я тебе не сделаю худа,
Хоть вчерашним туманными утром
Ты своей болтовней и писком,
Суетливым скаканием глупым
Указала охотнику место,
Где малину мать собирала.
Но я знаю: ты не по злобе –
По натуре своей сорочьей...
Заходите в берлогу, звери,
Заходите, милые гости!
Я поставлю на стол дубовый
Три бочонка медовой браги,

Пусть хмельными будут поминки
По медведице по убитой.
Ветер носит по небу тучи.
Сосны тяжко кряхтят под ветром.
А в деревне окошко светит,
Там сидит городской охотник,
Самогон в стакан наливает.
А в сенях тяжелая шкура
На дощатом полу распята.
Веселится и пьет охотник,
Крепко жрет огурец соленый.
И ружье прислонилось в угол.
И собака, клыки ощеря,
Блох вычесывает из ляжки.
А в сенях - тяжелая шкура
Не спеша себе подсыхает...
Заходите в берлогу, звери.
Заходите, будьте гостями.

БОЯРЧЕНКО Юрий Валерьевич (род. 1986)

Ю. Боярченко

***

Смех дурака – это глупое ржанье,
Смех недалеких – хихиканье в тряпку,
Умный смеется открыто и ярко,
Смех мудреца – это плач и стенанье!
2003

БРАУН Николай Николаевич (род. 1938)

Н. Браун

СТАТУЯ ЛОШАДИ И ЖЕРЕБЕНКА
НА ПЛОЩАДИ В ХЕЛЬСИНКИ

Не слыхал никто, как звонко ржала,
Как звала тревожно сосунка...
Может, с водопоя прибежала,
С дальней речки,
С тихого лужка,

Прямо в город, каменный и грозный,
Где и стойла нет для лошадей,
И застыла в парке черной бронзой
У одной из людных площадей.

И пахнуло полем и отрадой
Луговых цветов,
Лесных дорог,
И застыл с разбегу с нею рядом
Тонконогий черный сосунок.

А вокруг паслись дома, не кони,
Шли машин железные стада...
И два сердца в каменном загоне
Стали мертвой бронзой навсегда.

Но когда утихнет город сонный,
И стада машин угонят прочь,
Оживает бронза с легким звоном,
И полей дыханьем дышит ночь.
1995

БРОДСКИЙ Иосиф Александрович (1940 - 1996)

И. Бродский
***

Ни страны, ни погоста
Не хочу выбирать.
На Васильевский остров
Я приду умирать.
Твой фасад темно-синий
Я впотьмах не найду.
Между выцветших линий
На асфальт упаду.
И душа, неустанно
Поспешая во тьму,
Промелькнет над мостами
В петроградском дыму,
И апрельская морось,
Над затылком снежок,
И услышу я голос:
— До свиданья, дружок.
И увижу две жизни
Далеко за рекой,
К равнодушной отчизне
Прижимаясь щекой,
— Словно девочки-сестры
Из непрожитых лет,
Выбегая на остров,
Машут мальчику вслед.
1962

И. Бродский
ПИСЬМО РИМСКОМУ ДРУГУ

Нынче ветрено и волны с перехлестом.
Скоро осень, все изменится в округе.
Смена красок этих трогательней, Постум,
Чем наряда перемена у подруги.

Дева тешит до известного предела —
Дальше локтя не пойдешь или колена.
Сколь же радостней прекрасное вне тела:

Ни объятья невозможны, ни измена!

- Посылаю тебе, Постум, эти книги.
Что в столице? Мягко стелют?
Спать не жестко? Как там Цезарь?
Чем он занят? Все интриги?
Все интриги, вероятно, да обжорство.

Я сижу в своем саду, горит светильник.
Ни подруги, ни прислуги, ни знакомых.
Вместо слабых мира этого и сильных —
Лишь согласное гуденье насекомых.

Здесь лежит купец из Азии. Толковым
был купцом он – деловит, но незаметен.
Умер быстро – лихорадка. По торговым
Он делам сюда приплыл, а не за этим.

Рядом с ним – легионер, под грубым кварцем.
Он в сражениях империю прославил.
Сколько раз могли убить! а умер старцем.
Даже здесь не существует, Постум, правил.

Пусть и вправду, Постум, курица не птица,
Но с куриными мозгами хватишь горя.
Если выпало в Империи родиться,
Лучше жить в глухой провинции у моря.

И от Цезаря далеко, и от вьюги.
Лебезить не нужно, трусить, торопиться.
Говоришь, что все наместники – ворюги?
Но ворюга мне милей, чем кровопийца.

Этот ливень переждать с тобой, гетера,
Я согласен, но давай-ка без торговли:
Брать сестерций с покрывающего тела —
Все равно что дранку требовать от кровли.

Протекаю, говоришь? Но где же лужа?
Чтобы лужу оставлял я – не бывало.
Вот найдешь себе какого-нибудь мужа,
Он и будет протекать на покрывало.

Вот и прожили мы больше половины.
Как сказал мне старый раб перед таверной:
«Мы, оглядываясь, видим лишь руины».
Взгляд, конечно, очень варварский, но верный.

Был в горах. Сейчас вожусь с большим букетом.
Разыщу большой кувшин, воды налью им…
Как там в Ливии, мой Постум, – или где там?
Неужели до сих пор еще воюем?

Помнишь, Постум, у наместника сестрица?
Худощавая, но с полными ногами.
Ты с ней спал еще… Недавно стала жрица.
Жрица, Постум, и общается с богами.

Приезжай, попьем вина, закусим хлебом.
Или сливами. Расскажешь мне известья.
Постелю тебе в саду под чистым небом
И скажу, как называются созвездья.

Скоро, Постум, друг твой, любящий сложенье,
Долг свой давний вычитанию заплатит.
Забери из-под подушки сбереженья,
Там немного, но на похороны хватит.

Поезжай на вороной своей кобыле
В дом гетер под городскую нашу стену.
Дай им цену, за которую любили,
Чтоб за ту же и оплакивали цену.

Зелень лавра, доходящая до дрожи.
Дверь распахнутая, пыльное оконце,
Стул покинутый, оставленное ложе.
Ткань, впитавшая полуденное солнце.

Понт шумит за черной изгородью пиний.
Чье-то судно с ветром борется у мыса.
На рассохшейся скамейке – Старший Плиний.
Дрозд щебечет в шевелюре кипариса.
1972

И. Бродский
***

Дорогой Карл Двенадцатый, сражение под Полтавой,
слава Богу, проиграно. Как говорил картавый,
«время покажет кузькину мать», руины,
кости посмертной радости с привкусом Украины.
То не зелено-квитный, траченый изотопом,
— жовто-блакитный реет над Конотопом,
скроенный из холста: знать, припасла Канада —
даром, что без креста: но хохлам не надо.
Гой ты, рушник-карбованец, семечки в потной жмене!
Не нам, кацапам, их обвинять в измене.
Сами под образами семьдесят лет в Рязани
с залитыми глазами жили, как при Тарзане.
Скажем им, звонкой матерью паузы метя, строго:
скатертью вам, хохлы, и рушником дорога.
Ступайте от нас в жупане, не говоря в мундире,
по адресу на три буквы на все четыре
стороны. Пусть теперь в мазанке хором Гансы
с ляхами ставят вас на четыре кости, поганцы.
Как в петлю лезть, так сообща, сук выбирая в чаще,

а курицу из борща грызть в одиночку слаще?
Прощевайте, хохлы! Пожили вместе, хватит.
Плюнуть, что ли, в Днипро: может, он вспять покатит,
брезгуя гордо нами, как скорый, битком набитый
отвернутыми углами и вековой обидой.
Не поминайте лихом! Вашего неба, хлеба
нам — подавись мы жмыхом и потолком — не треба.
Нечего портить кровь, рвать на груди одежду.
Кончилась, знать, любовь, коли была промежду.
Что ковыряться зря в рваных корнях глаголом!
Вас родила земля: грунт, чернозем с подзолом.
Полно качать права, шить нам одно, другое.
Эта земля не дает вам, кавунам, покоя.
Ой-да левада-степь, краля, баштан, вареник.
Больше, поди, теряли: больше людей, чем денег.
Как-нибудь перебьемся. А что до слезы из глаза,
Нет на нее указа ждать до другого раза.
С Богом, орлы, казаки, гетманы, вертухаи!
Только когда придет и вам помирать, бугаи,
будете вы хрипеть, царапая край матраса,
строчки из Александра, а не брехню Тараса.
1991

БУДАРЕВА Оксана Витальевна (род. 2006)

О. Бударева
УТРО В ЛЕСУ

Я смотрю на картину Шишкина:
На ней нарисованы мишки.
Называется «Утро в лесу».
Мне б в лесу очутиться утром,
Притвориться мишкой как будто
И потрогать лапкой росу.
Там в лесу большие деревья,
Ещё разные дикие звери.
Вместе все в том лесу живут.
Есть и мелкие, и большие,
Есть и хищные, и простые.
Они зря друг друга не бьют.
Каждый там несёт свою службу,
Соблюдают законы и дружбу,
Убивают, чтоб есть лишь и жить.
Вот бы люди пример с них брали,
Чтоб дружили, закон соблюдали,
Не посмев просто так убить.
Люди ж нынче другими стали –
Нет ни совести, ни морали,
Лишь за деньги друг друга грызут.
Вот и хочется лучше быть мишкою,
Тем самым, с картины Шишкина,
Утром трогать лапкой росу....
2019

БУДАРИНА Наталья ()

Н. Бударина
***

Тихо летит листва,
Люди спокойно спят,
И не горит Москва,
Цел стоит Ленинград.
В страшной войне когда-то
Мы победить смогли,
Смотрят на нас солдаты
Строго из-под земли.

БУЖИНСКАЯ Станислава (род. 1991)

С. Бужинская
***

Однажды Петр Великий
К болоту подошел,
Но ничего там кроме
Лягушек не нашел.
Он осмотрел окрестность:
«Однако грустный вид:
Клянусь, что эту местность
Ваш царь преобразит!
Я город тут построю,
Каких не видел свет,
Чтоб над рекой Невою
Стоял он тыщу лет.
От шведов нас прикроет,
Что досаждают нам,
И в море путь откроет
Российским кораблям.
И нам уже не будет
Досадно и смешно,
Что до сих пор в Европу
Не отворить окно.»
И под лягушек пенье
Назад поехал он,
Но мысленно он видел,
Что город возведен:
Дворцы, сады, каналы
И шпили в вышине,
И линии прямые, -
Все то, что мило мне.
2001

ВАНШЕНКИН Константин Яковлевич (1925 - 2012)

К. Ваншенкин

МАЛЬЧИШКА

Инне

Он был грозою нашего района,
Мальчишка из соседнего двора,
И на него с опаской, но влюбленно
Окрестная смотрела детвора.

Она к нему пристрастие имела,
Поскольку он командовал везде,
А плоский камень так бросал умело,
Что тот, как мячик, прыгал по воде.

В дождливую и ясную погоду
Он шел к пруду, бесстрашный, как всегда,
И посторонним не было прохода,
Едва он появлялся у пруда.

В сопровожденье преданных матросов,
Коварный, как пиратский адмирал,
Мальчишек бил, девчат таскал за косы
И чистые тетрадки отбирал.

В густом саду устраивал засады,
Играя там с ребятами в войну.
И как-то раз увидел он из сада
Девчонку незнакомую одну.

Забор вкруг сада был довольно ветхий –
Любой мальчишка в дырки проходил,-
Но он, как кошка, прыгнул прямо с ветки
И девочке дорогу преградил.

Она пред ним в нарядном платье белом
Стояла на весеннем ветерке
С коричневым клеенчатым портфелем
И маленькой чернильницей в руке.

Сейчас мелькнут разбросанные книжки –
Не зря ж его боятся, как огня...
И вдруг она сказала: - Там мальчишки...
Ты проводи, пожалуйста, меня...

И он, от изумления немея,
Совсем забыв, насколько страшен он,
Шагнул вперед и замер перед нею,
Ее наивной смелостью сражен.

А на заборе дряхлом повисая,
Грозя сломать немедленно его,
Ватага адмиральская босая
Глядела на героя своего.

...Легли на землю солнечные пятна.
Ушел с девчонкой рядом командир.
И подчиненным было непонятно,
Что это он из детства уходил.
1951

К. Ваншенкин
Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ, ЖИЗНЬ…

Я люблю тебя, Жизнь,
Что само по себе и не ново,
Я люблю тебя, Жизнь,
Я люблю тебя снова и снова.
Вот уж окна зажглись,
Я шагаю с работы устало,
Я люблю тебя, Жизнь,
И хочу, чтобы лучше ты стала.

Мне немало дано —
Ширь земли и равнина морская,
Мне известна давно
Бескорыстная дружба мужская.
В звоне каждого дня,
Как я счастлив, что нет мне покоя!
Есть любовь у меня,
Жизнь, ты знаешь, что это такое.

Как поют соловьи,
Полумрак, поцелуй на рассвете.
И вершина любви —
Это чудо великое — дети!
Вновь мы с ними пройдем,
Детство, юность, вокзалы, причалы.
Будут внуки потом,
Всё опять повторится сначала.

Ах, как годы летят,
Мы грустим, седину замечая,
Жизнь, ты помнишь солдат,
Что погибли, тебя защищая?
Так ликуй и вершись
В трубных звуках весеннего гимна!
Я люблю тебя, Жизнь,
И надеюсь, что это взаимно!
1956

ВАРСОНОФЬЕВА Вера Александровна (1891 - 1972)
Геолог, вице-президент МОИП

В. Варсонофьева
СТРАНА МАРТИМ-МАА

Когда желтый лист березы

Закружится над рекою,
Когда иней ранним утром
На травинках засверкает,
Когда лиственница яркий
Золотой наряд оденет
И подернутся морозом
Гроздья красные рябины –
Всюду в речках, на болотах,
Утки, гуси и гагары
И бесчисленные птицы
Собираются к отлету.

Когда ночью в верхнем мире
Нуми-Торум открывает
Свои окна золотые,
Когда в темном небосклоне
Серебристой полосою
Ляжет светлая дорога,
Путь указывая дальний –
Вверх все птицы улетают...

Далеко вверху за Обью
Есть большой тяжелый камень.
Ни поднять его, ни сдвинуть...
Но он сам стоит и ходит
На ногах больших и длинных
И качается тихонько.
Вход тот камень закрывает
В край неведомый, далекий,
В край волшебный Мартим Маа!

В том краю сияет солнце,
Днем и ночью не заходит.
Там холмы, поля и горы
Вечно зеленью одеты
И цветы благоухают
Круглый год в траве зеленой.
Урне-Ойко, Урне-Эква
Там живут в лесу тенистом,
Краем дивным управляют.
Но попасть в тот край волшебный
Ни один смельчак не может!

За большим тяжелым камнем
Перевес стальной натянут,
А за этим перевесом
Волк с медведем вечно бродят,
Урне-Эйко помогают,
Стерегут вход заповедный,
Где стоит тяжелый камень.
Только утки пестрой стаей
Под тот камень пролетают,
Утки, гуси и гагары

И бесчисленные птицы
С берегов Оби далекой.

Всех тех птиц, летящих книзу,
Перевес железный ловит.
Урне-Ойко, Урне-Эква
Всю добычу собирают.
Птиц съедают осторожно,
Чтобы кости целы были,
Чтобы перья сохранились.
А когда весна настанет,
Собирают к кучу перья,
Собирают в кучу кости
И несут к воде целебной,
В Лилинг-вит тур опускают.

Лилинг-вит - вода живая
Дремлет в озере прозрачном,
А вокруг кольцом зеленым
Лилинг-нум растет на солнце.
Урне-Ойко, Урне-Эква
В эту воду опускают
Перья птиц и все их кости.
И с веселым громким криком
Птицы снова вылетают
Из живой воды – живые
И несутся вереницей
По Оби к родимым гнездам.

Когда время год за годом
Вдаль уходит цепью длинной,
И к владыкам того края
Смерть подкрадываться станет,
Оба в воды Лилинг-вит тур
Опускаются живые.
И из той воды прозрачной
Снова юными восходят,
Снова юными, как дети,
Что впервые видят солнце,
И впервые слышат песню
Ярких птиц в листве зеленой.

Край счастливый Мартим Маа,
Край, куда летают птицы,
Где нет старости и смерти
И цветы благоухают
Круглый год в траве зеленой!
Но попасть в тот край волшебный
Ни один смельчак не может!
1931
В переводе с манси:
Ойко – мужчина
Экве – женщина

Урне – сторожить
Тур – озеро
Вит – вода
Нум - трава

ВАСИЛЬЕВ Виктор Николаевич (1919 - 2006)

В. Васильев
ДУСЬКА МОРГУНОВА

Дуська Моргунова, фронтовичка,
Выпятив стеклянный сизый глаз,
Ногу на ногу закинув неприлично
(Впрочем, Дуське это безразлично),
Плещет водку и ведет рассказ:

"Я, товарищ, тоже воевала,
Шла в дыму, валялась на снегу,
Под Смоленском раненых таскала,
По сто верст от немцев убегала,
Подставляя задницу врагу.

Раза два бывала в окруженьях,
Пряталась в оврагах и лесах...
Вымоченный дождиком осенним,
Доедала свой сухарь последний
И едва держалась на ногах...

Некуда мне бедной было деться,
А не то, чтоб свой исполнить долг,
Впереди и сзади были немцы,
От обиды разрывалось сердце
За погибший под Смоленском полк.

А потом меня схватили фрицы...
Там я с ихним унтером жила...
Чтоб ему, подлюге, подавиться!
А что делать было? Задавиться?
Жалко!.. Молодешенькой была...

Я тогда была, как на картинке:
Волос витый, крупный, золотой,
А в глазах сверкали золотинки...
Вам, мужчинам, нравятся блондинки?!
Вот и я была тогда такой.

Не было решимости и силы
На себя вдруг руки наложить.
Я тогда же в девушках ходила,
Никого на свете не любила...
Ну и дура! Надо бы любить!"

Замолчала Дуська Моргунова,

Папиросу в гниль зубов сует.
Наливает водки себе снова,
Говорит: "Ну, Дуся, будь здорова!"
Выпивает и рассказ ведет:

"Этот унтер звал меня Альбинкой.
Чертов фриц назвать бы мог горшком,
Подарил мне платье и ботинки,
Стыдные показывал картинки,
Где кривлялись девки нагишом...

Иногда он, змей, нажравшись шнапсу,
Отдавал меня своим друзьям,
Да еще советовал стараться,
Чтобы бескультурной не казаться
Быть под стать немецким там б...м.

Не стерпев позорища такого
И кляня судьбинушку свою,
(Не было мне выхода иного),
Ножиком в постели заколола
Жирную баварскую свинью...

Хоронясь, осенней темной ночью,
Я пошла, куда глядят глаза,
Шла по лесу, прыгала по кочкам
И к утру, измученная очень,
Набрела на наших партизан.

Ну, они допрос в землянке сняли,
Рассказали все начистоту...
Покормили, посмеялись, поругали,
Но врагом отчизны не признали,
Все ж, поверив слову моему.

С ними я, как надо, воевала,
Наш отряд узнала вся страна,
До границы польской прошагала,
Пока пулю в глаз не схлопотала,
И на этом кончилась война.

А потом припомнили землянку,
Унтера и окруженья все.
Так сказать, заделали "подлянку",
Десять лет была на Колыме.

Что теперь? Теперь я жизни рада,
Получаю шестьдесят рублей
Пенсии. Имею для парада
Боевые разные награды...
Только нет вот мужа и детей..."

Замолчала Моргунова Дуська,

Свой рассказ печальный прекратив,
Глазом тусклым смотрит на закуску,
Что-то шепчет и бормочет грустно,
Голову на руки уронив.

ВАСИЛЬЕВ Павел Николаевич (1910 - 1937)

П. Васильев
ПЕСНЯ О СЕРКЕ

Была девушка
Белая, как гусь,
Плавная, как гусь на воде.
Была девушка
С глазами как ночь,
Нежными, как небо
Перед зарей;
С бровями тоньше,
Чем стрела,
Догоняющая зверя;
С пальцами легче,
Чем первый снег,
Трогающий лицо.
Была девушка
С нравом тарантула,
Старого, мохнатого,
Жалящего ни за что.

А джигит Серке
Только что и имел:
Сердце, стучащее нараспев,
Пояс, украшенный серебром,
Длинную дудку,
Готовую запеть,
Да еще большую любовь.
Вот и все,
Что имел Серке.
А разве этого мало?
К девушке гордой
Пришел Серке,
Говорит ей:
‘Будь женой моей, ладно?
А она отвечает: ‘Нет,
Не буду твоей женой,
Не ладно.
Ты достань мне,
Серке, два камня
В уши продеть,
Два камня
Желтых, как глаза у кошки,
Чтоб и ночью они горели.
Тогда в юрту к тебе пойду я,
Тогда буду женой твоей,

Тогда — ладно’.

Повернулся Серке, заплакал,
Пошел от нее, шатаясь,
Пошел от нее, согнувшись,
Со змеею за шиворотом.
Целый день шел Серке,
Не останавливался.
И второй день шел,
Не останавливался.
А на третьей заре
Блестит вода,
Широкая вода,
Светлая вода —
Аю-Куль.
Сел Серке на камень
У озера,
У широкого камышового
Озера,
И слезы капают на песок.
Сердце Серке бьется нараспев,
Согреваемое любовью.
Вынул Серке длинную дудку
Из-за пояса серебряного,
Заиграл Серке на дудке.
И когда Серке кончил,
Позади кто-то мяукнул.

Повернулся джигит —
Позади его старая,
Позади его дикая,
Круглоглазая кошка сидит.
Стал Серке понятен
Кошачий язык.
Дикая кошка ему говорит:
‘Что ты так плачешь,
Певец известнейший?..’
Ей свою беду Серке
Рассказывает
И к сказанному прибавляет:
‘Я напрасно теряю время.
Дикая, исхудавшая кошка,
Облезлая, черная кошка,
Ты мне не поможешь…
Мне камней,
Светящихся ночью,
Не достать, осмеянному!’

Тихо кошка
К Серке приблизилась
И потерлась дикая кошка
О пайпаки мордой розовой,
Промяукав: ‘Кош, ай-налайн’,* —

В камышах колючих скрылась.

А джигит под ноги глядит —
Не верит:
Перед ним два глаза кошачьих
Светлых, два желтых камня,
Негаснущих, ярких.
Закричал Серке:
‘Эй, кошка,
Дикая кошка, откликнись!
Ты погибнешь здесь, слепая, —
Как ты будешь
На мышей охотиться?’
Но молчало озеро,
Камыши молчали,
Как молчали они вначале.

Еще раз закричал Серке:
‘Эй, кошка,
Ласковая кошка, довольно,
Прыгни сюда! Мне страшно, —
Глаза твои жгут мне ладони!’
Но молчало озеро,
А камыши стали
Еще тише,
Чем были они вначале.

И пошел Серке обратно
Каменной твердой дорогой.
Кружились над ним коршуны,
Лисицы по степи бегали,
Но он шел успокоенный,
Потому что знал, что делать.
Девушке
Белой, как гусь,
Плавной, как гусь на воде,
С нравом, как у тарантула,
Прицепил он
На уши камни —
Кошачьи глаза,
Которые смотрят.
Он сказал:
‘Они не погаснут,
Не бойся, и днем и ночью
Будут эти камни светиться,
Никуда ты с ними не скроешься!..

Если ты, приятель, ночью встретил
Бегущие по степи огни,
Значит, видел ты безумную,
Укрывающуюся от людей.
А Серке казахи встречали,
И рассказывают, что прямо,

Не оглядываясь, он проходит
И поет последнюю песню,
На плече у него
Сидит кошка,
Старая, дикая кошка,
Безглазая…

(«Кош ай налайн» - «Прощай, мой милый» (каз.))

1931

П. Васильев
ВОСПОМИНАНИЯ ПУТЕЙЦА

Коршун, коршун —
Ржавый самострел,
Рыжим снегом падаешь и таешь!
Расскажи мне,
Что ты подсмотрел
На земле,
Покудова летел?
Где ты падешь, или еще не знаешь?
Пыль, как пламя и змея, гремит.
Кто,
Когда,
Какой тяжелой силой
Стер печаль с позеленевших плит?
Плосколиц
И остроскул гранит
Над татарской сгорбленной могилой.
Здесь осталась мудрая арыбь.
Буквы — словно перстни и подковы,
Их сожгла кочующая зыбь
Глохнущих песков.
Но даже выпь
Поняла бы надписи с полслова.
Не отыщешь влаги —
Воздух пей!
Сух и желт солончаковый глянец.
Здесь,
Среди неведомых степей,
Идолы —
Подобие людей,
Потерявших песню и румянец.
Вот они на корточках сидят.
Синие тарантулы под ними
Копят яд
И расточают яд,
Жаля птиц не целясь,
Наугад,
Становясь от радости седыми.
Седина!
Я знаю — ты живешь

В каменной могильной колыбели,
И твоя испытанная дрожь
Пробегает, как по горлу нож, —
Даже горы
За ночь поседели!
Есть такие ночи!
Пел огонь.
Развалясь на жирном одеяле,
Кашевар
Протягивал ладонь
Над огнем,
Смеялся:
«Только тронь!»
А котлы до пены хохотали.
И покамест тананчинский бог
Комаров просеивал сквозь сито,
Мастера грохочущих дорог
Раздробили на степной чертог
Самые прекраснейшие плиты…
Шибко коршун по ветру плывет,
Будто улетает в неизвестность.
Рельсы
Тронув пальцами, как лед,
Говорит начальник:
«Наперед
Мы, товарищ, знали эту местность.
Вся она обведена каймой
Соляных озер
И гор белками,
Шастать невозможно стороной,
У дороги будет путь прямой.
Мы не коршуны,
Чтоб плыть кругами».
А в палатках белых до зари
На руках веселых поднимали
Песню
К самым звездам:
«На, бери!»
Улыбались меж собой:
«Кури, кури,
За здоровье нашей магистрали!»
Мы пришли
К невидимой стране
Сквозь туннели,
По мостам горбатым,
При большой, как озеро, луне,
В солнце,
В буре,
В пляшущем огне,
Счастье вверив песне и лопатам.
И когда, рыча,
Рванулся скреп,
По виску нацелившись соседу,

Рухнул мертвым тот,
Но не ослеп,
Отразив в глазах своих победу.
Смутное,
Как омут янтаря,
Пело небо над огнем привала.
Остывал товарищ,
Как заря
В сумеречном небе остывала.
Коршун, коршун —
Ржавый самострел,
Рыжим снегом падаешь и таешь.
Эту смерть
Не ты ли подсмотрел,
Ты, который по небу летел?
Падай!
Падай!
Или ты не знаешь?
Лжет твоя могильная арыбь,
Перстни лгут, и лгут ее подковы.
Не страшна
Нам медленная зыбь
Всех пустынь,
Всех снов!
И даже выпь,
Нос уткнувши, плачет бестолково.
Мертвая,
А всё ж рука крепка.
Смерть его
Почетна и легка.
Пусть века свернут арыби свиток.
Он унес в глазах своих раскрытых
Холод рельс,
Пески
И облака.
1932

П. Васильев
СТРОИТЕЛЮ ЕВГЕНИИ СТЭНМАН

Осыпаются листья, Евгения Стэнман, пора мне
Вспомнить весны и зимы, и осени вспомнить пора.
Не осталось от замка Тамары камня на камне,
Не хватило у осени листьев и золотого пера.

Старых книг не хватило на полках, чтоб перечесть их,
Будто б вовсе не существовал Майн Рид;
Та же белая пыль, та же пыльная зелень в предместьях,
И еще далеко до рассвета, еще не погас и горит

На столе у тебя огонек. Фитили этих ламп обгорели,
И калитки распахнуты, и не повстречаешь тебя.
Неужели вчерашнее утро шумело вчера, неужели

Шел вчера юго-западный ветер, в ладони трубя?

Эти горькие губы так памятны мне, и похоже,
Что еще не раскрыты глаза, не разомкнуты руки твои;
И едва прикоснешься к прохладному золоту кожи, —
В самом сердце пустынного сада гремят соловьи.

Осыпаются листья, Евгения Стэнман. Над ними
То же старое небо и тот же полет облаков.
Так прости, что я вспомнил твое позабытое имя
И проснулся от стука веселых твоих каблучков.

Как мелькали они, когда ты мне навстречу бежала,
Хохоча беспричинно, и как грохотали потом
Средь тифозной весны и обросших снегами привалов,
Под расстрелянным знаменем, под перекрестным огнем.

Сабли косо взлетали и шли к нам охотно в подруги.
Красногвардейские звезды не меркли в походах, а ты
Все бежала ко мне через смерть и тяжелые вьюги,
Отстраняя штыки часовых и минуя посты…

Я рубил по погонам, я знал, что к тебе прорубаюсь,
К старым вишням, к окну и к ладоням горячим твоим,
Я коня не зануздывал больше, я верил, бросаясь
Впереди эскадрона на пулеметы, что возвращусь невредим.

И в теплушке, шинелью укутавшись, слушал я снова,
Как сквозь сон, сквозь снега, сквозь ресницы гремят соловьи.
Мне казалось, что ты еще рядом, и понято все с полуслова,
Что еще не раскрыты глаза, не разомкнуты руки твои.

Я готов согласиться, что не было чаек над пеной,
Ни веселой волны, что лодчонку волной унесло.
Что зрачок твой казался мне чуточку меньше вселенной,
Неба не было в нем — впереди от бессонниц светло.

Я готов согласиться с тобою, что высохла влага
На заброшенных веслах в амбарчике нашем, и вот
Весь июнь под лодчонкой ночует какой-то бродяга,
Режет снасть рыболовной артели и песни поет.

Осыпаются листья, Евгения Стэнман. Пора мне
Вспомнить весны и зимы, и осени вспомнить пора.
Не осталось от замка Тамары камня на камне,
Не хватило у осени листьев и золотого пера.

Мы когда-то мечтали с тобой завоевывать страны,
Ставить в лунной пустыне кордоны и разрушать города;
Через желтые зори, через пески Казахстана
В свежем ветре экспресса по рельсам ты мчалась сюда.

И как ни был бы город старинный придирчив и косен, —

Мы законы Республики здесь утвердим и поставим на том,
Чтоб с фабричными песнями этими сладилась осень,
Мы ее и в огонь, и в железо, и в камень возьмем.

Но в строительном гуле без памяти, без перемены
Буду слушать дыханье твое, и, как вечность назад,
Опрокинется небо над нами, и рядом мгновенно
Я услышу твой смех, и твои каблучки простучат.
1932

П. Васильев
***

Снегири взлетают красногруды…
Скоро ль, скоро ль на беду мою
Я увижу волчьи изумруды
В нелюдимом северном краю.

Будем мы печальны, одиноки
И пахучи, словно дикий мёд.
Незаметно все приблизит сроки,
Седина нам кудри обовьёт.

Я скажу тогда тебе, подруга:
«Дни летят, как по ветру листьё,
Хорошо, что мы нашли друг друга,
В прежней жизни потерявши всё…»
Февраль 1937

ВАСИЛЬЕВА Лариса Николаевна (1935 - 2018)

Л. Васильева
МАТЬ ПАРТИЗАНА

Там, говорят, дорога гиблая,
Там ветру стыть,
Там выпям выть,
Туда одна старуха сиплая
В ночи повадилась ходить.

Она сидит на белом камешке
Среди нехоженных болот
И на ладони будто шанежки
На сковородочке печет.

Там ей знакомы все извилины,
Все камни, ветки и сучки,
К ней поворачивают филины
Свои безумные зрачки.

Порою утренней, туманною,
Когда кровавится восток,
Перед могилой безымянною

Она оставит узелок

И побредет.
Мне повстречается
И скажет:
У сынка была.

Уж мне там славно отдыхается,
Уж я там ела да пила,
Невестка добрая, опрятная,
Внучок - головушка светла.
Да тяжела путя обратная,
Поди, в последний раз была.
1972

ВЕРСТАКОВ Виктор Глебович (род. 1951)

В. Верстаков
НЮРКА

Плачет Нюрка, живая душа,
Слезы с кровью смешались на лапах.
Ах, как Нюрка была хороша,
Самый тоненький чуяла запах.

Плачет Нюрка. А птица летит,
Боевая железная птица.
Плачет Нюрка, себе не простит,
Но ведь плачет, и все ей простится.

Гладит Нюрку родная рука,
Ей лизнуть бы хозяйскую руку, -
Так знакома она, так легка,
Обреченная Нюркой на муку.

Вертолетный врезается пол
В иссеченное Нюркино тело.
Сотню раз она чуяла тол,
А в сто первый чуть-чуть не успела.

По загривку прошел холодок,
Когда запахом сбоку пахнуло,
Но на тонкий стальной проводок
По расщелине лапа скользнула.

И взметнулся огонь из камней,
И запахло железом каленым,
И хозяин, идущий за ней,
Опустился на землю со стоном.

И ползла к нему Нюрка, ползла,
И лизала его, и лизала,
И хрипела - на помощь звала,

И глазами всю боль рассказала.

Подбежали к саперу друзья,
Обмотали бинтами сапера...
Он сказал: "Мне без Нюрки нельзя."
"Нет, - сказали ему - это горы."
1986

В. Верстаков
ПЕСЕНКА КАПИТАНА

Вот и весь служебный рост:
на погонах восемь звёзд,
а хожу все годы
в командирах взвода.

Я, меняя округа,
бил условного врага.
Но с годами чаще
враг был настоящий.

Я в Абхазии бывал,
в Приднестровье воевал,
я верхом на танке
ездил по Таганке.

Я стоял на рубеже,
спал со вшами в блиндаже,
я копал окопы
посреди Европы.

Мне давала ордена
удивлённая страна:
умный, мол, ворует,
а дурак – воюет.

Я не робок и не слаб,
я отнюдь не против баб,
но с моим окладом
им меня не надо.

Я под вечер или в ночь
выпить водочки не прочь:
это тоже дело,
если нет обстрела.

В общем, я такой, как вы,
из Тамбова ли, Москвы, –
разве что контужен
и никому не нужен…
1998

ВЕРТИНСКИЙ Александр Николаевич (1889 - 1957)

А. Вертинский
***

Чуть седой, как серебряный тополь,
Он стоит, принимая парад.
Сколько стоил ему Севастополь!
Сколько стоил ему Сталинград!

И в слепые морозные ночи,
Когда фронт замерзала пурга,
Эти ясные яркие очи
До конца разглядели врага.

Эти черные тяжкие годы
Вся надежда была на него.
Из какой сверхмогучей породы
Создавала природа его?..

Побеждая в военной науке,
Вражьей кровью окрасив снега,
Он в народа могучие руки
Обнаглевшего принял врага.

И, когда подходили вандалы
К нашей древней столице отцов,
Где нашел он таких генералов
И таких легендарных бойцов?

Он взрастил их. Над их воспитаньем
Много думал он ночи и дни.
О, к каким грозовым испытаньям
Подготовлены были они!

И в боях за отчизну суровых
Шли бесстрашно на смерть за него,
За его справедливое слово,
За великую правду его.

Как высоко вознес он Державу.
Вождь советских народов-друзей,
И какую всемирную славу
Создал он для Отчизны своей.

Тот же взгляд. Те же речи простые.
Так же скупы и мудры слова.
Над военною картой России
Поседела его голова.
1945

ВЕТРОВ Владимир Александрович (род. 1938)
Научный работник - физик.

В. Ветров
УТЮГ

Из детства знаю мало,
Но помню – лучший друг
Мне был кусок металла
По имени утюг.

Без ручки, старый, ржавый,
Готовый в переплав,
Он был моей забавой,
Любимой из забав.

По моему капризу
Менял он облик свой:
Когда он носом книзу –
Он танк, идущий в бой.

Он мчится очень быстро,
И в нем отец сидит,
Он на войне фашистов
И день и ночь громит.

Когда он кверху носом,
Он в море пароход,
Солдатов и матросов
Он на себе везет.

Он крепкий, юркий, ходкий,
Полезен в дни войны,
Немецкий подлодки
Такому не страшны.

А в час, когда стемнеет
Зимою за окном,
Я клал на батарею
Любимца перед сном.

Мы в доме замерзали
Ночами иногда,
В те зимы на Урале
Стояли холода.

В том городе на Каме,
В уральской стороне
Холодными ночами
Служил он грелкой мне.

И в забытьи сонливом,
От игр дневных устав,
Я засыпал счастливым,
Утюг к себе прижав.

Для сна не принимаю
Я на ночь люминал,
А просто вспоминаю,
Как с утюгом играл.

И сладко засыпаю,
Счастливый от того,
Что к сердцу прижимаю
Я друга своего.
20 января 2000.

ВИЗБОР Юрий Иосифович (1934 - 1984)

Ю. Визбор
СОЛНЫШКО ЛЕСНОЕ

Всем нашим встречам разлуки, увы, суждены.
Тих и печален ручей у янтарной сосны.
Пеплом несмелым подернулись угли костра.
Вот и окончилось все. Расставаться пора.

Милая моя,
Солнышко лесное,
Где, в каким краях
Встретимся с тобою?

Крылья сложили палатки, их кончен полет.
Крылья расправил искатель разлук - самолет.
И потихонечку пятится трап от крыла.
Вот уж действительно пропасть меж нами легла.

Милая моя,
Солнышко лесное,
Где, в каким краях
Встретимся с тобою?

Не утешайте меня, мне слова не нужны.
Мне б отыскать тот ручей у янтарной сосны.
Вдруг сквозь туман там краснеет кусочек огня.
Вдруг у огня ожидают, представьте, меня?

Милая моя,
Солнышко лесное,
Где, в каким краях
Встретимся с тобою?
1973

ВИНОКУРОВ Евгений Михайлович (1925 - 1993)

Е. Винокуров
МОСКВИЧИ

В полях за Вислой сонной

Лежат в земле сырой
Сережка с Малой Бронной
И Витька с Моховой.

А где-то в людном мире
Который год подряд
Одни в пустой квартире
Их матери не спят.

Свет лампы воспаленной
Пылает над Москвой
В окне на Малой Бронной,
В окне на Моховой.

Друзьям не встать. В округе
Без них идет кино.
Девчонки, их подруги,
Все замужем давно.

Пылает свод бездонный,
И ночь шумит листвой
Над тихой Малой Бронной,
Над тихой Моховой.

Но помнит мир спасённый
Мир вечный, мир живой
Серёжку с Малой Бронной
И Витьку с Маховой.
1953

Е. Винокуров
ЛЕБЕДИ

Я чуть не плакал. Не было удачи!
Задача не решалась - хоть убей.
Условье было трудным у задачи.
Дано: "Летела стая лебедей..."

Я, щеку грустно подперев рукою,
Делил, слагал - не шли дела на лад!
Но, лишь глаза усталые закрою,
Я видел ясно: вот они - летят...

Они летят под облачною гущей
С закатом, догорающим на них.
Закинул шею тонкую ведущий
Назад и окликает остальных.

Они на миг спускаются напиться
В лесок, к озерцам, и опять летят,
Победно распластавшиеся птицы,
Подбадривая слабых лебедят.

Простор небес они крылами били,
Снегам вершин и облакам сродни!..

Никто представить бы не мог, что были
Из школьного задачника они.

Е. Винокуров
ВЕЩИ

Я глубоко уверен в том, что вещи
Красноречивей всяческих речей...

Вот колокол. Он собирал на вече
Лудильщиков, кожевников, ткачей.

Вот горн. Им якобинцы возвестили
Что кончилась н6а свете эра зла...

Вот кочерга, которой в Освенциме
Помешивалась белая зола.

Е. Винокуров
***

Быть славно пессимистом на Монмартре,
Когда, засев под хлопающий тент
Следишь в кафе, как вкруг тебя в азарте
Играют в карты и сосут абсент.

Но как быть пессимистом на болоте,
Когда лежишь под минометный свист,
Нет, там под снегом, в поредевшей роте
Не выйдет из поэта пессимист.

Все движется различными путями,
Но, все-таки, щекой в крови скользя,
И мерзлый грунт царапая ногтями,
На свете пессимистом быть нельзя.
1979

ВОЗНЕСЕНСКИЙ Андрей Андреевич (1933 - 2010)

А. Вознесенский
ПРОЩАНИЕ С ПОЛИТЕХНИЧЕСКИМ

В Политехнический!
В Политехнический!
По снегу фары шипят яичницей.
Милиционеры свистят панически.
Кому там хнычется?!
В Политехнический!

Ура, студенческая шарага!

А ну, шарахни по совмещанам
свои затрещины!
Как нам мещане
мешали встретиться!

Ура вам, дура в серьгах-будильниках!
Ваш рот, как дуло,
разинут бдительно.
Ваш стул трещит от перегрева.
Умойтесь! Туалет — налево.

Ура, галёрка! Как шашлыки,
дымятся джемперы, пиджаки.
Тысячерукий, как бог языческий,
Твоё Величество — Политехнический!

Ура, эстрада! Но гасят бра.
И что-то траурно звучит «ура».
12 скоро. Пора уматывать.
Как ваши лица струятся матово.
В них проступают, как сквозь экраны,
все ваши радости, досады, раны.

Вы, третья с краю,
с копной на лбу,
я вас не знаю.
Я вас — люблю!

Чему смеётесь?
Над чем всплакнёте?
И что черкнёте,
косясь, в блокнотик?

что с вами, синий свитерок?
в глазах тревожный ветерок...

Придут другие — ещё лиричнее,
но это будут не вы — другие.
Мои ботинки черны, как гири.
Мы расстаёмся,
Политехнический!

Нам жить недолго.
Суть не в овациях.
Мы растворяемся
в людских количествах
в твоих просторах,
Политехнический.
Невыносимо нам расставаться.

Ты на кого-то меня сменяешь,
но, понимаешь, пообещай мне,
не будь чудовищем,

забудь со стоящим!

Ты ворожи ему,
храни разиню.
Политехнический — моя Россия!
— ты очень бережен и добр,
как Бог,
лишь Маяковского не уберёг.

Поэты падают, дают финты
меж сплетен, патоки и суеты,

но где б я ни был
— в земле, на Ганге,
— ко мне прислушивается магически
гудящей раковиною
гиганта ухо
Политехнического!
1962

А. Вознесенский
ЛЮМПЕН-ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ

Опять надстройка рождает базис.
Лифтёр бормочет во сне Гельвеция.
Интеллигенция обуржуазилась.
Родилась люмпен-интеллигенция.

Есть в русском "люмпен" от слова "любит".
Как выбивались в инженера,
из инженеров выходит в люди
их бородатая детвора.

Их в институты не пустит гордость.
Там сатана правит бал тебе.
На место дворника гигантский конкурс
- музы носятся на метле!..

Двадцатилетняя, уже кормящая,
как та княгинюшка на Руси,
русская женщина новой формации
из аспиранток ушла в такси.

Ты едешь бледная - "люминесценция"!
- по тёмным улицам совсем одна.
Спасибо, люмпен-интеллигенция,
что можешь счётчик открыть с нуля!

Не надо думать, что ты без сердца.
Когда проедешь свой бывший дом,
две кнопки, вдавленные над дверцами,
в волненье выпрыгнут молодом...

Тебя приветствуют, как кровники,
ангелы утренней чистоты.
Из инженеров выходят в дворники
- кому-то надо страну мести!
1978

А. Вознесенский
МИЛЛИОН РОЗ

Жил-был художник один,
домик имел и холсты.
Но он актрису любил,
ту, что любила цветы.

Он тогда продал свой дом
— продал картины и кров
— и на все деньги купил
целое море цветов.

Миллион, миллион, миллион
алых роз
из окна видишь ты.
Кто влюблён, кто влюблён, кто влюблён
— и всерьёз!
— свою жизнь для тебя
превратит в цветы.

Утром ты встанешь у окна
— может, сошла ты с ума?
Как продолжение сна,
площадь цветами полна.

Похолодеет душа
— что за богач там чудит?
А за окном без гроша
бедный художник стоит.

Встреча была коротка.
В ночь её поезд увёз.
Но в её жизни была
песня безумная роз.

Прожил художник один.
Много он бед перенёс.
Но в его жизни была
целая площадь из роз...
1982

ВОЛКОВ Григорий Антонович (род. 2002)

Г. Волков
ОНЕГИНУ

Выстрел дуэльного пистолета
Тишину
Ножом
Разрезает
вдруг.
Евгений, как дошло до такого –
Другом застрелен друг?

Что Вас толкнуло на этот поступок?
Что заставило Вас
убить?
Пустая ссора из-за упрямства,
Желания поддразнить.

Я знаю историю Вашей жизни
Чуть ли не наизусть.
Простите, Евгений, но Ваша глупость
Невольно внушает грусть.

Я понимаю, что Ваша история
Вовсе не про дуэль.
Однако именно этот случай
В душе поднимает метель.

Владимир Ленский Вами прикончен.
Вы сожалеете? Но
Я полагаю,
Владимиру Ленскому
Это уже
всё равно.

Друг.
Вами.
Лично.
Убит на дуэли.
Страшно такое писать.
А Вам
неужели
не было страшно
Стрелять?

Разве не страшно целиться в друга,
Слушать, как пуля летит?
Чтобы меньше, чем через минуту
Вымолвить:
«Что ж! Убит…»

Я знаю,
Вам стало
не по себе,
Было Вам страшно смотреть.
Но неужели не было жутко –
Из дула

Выпустить
смерть?

Как можно? –
Спокойно смотреть на дым,
Вырывающийся из ствола,
И при этом не сознавать до конца
Тобою творимого зла?

Скажите, Евгений, я не понимаю –
Как
Вы решились
на это?
Как осмелились
взяться
за рукоять
Дуэльного пистолета?

Я вновь повторяю: как это возможно? –
Крючок спусковой нажать
И в лучшего друга, стоящего рядом,
Разящий свинец послать?

Вы оказались на это способны –
Жёстко спустить курок.
Я очень надеюсь, Евгений Онегин,
Что Вы извлекли урок.

Я размышляю: «А если бы я
Вместо Евгения был?»
Дико,
ужасно представить,
что друга
Ты.
Только что.
Убил.

Труп на поляне…
Вы...
Секундант
Деревня чернеет вдали…
Что Вы подумали в эту минуту?
Что Вы
почувствовали?

Снег окровавленный. Труп на поляне.
Больше Поэту вовеки не встать.
Может быть, всё же, имело смысл
Вызов не принимать?
2015

Г. Волков
***

Когда уходит Карлсон на войну,
Стянув плечо ремнём противогаза, -
Забудьте всё. Простите шалуну
Его былые детские проказы.

Забудьте плюшки, битое стекло.
Всё это позади. Всё это - детство.
Он покидает вас и старый дом
На крыше оставляет вам в наследство.

Он не всегда был скромен - ну и пусть!
Он покидает вас - и оглянуться
И крикнуть хочет снова: "Я вернусь!"
Но он не может обещать вернуться.

Не плачьте, фрёкен Бок. Пора придёт –
Наплачетесь. В родимую сторонку
Холодный ветер почты принесёт
Недобрым утром злую похоронку.

И, распечатав голубой конверт,
По черным строчкам пробежав глазами,
Оплачете сегодняшний момент
Горючими, тяжелыми слезами.

Но ты, Малыш, когда произойдёт
Какое-то неведомое чудо,
И Карлсон, старый друг, к тебе придёт
Живым, непокалеченным оттуда,

И сбудутся заветные мечты, -
Ты, звук мотора из окна услышав,
Воскликнешь снова: "Карлсон! Это ты!"
И вы опять отправитесь на крышу.
2017

ВОРОНОВ Юрий Петрович (1929 - 1993)

Ю. Воронов
***

Когда живое всё от взрывов глохло,
А он не поднимал ни глаз, ни рук,
Мы знали: человеку очень плохо.
Ведь безразличье хуже, чем испуг.

Мы знали: даже чудо не излечит,
Раз перестал он жизнью дорожить.
Но был последний способ - взять за плечи
И крикнуть человеку: «Надо жить!»

Приказом и мольбой одновременно

Звучал тот полушёпот-полукрик.
И было так: с потусторонним пленом
Вновь расставался человек в тот миг…

И если вдруг от боли или муки
Я стану над судьбой своей тужить,
Ты, как тогда, на плечи брось мне руки
И, как тогда, напомни: «Надо жить!..»

Ю. Воронов
ЛЕНИНГРАДСКИЕ ДЕРЕВЬЯ

Им долго жить - зелёным великанам,
Когда пройдёт блокадная пора.
На их стволах - осколочные раны,
Но не найти рубцов от топора.

И тут не скажешь: сохранились чудом.
Здесь чудо или случай ни при чём…
…Деревья! Поклонитесь низко людям
И сохраните память о былом.

Они зимой сжигали всё, что было:
Шкафы и двери, стулья и столы.
Но их рука деревьев не рубила.
Сады не знали голоса пилы.

Они зимой, чтоб как-нибудь согреться –
Хоть на мгновенье, книги, письма жгли.
Но нет садов и парков по соседству,
Которых бы они не сберегли.

Не счесть погибших в зимнее сраженье.
Никто не знает будущих утрат.
Деревья остаются подтвержденьем,
Что, как Россия, вечен Ленинград!

Им над Невой шуметь и красоваться,
Шагая к людям будущих годов.
…Деревья! Поклонитесь ленинградцам,
Закопанным в гробах и без гробов.

Ю. Воронов
В ШКОЛЕ

Девчонка руки протянула
И головой - на край стола…
Сначала думали - уснула,
А оказалось - умерла.

Её из школы на носилках
Домой ребята понесли.
В ресницах у подруг слезинки

То исчезали, то росли.

Никто не обронил ни слова.
Лишь хрипло, сквозь метельный сон,
Учитель выдавил, что снова
Занятья - после похорон.

Ю. Воронов
***

В блокадных днях мы так и не узнали:
Меж юностью и детством где черта?..
Нам в сорок третьем выдали медали
И только в сорок пятом - паспорта.

И в этом нет беды.
Но взрослым людям,
Уже прожившим многие года,
Вдруг страшно от того,
Что мы не будем
Ни старше, ни взрослее,
Чем тогда.

ВЫГОВСКИЙ Илья Сергеевич (род. 2005)

И. Выговский
СОН

Это было со мной?
Или это лишь сон?
Когда призрак войны
Постучался в мой дом.

То ли явь, то ли сон,
Но я вижу с тех пор:
Черный пепел войны
Запорошил мой двор.

Вижу много солдат
И себя среди них.
(Много примет земля
Тех бойцов молодых.)

Я в окопе стою,
И гранату беру
И остаток бойцов
Я в атаку зову.

Я зову, я бегу
И кричу на бегу.
Я бросаюсь под танк
Всем врагам на беду.

Это было со мной?
Или это лишь сон?
Мне во век не забыть
Моей Родины стон.

И. Выговский
ЖИНЬ ПРЕКРАСНА

Журчит ручей, шкварчит котлета,
Шипит змея, гогочет гусь,
Гремит оркестр, ревет ракета.
Я звуков этих не боюсь.

Свистит свисток, орет сирена,
Грохочет град, скребется мышь,
Шуршит листва, скрипит телега,
Рокочет гром, шумит камыш.

Бурлит река, вопит ребенок,
Жужжит пчела, пыхтит завод,
Стучит кузнец, мычит теленок.
Гудит призывно пароход.

Хочу все звуки в этом мире
Вобрать в себя, ну а затем
Разинуть рот и что есть силы
Их выкрикнуть на радость всем!

ВЫСОЦКИЙ Владимир Семёнович (1938 - 1980)

В. Высоцкий
Я – ЯК-ИСТРЕБИТЕЛЬ

Я - "Як"-истребитель,
Мотор мой звенит,
Небо - моя обитель,
Но тот, который во мне сидит,
Считает, что он - истребитель.

В этом бою мною "юнкерс" сбит,-
Я сделал с ним, что хотел.
А тот, который во мне сидит,
Изрядно мне надоел.

Я в прошлом бою навылет прошит,
Меня механик заштопал,
Но тот, который во мне сидит,
Опять заставляет - в "штопор".

Из бомбардировщика бомба несет
Смерть аэродрому,
А кажется, стабилизатор поет:
"Мир вашему дому!"

Вот сзади заходит ко мне "мессершмитт".
Уйду - я устал от ран,
Но тот, который во мне сидит,
Я вижу - решил на таран!

Что делает он, ведь сейчас будет взрыв!..
Но мне не гореть на песке –
Запреты и скорости все перекрыв,
Я выхожу из пике.

Я - главный, а сзади, ну чтоб я сгорел!-
Где же он, мой ведомый?
Вот он задымился, кивнул и запел:
"Мир вашему дому!"

И тот, который в моем черепке,
Остался один и влип.
Меня в заблужденье он ввел и в пике –
Прямо из "мертвой петли".

Он рвет на себя, и нагрузки - вдвойне.
Эх, тоже мне летчик-ас!
И снова приходится слушаться мне,
Но это в последний раз.

Я больше не буду покорным, клянусь!
Уж лучше лежать на земле.
Ну что ж он не слышит, как бесится пульс!
Бензин - моя кровь - на нуле.

Терпенью машины бывает предел,
И время его истекло.
Но тот, который во мне сидел,
Вдруг ткнулся лицом в стекло.

Убит! Наконец-то лечу налегке,
Последние силы жгу.
Но... что это, что?! Я в глубоком пике
И выйти никак не могу!

Досадно, что сам я немного успел,
Но пусть повезет другому.
Выходит, и я напоследок спел:
"Мир вашему дому!"
1968

В. Высоцкий
***

Почему все не так,
Вроде все, как всегда:
То же небо

Опять голубое,
Тот же лес, тот же воздух,
И та же вода,
Только он
Не вернулся из боя.

Мне теперь не понять,
Кто же прав был у нас,
В наших спорах
Без сна и покоя,
Мне не стало хватать
Его только сейчас,
Когда он
Не вернулся из боя.

Он молчал невпопад
И не в такт подпевал,
Он всегда говорил
Про другое,
Он мне спать не давал,
Он с восторгом вставал,
А вчера
Не вернулся из боя.

То, что пусто теперь -
Не про то разговор,
Вдруг заметил я –
Нас было двое!
Для меня словно ветром
Задуло костер,
Когда он
Не вернулся из боя.

Нынче вырвалась,
Будто из плена весна,
По ошибке
Окликнул его я:
Друг, оставь покурить, -
А в ответ – тишина:
Он вчера
Не вернулся из боя.

Наши мертвые
Нас не оставят в беде,
Наши павшие –
Как часовые.
Отражается небо в лесу,
Как в воде,
И деревья
Стоят голубые.

Нам и место в землянке
Хватало вполне,

Нам и время
Текло для обоих.
Все теперь одному,
Только кажется мне –
Это я
Не вернулся из боя.
1969

ГАБРИЛОВИЧ Борис Аронович (1950 - 1970)

Б. Габрилович
***

Не радостная невесомость,
Не водка на чужом пиру,
А лишь истерзанная совесть
Толкнет к бумаге и перу.

Стихи слагаются о боли,
И больше нет на свете тем.
Все остальное лишь обои,
Которые сорвут со стен.

Б. Габрилович
***

Мы исправимся, станем приличными,
И не будем молоть чепухи
И забросим дурные привычки
Пить, курить и писать стихи.

ГАЛЕЕВА Наталья Львовна (род. 1946)

Н. Галеева
ВЕСЫ ПАСТУХА.

Посвящается Фархаду Тимур-оглы
в продолжении разговора
о Вере и Атеизме.

Бьет вуду в барабан,
Пеной брыжжет шаман,
Свой обряд совершает жрец.
Тору шепчет раввин,
И поет муэдзин,
Причащает святой отец.

А над грешной Землей,
Над земной кутерьмой
Терпеливый, вечный Пастух
Суд творит над тобой –
Слепоглухонемой,
Безымянный, бесплотный дух.

И крупинки добра
От утра до утра
Он на правую чашу кладет...
Ни в одном из миров
Нет главнее Весов,
Что Пастух для нас бережет.

Не кричи, муэдзин,
Не старайся, раввин,
Он не слышит песен и слов...
Жертвы нас не спасут:
Неподкупен Пастух –
Он берет лишь Добро и Любовь.

И пока для тебя
Не закроют, скорбя,
В этом мире последнюю дверь,
Делай сам выбор свой –
Причащайся иль пой –
Но в Весы Пастуха поверь.
2001

ГАЛИЧ Александр Аркадьевич (1918 - 1977)

А. Галич
***

Ой, ну что ж тут говорить, что ж тут спрашивать,
Вот стою я перед вами, словно голенький,
Да, я с Нинулькою гулял с тетипашиной,
И в "Пекин" ее водил, и в Сокольники.

Поясок ей подарил поролоновый,
И в палату с ней ходил в Грановитую,
А жена моя, товарищ Парамонова,
В это время находилась за границею.

А вернулась, ей привет -- анонимочка,
Фотоснимок, а на нем -- я да Ниночка!
Просыпаюсь утром -- нет моей кисочки,
Ни вещичек ее нет, ни записочки,
Нет как нет,
Ну, прямо, нет как нет!

Я к ней, в ВЦСПС, в ноги падаю,
Говорю, что все во мне переломано.
Не сердчай, что я гулял с этой падлою,
Ты прости меня, товарищ Парамонова!

А она как закричит, вся стала черная –
Я на слезы на твои -- ноль внимания,
И ты мне лазаря не пой, я ученая,
Ты людям все расскажи на собрании!

И кричит она, дрожит, голос слабенький,
А холуи уж тут как тут, каплют капельки,
И Тамарка Шестопал, и Ванька Дерганов,
И еще тот референт, что из "органов",
Тут как тут,
ну, прямо, тут как тут!

В общем, ладно, прихожу на собрание,
А дело было, как сейчас помню, первого,
Я, конечно, бюллетень взял заранее
И бумажку из диспансера нервного.

А Парамонова, гляжу, в новом шарфике,
А как увидела меня, вся стала красная,
У них первый был вопрос -- свободу Африке! –
А потом уж про меня -- в части "разное".

Ну, как про Гану -- все в буфет за сардельками,
Я и сам бы взял кило, да плохо с деньгами,
А как вызвали меня, то сник от робости,
А из зала мне кричат -- давай подробности!
Все, как есть,
ну, прямо, все, как есть!

Ой, ну что ж тут говорить, что ж тут спрашивать?
Вот стою я перед вами, словно голенький,
Да, я с племянницей гулял с тетипашиной,
И в "Пекин" ее водил, и в Сокольники,

И в моральном, говорю, моем облике
Есть растленное влияние Запада,
Но живем ведь, говорю, не на облаке,
Это ж просто, говорю, соль без запаха!

И на жалость я их брал, и испытывал,
И бумажку, что я псих, им зачитывал,
Ну, поздравили меня с воскресением,
Залепили строгача с занесением!
Ой, ой, ой,
Ну, прямо, ой, ой, ой...

Взял тут цветов букет покрасивее,
Стал к подъезду номер семь, что для начальников,
А Парамонова, как вышла, вся стала синяя,
Села в "Волгу" без меня и отчалила!

И тогда прямым путем в раздевалку я,
И тете Паше говорю, мол, буду вечером,
А она мне говорит -- с аморалкою
Нам, товарищ дорогой, делать нечего.

И племянница моя, Нина Саввовна,

Она думает как раз тоже самое,
Она всю свою морковь нынче продала,
И домой, по месту жительства, отбыла.
Вот те на,
ну, прямо, вот те на!

Я тогда иду в райком, шлю записочку,
Мол, прошу принять, по личному делу я,
А у Грошевой сидит моя кисочка,
Как увидела меня, вся стала белая!

И сидим мы у стола с нею рядышком,
И с улыбкой говорит товарищ Грошева –
Схлопотал он строгача, ну и ладушки,
Помиритесь вы теперь по-хорошему.

И пошли мы с ней вдвоем, как по облаку,
И пришли мы с ней в "Пекин" рука об руку,
Она выпила "дюрсо", а я "перцовую"
За советскую семью, образцовую!
Вот и все...
1963

А. Галич
ГОРОДСКОЙ РОМАНС

Она вещи собрала, сказала тоненько:
«А что ты Тоньку полюбил, так Бог с ней, с Тонькою!
Тебя ж не Тонька завлекла губами мокрыми,
А что у папы у ее топтун под окнами,
А что у папы у ее дача в Павшине,
А что у папы холуи с секретаршами,
А что у папы у ее пайки цековские,
И по праздникам кино с Целиковскою!
А что Тонька-то твоя сильно страшная
– Ты не слушай меня, я вчерашняя!
И с доскою будешь спать со стиральною
За машину за его персональную…

Вот чего ты захотел, и знаешь сам,
Знаешь сам, да стесняешься,
Про любовь твердишь, про доверие,
Про высокие, про материи…
А в глазах-то у тебя дача в Павшине,
Холуи да топтуны с секретаршами,
И как вы смотрите кино всей семейкою,
И как счастье на губах – карамелькою…»

Я живу теперь в дому – чаша полная,
Даже брюки у меня – и те на молнии,
А вина у нас в дому – как из кладезя,
А сортир у нас в дому – восемь на десять…
А папаша приезжает сам к полуночи,

Топтуны да холуи все тут по струночке!
Я папаше подношу двести граммчиков,
Сообщаю анекдот про абрамчиков!

А как спать ложусь в кровать с дурой-Тонькою,
Вспоминаю той, другой, голос тоненький,
Уж, характер у нее – прямо бешеный,
Я звоню ей, а она трубку вешает…
Отвези ж ты меня, шеф, в Останкино,
В Останкино, где «Титан» кино,
Там работает она билетершею,
На дверях стоит вся замерзшая,
Вся замерзшая, вся продрогшая,
Но любовь свою превозмогшая,
Вся иззябшая, вся простывшая,
Но не предавшая и не простившая!
1962

А. Галич
НОМЕРА
И.Б.

Вьюга листья на крыльцо намела,
Глупый ворон прилетел под окно
И выкаркивает мне номера
Телефонов, что умолкли давно.

Словно встретились во мгле полюса,
Прозвенели над огнем топоры —
Оживают в тишине голоса
Телефонов довоенной поры.

И внезапно обретая черты,
Шепелявит в телефон шепоток:
— Пять-тринадцать-сорок три, это ты?
Ровно в восемь приходи на каток!

Лягут галочьи следы на снегу,
Ветер ставнею стучит на бегу.
Ровно в восемь я прийти не могу…
Да и в девять я прийти не могу!

Ты напрасно в телефон не дыши,
На заброшенном катке ни души,
И давно уже свои «бегаши»
Я старьевщику отдал за гроши.

И совсем я говорю не с тобой,
А с надменной телефонной судьбой.
Я приказываю:
— Дайте отбой!
Умоляю:
— Поскорее, отбой!

Но печально из ночной темноты,
Как надежда,
И упрек,
И итог:
— Пять-тринадцать-сорок три, это ты?
Ровно в восемь приходи на каток!

А. Галич
ПРОЩАНИЕ СЛАВЯНКИ

Снова даль предо мной неоглядная,
Ширь степная и неба лазурь.
Не грусти ж ты, моя ненаглядная,
И бровей своих тёмных не хмурь!

Вперёд, за взводом взвод,
Труба боевая зовёт!
Пришёл из Ставки
Приказ к отправке —
И, значит, нам пора в поход!

В утро дымное, в сумерки ранние,
Под смешки и под пушечный «бах»
Уходили мы в бой и в изгнание
С этим маршем на пыльных губах.

Вперёд, за взводом взвод,
Труба боевая зовёт!
Пришёл из Ставки
Приказ к отправке —
И, значит, нам пора в поход!

Не грустите ж о нас, наши милые,
Там, далёко, в родимом краю!
Мы всё те же — домашние, мирные,
Хоть шагаем в солдатском строю.

Вперёд, за взводом взвод,
Труба боевая зовёт!
Пришёл из Ставки
Приказ к отправке —
И, значит, нам пора в поход!

Будут зори сменяться закатами,
Будет солнце катиться в зенит —
Умирать нам, солдатам, — солдатами,
Воскресать нам — одетым в гранит.

Вперёд, за взводом взвод,
Труба боевая зовёт!
Пришёл из Ставки
Приказ к отправке —

И, значит, нам пора в поход!

ГАМЗАТОВ Расул Гамзатович (1923 - 2003)

Р. Гамзатов
***

Если в мире тысяча мужчин
Снарядить к тебе готова сватов,
Знай, что в этой тысяче мужчин
Нахожусь и я — Расул Гамзатов.

Если пленены тобой давно
Сто мужчин,
чья кровь несется с гулом,
Разглядеть меж них не мудрено
Горца, нареченного Расулом.

Если десять влюблены в тебя
Истинных мужей —
огня не спрятав,
Среди них, ликуя и скорбя,
Нахожусь и я — Расул Гамзатов.

Если без ума всего один
От тебя, не склонная к посулам,
Знай, что это с облачных вершин
Горец, именуемый Расулом.

Если не влюблен в тебя никто
И грустней ты сумрачных закатов,
Значит, на базальтовом плато
Погребен в горах Расул Гамзатов.

Р. Гамзатов
БЕДНАЯ ОВЕЧКА

Ты безгрешна до того,
Что почти святою стала.
Не загрызла никого,
Никого не забодала.
Дважды в год тебя стригут
До последнего колечка.
И однажды в пять минут
Шкуру начисто сдерут,
Бедная овечка,
Бедная овечка!

Человек родился: пир!
И венчаешь ты шампуры,
Человек покинул мир —
И осталась ты без шкуры.
Настежь дверь пред кунаком —

И дохнула жаром печка.
Уксус смешан с чесноком,
И запахло шашлыком...
Бедная овечка,
Бедная овечка!

Грудой тонкого руна
Ты дрожишь в извечном страхе
И в любые времена
Даришь мужеству папахи.
Похудеть готов бурдюк,
Чтоб вино лилось, как речка.
А тебе опять — каюк:
Слишком лаком твой курдюк,
Бедная овечка,
Бедная овечка!

Ты невинна и кротка,
И поэтому не сдуру
Для злодейств во все века
Волк в твою рядится шкуру.
Слова истинного лад
Не сотрется, как насечка.
И порой всю жизнь подряд
Про кого-то говорят:
Бедная овечка,
Бедная овечка!

Р. Гамзатов
БЕРЕГИТЕ ДРУЗЕЙ

Знай, мой друг, вражде и дружбе цену
И судом поспешным не греши.
Гнев на друга, может быть, мгновенный,
Изливать покуда не спеши.

Может, друг твой сам поторопился
И тебя обидел невзначай.
Провинился друг и повинился —
Ты ему греха не поминай.

Люди, мы стареем и ветшаем,
И с теченьем наших лет и дней
Легче мы своих друзей теряем,
Обретаем их куда трудней.

Если верный конь, поранив ногу,
Вдруг споткнулся, а потом опять,
Не вини его — вини дорогу
И коня не торопись менять.

Люди, я прошу вас, ради бога,
Не стесняйтесь доброты своей.

На земле друзей не так уж много:
Опасайтесь потерять друзей.

Я иных придерживался правил,
В слабости усматривая зло.
Скольких в жизни я друзей оставил,
Сколько от меня друзей ушло.

После было всякого немало.
И, бывало, на путях крутых
Как я каялся, как не хватало
Мне друзей потерянных моих!

И теперь я всех вас видеть жажду,
Некогда любившие меня,
Мною не прощенные однажды
Или не простившие меня.
1971

Р. Гамзатов
ЖУРАВЛИ

Мне кажется порою, что солдаты,
С кровавых не пришедшие полей,
Не в землю эту полегли когда-то,
А превратились в белых журавлей.

Они до сей поры с времен тех дальних
Летят и подают нам голоса.
Не потому ль так часто и печально
Мы замолкаем, глядя в небеса?

Сегодня, предвечернею порою,
Я вижу, как в тумане журавли
Летят своим определенным строем,
Как по полям людьми они брели.

Они летят, свершают путь свой длинный
И выкликают чьи-то имена.
Не потому ли с кличем журавлиным
От века речь аварская сходна?

Летит, летит по небу клин усталый
— Летит в тумане на исходе дня,
И в том строю есть промежуток малый
— Быть может, это место для меня!

Настанет день, и с журавлиной стаей
Я поплыву в такой же сизой мгле,
Из-под небес по-птичьи окликая
Всех вас, кого оставил на земле.
1968

ГАРМАЖАПОВ Батожаргап Абидуевич (род. 1950)

Б. Гармажапов
РОДНОЙ ЯЗЫК

В мире много языков.
В нем давно возник
Мне знакомый с первых дней
Мой родной язык.
Он - начало всех начал,
Он - моя судьба.
Есть в нем нежное «эжи»,
Гордое – «аба».
Это главные слова
С детства до седин.
У народов всей земли
Смысл у них один.
Их по-разному везде
Люди говорят.
Мать – «эжи»,
Отец - «аба»
В языке бурят.
Это - главные слова,
Первые слова.
В них не просто свой народ –
Родина жива.

ГЕНДЕЛЕВ Михаил Самуэльевич (1950 - 2009)

М. Генделев
ЧЕЙ ТЫ СЫН?

Корчит тело Россия
От ударов тяжелых подков
Непутевой мессии
Офицерских полков.
И похмельем измучен
От жары и тоски сатанев,
Пел о тройке поручик
Над водой Дарданелл.

Чей ты сын?!
Вся судьба твоя - сон.
Пей... Твоя совесть – весы
Опрокинутых дней.
Через Праги и Вены
Гонит Родина
Блудных своих сыновей.
Не случилось измены.
Ты доволен? Так пей!

Была белою вера,
Стала красною кровью она.

Все, что было бедою,
Оказалось - вина.
Зря молитву бормочешь,
Верой сердце твое ты яришь.
Боже, белые ночи
Ниспошли на Париж.

Чей ты сын?!
Честь Отечества - сон.
Пей, за багрянец осин
Петергофских аллей.
Пей, пей за горсточку
Талой воды по весне
Что было наяву,
А теперь - лишь во сне.

От вселенской погони
Не уйти, не уйти никуда.
На небесном погоне
Догорает звезда.
Пустота револьвера
И спокойный, холодный висок,
Была белою вера,
Станет красным песок.

Чей ты сын?!
Вся судьба твоя сон.
Пей, пей за степь, за коней,
Пей за глину дорог,
Пей за тех, кто лежит
Средь некошеных нив,
Кто у Дона полег...
Отчего же ты жив?

ГИЛЕНКО Виктор Наумович (род. 1930)

В. Гиленко
21 ИЮНЯ 1941 ГОДА

Мягка трава на солнечной поляне,
И эти двое в первый раз одни.
О том, что существует мирозданье,
За целый день не вспомнили они.

Над ними ива ветки наклоняет,
Качаются ромашки в тишине...
И женщина счастливая не знает,
Что он убит на завтрашней войне.

ГНИЛОРЫБОВ Павел Александрович (род. 1991)

П. Гнилорыбов
***

Политика наша
Подернулась тиной!
Нет лучше и краше
«России Единой!»
Поставим заслоны
Инфляции, СПИДу,
Мы примем законы,
Найдем Атлантиду!
Страна на распутье,
Мы лезем из кожи,
Поддержит нас Путин!
России поможем!
В сравнении с нами
Все партии тля!
Мы – Путина внуки,
Мы- дети Кремля!
Взгляни мне в глаза,
Нас таких- миллион!
Как древний сказал,
«Имя им- легион!»
2009

ГОЛОДНЫЙ (ЭПШТЕЙН) Михаил Семёнович (1903 - 1949)

М. Голодный
СУДЬЯ РЕВТРИБУНАЛА

На Диевке-Сухачевке
Наш отряд.
А Махно зажег тюрьму
И мост взорвал.
На Озерку не пройти
От баррикад.
Заседает день и ночь
Ревтрибунал.

Стол накрыт сукном судейским
Под углом.
Сам Горба сидит во френче
За столом.

Суд идет революционный,
Правый суд.
Конвоиры гада женщину
Ведут.

«Ты гражданка Ларионова?
Садись!
Ты решила, что конина
Хуже крыс.
Ты крысятину варила нам
С борщом!

Ты хлеба нам подавала
Со стеклом!

Пули-выстрела не стоит
Твой обед.
Сорок бочек арестантов...
Десять лет!»

Суд идет революционный,
Правый суд.
Конвоиры начугрозыска
Ведут.

«Ну-ка, бывший начугрозыска,
Матяш,
Расскажи нам, сколько скрыл ты
С Беней краж?

Ты меня вводил, Чека вводил
В обман,
На Игрени брал ты взятки
У крестьян!
Сколько волка ни учи –
Он в лес опять...
К высшей мере без кассаций –
Расстрелять!»

Суд идет революционный,
Правый суд.
Конвоиры провокатора
Ведут.

«Сорок бочек арестантов!
Виноват!..
Если я не ошибаюсь,
Вы – мой брат.
Ну-ка, ближе, подсудимый.
Тише, стоп!
Узнаю у вас, братуха,
Батин лоб...

Вместе спали, вместе ели,
Вышли – врозь.
Перед смертью, значит,
Свидеться пришлось.
Воля партии – закон.
А я – солдат.
В штаб к Духонину! Прямей
Держитесь, брат!»

Суд идет революционный,
Правый суд.
Конвоиры песню «Яблочко»

Поют.

Вдоль по улице Казанской
Тишина.
Он домой идет, судья.
Его спина
Чуть сутулится. А дома
Ждет жена.
Кашу с воблой
Приготовила она.

Он стучит наганом в дверь:
«Бери детей.
Жги бумаги, две винтовки
Захвати!
Сорок бочек арестантов!..
Поживей.
На Диевку-Сухачевку
Нет пути!»

Суд идет революционный,
Правый суд.
В смертный бой мои товарищи
Идут.
1933

ГОНЧАРОВ Виктор Михайлович (1920 - 2001)

В. Гончаров
ДОЖДЬ

Я сегодня - дождь.
Пойду бродить по крышам,
Буйствовать, панели полоскать,
В трубах тарахтеть,
И никого не слышать,
Никому ни в чем не уступать.
Я сегодня буду самым смелым,
Самым робким –
Буду сам собой!
Разноцветным –
Синим,
Рыжим,
Белым,
Радугу открывшим над рекой!
И никто меня держать не будет,
Разве что штанишки засучив,
Детвора курносая запрудит
Ржавых крыш упругие ручьи.
Я сегодня - дождь,
И я ее поймаю,
Зацелую золотую прядь.
Захочу - до самого трамвая

Буду платье плотно прижимать.
Буду биться, падать на ресницы,
Молниями сам себя терзать!
Буду литься на чужие лица,
Буду злиться на ее глаза!
Я сегодня - дождь...
Обиженный и жалкий,
Перестану, стану высыхать...

А наутро свежие фиалки
Кто-то ей положит на кровать.

ГОРОДНИЦКИЙ Александр Моисеевич (род. 1933)

А. Городницкий
СНЕГ

Тихо по веткам шуршит снегопад,
Сучья трещат на огне.
В эти часы, когда все еще спят,
Что вспоминается мне?
Неба тяжёлого просинь,
Давние письма домой…
В царстве чахоточных сосен
Быстро сменяется осень
Долгой полярной зимой.

Снег, снег, снег, снег,
Снег над палаткой кружится.
Вот и кончается наш краткий ночлег.
Снег, снег, снег, снег…
Тихо на тундру ложится
По берегам замерзающих рек —
Снег, снег, снег.

Над Петроградской твоей стороной
Вьется веселый снежок.
Вспыхнет в ресницах звездой озорной,
Ляжет пушинкой у ног.
Тронул задумчивый иней
Кос твоих светлую прядь.
И над бульварами линий,
По-ленинградскому синий,
Вечер спустился опять.

Снег, снег, снег, снег,
Снег за окошком кружится…
Он не коснется твоих сомкнутых век.
Снег, снег, снег, снег…
Что тебе, милая, снится?
Над тишиной замерзающих рек —
Снег, снег, снег.

Долго ли сердце твое сберегу?
Ветер поет на пути.
Через туманы, мороз и пургу
Мне до тебя не дойти.
Вспомни же, если взгрустнется,
Наших стоянок огни.
Вплавь и пешком, как придется,
Песня к тебе доберется
Даже в нелетные дни.

Снег, снег, снег, снег,
Снег над тайгою кружится…
Вьюга заносит следы наших саней.
Снег, снег, снег, снег…
Пусть тебе нынче приснится
Залитый солнцем вокзальный перрон
Завтрашних дней.
1958

А. Городницкий
ПЕСНЯ ПОЛЯРНЫХ ЛЕТЧИКОВ

Кожаные куртки, брошенные в угол,
Тряпкой занавешенное низкое окно.
Бродит за ангарами северная вьюга,
В маленькой гостинице пусто и темно.

Командир со штурманом мотив припомнят старый,
Голову рукою подопрёт второй пилот,
Подтянувши струны старенькой гитары,
Следом бортмеханик им тихо подпоёт.

Эту песню грустную позабыть пора нам,--
Наглухо моторы и сердца зачехлены.
Снова тянет с берега снегом и туманом,
Снова ночь нелётная даже для луны.

Лысые романтики, воздушные бродяги,
Наша жизнь -- мальчишеские вечные года.
Прочь тоску гоните вы, выпитые фляги,
Ты, метеослужба, нам счастья нагадай!

Солнце незакатное и тёплый ветер с веста,
И штурвал послушный в стосковавшихся руках...
Ждите нас, невстреченные школьницы-невесты,
В маленьких асфальтовых южных городках!
1959

А. Городницкий
СЕВАСТОПОЛЬ ОСТАНЕТСЯ РУССКИМ

Пахнет дымом от павших знамен,
Мало проку от битвы жестокой.

Сдан последний вчера бастион,
И вступают враги в Севастополь.
И израненный молвит солдат,
Спотыкаясь на каменном спуске:
- Этот город вернется назад –
Севастополь останется русским!
- Этот город вернется назад –
Севастополь останется русским!

Над кормою приспущенный флаг,
В небе мессеров хищная стая.
Вдаль уходит последний моряк,
Корабельную бухту оставив,
И твердит он, смотря на закат,
И на берег покинутый, узкий:
- Этот город вернется назад –
Севастополь останется русским!
- Этот город вернется назад –
Севастополь останется русским!

Что сулит наступающий год?
Снова небо туманное мглисто.
Я ступаю в последний вельбот,
Покидающий Графскую пристань,
И шепчу я, прищурив глаза,
Не скрывая непрошеной грусти:
- Этот город вернется назад –
Севастополь останется русским!
- Этот город вернется назад –
Севастополь останется русским!

Над Приморьем гуляют ветра
И волну нагоняя с Востока
Севастополь тебе брат с утра
Шлют приветы из Владивостока
И конечно же каждый здесь рад
Что уж нету причин для дискуссии
Севастополь вернулся назад
И отныне всегда будет русским.
Севастополь вернулся назад
И отныне всегда будет русским.

ГРИБАЧЕВ Николай Матвеевич (1910 - 1992)

Н. Грибачев
ПРЕДВЕЧЕРЬЕ.

За Брянском,
Как рыжий охотник,
Когда заманила лиса,
Осеннее солнце уходит
За Почеп
В луга и леса.

И к ферме стекается стадо
У пыльной решетки оград,
И спелые яблоки сада,
Как лампочки, в кронах горят.

И в поле становится тише,
И в заводи вскинулся язь,
И телеантенами крыши
Выходят с планетой на связь.

Усталые вдумчивы лица
При том разговоре всерьез.
И только дорога курится
Пыльцой из-под теплых колес.

Творит назначенье мирское,
Что временем ей суждено.
Ни днем ей, ни ночью покоя.
А нам? А и нам заодно.
1983

ГРИГОРЬЕВ (ГОРИНШТЕЙН) Павел Григорьевич (1895 - 1961)

П. Григорьев
МАРШ ВОЙСК КИЕВСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА

Белая армия, чёрный барон
Снова готовят нам царский трон,
Но от тайги до британских морей
Красная Армия всех сильней.

Так пусть же Красная
Сжимает властно
Свой штык мозолистой рукой,
И все должны мы
Неудержимо
Идти в последний смертный бой!

Красная Армия, марш вперёд!
Реввоенсовет нас в бой зовёт.
Ведь от тайги до британских морей
Красная Армия всех сильней!

Так пусть же Красная
Сжимает властно
Свой штык мозолистой рукой,
И все должны мы
Неудержимо
Идти в последний смертный бой!

Мы раздуваем пожар мировой,
Церкви и тюрьмы сравняем с землёй.

Ведь от тайги до британских морей
Красная Армия всех сильней!

Так пусть же Красная
Сжимает властно
Свой штык мозолистой рукой,
С отрядом флотских
Товарищ Троцкий
Нас поведет в последний бой.
1920

ГРИНИН Михаил Ефимович (1948 - 1966)

М. Гринин
ЧЕСТЬ

Мальчики, вспомним историю,
Сказки времен забытых:
Рыцари, мушкетеры,
Всех и не перечесть…
Вспомни и слово, которое
Звало людей на битву,
Под пистолетное дуло,
Старое слово: ЧЕСТЬ!
Честь! Это слово имело
Страшную силу зова.
Это оно учило
Страх побеждать без слов.
Быть благородным в жизни,
Данное женщине слово
Верно нести до гроба
Сквозь седину годов.
Да, в старину мужчины
Крепче любить умели!
Ну, а сегодня что же?
Мы ли тому виной…
Или в двадцатом веке
Шпаги заплесневели,
Рыцарская галантность
Стала уже смешной?
Слишком уж твердолобы
Мы иногда бываем,
Как-то угасла заботливость,
Дескать, и так сойдет.
Даже слова любви мы
Очень порой заземляем,
Словно чего-то стесняемся
И прикрываем рот.
Часто услышат можно:
«Мол, в старину, без сомненья,
Тоньше и ярче любили,
Нынче ж любовь – пустяк…»
Но неужели не можем

Мы заслужить восхищенья,
Как заслужили Овод,
Грей, д'Артаньян, Бержерак?
Ну-ка, прямее, мальчишки!
Или мы хуже предков?
Воля, упорство, мужество –
Это у нас ведь есть!
Наши отцы ходили
Юношами в разведку.
Так воскресим же славу
Старого слова – ЧЕСТЬ!

ГРИНЬКО Николай (род. 1974)

Н. Гринько

***

О чем же ты плачешь, принцесса
Поправляя на полке корону?
Из дворцового сада вороны
Растащили по гнездам цветы.

Твои рыцари стали дельцами,
В твоем замке давно Дом культуры,
Он же памятник архитектуры:
Занавески, вахтерши, коты.

Так о чем же ты плачешь, принцесса?
По ушедшим балам, по парадам?
Парикам, кринолинам, нарядам?
Не надо, не плачь.

А помнишь, как было, принцесса,
Ты кормила Пегаса с ладошки,
Он пытался взлететь понарошку,
Хлопал крыльями, фыркал в ладонь.

Ты летала над целой страною,
Ты во сне говорила с капелью,
Танцевала, кружилась метелью,
Заклинала ветра и огонь.

Так зачем же ты плачешь, принцесса?
По ушедшим балам, по парадам?
Парикам, кринолинам, нарядам?
Не надо, не плачь.

Ничего не случилось, принцесса –
Ты выросла, это бывает.
Мы, покуда растем, забываем,
Что, взрослея, теряем себя.

Ничего не случилось, принцесса,

Так зачем же ты плачешь, не надо.
На дорожках дворцового сада
Твоя дочка играет в тебя.

ГРОМОВА Елена Алексеевна (род. 1977)

Е. Громова
СМЕРТЕЛЬНО РАНЕНЫЙ

Голубая больница,
Безнадежность очей
И тревожные лица
Медсестер и врачей.

Люди в белых халатах,
Боль зияющих ран...
И одета палата
В смертоносный туман.

Вот из памяти смутно
Предстают предо мной
То осенней утро,
И блокада, и бой.

Вот зажглась, как комета,
В небесах неспроста
Рокового рассвета
Огневая черта...

Вспышки ярко тонули
В вихре черного дня.
И солдатские пули
Повстречали меня.

Медсестра, медсестричка,
Что ты плачешь, скажи?
Догорает, как спичка
Нить мятежной души.

Не страдай же, тоскуя,
И не плачь обо мне.
Может, счастье найду я
В неизвестной стране.

Что там ждет, мы не знаем.
Может, там за чертой
Нет ни ада, ни рая –
Все слилось с пустотой.

Может, нет там злодеев
В той чудесной стране,
Только ангелы реют
В бесконечной весне.

Может, нет там тиранов –
Лишь свобода и свет...
Как болит эта рана!
Слабых сил больше нет!

И пьянит и дурманит
Воздух, как анаша.
Жизнь, прощай... Улетает
В Бесконечность душа.
Октябрь 1993

ГРЯЗНОВ Андрей Иннокентьевич (1920 - 1949)
КОРОТАЕВА Любовь Георгиевна (1918 - 2000)
ПЕРСИЯНИНОВ Николай Борисович (1912 - 1945)

А. Грязнов
Л. Коротаева
Н. Персиянинов
БАКСАНСКАЯ

Где снега тропинки заметают,
Где вершины грозные стоят,
Эту песнь сложил и распевает
Альпинистов боевой отряд

Нам в боях родными стали горы
Не страшны бураны и пурга.
Дан приказ, не долги были сборы
На разведку в логово врага.

Помнишь, товарищ,
Белые снега,
Стройный лес Баксана,
Блиндажи врага
Помнишь гранату и записку в ней
Под скалистым гребнем для грядущих дней

На костре в дыму трещали ветки,
В котелке дымился крепкий чай.
Ты пришел усталый из разведки,
Много пил и столько же молчал.

Синими замерзшими руками
Протирал вспотевший автомат,
Глубоко вздыхая временами,
Головой откинувшись назад.

Помнишь, товарищ, вой ночной пурги,
Помнишь, как кричали нам в лицо враги,
Помнишь, как ответил с ревом автомат,
Помнишь, как вернулись мы с тобой в отряд.

Там, где днем и ночью крутят шквалы,
Где вершины грозные в снегу,
Мы закрыли прочно перевалы
И ни шагу не дали врагу.

День придет, решительным ударом,
В бой пойдет народ в последний раз,
И тогда он скажет, что не даром
Мы стояли насмерть за Кавказ.

Время былое пролетит как дым
В памяти развеет прошлого следы,
Но не забыть нам этих грозных дней,
Вечно сохраним их в памяти своей.

Шуткам не учат в наших лагерях,
Если придется воевать в горах
Вместо ледоруба возьмешь ты автомат,
Словно на страховке, прижмешь его приклад.

Вспомни, товарищ, белые снега,
Стройный лес Баксана, блиндажи врага,
Кости на Бассе, могилы под Ужбой,
Вспомни товарищ, вспомни дорогой.
1943

ГУБАНОВ Леонид Георгиевич (1946 - 1983)

Л. Губанов
***

Неужели опять опрокинет Иуда,
Как бокалы с кагором, чужие слова,
Неужели опять между светом и блудом
Забинтованных женщин пойду целовать?!

Неужели опять одиночества ради
На рубашки порву я свою простыню?
Обрасту, как монах, и умру в Ленинграде
И на мраморной туче всю ночь простою?!

Нет, нет, нет,
Невдомёк окаянному принцу,
Что не олово – грустную голову лью
И пою, как поют все небесные птицы,
Наизусть затвердившие Биб-ли-ю.

ГУДЗЕНКО Семён Петрович (1922 - 1953)

С. Гудзенко
БАЛЛАДА О ВЕРНОСТИ

Написано много о ревности,

о верности, о неверности.
О том, что встречаются двое,
а третий тоскует в походе.

Мы ночью ворвались в Одоев,
пути расчищая пехоте.
И, спирт разбавляя водою,
на пламя глядели устало.

(Нам все это так знакомо!..)
Но вот на пороге встала
хозяйка нашего дома.

Конечно, товарищ мой срочно
был вызван в штаб к военкому.
Конечно, как будто нарочно
одни мы остались дома.

Тяжелая доля солдаток.
Тоскою сведенное тело.
О, как мне в тот миг захотелось
не вшивым, не бородатым,—
быть чистым, с душистою кожей.
Быть нежным хотелось мне. Боже!..

В ту ночь мы не ведали горя.
Шаблон: мы одни были в мире...
Но вдруг услыхал я: Григорий...
И тихо ответил: Мария...

Мария! В далеком Ишиме
ты письма читаешь губами.
Любовь — как Сибирь — нерушима.
Но входит, скрипя костылями,
солдат никому не знакомый,
как я здесь, тоской опаленный.
Его оставляешь ты дома.
И вдруг называешь: Семеном.

Мария! Мое это имя.
И большего знать мне не надо.
Ты письмами дышишь моими.
Я знаю. Я верю. Ты рядом.
1942

С. Гудзенко
***

Нас не нужно жалеть, ведь и мы никого б не жалели.
Мы пред нашим комбатом, как пред господом богом, чисты.
На живых порыжели от крови и глины шинели,
на могилах у мертвых расцвели голубые цветы.

Расцвели и опали... Проходит четвертая осень.
Наши матери плачут, и ровесницы молча грустят.
Мы не знали любви, не изведали счастья ремесел,
нам досталась на долю нелегкая участь солдат.

У погодков моих ни стихов, ни любви, ни покоя –
только сила и зависть. А когда мы вернемся с войны, в
се долюбим сполна и напишем, ровесник, такое,
что отцами-солдатами будут гордится сыны.

Ну, а кто не вернется? Кому долюбить не придется?
Ну, а кто в сорок первом был первою пулей сражен?
Зарыдает ровесница, мать на пороге забьется,-
у погодков моих ни стихов, ни покоя, ни жен.

Кто вернется - долюбит? Нет! Сердца на это не хватит,
и не надо погибшим, чтоб живые любили за них.
Нет мужчины в семье - нет детей, нет хозяина в хате.
Разве горю такому помогут рыданья живых?

Нас не нужно жалеть, ведь и мы никого б не жалели.
Кто в атаку ходил, кто делился последним куском,
Тот поймет эту правду, - она к нам в окопы и щели
приходила поспорить ворчливым, охрипшим баском.

Пусть живые запомнят, и пусть поколения знают
эту взятую с боем суровую правду солдат.
И твои костыли, и смертельная рана сквозная,
и могилы над Волгой, где тысячи юных лежат,-

это наша судьба, это с ней мы ругались и пели,
подымались в атаку и рвали над Бугом мосты.
...Нас не нужно жалеть, ведь и мы никого б не жалели,
Мы пред нашей Россией и в трудное время чисты.

А когда мы вернемся,- а мы возвратимся с победой,
все, как черти, упрямы, как люди, живучи и злы,-
пусть нам пива наварят и мяса нажарят к обеду,
чтоб на ножках дубовых повсюду ломились столы.

Мы поклонимся в ноги родным исстрадавшимся людям,
матерей расцелуем и подруг, что дождались, любя.
Вот когда мы вернемся домой и победу штыками добудем –
все долюбим, ровесник, и снова работу найдем для себя.
1945

С. Гудзенко
***

Я был пехотой в поле чистом,
в грязи окопной и в огне.
Я стал армейским журналистом
в последний год на той войне.

Но если снова воевать...
Таков уже закон:
пускай меня пошлют опять
в стрелковый батальон.
Быть под началом у старшин
хотя бы треть пути,
потом могу я с тех вершин
в поэзию сойти.
1945

ГУНЬКО Борис Михайлович (1933 - 2006)

Б. Гунько
КОЗЛЫ

Чуть только к обеду приблизится днь,
В объятьях табачного дыма,
Отбросив привычную русскую лень,
Взрывается матершина.

И вам за стеною никак не понять,
Да что ж там случилось такое:
То яйца какие-то станут считать,
То рыбу какую-то ловят.

Как будто стучит барабанная дробь,
Насквозь тишину разрыва,
…Аж с пяток собрав все морщины на лоб,
Учёный… Козла забивает!

С величием дятла, долбящего сук,
С усердием, ставшим привычкой,
Шестерочный «дупль» кандидат наук
Глушит замусоленной фишкой.

От давки к стене прилепив живот,
И шею жирафом выставим
Кашлем до зелени матом рвет
Дядю какого-то пришлого…

А рядом, волнуясь, сидят и стоят
На корточках и на цыпочках,
Просунув сквозь дым лишь язык да глаза,
Какие-то нервные типчики…

Иному хоть в голову кол забей,
Хоть Лоллобриджидой разденься,
Хоть в задницу море Балтийское влей,
Не чувствуют, нет, не шевелятся.

Но только попробуй хоть раз в сто лет
«Пятерку» с «шестеркой» спутать.
Шалишь! Заорут, как взбесившийся лев,

Ежа по ошибке скушавший!

И тут матершинники входят в раж,
Такими бросаются шутками,
Девицам невинным кажется аж,
Что их раздевают и щупают.

И это, хоть трудно поверить сему,
Увы, каждый день продолжается…
А ГДЛЕ-ТО ВЕДЬ ПТИЦЫ ПОЮТ ВЕСНУ,
И КУБА В ОГНЕ СРАЖАЕТСЯ!
1960

Б. Гунько
ГОСПОДА РАБОЧИЕ!

Господа рабочие, ИТР и прочие!
Как там ваши акции, ваучеры как?
Вы ж такие львы были, когда рвались к прибыли,
что чуть не угробили бедных коммуняк!

Теперь уничтоженный социализм
почаще с тоской вспоминай!
Ты же сам выбирал эту скотскую жизнь –
ка-пи-та-лис-ти-чес-кий рай!

Господа рабочие, чем вы озабочены?
Видно, льются денежки бешеным дождем!?
Чай, открыли лавочки вы на те халявочки,
что вам напророчены свердловским вождем?!

Господа рабочие, вы ж теперь хозяева!
Вот, небось, покушали, до упора, всласть!?
Или вас обставили, чуть вы пасть раззявили
на добро народное, чтоб его украсть?

Господа рабочие! Коммуняк не слушайте!
Хоть сто раз по морде вас — за буржуя стой!
Плюнет в морду — вытрите! Плюнет в душу — скушайте!
Ничего, проглотите, вы ж народ простой !

Коммуняки наглые, те, что машут флагами,
вам твердят про Родину. А на кой она?
Вот набить утробину — это дело благое!
А идеология быдлу на хрена?

Господа рабочие! Вы ж теперь свободные
ото всех навязанных вам когда-то прав.
Потому не очень-то войте: “Мама родная!”.
Будет жизнь голодная при крутых ворах!

И не ждите жалости! Вы же сами, голуби,
захотели шалостей в рыночном раю!

А, теперь, пожалуйста, хоть топитесь в проруби
иль хоть суйте голову “умную” в петлю !

Ну, а коль не нравится, так пора исправиться
и буржую наглому наломать бока.
Вновь под Красным Знаменем Родина-красавица
станет, как при Сталине, молода-крепка!

И тогда завоеванный социализм,
как душу свою, береги.
Ты ведь понял теперь, где кошмар, а где жизнь
и куда тебя манят враги.

Б. Гунько
***

Когда коснеющий в пороке старый мир
Уже готов был к самоисстребленью,
Ему высокий Разум воскресил
Из тьмы веков великую Идею.

Не в первый раз, увы, не в первый раз
Она спасенье миру предлагала,
И вряд ли ныне кто-нибудь из нас
Укажет, где лежит ее начало.

Еще Христос средь дикости людской
Ее огнем сердца так жарко трогал,
Что назван был восторженной толпой
Спасителем, Мессией, Сыном Бога.

Он говорил, что нужно жить любя,
Что не дано спасения иного,
Что путь единственный к спасению себя
Лежит через спасение другого.

И шли века. И зрела эта мысль.
И увлекала в райскую нирвану.
И, вновь распят, он возносился ввысь
Над страшным миром лжи и чистогана.

И грянул век, когда не Бог, не Царь
И не Герой, а труд животворящий
В самом себе открыл дорогу в рай.
И не в загробной жизни, в настоящей!

И встал с колен великий мой народ,
И сразу стал неповторимо молод.
И властно устремили мир вперед
Скрещенные над миром Серп и Молот.

Тот новый Крест был прежнего Креста
Преемником естественным и правым.

И старый мир затеял неспроста
Над ним свою коварную расправу.

Не смог его он силой побороть
И взял тогда иное направленье,
Чтоб одолеть и дух его, и плоть
До мелочей расчитанным растленьем.

И он пустил свой трупный сладкий яд
Рекою лжи в сознание народа.
И был народ рекою той объят,
Вдруг превращен в ничтожного урода.

И весь великий труд бесчисленных веков,
Созвездья подвигов и мысли исполинской,
Послушно став страною дураков,
Отдал народ за право жить во свински.

И все, что знал, кощунственно забыл.
И что любил, чему так жарко верил,
В бреду кликушества попрал и оскорбил
Бессмысленной, позорною изменой...

И снова все сначала и сполна –
Кровь, нищета, путь из баранов в люди,
И, может быть, последняя война,
После которой ничего не будет.

И только через много тысяч лет,
Когда туман иссякнет ядовитый,
Возникнет жизнь и сумрачный рассвет
Вновь позовет к страданиям и битвам.

Все может быть... Но может и не быть.
И никогда не вспыхнет факел Жизни,
Коль столько раз мы не могли доплыть
До благодатной тверди Коммунизма.
1998

Б. Гунько
***

Ивановы, Петровы, Володины,
Горделивый когда-то народ,
Как же это случилось, что Родину
Чуть не каждый из Вас предает.

Обольстили вас вороги блестками,
И случилась такая беда,
Что привили вам похоти плотские,
И лишили любви и стыда.

И ликуя, как те краснокожие,

Что продались за дюжину бус,
До такого позора вы дожили,
Так жестоко унизили Русь!

Пробудилась в вас алчность жестокая,
Ослепил вас неоновый блеск,
Наплевали на совесть высокую,
На державе поставили крест.

Кузьмичи, Ильичи и Петровичи,
Что ж теперь принялись вы трубить,
Будто это одни Рабиновичи
Умудрились страну загубить.

Сколько вас, ловкачей вороватеньких,
Но безмерно довольных собой,
Лжепророков, картавых ораторов,
Волочили страну на убой.

Журналисты, юристы, писатели,
Ненасытный, откормленный сброд,
Как же вы оплевали, изгадили,
Как растлили великий народ!

Новой жизни учиться заставили
У бандитов, воров и хапуг,
Красны девки в борделях поставили7
Свое тело на рынок услуг.

И страну, баснословно богатую,
Оболгав, разорили дотла,
Без вины, как всегда, виноватая,
Тихо стонет Россия моя.

Знать, до самого края доехали,
Всюду лжец, лихоимец и трус.
Ивановых полно, только некому
Защитить горемычную Русь!

ДЕГЕН Иона Лазаревич (1925 - 2017)

И. Деген
***

Мой товарищ, в смертельной агонии.
Не зови понапрасну друзей.
Дай-ка лучше согрею ладони я
Над дымящейся кровью твоей.

Ты не плачь, не стони, ты не маленький,
Ты не ранен, ты просто убит.
Дай на память сниму с тебя валенки.
Нам еще наступать предстоит.

1944

ДЕМЕНТЬЕВ Андрей Дмитриевич (1928 - 2018)

А. Дементьев
БАЛЛАДА О ВЕРНОСТИ

Отцы умчались в шлемах краснозвездных.
И матерям отныне не до сна.
Звенит от сабель над Россией воздух.
Копытами разбита тишина.
Мужей ждут жены. Ждут деревни русские.
И кто-то не вернется, может быть…
А в колыбелях спят мальчишки русые,
Которым в сорок первом уходить.
1
Заслышав топот, за околицу
Бежал мальчонка лет шести.
Все ждал: сейчас примчится конница
И батька с флагом впереди.
Он поравняется с мальчишкой,
Возьмет его к себе в седло…
Но что-то кони медлят слишком
И не врываются в село.
А ночью мать подушке мятой
Проплачет правду до конца.
И утром глянет виновато
На сына, ждущего отца.
О, сколько в годы те тревожные
Росло отчаянных парней,
Что на земле так мало прожили,
Да много сделали на ней.
2
Прошли года.
В краю пустынном
Над старым холмиком звезда.
И вот вдова с любимым сыном
За сотни верст пришла сюда.
Цвели цветы. Пылало лето.
И душно пахло чебрецом.
Вот так в степи мальчишка этот
Впервые встретился с отцом.
Прочел, глотая слезы, имя,
Что сам носил двадцатый год…
Еще не зная, что над ними
Темнел в тревоге небосвод,
Что скоро грянет сорок первый,
Что будет смерть со всех сторон,
Что в Польше под звездой фанерной
Свое оставит имя он.

…Вначале сын ей снился часто.
Хотя война давно прошла,

Я слышу: кони мчатся, мчатся.
Все мимо нашего села.
И снова, мыкая бессонницу,
Итожа долгое житье,
Идет старушка за околицу,
Куда носился сын ее.
«Уж больно редко, — скажет глухо,
Дают военным отпуска…»

И этот памятник разлукам
Увидит внук издалека.

ДЕМЕНТЬЕВ Николай Иванович (1907 - 1935)

Н. Дементьев
ОТВЕТ ЭДУАРДУ БАГРИЦКОМУ

> - Военком Дементьев,
> Саблю наголо!..
> ...Багрицкий, довольно,
> Что за бред!..
> Романтика уволена
> За выслугой лет.
> Э. Багрицкий "Разговор
> с комсомольцем Н. Дементьевым".

К мечтателям нынешний век не жесток –
Напраслину не возведет.
И нас, допризЫвников, не ханжествО
В грядущем и нынешнем ждет.

Багрицкий! Мечтательность с нами всегда.
Иначе - не шли бы мы так:
Сквозь строй безработиц, сквозь тягло труда,
Сквозь нищенство быта и мрак.

Вы правы в одном, фантазер Эдуард,
Романтики старой приемыш и бард:
За это, сумбурным прошедшее сном,
За время смертей и побед
Не счесть их, уволенных без орденов,
Без пенсий за выслугой лет.

Обугленный мир малярией горел,
Прибалтики снежный покров
Оттаивал кровью, когда на расстрел
Пошел террорист Гумилев.

Гудели морозы, когда в ледниках,
Под женин и тетушкин плач
Скользил на седых волкодавах в снега
К Полярному кругу нэпач.

Так падали пасынки нашей поры,
Но каждый ребенок поймет:
Романтику мы не ссылали в Нарым,
Ее не пускали в расход.

По-прежнему об руку с нею идя,
Мотор заводя, города громоздя,
Любимых целуя, мы глаз не слепим
Романтикой кавалерийской степи.

Изведав и жертву отдав не одну,
Мы знаем и мы проклинаем войну.
Мы встретим отпором ее, на перрон
Нахлынем стогорлым Гужоном.
Горячею дробью свисток заряжен,
Мы тронемся - вслед разряжен он.

Пугливые дети забьются в дому,
У стрелочниц ветер развеет платки,
Солдаты споют про окопы в дыму,
В домах запоют от тоски.

А после над страхом, нависшим внизу
Багетами скомканных штор,
Не вор и не ворон посеет грозу –
Крикливый двукрылый мотор.

Картина обманчива, но такова:
Под крыльями медленно ляжет Москва,
И через неделю начнут токовать
В развалинах тетерева.

Пернатое гнезда на крышах совьет,
Под крышами - волчий уют.
Изгложут и выклюют сердце мое,
Замолкшее в этом бою.

Разруха повеет крылом вороным,
В траве погребальные звоны:
Багрицкий! Романтика против войны:
Регалии старые отменены
И проданы с аукциона.

Теперь веселее! Взбегаем на плот,
Охотимся бором и гаем,
Взрываем пласты торфяных болот,
Работаем, спорим, играем.

Романтика возненавидела смерть.
Бессонная, не отдыхая,
Умеет по-прежнему жить и гореть
в такт нашим сердцам и дыханью.
1927

Н. Дементьев
МАТЬ

Толпы с поезда. Ну, и народ! Впрямь как с шабаша:
Прут и прут, не допрутся пока...
- Тише! Бабку затискали! Что тебе, бабушка?
"Мне б Петрушу..." - Которого это? - "Сынка..."

Бултыхает старуха баулом и чайником.
У возниц, у шоферов, у публики - смех:
- Это что ж за петрушка такая? - "Начальник он..."
- Тут начальников много... - "Так мой - выше всех".

Уморила!
Над сборищем этим, над сонмом
Гогот, хохот, шибающий в пот.
Вдруг один кучерок как смекнет, да как вспомнит,
Что начальник строительства –
Правильно - Петр!

Кулаком по мордам
Лошадей задремавших,
Чтоб стояли,
Чтоб выглядели, как орлы!
Сено - в ноги. Кнут - в руки:
"Садитесь, мамаша!.."

Ой, железные шины круты и круглы!
Ты качайся, на клевере вскормленный мерин!
Вороная кобылка, пластайся в разлет!
Обернется, башкой помотает - и верит –

И не верит. А бабушка носом клюет.
Кацавейка на ней - не по-летнему - ватная.
Ишь! горбатая... Ишь! - неприглядная вся...
Загорелая, старая и рябоватая...

...У начальника в комнате
Карты висят...
На кровати начальника - простыни взрыты.
Шторы - настежь,
И солнце –
По всем косякам,
Книгам, стеклам, приборам...
Слепящая бритва
Пышет в зеркало,
А перед зеркалом! - сам.
Крепкий, свежий, еще не успел приодеться,
Напевает чего-то в усы и под нос,
Пена шлепается на полотенце...

Входит возчик:

"Мамашу - в порядке довез..."

А за возчиком,
В белом платочке и валенках,
Что-то давнее-давнее, и не узнать...
Вспоминал... вспоминал... вспоминал...
Вспомнил - Маменька! –
"Я, Петруша! Я, милый! Я, кровный! Я - мать"...

Отобрал у нее узелки и баулы,
Рассовал под столы, оглянулся мельком.
Усадил, оглядел ее всю...-
И пахнуло
Детством - речкой, репейником, молоком,
Молодыми рябинами над оградами.
Рубашонкой в заплатах, сестренкой в соплях...

- Мама! Мамонька!
Чем же тебя мне порадовать?
Ты, наверно, с дороги устала, приляг.
Уложил ее, старенькую, на топчанике,
Одеялом, коротенькую,- до бровей...

- Самоварчик?
У нас, понимаешь ли,- чайники...
В церкву хочешь?
А я и не строил церквей.

Ну, да ты не волнуйся! Ты мало грешила,
Я ж тебя от любого греха излечу.
Знаешь, мамонька, что?
У меня есть машина.
Я тебя по строительству прокачу.

Ты посмотришь, чего мы настроили... Дела ж
До сих пор полон рот - и какие дела!
Покатаемся? Хочется? –
"Что ты! И где уж!"

Два денечка поохала
И померла.

А начальника мы уважали.
Не с ним ли
Возвели комбинат за четыре зимы?
Вышло так, что мамашу его хоронили
Всем строительством, всеми бригадами мы.

В полдень, как по сигналу,-
Сойтись и собраться!
В разогретый асфальт –
Многотысячный шаг!
Тихо, тихо прошел в голове демонстрации

Пятитонный, задернутый черным "фомаг".

Там четыре партийца
Почетною вахтою
Охраняют стоймя,
Не опершись на борт,
Загорелую, старую и рябоватую
Мать начальника наших работ.

Мы проходим, работоупорные жители,
Мимо ясных от яркого света громад.
Автогеном мерцает
Машиностроительный,
Равномерно работает
Химкомбинат.

Мерно медные трубы
Оркестра умелого,
На девчонках платочки
Весенних цветов...
...Ничего не видала
И мало что сделала
За семь с лишним десятков
Бедняцких годов.
На голодной степи, у дороги, - песочек.
Бабий голос - еще молодой - одинок...

Сын приехал
С уральских заводов,
Вальцовщиком,
Прогармонил недельку –
И смылся сынок.

А у ней, как и встарь, догнивает под дождиком
Ощетиненный, малоколосистый сноп...

Сын приехал,
Бежавши из ссылки
Подпольщиком,
Ночевал на овине –
И смылся сынок.
А она - со скотом - поднимается раненько.
Уж от старости пальцы пускаются в пляс...

Сын приехал
С гражданского фронта.
Израненный,
Отдохнул - и на фронт!
А она осталась...

Протащилась,
Не чуя ни горя, ни времени,
Через двадцать беременностей и смертей...

...Мы положим тебя,
Аграфена Ефремовна,
В парке отдыха
У пионерлагерей

Через светлые,
Через стеклянные версты
Сын тебя провожает,
Как через века...

Это строили мы
Под его руководством –
Инженера, начальника, большевика.
Это мы возводили,
Чтобы крепче дышалось,
Чтобы легче работалось,
Лучше жилось,
Чтобы с ног не валила
Ни хворь,
Ни усталость...

Мы положим тебя
У веселых берез,
Изможденную, темную мать неимущих,
Всех, кто новым и властным! хозяином встал.

Пусть в оркестре
Все трубы играют "Замучен
Тяжелой неволей..."
И "Интернационал"!
1933

ДЕНИСЬЕВСКИЙ Алексей Евгеньевич ()

А. Денисьевский
ОХОТА НА ВОЛКОВ

Играл горнист, все развернулись цепью,
И лучшие стрелки застыли, взяв прицел.
Ведь генерал Попов сказал, что дело чести
Волчатины добыть и полк наш будет цел.

На красные флажки зверей погнали звери.
А лучшие стрелки застыли, взяв прицел.
Но генерал Попов комбату не поверил
И вышел на тропу, чтоб наблюдать расстрел.

Охота на волков – безумная затея,
От крови сатанея, волков в прицел держи…
Охота на волков – безумная затея…
Охота на волков ценою в чью-то жизнь.

Стремительно летят по коридору звери…
И лучшие стрелки стреляют на бегу,
И в этот волчий ад как будто не поверил
Лишь генерал Попов, лежащий на снегу.

Пошел под трибунал комбат, «Слуга Отчизны»,
Расформировал полк, распущены стрелки.
Здесь генерал Попов провел остаток жизни,
А уцелевший волк здесь перешел флажки.

Охота на волков – безумная затея,
От крови сатанея, волков в прицел держи…
Охота на волков – безумная затея…
Охота на волков ценою в чью-то жизнь.

ДЖАБАЕВ Джамбул (1846 - 1945)

Д. Джабаев
ДУХИ

Зря, парикмахер, ты льешь духи
Джамбулу за воротник:
В стареньком кресле твоем сидит
Не юноша, а старик.

Я черным когда-то и стройным был –
Согбенным стал и седым,
И нету в живых никого из тех,
Кто знал меня молодым.

Железо - как ты его ни точи –
Станет ли клинком?
Кляча, как ты ее ни холь –
Станет ли скакуном?

Так из Джамбула, что тут сидит,
Строчки шепча стихов,
Может ли выйти лихой джигит,
Сколько ни трать духов?

Как в старых колодах бубновый король,
Я дряхлым по виду стал,
И буду таким же, какой бы огонь
В сердце моем ни пылал.
1935

Д. Джабаев
ЛЕНИНГРАДЦЫ, ДЕТИ МОИ.

Ленинградцы, дети мои!
Ленинградцы, гордость моя!
Мне в струе степного ручья
Виден отблеск невской струи.

Если вдоль снеговых хребтов
Взором старческим я скольжу, -
Вижу своды ваших мостов,
Зорь балтийских голубизну,
Фонарей вечерних рои,
Золоченых крыш острия…
Ленинградцы, дети мои!
Ленинградцы, гордость моя!
Не затем я на свете жил,
Чтоб разбойничий чуять смрад,
Не затем вам, братья, служил
Чтоб забрался ползучий гад
В город сказочный, в город сад;
Не затем к себе Ленинград
Взор Джамбула приворожил!
А затем я на свете жил,
Чтобы сброд фашистских громил,
Не успев отпрянуть назад,
Волчьи кости свои сложил
У священных ваших оград.
Вот зачем на север бегут
Казахстанских рельс колеи,
Вот зачем Неву берегут
Ваших набережных края,
Ленинградцы, дети мои,
Ленинградцы, гордость моя,
Ваших дедов помнит Джамбул,
Ваших прадедов помнит он:
Их ссылали в его аул
И кандальный он слышал звон.
Пережив четырех царей,
Испытал я свирепость их;
Я хотел, чтоб пала скорей
Петербургская крепость их;
Я под рокот моей струны
Воспевал, уже поседев,
Грозный ход балтийской волны,
Где бурлил всенародный гнев.
Это в ваших стройных домах
Проблеск ленинских слов-лучей
Заиграл впервые впотьмах!
Это ваш и больше ничей
Первый натиск его речей
И руки его первый взмах!
Ваших лучших станков дары
Киров нам привез неспроста:
Мы родня вам с давней поры,
Ближе брата, ближе сестры
Ленинграду Алма-Ата.

***

Что же слышит Джамбул теперь?
К вам в стальную ломится дверь,

Словно вечность проголодав, -
Обезумевший от потерь
Многоглавый жадный удав…
Сдохнет он у ваших застав!
Без зубов и без чешуи
Будет в корчах шипеть змея!
Будут снова петь соловьи,
Будет вольной наша семья,
Ленинградцы, дети мои,
Ленинградцы, гордость моя!

***
Ленинград сильней и грозней,
Чем в любой из прежних годов:
Он напор отразить готов!
Не расколют его камней,
Не растопчут его садов.
К Ленинграду со всех концов
Направляются поезда,
Провожают своих бойцуов
Наши села и города.
Взор страны грозово-свинцов,
И готова уже узда
На зарвавшихся подлецов.

***
Предстоят большие бои,
Но не будет врагам житья!
Спать не в силах сегодня я…
Пусть подмогою будут, друзья,
Песни вам на рассвете мои,
Ленинградцы, дети мои,
Ленинградцы, гордость моя!
Сентябрь 1941

ДЖАЛИЛЬ Муса (ЗАЛИЛОВ Муса Мустафаевич) (1906 - 1944)

М. Джалиль
ВОЛКИ

Люди кровь проливают в боях:
Сколько тысяч за сутки умрет!
Чуя запах добычи, вблизи
Рыщут волки всю ночь напролет.

Разгораются волчьи глаза:
Сколько мяса людей и коней!
Вот ночной перестрелки цена!
Вот ночной урожай батарей!

Волчьей стаи вожак матерой
Предвкушением пира хмелен,
Так и замер: его пригвоздил

Чуть не рядом раздавшийся стон.

То к березе припав головой,
Бредил раненый, болью томим,
И береза склонилась над ним,
Словно мать, убивалась над ним.

Все, жалеючи, плачет вокруг,
Изо всех стебельков и листков
Оседает в траве не роса,
А невинные слезы цветов.

Старый волк постоял над бойцом,
Осмотрел и обнюхал его,
Для чего-то в глаза заглянул,
Но не сделал ему ничего...

На рассвете и люди пришли.
Видят, раненый дышит чуть-чуть,
А надежда то все-таки есть
Эту искорку жизни раздуть.

Люди в тело загнали сперва
Раскаленные шомпола,
А потом на березе в петле
Эта слабая жизнь умерла.

Люди кровь проливают в боях:
Сколько тысяч за сутки умрет!
Чуя запах добычи, вблизи,
Рыщут волки всю ночь напролет.

Что там волки! Ужасней и злей
Стаи хищных двуногих зверей.
Март 1943, тюрьма Моабит

ДИАС ПАСКУАЛЬ Надежда Ивановна (род. 1959)

Н. Диас Паскуаль
ПЕРВЫЙ УЧИТЕЛЬ

На первой парте слева у окна
Сидел я с Лизой в классе во втором.
Она была игрива и смешна
И угощала вкусным пирогом.

Но в этот день не ладились дела,
Возникла ссора, так, из пустяка.
И Лиза Колю угощать пошла,
И Вася мне отвесил тумака.

Я на уроке хмурый, злой сидел,
И получил я двойку у доски.

Нарочно стулом громко загремел
И разорвал дневник свой на куски.
Учитель мне ни слова не сказал,
Он до конца задачу объяснил.
А класс всё слушал, молча записал,
Уж очень он учителя любил.

И за меня всем стыдно было им,
И на меня смотрели их глаза,
И обжигали холодом своим,
И в них таилась скрытая гроза.

Учитель наш, он справедливым был,
Он не имел любимцев никогда,
И он на помощь первым приходил,
Когда случалась горькая беда.

Прошел урок и зазвенел звонок
И детвора отправилась домой.
Я задержался у дверей чуток
И почему-то был я сам не свой.

«Ну, что случилось, Ваня у тебя?
В чем виноват твой верный друг дневник?
Учись, дружище, сдерживать себя,
Чтобы дурной характер не возник.», -

Сказал мне строго так учитель мой,
По волосам моим рукой провел,
И стал тогда мне близкий и родной,
Ведь у него поддержку я нашел.

И помню, как краснел я до волос,
Когда свою ошибку исправлял.
И мне слезою щекотало нос,
Когда «Простите» тихо я сказал.

Все это было много лет назад.
Теперь другие дети в классе том,
Но учит их всё тот же добрый взгляд,
Который был когда-то мне знаком.

И я теперь осеннею порой
Иду с сынишкой в школу по утрам.
Его встречает там учитель мой,
Чтоб научить задачам и словам.

Когда наступит праздник в октябре,
Ему мы два букета понесем,
И находясь на школьном на дворе
Я стану вновь его учеником.
27 сентября 1998

Н. Диас Паскуаль

Я о книгах хочу сказать.
Словно люди они живые.
Как на поле огромном рать,
И все воины удалые.

Или луг, что стоит в цвету.
Василек или мятлик – книга.
Ты прочти её красоту,
Разгляди её тайну лика.

Разглядишь и поймешь тогда,
Что не зря говорили деды:
«С книгой умной дружи всегда,
От незнания в жизни беды».
15 октября 2001

Н. Диас Паскуаль
МОИМ ЛЮБИМЫМ ДЕТЯМ…

Эти мальчики – герои,
Важный богатырский вид.
Подружиться с ними стоит,
Пусть боится их бандит.
Руки дружно поднимают
Друга не дают избить,
Книжки умные читают,
Любят жизнь и любят жить.

Но, бывает, рот откроют –
Только уши зажимай!
Матом кроют, матом кроют.
Знай, мол, наших, наших знай.

И они уж не герои
Нет бывалой красоты.
Вызывает тот, кто кроет
Чувство мерзкой пустоты.

Эти девушки красивы
В платьях утренней зари.
Шаловливы и игривы,
Взгляд улыбкою горит.

Но, когда слова плохие
Громко парню говорят,
Мол, смотрите, мы лихие,
Даже дьявол нам не брат.

Вот тогда мне грустно очень,
Сердце плачет и щемит.
Ведь они себя порочат.

Жуткий вид, нахальный вид.

Красота исчезла сразу,
Обаянья больше нет.
Слово гадкое, заразу,
Извлекли на белый свет.

Этих слов мы так стыдились,
Объявили им войну.
Но они опять родились
И заполнили страну.

Ах, как горько и обидно!
Но пойми же, молодежь,
Бескультурье твое видно,
Пошлый мир ты создаешь.

Ты родителей позоришь,
Деда, бабушку, отца,
Когда эту гадость порешь
Без смущенного лица.

Были девушки красивы
В платье утренней зари…
14 января 1998

ДОБРЫНИН Андрей Владимирович (род. 1957)

А. Добрынин
***

Улица Ленина, бюст Ильича
Пьяная кодла бредет, хохоча.
Вдруг предводитель, Педрилов Кузьма,
Вынул из ж… пригоршню д…а
И прилепил Ильичу к бороде
С криком: "Наставили лысых везде!"
Тут прогремел оглушительный гром,
Вздулся асфальт колоссальным бугром,
Крикнул Педрилов : "Ребята, п…ц!" –
И провалился под землю подлец.
Все остальные от страха тряслись,
В небе же молнии грозно вились,
И освещал их блистающий бич…

А в небесах улыбался Ильич…
1993

А. Добрынин
***

Недавно на дюнах латвийского взморья
Клялись умереть за культуру отцов

Латвийский поэт Константинас Григорьевс,
Латвийский прозаик Вадимс Степанцовс.

Вокруг одобрительно сосны скрипели
И ветер швырялся горстями песка.
Латвийские дайны писатели пели,
Поскольку изрядно хлебнули пивка.

Сказал Степанцовс: "Эти песни - подспорье,
Чтоб русских осилить в конце-то концов".
"Согласен", - сказал Константинас Григорьевс,
"Еще бы", - заметил Вадимс Степанцовс.

Сказал Степанцовс: - "Где Кавказа предгорья –
Немало там выросло славных бойцов".
"Дадут они русским!"- воскликнул Григорьевс.
"И мы их поддержим!"- сказал Степанцовс.

"Все дело в культуре!"- воскликнул Григорьевс.
"Культура всесильна!"- сказал Степанцовс.
И гневно вздыхало Балтийское море,
Неся полуграмотных русских купцов.

Казалось, культурные люди смыкались
В едином порыве от гор до морей
И вздохи прибоя, казалось, сливались
С испуганным хрюканьем русских свиней.
1998

ДОЛМАТОВСКИЙ Евгений Аронович (1915 - 1994)

Е. Долматовский
СЛУЧАЙНЫЙ ВАЛЬС

Ночь коротка,
Спят облака,
И лежит у меня на ладони
Незнакомая ваша рука.
После тревог
Спит городок.
Я услышал мелодию вальса
И сюда заглянул на часок.
Хоть я с вами почти незнаком
И далёко отсюда мой дом,
Я как будто бы снова
Возле дома родного.
В этом зале пустом
Мы танцуем вдвоём,
Так скажите мне слово,
Сам не знаю о чём.
Будем кружить,
Петь и дружить.
Я совсем танцевать разучился

И прошу вас меня извинить.
Утро зовёт
Снова в поход.
Покидая ваш маленький город,
Я пройду мимо ваших ворот.
Хоть я с вами почти незнаком
И далёко отсюда мой дом,
Я как будто бы снова
Возле дома родного.
В этом зале пустом
Мы танцуем вдвоём,
Так скажите мне слово,
Сам не знаю о чём.
1943

Е. Долматовский
СОРМОВСКАЯ ЛИРИЧЕСКАЯ
(конец 1940-х годов)

На Волге широкой, на стрелке далекой
Гудками кого-то зовет пароход.
Под городом Горьким, где ясные зорьки,
В рабочем поселке подруга живет.

В рубашке нарядной к своей ненаглядной
Пришел объясниться хороший дружок.
Вчера говорила – навек полюбила,
А нынче не вышла в назначенный срок.

Свиданье забыто, над книгой раскрытой
Склонилась подруга в окне золотом.
До утренней смены, до первой сирены
Шуршат осторожно шаги под окном.

Ой, летние ночки, буксиров гудочки,
Волнуется парень и хочет уйти.
Но девушки краше, чем в Сормове нашем,
Ему никогда и нигде не найти.

А утром у входа в ворота завода
Влюбленному девушка встретится вновь
И скажет: «Немало я книжек читала,
Но нет еще книжки про нашу любовь».

На Волге широкой, на стрелке далекой
Гудками кого-то зовет пароход.
Под городом Горьким, где ясные зорьки,
В рабочем поселке подруга живет.
1949

Белов Валерий Сергеевич (род. 1948)
СОРМОВСКАЯ ЛИРИЧЕСКАЯ
(Современный вариант (женский))

В посёлке рабочем с парнями не очень,
Сплошь пьющая нынче в стране молодёжь.
Но если захочешь, да так, что нет мочи,
Всегда по душе себе парня найдёшь.

Мой Лёшенька милый, три класса от силы
Закончил и сразу пошёл на завод.
А что выпивает, так с кем не бывает,
А кто в наше время, скажите, не пьёт?

Закваски рабочей, придёт ближе к ночи.
С ним спорим, порой, до зари горячо.
Ведь в жизни немало я книжек читала,
А он за всю жизнь ни одной не прочёл.

В вопросах интимных здоровый детина,
Не раз он меня зажимал по углам.
С любимым балдела, аж тело болело,
Но честь свою девичью я берегла.

Меня как-то силой пытался взять милый,
Я пнула его, что есть мочи, ногой,
Но, видимо, мало, я не ожидала,
Что он хоть и пьяный, а сильный такой.

Таиться не стану, скажу без обмана,
Во всём, что случилось, вины моей нет.
У Волги причала я женщиной стала,
А он стал мужчиной ещё в десять лет.

Мой милый намедни ко мне, как к обедне,
Спешил, до утра обивал мой порог.
А я, эка жалость, опять зачиталась,
На встречу не вышла в назначенный срок.

В рубашке нарядной придёт ненаглядный
Красней барматухи и водки белей,
С поехавшей крышей за то, что не вышла,
Меня отметелит и скажет: Налей!

Два года уж кряду в подпитье изрядном
Ко мне ходит Лёша, такие дела.
Обидчивый очень жениться не хочет
За то, что я Колей его назвала.

Да хоть бы и Колей, когда алкоголик...
От лучших подруг слышу вновь я и вновь:
Любимый твой Лёшка больной на всю бОшку...
Когда б они знали, что значит любовь.
2011

Белов Валерий Сергеевич (род. 1948)

СОРМОВСКАЯ ЛИРИЧЕСКАЯ
(Современный вариант (мужской))

В рабочем посёлке, где сплошь одни тёлки,
Моя заводская подруга живёт.
Я к ней по песочку иду бережочком,
Когда мне уснуть не даёт пароход.

До утренней смены, до первой сирены
Торчу я у дома её под окном.
С такою подружкой зарывшийся в стружку
Я скоро усну под токарным станком.

Полбанки задую, к любимой приду я,
Базар перетру, что у нас за расклад.
Она ж о культуре всё гонит в натуре
С того, что читает муру всю подряд.

От этого чтива гнёт пальцы красиво,
Да только малява ей эта не впрок,
В сегодняшний вечер назначила встречу,
Сама же не вышла в назначенный срок.

Коль та, что всех ближе, меня так мурыжит,
Как женщинам прочим я верить могу?
Вчера говорила навек полюбила,
А нынче стучусь, а она ни гу-гу.

Закрыта читальня, совсем неслучайно
На доме её появился замок.
А всё потому, что по давнейшей дружбе
У ней зачитался Юрок, корешок.

Назавтра в посёлке искать будут тёлку.
Проводит её пароходный гудок
в пучину с причала за то, что читала
Муру и не вышла в назначенный срок.
2011

Е. Долматовский
***

За фабричной заставой,
Где закаты в дыму,
Жил парнишка кудрявый,
Лет семнадцать ему.
О весенних рассветах
Тот парнишка мечтал,
Мало видел он света,
Добрых слов не слыхал.
Знал он горькое лихо,
знал безрадостный труд,
жил на улице тихой,

где с гудками встают.
Парню очень хотелось
счастье здесь увидать,
за рабочее дело
он ушёл воевать.
Рядом с девушкой верной
Был он тих и не смел,
Ей любви своей верной
Объяснить не сумел,
И она не успела
Даже слово сказать,
За рабочее дело
Он ушёл воевать.
И, порубанный саблей,
Он на землю упал,
Кровь ей отдал до капли,
На прощанье сказал:
«Умираю, но скоро
Наше солнце взойдет», -
Шел парнишке в ту пору
Восемнадцатый год.
За фабричной заставой,
Где закаты в дыму,
Жил парнишка кудрявый,
Лет семнадцать ему.
1955

Е. Долматовский
***

Если бы парни всей земли
Вместе собраться однажды могли
Вот было б весело в компании такой
И до грядущего подать рукой

Парни, парни, это в наших силах
Землю от пожара уберечь
Мы за мир, за дружбу, за улыбки милых,
За сердечность встреч.
Мы за мир, за дружбу, за улыбки милых,
За сердечность встреч.

Если бы парни всей земли
Хором бы песню одну завели
Вот было б здорово, вот это был бы гром
Давайте парни хором запоём.

Парни, парни, это в наших силах
Землю от пожара уберечь
Мы за мир, за дружбу, за улыбки милых,
За сердечность встреч.
Мы за мир, за дружбу, за улыбки милых,
За сердечность встреч.

Если бы парни всей земли
Миру присягу свою бы принесли
Вот было б радостно тогда на свете жить
Давайте парни навсегда дружить

Парни, парни, это в наших силах
Землю от пожара уберечь
Мы за мир, за дружбу, за улыбки милых,
За сердечность встреч.
Мы за мир, за дружбу, за улыбки милых,
За сердечность встреч.
1957

ДРУНИНА Юлия Владимировна (1924 - 1991)

Ю. Друнина
ЗИНКА

Памяти однополчанки
Героя Советского Союза
Зинаиды Самсоновой

Мы легли у разбитой ели.
Ждем, когда же начнет светлеть.
Под шинелью вдвоем теплее
На продрогшей, гнилой земле.

— Знаешь, Юлька, я — против грусти,
Но сегодня она не в счет.
Дома, в яблочном захолустье,
Мама, мамка моя живет.

У тебя есть друзья, любимый,
У меня — лишь она одна.
Пахнет в хате квашней и дымом,
За порогом бурлит весна.

Старой кажется: каждый кустик
Беспокойную дочку ждет…
Знаешь, Юлька, я — против грусти,
Но сегодня она не в счет.

Отогрелись мы еле-еле.
Вдруг приказ: «Выступать вперед!»
Снова рядом, в сырой шинели
Светлокосый солдат идет.

С каждым днем становилось горше.
Шли без митингов и знамен.
В окруженье попал под Оршей
Наш потрепанный батальон.

Зинка нас повела в атаку.
Мы пробились по черной ржи,
По воронкам и буеракам
Через смертные рубежи.

Мы не ждали посмертной славы.-
Мы хотели со славой жить.
…Почему же в бинтах кровавых
Светлокосый солдат лежит?

Ее тело своей шинелью
Укрывала я, зубы сжав…
Белорусские ветры пели
О рязанских глухих садах.

— Знаешь, Зинка, я против грусти,
Но сегодня она не в счет.
Где-то, в яблочном захолустье,
Мама, мамка твоя живет.

У меня есть друзья, любимый,
У нее ты была одна.
Пахнет в хате квашней и дымом,
За порогом стоит весна.

И старушка в цветастом платье
У иконы свечу зажгла.
…Я не знаю, как написать ей,
Чтоб тебя она не ждала?!

Ю. Друнина
КОМБАТ

Когда, забыв присягу, повернули
В бою два автоматчика назад,
Догнали их две маленькие пули –
Всегда стрелял без промаха комбат.

Упали парни, ткнувшись в землю грудью,
А он, шатаясь, побежал вперед.
За этих двух его лишь тот осудит,
Кто никогда не шел на пулемет.

Потом в землянке полкового штаба,
Бумаги молча взяв у старшины,
Писал комбат двум бедным русским бабам,
Что... смертью храбрых пали их сыны.

И сотни раз письмо читала людям
В глухой деревне плачущая мать.
За эту ложь комбата кто осудит?
Никто его не смеет осуждать!

Ю. Друнина
СУДНЫЙ ЧАС

Покрывается сердце инеем –
Очень холодно в судный час...
А у вас глаза как у инока –
Я таких не встречала глаз.

Ухожу, нету сил.
Лишь издали
(Все ж крещеная!)
Помолюсь За таких вот, как вы,-
За избранных
Удержать над обрывом Русь.

Но боюсь, что и вы бессильны.
Потому выбираю смерть.
Как летит под откос Россия,
Не могу, не хочу смотреть!
Ноябрь 1991

ДУБИНКИН Николай Павлович (1951 - 1993)

Н. Дубинкин
***

Дом соседний жмурит огоньки,
Свет ночной глянцует кромки крыш.
Поездов далекие гудки...
«Мама, сказку!», - требует малыш.

«Жил да был...» - и сказка настает.
В ней бессилен темный властелин,
В ней герою доброму почет...
Потихоньку засыпает сын.

Замечтавшись, рядышком сидит,
Будто вновь молоденькая мать.
Юный месяц в комнаты глядит,
Их двоих пытаясь отыскать.

Проступив сквозь гулкий звездный рой,
Корабельная мерцает снасть...
Спит малыш, не зная, что порой
Взрослым в сказку хочется попасть.

Н. Дубинкин
ИЗ ДЕТСТВА.
Брату Виктору

Братан, вспоминаешь ли?
Детство. Теплынь.
И месяц - надкусанным яблоком.

В сарай, что до стрех укрывала полынь,
Мы спать уходили, но якобы.

А сами, от взрослого дома вдвоем,
Лишь гас абажур его розовый,
С товарищем нашим, веселым щенком –
Втроем убегали на озеро.

Наш путь мимо сосен бровястых лежит.
До сладости жутко. Однако,
Чего нам бояться? Пусть леший дрожит,
Ведь мы не одни, а с собакой!

И вот уже месяц по глянцу воды
Рассыпался блестками, словно
Монетная стопка, ударом биты
Разъятая длинно и ровно.

Лягушки окрест, что твои соловьи!
Друг дружку перебивают,
И слушают, выгорлив сола свои,
Как им тишина подпевает.

Подзванивать тонко в бубенчики звезд –
Прилегшего ветра забава.
На вальс приглашает свой собственный хвост
Чудесная наша собака.

Ей тоже по нраву парная вода
И эта веселая нега –
Не то, что купаться - парить и витать
В отсветах радушного неба.

Казалось: для нас будет вечно таким,
Но только огромней и краше,
Наш мир удивительный, новенький, в дым
От взглядов восторженных наших.
1983

Н. Дубинкин
***

Одноэтажный город.
Вечер. Сугробов слитки.
Дом ее на пригорке,
Ждущая тень калитки.
Смолкшие полудети
Длили почти свидание...
Свежий повеял ветер
И затаил дыхание.
Словно бы с паутинок
Снизываясь, снижались
Тысячи звезд-снежинок

Редкие, приземлялись,
Полнили освещенность
Искорками живыми,
Чуть щекотали щеки,
Рея между двоими...
Руки собрав ей лодкой
Грянул он, и смущенно
Губы прижал неловко
К варежке проснеженной.
Вспыхнула зорькой алой,
Как из души взглянула,
Руку его поймала
И поцелуй вернула...

Планета их врозь раскружила...
По крайности, у него.
Немало хорошего было,
Да лучшего – ничего...

Н. Дубинкин
***

Не знаю к стыду своему, -
Вороны. А может, грачи
По небу несут кутерьму,
Всегда беспощадно ничьи.

С былинной Соборной горы
Гляжу я на отчий удел.
Мне здесь улыбались дворы,
И волос мой здесь поредел.

Вот там жухарили друзья –
От юности навеселе.
Поляна застроена вся,
И всяк уже сам по себе.

Вот там под рябиной в саду
Я первую поцеловал.
Той Нади теперь не найду,
Не высвищу давний сигнал.

Ничей заплутавшийся мир
Бесчувственно добр и жесток.
Ты каждый сегодняшний миг
Цени, как последний глоток.

А птицам кружить и кружить
И терпкую память дарить.
О том, что не хочется жить,
О том, что так хочется жить
Зачем и кому говорить?

Н. Дубинкин
РАССКАЗ ОБ ОДНОМ УБИЙСТВЕ

По подъезду четырехэтажого дома
Вверх – вниз, вверх – вниз,
Осторожничая,
Стараясь не привлечь внимания жильцов,
Порой семеня на цыпочках
Метались три пары ног
Семнадцатилетних парней.
Три пары сильных молодых ног
Азартно преследовали серую кошку,
Которая,
Увертывалась от ударов остроносых ботинок,
Пыталась спастись
То на четвертом,
То на первом этаже.

Вверх – вниз, вверх – вниз,
По рубленной спирали,
Лестнице – схема движения твиста.

Внизу,
У закрытой двери к спасению,
Все закончилось.
Три пары сильных молодых ног
С радостно-любопытным
И тайно-болезненным остервенением
Сыпали резкие жестокие удары
По животу и голове,
А особенно старались попасть
По кошачьей мордочке –
В этом был оргазм избиения.

Кошка, уже ничего не соображая,
Не могла ни бежать, ни кричать
Под ударами, не дающими приподняться.
И только глаза её, стекленея,
Изумленно спрашивали мир:
«За что?»

- За то, -
Отвечали ударами ноги, -
Что ты беззащитна.
За то,
Что вечер скучен.
За то,
Чтобы в наших драках,
Когда несколько бьем одного,
Бить его остервенелей,
Пинками в лицо,

Пинками в лицо,
Пинками в лицо»…

Так была убита серая кошка.

- Подумаешь – кошка,
- Может быть, скажет кто-то.
- Были Освенцим и Бухенвальд -.

- Да?
Вы тоже их вспомнили?

Н. Дубинкин
СТАРИК.

Низкое солнце над тихой деревней
Пооброняло свои лепестки.
Чуть шелестящие листья деревьев
Вились легко, как огня язычки.

Вспомнивший дальнее, дед ослабелый,
Щурясь на нежный зеленый костер,
Сел на крыльцо и рукою несмелой
Пыль многолетнюю с хромки оттер.

Бывший лихой гармонист, словно в юность,
В наигрыш песенный ринулся... но
Где ж его пальцев прежняя буйность?
Да и гармонь то осипла давно.

Чуть прохрипела она и умолкла,
Сникла смущенно. Старик не запел.
Долго потом, утомительно долго
Было так тихо... Закат розовел.

Конь красногривый - свидетель излишний,
Голову свесив на ветхий плетень,
Думал о чем-то сугубо личном
И сторожил свою длинную тень...

Н. Дубинкин
***

Петь я правду полюбила,
Нету моченьки терпеть.
Расскажи, скорее, милый,
Что сегодня можно петь.

Н. Дубинкин
НЕ СОСТОЯЛОСЬ.

Сколько хотелось,

Сколько мечталось,
Что-то не спелось,
Не состоялось.

Ах, варианты,
Масса возможностей,
Шаг – и в гиганты,
Шаг – и в ничтожества.

Вроде бы – жили,
Вроде – таланты.
Их закружили
Не те варианты.

Юность – не юность,
Старость – не старость.
Попросту плюнули –
Не состоялось.
Что же осталось?

Скучным работничком,
Денег дождавшимся,
Мучиться творчеством
Несостоявшимся?

Грезить в альковном
Мирке застоявшемся
Звездной любовью
Несостоявшейся?

...Столько хотелось,
Столько мечталось,
Значит, не спелось,
Не состоялось?

Может, синица
Надежды кружится –
Мол, состоится?

Да, состоится!

Все состоится,
Ежели биться,
Не покориться
Затхлой водице.

...А и не сбыться –
Надобно биться.

Н. Дубинкин
***
- Вера Петровна, а помните

Славика Огонька?
- Как же не помнить, полноте,
Рыжего весельчака!

Вы еще с ним в Испанию
Пробовали бежать!
- В Тульской сторонке парню
Выпало вечно лежать!

- Вера Петровна, а помните
Игоря Толстяка?
- Как же не помнить, полноте,
Лучшего ученика!

Кажется, называли
Его вы грузовиком?
- Рядом почти воевали:
Умер от ран под Орлом!

- Вера Петровна, а помните
Оську Бондарчука?
- Как же не помнить, полноте,
Первого озорника!

Подпольщиком был в Полтаве,
С задания не пришел...
Страшно его пытали.
Он хорошо себя вел!

- Ну что ж, до свиданья, Гриша.
Я вижу, протезы жмут?
Стараюсь стучать потише –
Уроки уже идут.

Да будут во всяком прочем
Годы твои без кручин.
А костылями – не громко,
Не тихо, а просто прочно
Во время любых уроков –
Прочно, родной, стучи!

Н. Дубинкин
***

Хотелось бы досмотреть
Этот занятный фильм о человечестве,
Но зовут:
«Такой-то, на выход!»
У дверей,
С сожалением
Оглядываюсь на экран.
1993

ДУДИН Михаил Александрович (1916 - 1994)

М. Дудин.
СОЛОВЬИ.

О мертвых мы поговорим потом.
Смерть на войне обычна и сурова.
И все-таки мы воздух ловим ртом
При гибели товарищей. Ни слова

Не говорим. Не поднимая глаз,
В сырой земле выкапываем яму.
Мир груб и прост. Сердца сгорели. В нас
Остался только пепел, да упрямо
Обветренные скулы сведены.

Трехсотпятидесятый день войны.

Еще рассвет по листьям не дрожал,
И для острастки били пулеметы...
Вот это место. Здесь он умирал –
Товарищ мой из пулеметной роты.

Тут бесполезно было звать врачей,
Не дотянул бы он и до рассвета.
Он не нуждался в помощи ничьей.
Он умирал. И понимая это,

Смотрел на нас и молча ждал конца,
И как-то улыбался неумело.
Загар сначала отошел с лица,
Потом оно, темнее, каменело.

Ну, стой и жди. Застынь. Оцепеней.
Запри все чувства сразу на защелку.
Вот тут и появился соловей,
Несмело и томительно защелкал.

Потом сильней, входя в горячий пыл,
Как будто настежь вырвавшись из плена,
Как будто сразу обо всем забыл,
Высвистывая тонкие колена.

Мир раскрывался. набухал росой.
Как будто бы еще едва означась,
Здесь рядом с нами возникал другой
В каком-то новом сочетаньи качеств.

Как время, по траншеям тек песок.
К воде тянулись корни у обрыва,
И ландыш, приподнявшись на носок,
Заглядывал в воронку от разрыва.

Еще минута. Задымит сирень
Кустами фиолетового дыма.
Она пришла обескуражить день.
Она везде. Она непроходима.

Еще мгновенье. Перекосит рот
От душу раздирающего крика, -
Но успокойся, посмотри: цветет,
Цветет на минном поле земляника.

Лесная яблонь осыпает цвет,
Пропитан воздух ландышем и мятой...
А соловей свистит. Ему в ответ
Еще второй, еще - четвертый, пятый.

Звенят стрижи. Малиновки поют.
И где-то возле, где-то рядом, рядом
Раскидан настороженный уют
Тяжелым громыхающим снарядом.

А мир гремит на сотни верст окрест,
Как будто смерти не бывало места,
Шумит неумолкающий оркестр,
И нет преград для этого оркестра.

Весь этот лес листом и корнем каждым,
Ни капли не сочувствуя беде,
С невероятной, яростною жаждой
Тянулся к солнцу, к жизни и к воде.

Да, это жизнь. Ее живые звенья,
Ее крутой, бурлящий водоем.
Мы даже позабыли на мгновенье
О друге умираюшем своем.

Горячий луч последнего рассвета
Едва коснулся острого лица.
Он умирал. И, понимая это,
Смотрел на нас и молча ждал конца.

Нелепа смерть. она глупа. тем боле
Когда он, руки разбросав свои,
Сказал: "Ребята, напишите Поле:
У нас сегодня пели соловьи."

И сразу канул в омут тишины
Трехсотпятидесятый день войны.

Он не дожил, не долюбил, не допил,
Не доучился, книг не дочитал.
Я был с ним рядом. Я в одном окопе,
Как он о Поле, о тебе мечтал.

И, может быть, в грязи, в окопной тине,
Захлебываясь в собственной крови,
Скажу: "Ребята, дайте знать Ирине:
У нас сегодня пели соловьи."

И полетит письмо из этих мест
Туда, в Москву, на Зубовский проезд.

Пусть даже так. Потом просохнут слезы,
И не со мной, так с кем-нибудь вдвоем
У той поджигородовской березы
Ты всмотришься в зеленый водоем.

Пусть даже так. Потом родятся дети.
Для подвигов, для песен, для любви.

Пусть их разбудят рано на рассвете
Томительные наши соловьи.

Пусть им навстречу солнце зноем брызнет
И облака потянутся гуртом.
Я славлю смерть во имя нашей жизни.
О мертвых мы поговорим потом!
1942

М. Дудин.
СНИГИРИ.
Владимиру Жукову

Это память опять от зари до зари
Беспокойно листает страницы.
И мне снятся всю ночь на снегу снигири,
В белом инее красные птицы.

Белый полдень стоит над Вороньей горой,
Где оглохла зима от обстрела,
Где на рваную землю, на снег голубой
Снигириная стая слетела.

От переднего края раскаты гремят.
Похоронки доходят до тыла.
Под Вороньей горою погибших солдат
Снигириная стая накрыла.

Мне все снятся военной поры пустыри,
Где судьба нашей юности спета.
И летят снигири, и летят снигири
Через память мою до рассвета.

ЕВГЕНЬЕВ С.

С. Евгеньев

СЕЛЬСКИЙ ОБЕЛИСК

Дождь прошел. Погасли молний нити.
Гром грохочет где-то за рекой.
И встают солдаты на граните
В свой последний, поименный строй.

Александров...
Бесфамильный...
Волков...
(Сорок первый. Каждый жив-здоров.
Тридцать шесть ушло их из поселка,
А в поселке двадцать пять дворов).

Погорелов...
Иволгин...
Курбатов...
(Утро, пограничная река.
Танков пять. По одному на брата,
А верней сказать – на земляка.)

Кабушкин...
Сорокин...
Горехватов...
(Сорок первый. За спиной Москва.
И глотают русские солдаты
То ли кровь, то ль отчие слова...)

Нилин...
Нилин...
Нилин...
Трое рядом.
(Сорок третий. Курская дуга.
Братья в танке, пламенем объятом,
Катятся тараном на врага.)

Александров...
Иволгин...
Курбатов...
(Подросли сироты во дворах.
И ушли вихрастые солдаты
Тихим строем в тесных сапогах.)

Александров...
Александров...
Кашин...
(Сорок пятый. Май. Чужая речь.
И решай в последней рукопашной:
То ли совесть, то ль себя сберечь.)

Гром утих. Читаю снова, снова
Тридцать шесть фамилий земляков.
Над поселком радуги подкова,

А в поселке двадцать пять дворов.

ЕВТУШЕНКО Евгений Александрович (1932 - 2017)

Е. Евтушенко
ХОТЯТ ЛИ РУССКИЕ ВОЙНЫ?

Хотят ли русские войны?
Спросите вы у тишины
над ширью пашен и полей
и у берез и тополей.

Спросите вы у тех солдат,
что под березами лежат,
и пусть вам скажут их сыны,
хотят ли русские войны.

Не только за свою страну
солдаты гибли в ту войну,
а чтобы люди всей земли
спокойно видеть сны могли.

Под шелест листьев и афиш
ты спишь, Нью-Йорк, ты спишь, Париж.
Пусть вам ответят ваши сны,
хотят ли русские войны.

Да, мы умеем воевать,
но не хотим, чтобы опять
солдаты падали в бою
на землю грустную свою.

Спросите вы у матерей,
спросите у жены моей,
и вы тогда понять должны,
хотят ли русские войны.
1961

Е. Евтушенко
ВАЛЬС О ВАЛЬСЕ

Вальс устарел –
Говорит кое-кто смеясь,
Век усмотрел
В нем отсталость и старость.
Робок, несмел,
Наплывает мой первый вальс.
Почему не могу
Я забыть этот вальс?

Твист и чарльстон,
Вы заполнили шар земной,
Вальс оттеснен,

Без вины виноватый,
Но, затаен,
Он всегда и везде со мной,
И несет он меня,
И качает меня,
Как туманной волной.

Смеется вальс
Над всеми модами века,
И с нами вновь
Танцует старая Вена,
И Штраус где-то тут
Сидит, наверно,
И кружкой в такт стучит,
На нас не ворчит,
Не ворчит…

Вальс воевал,
Он в шинели шел, запылен,
Вальс напевал
Про маньчжурские сопки,
Вальс навевал
Нам на фронте осенний сон,
И, как друг фронтовой,
Не забудется он.

Вальс у костра
Где-то снова в тайге сейчас,
И Ангара
Подпевает, волнуясь.
И до утра
С нами сосны танцуют вальс…
Пусть проходят года,
Все равно никогда
Не состарится вальс.

Поет гармонь,
Поет в ночном полумраке.
Он с нами, вальс,
В ковбойке, а не во фраке.
Давай за вальс
Поднимем наши фляги!
И мы ему нальем,
Нальем и споем,
И споем…

Робок, несмел
Наплывает мой первый вальс.
Никогда не смогу,
Никогда не смогу
Я забыть этот вальс…
1963

ЕМЕЛИН Всеволод Олегович (род. 1959)

В. Емелин
В РАБОЧЕМ РАЙОНЕ

Жми на тормоза
Сразу за кольцевою.
Ах, эти глаза
Накануне запоя.

Здесь ржавый бетон,
Да замки на воротах.
Рабочий район,
Где нету работы.

Здесь вспученный пол,
И облезлые стены,
И сын не пришёл
Из чеченского плена.

Ребят призывают
Здесь только в пехоту
В рабочем квартале,
Где нету работы.

Про тундру и нары
Спой друг мой нетрезвый
Под звон стеклотары
В кустах у подъезда.

Воткнул брату Каин
Здесь нож под ребро,
Здесь ворон хозяин,
Здесь зона зеро.

Я сам в этой зоне
Рожден по залёту
В рабочем районе,
Где нету работы.

Лишь в кителе Сталин
Желтеет на фото —
Хранитель окраин,
Где нету работы.

Грустит на балконе
Юнец желторотый,
Простерши ладони
К бездушным высотам.

От этих подростков
Печальных и тощих
Ещё содрогнется

Манежная площадь

От ихнего скотства
В эфире непозднем
Слюной захлебнется
Корректнейший Познер.

Мол, кто проворонил?
Да, где пулеметы?
Загнать их в районы,
Где нету работы!

Нас всех здесь схоронят
И выпьют до рвоты
В рабочем районе,
Где нету работы.

Мы только мечтаем,
Морлоки и орки,
Как встретим цветами
Здесь тридцатьчетверки.

Вслед бегству Антанты
— «Здорово, ребята!»
Нам субкоманданте
Кивнет бородатый.

Теперь здесь все ваше,
А ну, веселей-ка!
Не бойся, папаша,
Бери трехлинейку.

Ревком приказал,
И занять срочно надо
Мосты и вокзалы
И винные склады.

Тогда мы узнаем
В чем смысл нашей жизни
И мачеха злая
Вновь станет Отчизной.

В. Емелин
БАЛЛАДА О ВЛЮБЛЕННОМ СКИНХЕДЕ

Из-за тучки месяц выглянул в просвет.
Что же ты не весел, молодой скинхед?
Съёжившись за лифтом, точно неживой,
Отчего поник ты бритой головой?

Парень ты не робкий и на всех местах
Ты в татуировках, в рунах и крестах.
Хороши картинки, как видеоклип,

Хороши ботинки фирмы "Getty grip".

Фирма без обмана. В этих башмаках
Вставки из титана спрятаны в мысках.
Чтоб не позабыл он, с гор кавказских гость,
Как с размаху пыром бьют в бэрцовый кость.

Почему ты в угол вжался, как птенец,
Или чем напуган, удалой боец?
На ступеньку сплюнул молодой скинхед,
Тяжело вздохнул он и сказал в ответ:

- Не боюсь я смерти, если надо, что ж,
Пусть воткнётся в сердце цунарефский нож.
И на стадионе пусть в любой момент
Мне башку проломит своей палкой мент.

Страх зрачки не сузит. Нас бросала кровь
На шатры арбузников, на щиты ментов.
Но полковник-сучила отдавал приказ,
И ОМОН всей кучею налетал на нас.

Возникай, содружество пламени и льда,
Закаляйся, мужество кельтского креста.
Чтоб душа горела бы, чтобы жгла дотла,
Чтобы сила белая Землю обняла.

Но бывает хуже чёрных и ментов.
Есть сильнее ужас - первая любовь!
Та любовь, короче, это полный крах,
Это как заточкой арматурной в пах.

Это как ослеп я, и меня из мглы
Протянули цепью от бензопилы.
Русская рулетка - шанс, как будто, есть…
Ну, а где брюнетка из квартиры шесть?

С книжками под мышкой в институт с утра
Шмыгала, как мышка, поперёк двора.
С ней, как в пуд подкова, я упал на дно.
Не видал такого и в порнокино.

Тел тягучих глина, топкая постель.
Что там Чичоллина. Что Эммануэль.
Липкие ладони, рта бездонный ров.
Вот те и тихоня, дочь профессоров.

Называла золотком, обещала - съест,
На груди наколотый целовала крест.
А потом еврейкой оказалась вдруг.
Жизнь, словно копейка, выпала из рук.

Любишь ли, не любишь, царь ты или вошь,

Если девка юдишь, ты с ней пропадёшь.
Мне теперь не деться больше никуда,
Обжигает сердце жёлтая звезда.

Как один сказали мне все пацаны,
Из огня и стали гордые скины: -
Ты забыл обиды, боль родной земли.
Эти евреиды тебя завлекли.

Никогда отныне пред тобой братва
Кулаки не вскинет с возгласом - "Вайт па!"
И тебе, зараза, лучше умереть.
Пусть вернут алмазы, золото и нефть.

Чтоб твоей у нас тут не было ноги.
Шляйся к педерастам в их "Проект О.Г.И."
И убит презреньем, хоть в петлю иди,
Я искал забвенья на её груди.

Вдруг вломились разом к ней отец и мать
И, сорвав оргазм нам, начали орать:
"Прадеды в могиле! Горе старикам!
Мы ж тебя учили разным языкам!

Жертвы Катастрофы! Похоронный звон!
А тут без штанов ты со штурмовиком!
Чтоб не видел больше я здесь этих лиц!
Ты ж бывала в Польше, вспомни Аушвиц,

Где не гаснут свечи, где который год
Газовые печи ждут, разинув рот,
Где столб дыма чёрный до безмолвных звёзд.
Помни, помни, помни! Помни Холокост!

И не вздумай делать возмущённый вид,
Если твоё тело мял антисемит.
Плакать бесполезно, верь словам отца.
Это в тебя бездна вгля-ды-ва-е-ца.
Не гуляй с фашистом, не люби шпаньё!"
В США учиться увезли её.

И с тех пор один я три недели пью.
Страшные картины предо мной встают.
Сердце каменеет, вижу, например,
Там её имеет двухметровый негр.

Он как Майкл Джордан, чёрен его лик.
Детородный орган у него велик.
А я не согласен, слышите, друзья!
Будь он сам Майк Тайсон, не согласен я.

ЕСЕНИН Сергей Александрович (1895 - 1925)

С. Есенин
***

Не жалею, не зову, не плачу,
Все пройдет, как с белых яблонь дым.
Увяданья золотом охваченный,
Я не буду больше молодым.
Ты теперь не так уж будешь биться,
Сердце, тронутое холодком,
И страна березового ситца
Не заманит шляться босиком.
Дух бродяжий! ты все реже, реже
Расшевеливаешь пламень уст
О, моя утраченная свежесть,
Буйство глаз и половодье чувств!
Я теперь скупее стал в желаньях,
Жизнь моя, иль ты приснилась мне?
Словно я весенней гулкой ранью
Проскакал на розовом коне.
Все мы, все мы в этом мире тленны,
Тихо льется с кленов листьев медь...
Будь же ты вовек благословенно,
Что пришло процвесть и умереть.
1921

С. Есенин
***

Отговорила роща золотая
Березовым, веселым языком,
И журавли, печально пролетая,
Уж не жалеют больше ни о ком.

Кого жалеть? Ведь каждый в мире странник –
Пройдет, зайдет и вновь покинет дом.
О всех ушедших грезит конопляник
С широким месяцем над голубым прудом.

Стою один среди равнины голой,
А журавлей относит ветром в даль,
Я полон дум о юности веселой,
Но ничего в прошедшем мне не жаль.

Не жаль мне лет, растраченных напрасно,
Не жаль души сиреневую цветь.
В саду горит костер рябины красной,
Но никого не может он согреть.

Не обгорят рябиновые кисти,
От желтизны не пропадет трава,
Как дерево роняет тихо листья,
Так я роняю грустные слова.

И если время, ветром разметая,
Сгребет их все в один ненужный ком...
Скажите так... что роща золотая
Отговорила милым языком.
1924

С. Есенин
ПИСЬМО МАТЕРИ

Ты жива еще, моя старушка?
Жив и я. Привет тебе, привет!
Пусть струится над твоей избушкой
Тот вечерний несказанный свет.

Пишут мне, что ты, тая тревогу,
Загрустила шибко обо мне,
Что ты часто ходишь на дорогу
В старомодном ветхом шушуне.

И тебе в вечернем синем мраке
Часто видится одно и то ж:
Будто кто-то мне в кабацкой драке
Саданул под сердце финский нож.

Ничего, родная! Успокойся.
Это только тягостная бредь.
Не такой уж горький я пропойца,
Чтоб, тебя не видя, умереть.

я по-прежнему такой же нежный
И мечтаю только лишь о том,
Чтоб скорее от тоски мятежной
Воротиться в низенький наш дом.

Я вернусь, когда раскинет ветви
По-весеннему наш белый сад.
Только ты меня уж на рассвете
Не буди, как восемь лет назад.

Не буди того, что отмечалось,
Не волнуй того, что не сбылось, -
Слишком раннюю утрату и усталость
Испытать мне в жизни привелось.

И молиться не учи меня. Не надо!
К старому возврата больше нет.
Ты одна мне помощь и отрада,
Ты одна мне несказанный свет.

Так забудь же про свою тревогу,
Не грусти так шибко обо мне.
Не ходи так часто на дорогу
В старомодном ветхом шушуне.

1924

***

До свиданья, друг мой, до свиданья.
Милый мой, ты у меня в груди.
Предназначенное расставанье
Обещает встречу впереди.
До свиданья, друг мой, без руки, без слова,
Не грусти и не печаль бровей,-
В этой жизни умирать не ново,
Но и жить, конечно, не новей.
Декабрь 1925

ЖДАНОВ Иван Федорович (род. 1948)

И. Жданов
В ДЕРЕВНЕ

Подставив ветру лысые затылки,
Стоят нерукотворные дубы,
Ефимыч утром ходит по бутылки
В тот лес, куда ходили по грибы.

К отравленной траве не прикасаясь,
Случайным браконьером не убит,
Последний заяц - явно не красавец –
Плешивыми ушами шевелит.

А на селе ни блеянья, ни лая,
Загоны и омшанники пусты, -
Бредет Ефимыч, палочкой сшибая
Пергаментные ломкие листы…

Еще не все сирени догорели,
Еще осокой пахнет от реки,
И плесы до конца не омертвели,
И по опушкам - колосовики.

И пусть не едет грека через реку,
Поскольку рак сбежал из наших рек,
Пожалуйся, природа, человеку:
Быть может, он - разумный - человек!

ЖДАНОВ Юрий Андреевич (1919 - 2006)

Ю. Жданов
***

Незримо годы пронеслись,
Как легкокрылые триремы.
Но он стремился только ввысь,
И мир дождался теоремы.

Ликует мудрый Пифагор,
У алтаря, пугая взоры,
Пылает жертвенный костер,
Кровавых туш дымятся горы.
Смешались головы, хвосты,
Животных, отданных на муку...

Вот почему с тех пор скоты
Возненавидели науку!

Ю. Жданов
***

Не мысля свой спор довести до конца,
К Сократу пришли два седых мудреца.
И первый сказал, что природа – одна,
Никем из богов не была создана,
Что миром явлений, безмерно богатым,
Владеет и правит невидимый Атом.

Другой, от волненья собой не владея,
Вскричал, что Вселенною правит Идея.
«Так что же первично, открой нам, собрат?»
«Первично начальство!», — ответил Сократ.

ЖИГУЛИН Анатолий Владимирович (1930 - 2000)

А. Жигулин
РАССВЕТ В БУТУГЫЧАГЕ

В ночную смену на Шайтане,
Где черный камень льдом покрыт,
Из горной штольни мы катали
Отпалом вырванный гранит.

Был штрек наполнен пылью едкой,
И каждый радостно вздыхал,
Когда с груженой вагонеткой
Мы выходили на отвал.

Нас обжигал морозный воздух,
Снежинки стыли на плечах,
И рядом с нами были звезды.
Под нами спал Бутугычаг.

Дремали горы в дымке синей,
К подножьям становясь темней.
Внизу, в глубокой котловине,
Дрожали бусинки огней...

Мы отдыхали очень редко.
За рейсом — рейс, простоев нет.
На двадцать пятой вагонетке

Вставал над сопками рассвет.

Еще прожекторы горели.
Но было видно с высоты,
Как с каждым рейсом розовели
Молочно-белые хребты.

Еще таился мрак в лощинах,
Поселок тенью закрывал,
А на заснеженных вершинах
Рассвет победно бушевал.

Спецовки мокрые твердели,
И холодила руки сталь.
Но мы стояли и глядели
На пламенеющую даль.

Мы знали: чудо грянет скоро,
Однако долго ждать нельзя,
И мы опять входили в гору,
Вагон порожний увозя.

Но каждый знал: Когда вернется
Из узкой штольни на простор,
Увидит огненное солнце
Над белой цепью снежных гор.
1963

А. Жигулин
УТИНЫЕ ДВОРИКИ

Утиные Дворики — это деревня.
Одиннадцать мокрых соломенных крыш.
Утиные Дворики — это деревья,
Полынная горечь и желтый камыш.

Холодный сентябрь сорок пятого года.
Победа гремит по великой Руси.
Намокла ботва на пустых огородах.
Увяз «студебекер» в тяжелой грязи.

Утиные Дворики...
Именем странным
Навек очарована тихая весь.
Утиные дворики...
Там, за курганом,
Еще и Гусиные, кажется, есть.
Малыш хворостиной играет у хаты.
Утиные Дворики... Вдовья беда...
Всё мимо И мимо проходят солдаты.
Сюда не вернется никто никогда...
Корявые вербы качают руками.
Шуршит под копной одинокая мышь,

И медленно тают в белесом тумане
Одиннадцать мокрых
Соломенных крыш.
1966

А. Жигулин.
СОЛОВЕЦКАЯ ЧАЙКА.

Соловецкая чайка
Всегда голодна.
Замирает над пеною
Жалобный крик.
И свинцовая
Горькая катит волна
На далекий туманный
Пустой материк.
А на белом песке –
Золотая лоза.
Золотая густая
Лоза-шелюга.
И соленые брызги
Бросает в глаза,
И холодной водой
Обдает берега.
И обветренным
Мокрым куском янтаря
Над безбрежием черных
Дымящихся вод,
Над холодными стенами
Монастыря
Золотистое солнце
В тумане встает...
Только зыбкие тени
Развеянных дум.
Только горькая стылая
Злая вода.
Ничего не решил
Протопоп Аввакум.
Все осталось, как было,
И будет всегда.
Только серые камни
Лежат, не дыша.
Только мохом покрылся
Кирпичный карниз.
Только белая чайка –
Больная душа –
Замирает, кружится
И падает вниз.
1973

А. Жигулин
КОЛЫМСКАЯ ПЕСНЯ

Я поеду один
К тем заснеженным скалам,
Где когда-то давно
Под конвоем ходил.
Я поеду один,
Чтоб ты снова меня не искала,
На реку Колыму
Я поеду один.

Я поеду туда
Не в тюремном вагоне
И не в трюме глухом,
Не в стальных кандалах,
Я туда полечу,
Словно лебедь в алмазной короне,
- На сверкающем "Ту"
В золотых облаках.

Четверть века прошло,
А природа все та же
- Полутемный распадок
За сопкой кривой.
Лишь чего-то слегка
Не хватает в знакомом пейзаже
- Это там, на горе,
Не стоит часовой.

Я увижу рудник
За истлевшим бараком,
Где привольно растет
Голубая лоза.
И душа, как тогда,
Переполнится болью и мраком,
И с небес упадет,
Как дождинка - слеза.

Я поеду туда
Не в тюремном вагоне
И не в трюме глухом,
Не в стальных кандалах.
Я туда полечу,
Словно лебедь в алмазной короне,-
На сверкающем "Ту"
В золотых облаках.
1974

ЗАБОЛОЦКИЙ Николай Алексеевич (1903 - 1958)

Н. Заболоцкий
***

В этой роще березовой,
Вдалеке от страданий и бед,

Где колеблется розовый
Немигающий утренний свет,
Где прозрачной лавиною
Льются листья с высоких ветвей, -
Спой мне, иволга, песню пустынную,
Песню жизни моей.

Пролетев над поляною
И людей увидав с высоты,
Избрала деревянную
Неприметную дудочку ты,
Чтобы в свежести утренней,
Посетив человечье жилье,
Целомудренно бедной заутренней

Встретить утро мое.

Но ведь в жизни солдаты мы,
И уже на пределах ума
Содрогаются атомы,
Белым вихрем взметая дома.
Как безумные мельницы,
Машут войны крылами вокруг.
Где ж ты, иволга, леса отшельница,
Что ты смолкла, мой друг.

Окруженная взрывами,
За рекой, где чернеет камыш,
Ты летишь над обрывами,
Над руинами смерти летишь.
Молчаливая странница,
Ты меня провожаешь на бой,
И смертельное облако тянется
Над твоей головой.

За великими реками
Встанет солнце, и в утренней мгле
С опаленными веками
Припаду я, убитый, к земле.
Крикнув бешеным вороном,
Весь дрожа, замолчит пулемет.
И тогда в моем сердце разорванном
Голос твой запоет.

И над рощей березовой,
Над березовой рощей моей,
Где лавиною розовой
Льются листья с высоких ветвей,
Где под каплей божественной
Холодеет кусочек цветка,
Встанет утро победы торжественной
На века!
1946

Н. Заболоцкий
***

Я не ищу гармонии в природе.
Разумной соразмерности начал
Ни в недрах скал, ни в ясном небосводе
Я до сих пор, увы, не различал.

Как своенравен мир ее дремучий!
В ожесточенном пении ветров
Не слышит сердце правильных созвучий,
Душа не чует стройных голосов.

Но в тихий час осеннего заката,
Когда умолкнет ветер вдалеке.
Когда, сияньем немощным объята,
Слепая ночь опустится к реке,

Когда, устав от буйного движенья,
От бесполезно тяжкого труда,
В тревожном полусне изнеможенья
Затихнет потемневшая вода,

Когда огромный мир противоречий
Насытится бесплодною игрой,—
Как бы прообраз боли человечьей
Из бездны вод встает передо мной.

И в этот час печальная природа
Лежит вокруг, вздыхая тяжело,
И не мила ей дикая свобода,
Где от добра неотделимо зло.

И снится ей блестящий вал турбины,
И мерный звук разумного труда,
И пенье труб, и зарево плотины,
И налитые током провода.

Так, засыпая на своей кровати,
Безумная, но любящая мать
Таит в себе высокий мир дитяти,
Чтоб вместе с сыном солнце увидать.

Н. Заболоцкий
***

Где-то в поле возле Магадана,
Посреди опасностей и бед,
В испареньях мёрзлого тумана
Шли они за розвальнями вслед.
От солдат, от их лужёных глоток,
От бандитов шайки воровской

Здесь спасали только околодок
Да наряды в город за мукой.
Вот они и шли в своих бушлатах –
Два несчастных русских старика,
Вспоминая о родимых хатах
И томясь о них издалека.
Вся душа у них перегорела
Вдалеке от близких и родных,
И усталость, сгорбившая тело,
В эту ночь снедала души их,
Жизнь над ними в образах природы
Чередою двигалась своей.
Только звёзды, символы свободы,
Не смотрели больше на людей.
Дивная мистерия вселенной
Шла в театре северных светил,
Но огонь её проникновенный
До людей уже не доходил.
Вкруг людей посвистывала вьюга,
Заметая мёрзлые пеньки.
И на них, не глядя друг на друга,
Замерзая, сели старики.
Стали кони, кончилась работа,
Смертные доделались дела…
Обняла их сладкая дремота,
В дальний край, рыдая, повела.
Не нагонит больше их охрана,
Не настигнет лагерный конвой,
Лишь одни созвездья Магадана
Засверкают, став над головой.
1956

Н. Заболоцкий
НЕКРАСИВАЯ ДЕВОЧКА

Среди других играющих детей
Она напоминает лягушонка.
Заправлена в трусы худая рубашонка,
Колечки рыжеватые кудрей
Рассыпаны, рот длинен, зубки кривы,
Черты лица остры и некрасивы.
Двум мальчуганам, сверстникам её,
Отцы купили по велосипеду.
Сегодня мальчики, не торопясь к обеду,
Гоняют по двору, забывши про неё,
Она ж за ними бегает по следу.
Чужая радость так же, как своя,
Томит её и вон из сердца рвётся,
И девочка ликует и смеётся,
Охваченная счастьем бытия.
Ни тени зависти, ни умысла худого
Ещё не знает это существо.
Ей всё на свете так безмерно ново,

Так живо всё, что для иных мертво!
И не хочу я думать, наблюдая,
Что будет день, когда она, рыдая,
Увидит с ужасом, что посреди подруг
Она всего лишь бедная дурнушка!
Мне верить хочется, что сердце не игрушка,
Сломать его едва ли можно вдруг!
Мне верить хочется, что чистый этот пламень,
Который в глубине её горит,
Всю боль свою один переболит
И перетопит самый тяжкий камень!
И пусть черты её нехороши
И нечем ей прельстить воображенье,-
Младенческая грация души
Уже сквозит в любом её движенье.
А если это так, то что есть красота
И почему её обожествляют люди?
Сосуд она, в котором пустота,
Или огонь, мерцающий в сосуде?
1956

А. Заболоцкий
***

Зацелована, околдована,
С ветром в поле когда-то обвенчана,
Вся ты словно в оковы закована,
Драгоценная моя женщина!

Не веселая, не печальная,
Словно с темного неба сошедшая,
Ты и песнь моя обручальная,
И звезда моя сумасшедшая.

Я склонюсь над твоими коленями,
Обниму их с неистовой силою,
И слезами и стихотвореньями
Обожгу тебя, горькую, милую.

Отвори мне лицо полуночное,
Дай войти в эти очи тяжелые,
В эти черные брови восточные,
В эти руки твои полуголые.

Что прибавится – не убавится,
Что не сбудется – позабудется…
Отчего же ты плачешь, красавица?
Или это мне только чудится?
1957

ЗАПОРОЖЕЦ Николай ()

Н. Запорожец

ЦЕРКОВЬ

Покажите мне церковь, где смотрит с иконы
Не последний, когда-то убитый царек,
А простой русский парень, солдат Родионов,
Преступивший навеки небесный порог.

Тот порог, над которым архангел Гастелло
В колеснице пылающей снова в пути.
А ключи от Господних небесных пределов
Держит Карбышев, руки скрестив на груди.

Где Чапаев и Щорс, Кошевой и солдаты,
В битвах павшие, дядя мой, бравший Берлин,
И пришедшие в Дому Советов ребята,
Кто с ОМОНом схлестнулся один на один.

Упаду на колени тогда перед ними,
Своих глаз на их лики не смея поднять...
Как же нас угораздило стать крепостными,
Свою Землю и волю без боя отдать?!!

Там в небесной дали у Господних чертогов
Сталин с Лениным тихо ведут разговор...
Как же нас угораздило счесть за святого
Николая Кровавого? Стыд и позор!!

Царь-убийца – святой!!! И за это наказан
Наш народ, что злодеям молебны воспел:
Сколько храмов вокруг, да вот нет только спасу,
И повсюду, как встарь, на Руси беспредел.

Не поднимет Господь на врагов свою руку,
Не опустится Девы священный покров
На Россию. Нам долго терпеть эту муку,
Раз мы рай обозвали «страной дураков».

Ту страну, что из крови святых создавали
И на верную смерть за нее шли бойцы,
Где свой хлеб и свой кров просто так раздавали
Неразумным детишкам трудяги-отцы.

Потому и иду я не в храм, а из храма,
Где поклоны царям верноподдано бьют
Люди рабской души, не имущие срама,
Но Отец, Сын и Дух там давно не живут.

А Они в небесах, заалевших, как знамя,
И зовущих на бой за Советскую Власть.
С нами Бог, коммунисты, теперь, ТОЛЬКО с нами,
И завет наш Христов: «Кто тут временный? - СЛАЗЬ!»

Н. Запорожец

***

Бывший русский певец уходил на войну,
Ту, где враг не бомбил города и посёлки,
Ту, где словом враги разрушали страну,
Прячась в шкурах овец, шли к нам хищные волки.

В песнях он прославлял тех дворян-подлецов,
Кто жирел на крови трудового народа,
Он плевал в красный флаг наших славных отцов,
Кто для нас добывал саму жизнь и свободу.

Бывший русский певец в той стране всё имел,
Получал от страны, что душонка желала!
Было мало ему - он рабов захотел,
Но Советская Власть рабство не разрешала!

И мотался певец по родной стороне
И дерьмом поливал он советских героев...
И весьма преуспел этот лжец в той войне,
Соблазняя людей, подрывая устои.

Сотни тысяч иуд клеветали на власть
Растлевали народ и плевали на знамя...
Видно сам Сатана покуражился всласть,
И родную страну развалили мы сами.

Но природа мудра, и за подлую ложь
По веленью Небес был наказан предатель:
Вдруг в бандитской разборке пуля, может и нож
Пресекли путь лжеца, чтобы больше не гадил!

Но прошло много лет - не воскресла страна,
И народ разделён, разорение всюду...
В самом сердце Руси полыхает война –
Ты об этом нам пел, бывший русский иуда?

Кто убит был в Чечне, и кто пал за Донецк,
Кто в Одессе сожжён стоят рядом со мною!
И пусть в адском огне свой позорный конец
Обретут все хулители красных героев!

Чтобы жизнь возродить, что б народ не пропал,
Проклинаю навек тех певцов черноротых,
Кто стрелял в коммунизм, а в Россию попал,
Навсегда, на века, до конца их породы!
2019

ЗАХАРОВ Александр (род. 1959)

А. Захаров
***

Какая вера в мире всех вернее?
Какая вера в мире всех нужнее?
Во что нам можно верить, во что – нет?
На все меня просили дать ответ.

На это я сказал таким ответом
(Не знаю, прав ли, нет ли был при этом.)
Вы рассудите сами, прав иль нет
Я был, на это дав такой ответ:

Здесь главное не то, во что ты веришь,
А то, какими жизнь шагами меришь,
След добрый ли в ней шаг твой оставляет
Иль он лишь землю за собой марает.

Какая вера тянет тебя ввысь,
Той веры, друг мой, в жизни и держись!

А. Захаров
СЛУЧАЙНОСТЬ

Когда зришь кирпичный дом,
усомнишься ли ты в том,
что сей дом здесь сотворила
чья-то Творческая Сила?

Неужели ты вскричишь,
что все эти кирпичи
сами по себе летали
и внезапно домом стали?

А при виде мирозданья, -
что любых на свете зданий
неизмеренно прекрасней, -
ты сказать посмел, несчастный,
что все это просто так...
Все - случайность...Эх, чудак.

ЗИНОВЬЕВ Николай Александрович (род. 1960)

Н. Зиновьев
В ДЕТСКОМ САДУ

Над клумбой бабочки порхают,
И небо льётся синевой.
В тени песочницы играют
Солдаты Третьей мировой…

Н. Зиновьев
***

Сколько помню, он такой:
Редкая бородка,

Грязный, серенький, сухой.
Лёгкая походка.
Допотопный армячок.
Детская улыбка.
— Здравствуй, Ваня-дурачок.
Как дела?
— Не шибко.
— Издеваются ли, бьют?
Что тому виною?
— Больно много подают…
Как перед войною.

Н. Зиновьев
ЖЕЛЕЗНЫЙ ЗАНАВЕС

Рухнул занавес. И что же?
И решили господа:
Пропадать ему негоже.
Эй, подать его сюда!
Протащили по болотам —
Тяжеленный, паразит…
Между властью и народом
Он теперь у нас висит.

ЗОРИНА Марина ()

М. Зорина
ПОДВИГ

О подвиге прочтет мальчишка в повести
И бросится за подвигом он в поиски.
Выстругивая пистолет из дерева,
Он верит в то, что непременно сделает
Свой Подвиг в этой жизни обязательно.
И чуть ли не берет он обязательство,
И говорит с восторгом своим детским,
Что Подвиг непременно будет сделан,
Что Подвиг – это просто, очень просто,
Упал на дот – и ты уже Матросов.
И что с того, что ты в бою погибнешь!
Зато потом погибшим будут Гимны,
Стихи, Цветы и звание Героя!
Для этого собой закрыть дот стоит.

Но только мальчик позабыл о страхе,
Который к телу потному – рубахой,
Да что там «к телу», к сердцу – сжатой болью!
А дот строчит, а дот – перед тобою.
А может, лучше отползти спокойно,
А может, лучше спрятаться в окопе?
Ведь что тебе до славы и до гимнов,
Когда для жизни – вечно ты погибший!?
И пусть о смерти говорят поэты,

Что ты не умер, ходишь по Планете,
И памятник поставят в рост Солдата.
Но что тебе до этого, когда ты
В земле лежишь, не зная, что там сверху,
Какая жизнь, какое солнце светит!?
Ведь эту жизнь не заменить наградой...
А дот строчит, и надо, надо падать!

И ты встаешь, объятый жгучим страхом,
Который к телу потному – рубахой,
И падаешь…
Грохочет дальше бой.
И нет тебя.
Но есть уже Герой!
2005

ИВАНАУСКАЙТЕ Юрга Игоревна (1961 - 2007)

Ю. Иванаускайте
ВОСКРЕСЕНИЕ

Воскреснув из мертвых,
Бродила бы по берегу моря,
Набрала бы
Полные карманы ракушек.
Слушала бы шум волн
До тех пор
Пока не забыла бы,
Как стучали комья земли
По крышке гроба.

ИВАНОВ Сергей ()

С. Иванов
***

Командиров все больше - подчиненных все меньше,
Непрестижно работать - престижно учиться...
Неужели уже ничего не изменишь?
Неужели и с нами все это случится?

Равнодушными будем, спокойными будем,
Никогда, и ни в чем, ни к чему не причастны.
Неужели мы этих парнишек забудем,
Уходивших с винтовкой на поиски счастья?

Наше сердце остудим и души остудим,
Хладнокровно смотря на чужое страданье.
Неужели мы этих девчонок забудем,
На панель выходивших за пропитаньем?

Все беспечнее жизнь и беспечней становятся люди,
Честь и совесть считается чем-то совсем устарелым.

Неужели мы лица детишек забудем,
Тех, что с голоду мрут в африканских селеньях?

Тот, кто жил хорошо, будет жить еще лучше и лучше,
Наслаждаясь дарами судьбы от зари до зари.
Неужели мы стали державою жрущих и пьющих,
Нашим знаменем честным обеденный стол застелив?
1989

С. Иванов
***

Мы бедные люди и скуден наш личный баланс –
Дожить до зарплаты, жениться, детишек растить...
Мы, бедные люди, не лезем в большие дела,
Какое нам дело, куда нас решили вести,
В какие края повернёт государственный курс,
Куда генеральную линию снова загнут?
У сладкого слова «свобода» заманчивый вкус,
Да жизнь-то одна и прожить бы хоть эту одну.
Нам, в общем, неплохо живётся на этой земле,
Где каждый сверчок на ему отведённом шестке –
Талоны на мыло и сахар лежат на столе
И маленький отпрыск уселся в углу на горшке,
Урчит телевизор, как будто наевшийся кот,
С надеждой и верой мы слушаем слово вождя –
Глаза государя за тонкой оправой очков
Так мудро на нас с голубого экрана глядят...
1989

С. Иванов
***

Хрусти, хрусти костями, динозавр –
Куда тебе добраться до меня.
Снаружи ветер, холод и гроза,
А я сижу в пещере у огня.
Земля ещё чиста и молода,
И наверху, в круговороте звёзд,
Где безымянна каждая звезда,
Нет спутников и не распят Христос.
История рождается в огне,
В порывах ветра, в шуме тростника...
Над миром ночь. Горит костёр во тьме.
Подброшу дров - ведь впереди века.
Я для себя не выдумал богов –
Мне кажется, что мы с тобой одни.
И сколько человечьих огоньков
Не знает обо мне, а я - о них...
Как мы малы! Но мы уже растём.
Пусть я боюсь тебя и темноты,
А ветер задувает мой костёр,
Я - человек. Я слаб. Но вымрешь - ты.

ИВЧЕНКО Виктория (род. 1980)

В. Ивченко
СЕМЬЯ

Мама-конь идёт домой,
Папа-конь - на водопой,
а ребёнок-жеребёнок
пьёт из миски голубой.

В. Ивченко
МАМОЧКЕ К НОВОМУ ГОДУ ЛОШАДИ

Любимая моя заезженная лошадь!
(Ты так сама себя однажды назвала.)
Приходит Новый год.
Надеюсь, что хороший,
что будет в нём добро
и меньше станет зла.

Приходит Новый год,
Приходит Новый год,
Приходит Новый год,
И меньше станет зла.

Что подарить тебе? Не знаю, к сожаленью!
Лак для волос? Шампунь?
Стиральный порошок?
Иль сахара мешок на лето для варенья?
Иль этот несмешной предпраздничный стишок?

Иль сахара мешок?
Иль сахара мешок?
Иль сахара мешок?
Иль этот вот стишок?

Меня ты родила себе же в наказанье:
Со мной ещё трудней тянуть житейский воз
до самых-самых звёзд!
Но что нам расстоянье!
Пегасиха моя в венке колючих роз.

До самых-самых звёзд,
до самых-самых звёзд,
до самых-самых звёзд,

В. Ивченко
РЫЖИЕ СТИХИ

Ветер-задира
В осеннем лесу
Рыжей ольхе

Заплетает косу.
Рыжая белка
Гадает в уме:
"Скоро ли рыжик
Подсохнет к зиме?"
Рыжие гроздья
Рябины в слезах.
Рыжие зайчики
Скачут в глазах.
Рыжие сосны
Скребут небосвод.
Рыжая осень
По лесу идёт.

В. Ивченко
МОЛИТВА

"Я про одне Всевишнього молю:
Храни людей, яких я так люблю,
Не обездоль і долю дай незлую!"

ИНОЗЕМЦЕВА Татьяна Николаевна (род. 1950)

Т. Иноземцева
***

Белые кони
В овес забрели.
Плачем вспугнули
Коней журавли.
И полетели
К рябинам вдали
Белые кони
И журавли.
Два косяка,
Два свободных крыла.

...Какая красивая
Осень была.

ИСАКОВСКИЙ Михаил Васильевич (1900 - 1973)

М. Исаковский
ПРОЩАНИЕ

Дан приказ: ему на запад,
Ей – в другую сторону.
Уходили комсомольцы
На Гражданскую войну.

Уходили, расставались,
Покидали тихий край.
- Ты мне, что-нибудь, родная

На прощанье пожелай.

И родная отвечала:
- Я желаю всей душой
Если смерти, то мгновенной,
Если раны – небольшой.

А всего сильней желаю
Я тебе, товарищ мой,
Чтоб со скорою победой
Возвратился ты домой.

Он пожал подруге руку,
Глянул в девичье лицо:
- А еще тебя прошу я,
Напиши мне письмецо. –

- Но куда же напишу я,
Как я твой узнаю путь? –
- Все равно, - сказал он тихо, -
Напиши куда-нибудь.-

Дан приказ: ему на запад,
Ей – в другую сторону,
Уходили комсомольцы
На Гражданскую войну.
1937

М. Исаковский
КАТЮША

Расцветали яблони и груши,
Поплыли туманы над рекой.
Выходила на берег Катюша
На высокий на берег крутой.

Выходила, песню заводила
Про степного, сизого орла,
Про того, которого любила,
Про того, чьи письма берегла.

Ой ты, песня, песенка девичья,
Ты лети за ясным солнцем вслед
И бойцу на дальнем пограничье
От Катюши передай привет.

Пусть он вспомнит девушку простую,
Пусть услышит, как она поет,
Пусть он землю сбережет родную,
А любовь Катюша сбережет.

Расцветали яблони и груши,
Поплыли туманы над рекой.

Выходила на берег Катюша,
На высокий на берег крутой.
1938

М. Исаковский
В ЛЕСУ ПРИФРОНТОВОМ

С берез - неслышен, невесом –
Слетает желтый лист.
Старинный вальс "Осенний сон"
Играет гармонист.
Вздыхают, жалуясь, басы,
И, словно в забытьи,
Сидят и слушают бойцы,
Товарищи мои.

Под этот вальс весенним днем
Ходили мы на круг,
Под этот вальс в краю родном
Любили мы подруг;
Под этот вальс ловили мы
Очей прекрасных свет,
Под этот вальс грустили мы,
Когда подруги нет.

И вот он снова прозвучал
В лесу прифронтовом,
И каждый слушал и молчал
О чем-то дорогом;
И каждый думал о своей,
Припомнив ту весну,
И каждый знал - дорога к ней
Идет через войну...

Пусть свет и радость прежних встреч
Нам светят в трудный час.
А коль придется в землю лечь,
Так это только раз!
Но пусть и смерть в огне, в дыму
Бойца не устрашит,
И что положено кому –
Пусть каждый совершит.

Настал черед, пришла пора,
идем, друзья, идем,
За тех, с кем жили мы вчера,
За тех, что завтра ждем,
За тех, кто вянет словно лист,
За наш родимый край…
Сыграй другую, гармонист,
Походную сыграй!
1942

М. Исаковский
ПРОЩАЛЬНАЯ

Далекий мой! Пора моя настала.
В последний раз я карандаш возьму…
Кому б моя записка ни попала,
Она тебе писалась одному.

Прости-прощай! Любимую веснянку
Нам не певать в веселый месяц май.
Споем теперь, как девушку-смолянку
Берут в неволю в чужедальний край;

Споем теперь, как завтра утром рано
Пошлют ее по скорбному пути…
Прощай, родной! Забудь свою Татьяну.
Не жди ее. Но только отомсти!

Прости-прощай!.. Что может дать рабыне
Чугунная немецкая земля?
Наверно, на какой-нибудь осине
Уже готова для меня петля.

А может, мне валяться под откосом
С пробитой грудью у чужих дорог,
И по моим по шелковистым косам
Пройдет немецкий кованый сапог…

Прощай, родной! Забудь про эти косы.
Они мертвы. Им больше не расти.
Забудь калину, на калине росы,
Про всё забудь. Но только отомсти!

Ты звал меня своею нареченной,
Веселой свадьбы ожидала я.
Теперь меня назвали обреченной,
Лихое лихо дали мне в мужья.

Пусть не убьют меня, не искалечат,
Пусть доживу до праздничного дня,
Но и тогда не выходи навстречу —
Ты не узнаешь всё равно меня.

Всё, что цвело, затоптано, завяло,
И я сама себя не узнаю.
Забудь и ты, что так любил, бывало,
Но отомсти за молодость мою!

Услышь меня за темными лесами,
Убей врага, мучителя убей!..
Письмо тебе писала я слезами,
Печалью запечатала своей…

Прости-прощай!..

М. Исаковский
ОГОНЁК

На позиции девушка
Провожала бойца,
Темной ночью простилася
На ступеньках крыльца.
И пока за туманами
Видеть мог паренек,
За окошком за девичьим
Все горел огонек.

Парня встретила славная
Фронтовая семья,
Всюду были товарищи,
Всюду были друзья.
Но знакомую улицу
Позабыть он не мог:
"Где ж ты, девушка милая,
Где ж ты, мой огонек?"

И подруга далекая
Парню весточку шлет,
Что любовь ее девичья
Никогда не умрет.
Все, что было загадано,
В свой исполнится срок –
Не погаснет без времени
За рекой огонек.

И просторно и радостно
На душе у бойца,
От такого хорошего
От его письмеца.
И врага ненавистного
Крепче бьет паренек
За Советскую Родину,
За родной огонек.

М. Исаковский
СЛОВО К ТОВАРИЩУ СТАЛИНУ

Оно пришло, не ожидая зова,
Пришло само - и не сдержать его...
Позвольте мне сказать Вам это слово,
Простое слово сердца моего.

Тот день настал, исполнилися сроки,
Земля опять покой свой обрела.
Спасибо Вам за подвиг Ваш высокий,
За Ваши многотрудные дела.

Спасибо Вам, что в годы испытаний
Вы помогли нам устоять в борьбе.
Мы так Вам верили, товарищ Сталин,
Как, может быть, не верили себе.

Вы были нам оплотом и порукой,
Что от расплаты не уйти врагам.
Позвольте ж мне пожать Вам крепко руку,
Земным поклоном поклониться Вам

За Вашу верность матери-отчизне,
За Вашу мудрость и за Вашу честь,
За чистоту и правду Вашей жизни,
За то, что Вы - такой, какой Вы есть.

Спасибо вам, что в дни великих бедствий
О всех о нас Вы думали в Кремле,
За то, что Вы повсюду с нами вместе,
За то, что Вы живете на Земле.
1945

М. Исаковский
ВРАГИ СОЖГЛИ РОДНУЮ ХАТУ

Враги сожгли родную хату,
Убили всю его семью.
Куда ж теперь идти солдату,
Кому нести печаль свою?

Пошел солдат в глубоком горе
На перекресток двух дорог.
Нашел солдат в широком поле
Травой заросший бугорок.

Стоит солдат - и словно комья
Застряли в горле у него.
Сказал солдат: "Встречай, Прасковья,
Героя - мужа своего.

Готовь для гостя угощенье,
Накрой в избе широкий стол, -
Свой день, свой праздник возвращенья
К тебе я праздновать пришел..."

Никто солдату не ответил,
Никто его не повстречал,
И только теплый летний вечер
Траву могильную качал.

Вздохнул солдат, ремень поправил,
Раскрыл мешок походный свой,
Бутылку горькую поставил

На серый камень гробовой:

"Не осуждай меня, Прасковья,
Что я пришел к тебе такой:
Хотел я выпить за здоровье,
А должен пить за упокой.

Сойдутся вновь друзья-подружки
Но не сойтись вовеки нам..."
И пил солдат из медной кружки
Вино с печалью пополам.

Он пил - солдат, слуга народа,
И с болью в сердце говорил:
"Я шел к тебе четыре года,
Я три державы покорил..."

Хмелел солдат, слеза катилась,
Слеза несбывшихся надежд,
И на груди его светилась
Медаль за город Будапешт.

М. Исаковский
ОДИНОКАЯ ГАРМОНЬ

Снова замерло все до рассвета,
Дверь не скрипнет, не вспыхнет огонь…
Только слышно - на улице где-то
Одинокая бродит гармонь.

То пойдет на поля, за ворота,
То обратно вернется опять,
Словно ищет в потемках кого-то
И не может никак отыскать.

Веет с поля ночная прохлада,
С яблонь цвет облетает густой…
Ты признайся, кого тебе надо,
Ты скажи, гармонист молодой!

Может, радость твоя недалеко,
Да не знает, ее ли ты ждешь…
Что ж ты бродишь всю ночь одиноко,
Что ж ты девушкам спать не даешь?

Отчего мне и сладко, и больно
В эту пору в родимом краю?
Отчего я вздыхаю невольно,
Как заслышу гармошку твою?

Словно жду я тебя втихомолку,
Хоть и знаю, что ты не придешь.
Что ж ты бродишь всю ночь по поселку,

Что ж ты девушкам спать не даешь?
1945

М. Исаковский
ЛЕТЯТ ПЕРЕЛЕТНЫЕ ПТИЦЫ…

Летят перелетные птицы
В осенней дали голубой,
Летят они в жаркие страны,
А я остаюся с тобой.
А я остаюся с тобою,
Родная навеки страна!
Не нужен мне берег турецкий,
И Африка мне не нужна.

Немало я стран перевидел,
Шагая с винтовкой в руке.
И не было горше печали,
Чем быть от тебя вдалеке.
Немало я дум передумал
С друзьями в далеком краю.
И не было большего долга,
Чем выполнить волю твою.

Пускай утопал я в болотах,
Пускай замерзал я на льду,
Но если ты скажешь мне слово,
Я снова все это пройду.
Желанья свои и надежды
Связал я навеки с тобой –
С твоею суровой и ясной,
С твоею завидной судьбой.

Летят перелетные птицы
Ушедшее лето искать.
Летят они в жаркие страны,
А я не хочу улетать,
А я остаюся с тобою,
Родная моя сторона!
Не нужно мне солнце чужое,
Чужая земля не нужна.
1948

КАЗАКОВА Римма Федоровна (1932 - 2008)

Р. Казакова
ДУРАКИ

Живут на свете дураки:
На бочку меда - дегтя ложка.
Им, дуракам, все не с руки
Стать поумнее, хоть немножко.
Дурак - он как Иван-дурак,

Всех кормит, обо всех хлопочет.
Дурак - он тянет, как бурлак.
Дурак во всем - чернорабочий.
Все спят - он, дурень, начеку.
Куда-то мчит, за что-то бьется...
А достается дураку –
Как никому не достается!
То по-дурацки он влюблен,
Так беззащитно, без опаски,
То по-дурацки робок он,
То откровенен по-дурацки.
Не изворотлив, не хитер,-
Твердя, что вертится планета,
Дурак восходит на костер
И, как дурак, кричит про это!
Живут на свете дураки,
Идут-бредут в своих веригах,
Невероятно далеки
От разных умников великих.
Но умники за их спиной
гогочут... - Видели растяпу?
Дурак, весь век с одной женой! –
Дурак, не может сунуть в лапу! –
Дурак, на вдовушке женат
И кормит целую ораву!...
Пусть умники меня простят –
Мне больше дураки по нраву.
Я и сама еще пока
Себя с их племенем сверяю.
И думаю, что дурака
Я этим делом не сваляю.
А жизнь у каждого в руках.
Давайте честно к старту выйдем,
И кто там будет в дураках –
Увидим, умники!
Увидим!
1963

Р. Казакова
***

Постарею, побелею, как земля зимой.
Я тобой переболею, ненаглядный мой.
Я тобой перетоскую,- переворошу,
по тебе перетолкую, что в себе ношу.
До небес и бездн достану, время торопя.
И совсем твоею стану — только без тебя.
Мой товарищ стародавний, суд мой и судьба,
я тобой перестрадаю, чтоб найти себя.
Я узнаю цену раю, ад вкусив в раю.
Я тобой переиграю молодость свою.
Переходы, перегрузки, долгий путь домой…
Вспоминай меня без грусти, ненаглядный мой.

1970

КАРПОВ Александр Сергеевич (1971 - 2002)

А. Карпов
МЫШИ

Этой ночью, вы слышите, тише –
Собираются мыши на крыше.
Нелетучие серые мыши...
Молчаливым потоком все выше
Забираются мыши на крыши,
Заполняя все щели и ниши.
И отчетливо видно нам снизу,
Как они подступают к карнизу,
И кидаются с крыши... Но, тише,
Посмотрите, летят эти мыши,
И взлетают все выше и выше
Нелетучие, серые мыши!
Сверху смотрят на улицы, крыши,
Покидая наш город пустынный,
И летят нелетучие мыши,
Неустанно летят, беспрерывно.

И, прощаясь с бескрылыми нами,
Нам тихонечко машут хвостами.
2002

КАШЕЖЕВА Инна Иналовна (1944 - 2000)

И. Кашежева
В БЕЛУЮ НОЧЬ У ПЕТРОПАВЛОВСКОЙ КРЕПОСТИ

В эту ночь без темноты
Встречусь у Невы
С тем, кто с Богом был на "ты",
А с царем - на "вы".
Будет речь его проста,
Как пейзаж ночной:
"На творение Петра
Погляди со мной!"
Будет каждая стена
Четкой, словно днем...
Это - целая страна
В городе одном.
Гневен каменный язык,
Как ни назови:
Это - ярости дневник,
Летопись любви.
Хоть на клочья изорви –
Писано навек.
Как из рамы, из Невы
Смотрит прошлый век.

Крепость росчерком пера,
Шпиль в изломах весь...
"Здесь почти что нет Петра,
Павла слишком здесь".
Пушкин молча постоит...
Вдруг из забытья:
"Здесь казнили пятерых,
А шестым был - я".
Эта истина гласит:
Вечно над Землей
Речка Черная висит
Той - шестой - петлей.

КВИТКО Лев Моисеевич (1890 - 1952)

Л. Квитко
КИСАНЬКА

Слыхали вы про кисоньку - про милую мою
Не любит мама кисоньку, а я ее люблю!
Она такая черная, а лапки - точно снег,
Ну, всех она наряднее, и веселее всех!

Сказала мама кисоньке: "Лови у нас мышей!"
Мышат не ловит кисонька, на что мышата ей!
А приласкаешь кисоньку, погладишь по спине –
Глаза закроет кисонька и помурлычет мне!..

Глаза откроет кисонька, а я уж под столом!
Она мяучит жалобно и бегает кругом.
В кувшин заглянет, в чашечку - куда я деться мог?
Да сверху вдруг откуда-то ко мне на шею скок!

А ночь настанет темная - усну я рядом с ней.
Мышат не ловит кисонька - на что мышата ей!
Но вот однажды с кисонькой беда стряслась у нас
Ее на кухне с мышками застала мама раз!

Она резвилась, прыгала, каталась кувырком,
И с нею мышки весело кружилися рядком!..
Схватила мама кисоньку - ну чем я мог помочь?!
И за ворота вынесла, и выбросила прочь!...

И горько-горько плакал я, все кисоньку жалел,
И даже с новой лошадью играть не захотел...
И все не мог утешиться... Но что там слышу я?!
Скребется в двери кисонька, затейница моя!

Тут стали обниматься мы, пустились с нею в пляс,
А мама только глянула и не бранила нас!
Живет со мною кисонька, затейница моя,
Хоть мама и не рада ей, да рад ей очень я!!!

Л. Квитко
ПИСЬМО ВОРОШИЛОВУ

Климу Ворошилову письмо я написал:
Товарищ Ворошилов, народный комиссар!
В Красную армию нынешний год,
В Красную армию брат мой идёт!

Товарищ Ворошилов, ты, верно, будешь рад,
Когда к тебе на службу придёт мой старший брат…
Товарищ Ворошилов, ему ты доверяй:
Умрёт он, а не пустит врага в Советский край!

Слышал я, фашисты задумали войну:
Хотят они разграбить Советскую страну.
Товарищ Ворошилов, когда начнётся бой –
Пускай назначат брата в отряд передовой!

Товарищ Ворошилов, а если на войне
Погибнет брат мой милый – пиши скорее мне!
Товарищ Ворошилов, я быстро подрасту
И встану вместо брата с винтовкой на посту!
1936

Л. Квитко
АННА ВАННА – БРИГАДИР

Анна Ванна, наш отряд
Хочет видеть поросят!
Мы их не обидим,
Поглядим и выйдем!

- Уходите со двора,
Лучше не просите!
Поросят купать пора,
После приходите.

Анна Ванна, наш отряд
Хочет видеть поросят!
И потрогать спинки,
Много ли щетинки?

- Уходите со двора,
Лучше не просите!
Поросят кормить пора,
После приходите.

- Анна Ванна, наш отряд
Хочет видеть поросят!
Рыльца - с пятачками?
Хвостики - с крючками?

- Уходите со двора,

Лучше не просите!
Поросятам спать пора,
После приходите.

- Анна Ванна, наш отряд
Хочет видеть поросят!
Уходите со двора,
Потерпите до утра!

Мы уже фонарь зажгли,
Поросята спать легли!
1939

КЕДРИН Дмитрий Борисович (1907 - 1945)

Д. Кедрин
ЗОДЧИЕ

Как побил Государь
Золотую орду под Казанью,
Указал на подворье свое
Приходить мастерам.
И велел благодетель,
Гласит летописца сказанье
В память оной победы
Да выстроят каменный храм.

И ка нему привели
Флорентийцев,
И немцев,
И прочих
Иноземных мужей
Пивших чару вина в один дых
И пришли к нему двое
Безвестных владимирских зодчих,
Двое русских строителей
Статных,
Босых,
Молодых.

Лился свет в слюдяное оконце,
Был дух вельми спертый,
Изразцовая печка.
Божница,
Угар и жара.
И в посконных рубахах
Пред Иоанном четвертым
Крепко за руки взявшись
Стояли сии мастера.

«Смерды!
Можете ль церкву сложить
Инозмных пригодей?

Чтоб была благолепней
Заморских церквей, говорю!»
И, тряхнув волосами,
Ответили зодчие:
«Можем!
Прикажи, государь!»
И ударились в ноги царю.

Государь приказал,
И в субботу на вербной неделе,
Покрестись на восход,
Ремешками схватив волоса,
Государевы зодчие
Фартуки наспех надели,
На широких плечах
Кирпичи понесли на леса.

Мастера выплетали
Узоры из каменных кружев,
Выводили столбы
И, работой своею горды,
Купол золотом жгли,
Кровли крыли лазурью снаружи
И в свинцовые рамы
Вставляли чешуйки слюды.

И уже потянулись
Стрельчатые башенки кверху,
Переходы,
Балкончики,
Луковки да купола.
И дивились ученые люди,
Зане эта церковь
Краше вилл италийских
И пагод индийских была.

Был диковинный храм
Богомазами весь измалеван,
В алтаре,
И при входах,
И в царском притворе самом.
Живописной артелью
Монаха Андрея Рублева
Изукрашен зело
Византийским суровым письмом…

А в ногах у постройки
Торговая площадь жужжала,
Торовато кричала купцам:
«Покажи, чем живешь!»
Ночью подлый народ
До креста пропивался в кружалах,
А утрами истошно вопил,

Становясь на правеж.

Тать, засеченный плетью
У плахи лежал бездыханно,
Прямо в небо уставя
Очесок седой бороды,
И в московской неволе
Томились татарские ханы,
Посланцы Золотой,
Переметчики Черной орды.

А над всем этим срамом
Та церковь была –
Как невеста!
И с рогожкой своей,
С бирюзовым колечком во рту, -
Непотребная девка
Стояла у лобного места
И, дивясь,
Как на сказку,
Глядела на ту красоту.

А как храм освятили,
То, с посохом,
В шапке монашьей,
Обошёл его царь –
От подвалов и служб
До креста.
И, окинувши взором
Его узорчатые башни,
«Лепота!» - молвил царь.
И ответили все: «Лепота!».

И спросил благодетель:
«А сможете сделать пригожей,
Благолепнее этого храма
Другой, говорю?»
И, тряхнув волосами,
Ответили зодчие
«Можем!
Прикажи, Государь!»
И ударились в ноги царю.

И тогда государь
Повелел ослепить этих зодчих,
Чтоб в земле его
Церковь
Стояла одна такова,
Чтобы в Суздальских землях
И землях Рязанских и прочих
Не поставили лучшего храма,
Чем храм Покрова!

Соколиные очи
Кололи им шилом железным,
Дабы белого света
Увидеть они не могли.
И клеймили клеймом,
И секли батогами, болезных,
И кидали их,
Темных
На стылое лоно земли.

И в Обжорном ряду,
Там, где заваль кабацкая пела,
Где сивухой разило,
Где было от пару темно,
Где кричали дьяки:
«Государево слово и дело!» -
Мастера Христа ради
Просили на хлеб и вино.

И стояла их церковь
Такая,
Что словно приснилась.
И звонила она,
Будто их отпевала навзрыд,
И запретную песню
Про страшную царскую милость
Пели в тайных местах
По широкой Руси
Гусляры.
1938

КЕУЛЬКУТ Виктор Григорьевич (1929 - 1963)

В. Кеулькут
ПРИСЛУШАЙСЯ

Тихо в тундре на рассвете –
Даже речка не шумит,
Даже сам бродяга – ветер
Лапы вытянул и спит.

Тихо в тундре. Тонкий, робкий,
В лужах стынет синий лёд.
Из-за самой дальней сопки
Солнце рыжее встаёт.

И, приветствуя светило,
Тундра вдруг отозвалась –
Вся она заговорила,
Пеньем, свистом залилась.

Морем заходив зелёным,
Тяжесть рос стряхнув едва,

Зазвенела тонким звоном
Высоченная трава.

Слушай! Слушай! Спозаранку
Всё ликует и поёт –
Это тундра – северянка
Славит солнечный восход.

КЕШОКОВ Алим Пшемахович (1914 - 2001)

А, Кешоков
ПУТЬ ВСАДНИКА

В ночном просторе путь протянут Млечный,
Монисто звезд мы видим наяву.
Широкий путь, блестящий, бесконечный,
Он опоясал неба синеву.

Какой скакал здесь всадник знаменитый?
Какая цель сияла седоку?
Коня какого звонкие копыта
Сумели звезды высечь на скаку?

Куда седок направил путь? К любимой
Спешил он, пылью звездною пыля,
Чтоб храбрости его неколебимой
Завидовала милая Земля?

Никто не знает, кто он и откуда,
Не сохранилось имя седока,
Лишь путь его, сверкающий, как чудо,
Незыблемый, остался на века.

Наездников умелых много тысяч
Добром Земля могла бы помянуть,
Но лишь один сумел отважно высечь
На вечном небосводе Млечный Путь.

О, если б мне чудесный конь достался,
Не стал бы я на нем сидеть в седле:
Вскочил бы на хребет его и мчался,
И Млечный путь провел бы по Земле.

КИРИЛЛОВ Владимир Тимофеевич (1890 - 1937)

В. Кириллов
МЫ

Мы несметные, грозные легионы Труда.
Мы победители пространства морей, океанов и суши,
Светом искусственных солнц мы зажгли города,
Пожаром восстаний горят наши гордые души.

Мы во власти мятежного, страстного хмеля;
Пусть кричат нам: "Вы палачи красоты",
Во имя нашего Завтра - сожжем Рафаэля,
Разрушим музеи, растопчем искусства цветы.

Мы сбросили тяжесть наследья гнетущего,
Обескровленной мудрости мы отвергли химеры;
Девушки в светлом царстве Грядущего
Будут прекрасней Милосской Венеры...

Слезы иссякли в очах наших, нежность убита,
Позабыли мы запах трав и весенних цветов.
Полюбили мы силу паров и мощь динамита,
Пенье сирен и движенье колес и валов...

О, поэты-эстеты, кляните Великого Хама,
Целуйте обломки былого под нашей пятой,
Омойте слезами руины разбитого храма.
Мы вольны, мы смелы, мы дышим иной красотой.

Мускулы рук наших жаждут гигантской работы,
Творческой мукой горит коллективная грудь,
Медом чудесным наполним мы доверху соты,
Нашей планете найдем мы иной, ослепительный путь.

Любим мы жизнь, ее буйный восторг опьяняющий,
Грозной борьбою, страданьем наш дух закален.
Всё - мы, во всем - мы, мы пламень и свет побеждающий,
Сами себе Божество, и Судья, и Закон.
1917

В. Кириллов
МАТРОСАМ

Герои, скитальцы морей, альбатросы,
Застольные гости громовых пиров,
Орлиное племя, матросы, матросы,
Вам песнь огневая рубиновых слов.

Вы солнце, вы свежесть стихии соленой,
Вы вольные ветры, вы рокоты бурь,
В речах ваших звоны, морские циклоны,
Во взорах безбрежность, морская лазурь.

Врагам не прощали вы кровь и обиды
И знамя борьбы поднимали не раз,
Балтийские воды и берег Тавриды
Готовят потомкам пленительный сказ.

Как бурные волны, вы грозно вливались
Во дни революций на Невский гранит,
И кровью орлиной не раз омывались
Проспекты, панели асфальтовых плит.

Открытые лица, широкие плечи,
Стальные винтовки в бесстрашных руках,
Всегда наготове для вражеской встречи:
Такими бывали вы в красных боях.

Подобно утесам, вы встали, титаны,
На страже коммуны, на страже свобод,
У врат лучезарных, где вязью багряной
Сверкает бессмертный Семнадцатый год.

Герои, скитальцы морей, альбатросы,
Застольные гости громовых пиров,
Орлиное племя, матросы, матросы,
Вам песня поэта, вам слава веков.
1918

КИРСАНОВ Юрий Иванович (род. 1951)

Ю. Кирсанов
АФГАНСКАЯ КУКУШКА

Снится часто мне мой дом родной,
Лес о чем-то о своем мечтает,
Серая кукушка за рекой
Сколько жить осталось мне, считает.

Ты прижался ласково к цветку,
Стебелек багульника примятый.
И звучит далекое "ку-ку",
Отмеряя жизни моей даты.

Снится мне опушка из цветов,
Вся в рябинах тихая опушка.
Восемьдесят... Девяносто... Сто...
Что так ты расщедрилась, кукушка?

Я тоскую по родной стране,
По ее рассветам и закатам,
На афганской выжженой земле
Мирно спят советские солдаты.

Они тратят силы не скупясь,
Им знакомы голод и усталость...
Дни свои не копят про запас,
Кто им скажет, сколько их осталось.

Так что ты, кукушка, погоди
Мне дарить чужую долю чью-то.
У солдата вечность впереди,
Ты ее со старостью не путай.
Афганистан
1980-е гг.

КИРСАНОВ (КОРТЧИК) Семён Исаакович (1906 - 1972)

С. Кирсанов
ДЖОН РИД

Вот Смольный институт...
Под меловым карнизом
уж много лет идут
столетья коммунизма.
И тут стоял Джон Рид.
И кажется, опять он.
Блокнот его открыт.
Октябрь ему понятен.
Понятен дым костров,
понятен каждый митинг,
и Ленин с первых слов
понятен, вы поймите,
американцы! Джон
нас понял с полувзгляда.
Такими вот, как он,
вам бы гордиться надо!
По-летнему раскрыт
его рубашки ворот.
Сквозь патрули Джон Рид
проходит через город.
Толпою Летний сад
заполнен до обочин.
Садится самосад
он покурить с рабочим.
А рядом крик с трибун.
- Спасите Русь от хама!
Встал большевицкий гунн!
- ораторствует дама.
Через плечо пальто
- и в Смольный,
там - горнило.
Рид разобрался, кто
- Керенский, кто - Корнилов...
Америка! Твой сын
нас понял с полувзгляда.
Таким, как он один,
тебе гордиться надо!
Впервые в равелин
до камеры конечной
министров провели...
Насилие? Конечно!
Буржуев гонят вниз,
ко всем чертям собачьим!
Но так начнется жизнь,
лишь так, и не иначе.
С насилия! С атак!
С дыр в красоте ампира!

Начнется только так
все будущее мира.
Так думал и Джон Рид,
слагая строки скорые.
Блокнот его раскрыт
на первых днях истории.
Америка! Твой сын
не подкачал, не выдал.
Из-за штыкастых спин
он солнце мира видел!
Что может быть ценней
души, не знавшей фальши?
А наши Десять дней
мир потрясают дальше!..
1957

КИРШОН Владимир Михайлович (1902 - 1938)

В. Киршон

***

Я спросил у ясеня: «Где моя любимая?» –
Ясень не ответил мне, качая головой.
Я спросил у тополя: «Где моя любимая?» –
Тополь забросал меня осеннею листвой.

Я спросил у осени: «Где моя любимая?» –
Осень мне ответила проливным дождем.
У дождя я спрашивал: «Где моя любимая?» –
Долго дождик слезы лил за моим окном.

Я спросил у месяца: «Где моя любимая?» –
Месяц скрылся в облаке – не ответил мне.
Я спросил у облака: «Где моя любимая?» –
Облако растаяло в небесной синеве…

Друг ты мой единственный, где моя любимая?
Ты скажи, где скрылась, знаешь, где она?
Друг ответил преданный, друг ответил искренний:
«Была тебе любимая, была тебе любимая,
Была тебе любимая, а стала мне жена!»

Я спросил у ясеня,
Я спросил у тополя,
Я спросил у осени…
1935

КИСЕЛЕВ Леонид Владимирович (1946 – 1968)

Л. Киселев

Слепому помогли войти в троллейбус.
— Скажите мне, пожалуйста, кондуктор.

(О чем он спросит — сколько остановок
До выставки?)… Сегодня солнце есть?

— Нет, солнца нет, — ему сказали хором,
— С утра туман, и посмотрели в окна,
Как будто были в этом виноваты.
Но он спокойно принял эту весть.

— Ну что ж, весна бывала и позднее.
Вот до войны — тогда еще я видел —
Во время первомайского парада
Снег выпал. Да, в году тридцать шестом.

Но солнце будет, очень скоро будет!
- И он был прав, а впрочем, все мы знали,
Что солнце будет, непременно будет.
Уже никто не сомневался в том.
1959

Л. Киселев
РАБОЧИЕЕ И РАБОТЯГИ

Слова меняются, словно флаги,
Словно портреты премьер-министров.
Говорят не «рабочие», а «работяги».
И в этом свой смысл.
Рабочий — это который с плаката,
Который одет, обут и сыт.
Рабочий — он и в пятьдесят пятом
Носит сталинские усы.
И право дает любому кретину
Прервать на мгновение свой маршрут
И сказать: «Уберите эту картину!
Ее рабочие не поймут».
А работяги — те проще,
Нет в них романтики никакой.
По вечерам сквозь поля и рощи
Они в электричках едут домой.
В теплом вагоне многие дремлют,
Многие режутся в «дурака».
А, впрочем, конечно, страны и земли
В их мускулистых крепких руках.
И свои радости имеют люди:
Выпить сто грамм, колбасою заесть.
Но вот интересно, а что же будет,
Когда им все это надоест?
1962

КЛЫЧКОВ Сергей Антонович (1889 - 1937)

С. Клычков
***

Плывет луна, и воют волки,
В безумии ощерив рот,
И ель со снежною кошелкой
Стоит, поникнув, у ворот!..
Закрыл метельный саван всполье,
И дальний лес, и пустоша…
И где с такой тоской и болью
Укроется теперь душа?..
Всё слилось в этом древнем мире,
И стало всё теперь сродни:
И звезд мерцание в эфире,
И волчьи на снегу огни!..

КЛЮЕВ Артем Васильевич (род. 2007)

А. Клюев
С ЧЕГО НАЧИНАЕТСЯ РОДИНА?

«С чего начинается Родина?» –
Спросили однажды меня.
Вопрос и не сложный, вроде бы,
Ведь Родина – это земля,
Которую чтили прадеды,
В боях защищая её.
Но в это понятие впрядено
У каждого что-то своё.
Родительский дом и беседка,
В которой шумели друзья,
Клёна столетнего ветка,
Спасающая от дождя.
Так много понятий встречается,
Что Родиной можно назвать,
Однако у всех начинается
С той песни, что пела нам мать.
2019

КЛЮЕВ Николай Алексеевич (1884 - 1937)

Н. Клюев
ПЕСНЯ ГАМАЮНА.

К нам вести горькие пришли,
Что зыбь Арала в мёртвой тине,
Что редки аисты на Украине,
Моздокские не звонки ковыли,
И в светлой Саровской пустыне
Скрипят подземные рули!
Нам тучи вести занесли,
Что Волга синяя мелеет,
И жгут по Керженцу злодеи
Зеленохвойные кремли,
Что нивы суздальские, тлея,
Родят лишайник да комли!

Нас окликают журавли
Прилётной тягою впоследки,
И сгибли зябликов наседки
От колтуна и жадной тли,
Лишь сыроежкам многолетки
Хрипят косматые шмели!
К нам вести чёрные пришли,
Что больше нет родной земли,
Как нет черёмух в октябре,
Когда потёмки на дворе
Считают сердце колуном,
Чтобы согреть продрогший дом,
Но, не послушны колуну,
Поленья воют на луну.
И больно сердцу замирать,
А в доме друг, седая мать…
Ах, страшно песню распинать!
Нам вести душу обожгли,
Что больше нет родной земли,
Что зыбь Арала в мёртвой тине,
Замолк Грицько на Украине,
И Север — лебедь ледяной
Истёк бездомною волной.
Оповещая корабли,
Что больше нет родной земли!
1934

КНЯЗЕВ Василий Васильевич (1887 - 1937)

В. Князев
ПЕСНЯ КОММУНЫ

Нас не сломит нужда,
Не согнет нас беда,
Рок капризный не властен над нами,
Никогда, никогда,
Никогда! никогда!
Коммунары не будут рабами.

Все в свободной стране
Предоставлено мне,
Сыну фабрик и вольного луга;
За свободу свою
Кровь до капли пролью,
Оторвусь и от книг и от плуга!

Пусть британцев орда
Снаряжает суда,
Угрожая Руси кандалами, -
Никогда, никогда,
Никогда! никогда!
Коммунары не будут рабами.

Славен красный наш род,
Жив свободный народ,-
Все идут под знамена Коммуны.
Гей, враги у ворот!
Коммунары — вперед!
Не страшны нам лихие буруны.

Враг силен? Не беда!
Пропадет без следа,
Коли жаждет господства над нами,
Никогда, никогда,
Никогда! никогда!
Коммунары не будут рабами!

Коль не хватит солдат,
Станут девушки в ряд,
Будут дети и жены бороться,
Всяк солдат-рядовой,
Сын семьи трудовой —
Все, в ком сердце мятежное бьется!

Нас не сломит нужда,
Не согнет нас беда,
Рок капризный не властен над нами,-
Никогда, никогда,
Никогда! никогда!
Коммунары не будут рабами!!!
1918

КОБЧЕНКО Виктор (род. 1952)

В. Кобченко
***

Скромное платье на выцветшем фото
Накрепко слилось с фоном,
Точно такое же фото на фронт
С парнем ушло эшелоном.
Тонкие брови ровной дугой,
Чуткие губы неплотны.
Звал он негромко «любимой», «родной»
Вас в сорок грозные годы.
Косы свободно упали на грудь,
Очи спокойствия полны.
Раз погляди и всю жизнь не забудь,
Пулю прими и помни!

КОБЧЕНКО Владимир Владимирович ()

В. Кобченко
***

Если я подарю тебе звёзды –

Ты уснёшь далеко за полночь.
Если я подарю тебе солнце –
Загорать ты под солнцем будешь.
Если я подарю тебе поле –
Ты цветов наберёшь букет.
Если я подарю тебе сердце –
Ты мне в сыне его вернёшь.

В. Кобченко
НЕБЕЗЫЗВЕСТНОМУ АВТОРУ

Твой лёгкий слог, увы, всей нечисти в угоду,
Твое перо ведет на адский пьедестал,
И отвратителен ты будешь тем народу,
Что чувства подлые ты лирой пробуждал!

КОВАЛЕВ Константин Федорович (род. 1936)

К. Ковалев
***

Листва по высям непонятным тужит,
Ей только б новой высоты хлебнуть!
А корень в почву лезет глубже, глубже,
Чтоб вникнуть до конца в земную суть.
Друг друга тянут с силой исполинской:
Он – в землю, та – в просторы синевы!
Но крепнет ствол – ветвистое единство
Противоречий корня и листвы.
4 февраля 1970

К. Ковалев
***

Мне кажется, что ночью мы не спим,
Мне кажется, что ночью мы летим,
Летим! – куда мы днем ползти не смеем;
Летим – и нашим облачным постелям
Мы крылья белоснежные растим.
Мне кажется – не бредим мы в ночи,
Мне кажется, что в небе мы кричим,
Кричим! – о чем мы днем не смеем,
Кричим! – глаголы огненные сеем,
Но утром, позабывши их, молчим.
20 мая 1984

КОГАН Павел Давыдович (1918 - 1942)

П. Коган
БРИГАНТИНА

Надоело говорить и спорить,
И любить усталые глаза...

В флибустьерском дальнем море
Бригантина подымает паруса...

Капитан, обветренный, как скалы,
Вышел в море, не дождавшись дня...
На прощанье подымай бокалы
Золотого терпкого вина.

Пьем за яростных, за непохожих,
За презревших грошевой уют.
Вьется по ветру веселый Роджер,
Люди Флинта песенку поют.

Так прощаемся мы с серебристой,
Самою заветною мечтой,
Флибустьеры и авантюристы
По крови, упругой и густой.

И в беде, и в радости, и в горе
Только чуточку прищурь глаза.
В флибустьерском дальнем море
Бригантина подымает паруса.

Вьется по ветру веселый Роджер,
Люди Флинта песенку поют,
И, звеня бокалами, мы тоже
Запеваем песенку свою.

Надоело говорить и спорить,
И любить усталые глаза...
В флибустьерском дальнем море
Бригантина подымает паруса...
1937

П. Коган
ГРОЗА

Косым, стремительным углом
И ветром, режущим глаза,
Переломившейся ветлой
На землю падала гроза.
И, громом возвестив весну,
Она звенела по траве,
С размаху вышибая дверь
В стремительность и крутизну.
И вниз. К обрыву. Под уклон.
К воде. К беседке из надежд,
Где столько вымокло одежд,
Надежд и песен утекло.
Далеко, может быть, в края,
Где девушка живет моя.
Но, сосен мирные ряды
Высокой силой раскачав,

Вдруг задохнулась и в кусты
Упала выводком галчат.
И люди вышли из квартир,
Устало высохла трава.
И снова тишь. И снова мир.
Как равнодушье, как овал.
Я с детства не любил овал!
Я с детства угол рисовал!
20 января 1936

П. Коган
ДЕВУШКА ВЗЯЛА В ЛАДОНИ МОРЕ...

Девушка взяла в ладони море,
Море испарилось на руках.
Только соль осталась, но на север
Медленные плыли облака.
А когда весенний дождь упал
На сады, на крыши, на посевы,
Капли те бродячие впитал
Белый тополиный корень.
Потому, наверно, ночью длинной
Снится город девушке моей,
Потому от веток тополиных
Пахнет черноморской тишиной.
1938

П. Коган
ЗВЕЗДА

Светлая моя звезда.
Боль моя старинная.
Гарь приносят поезда
Дальнюю, полынную.
От чужих твоих степей,
Где теперь начало
Всех начал моих и дней
И тоски причалы.
Сколько писем нес сентябрь,
Сколько ярких писем...
Ладно - раньше, но хотя б
Сейчас поторопиться.
В поле темень, в поле жуть –
Осень над Россией.
Поднимаюсь. Подхожу
К окнам темно-синим.
Темень. Глухо.
Темень. Тишь.
Старая тревога.
Научи меня нести
Мужество в дороге.
Научи меня всегда
Цель видать сквозь дали.

Утоли, моя звезда,
Все мои печали.
Темень. Глухо. Поезда
Гарь несут полынную.
Родина моя. Звезда.
Боль моя старинная.
1937

П. Коган
***

Люди не замечают, когда кончается детство,
Им грустно, когда кончается юность,
Тоскливо, когда наступает старость,
И жутко, когда ожидают смерть.
Мне было жутко, когда кончилось детство,
Мне тоскливо, что кончается юность,
Неужели я грустью встречу старость
И не замечу смерть?
1937

П. Коган
МОНОЛОГ

Мы кончены. Мы отступили.
Пересчитаем раны и трофеи.
Мы пили водку, пили "ерофеич",
Но настоящего вина не пили.
Авантюристы, мы искали подвиг,
Мечтатели, мы бредили боями,
А век велел - на выгребные ямы!
А век командовал: "В шеренгу по два!"
Мы отступили. И тогда кривая
Нас понесла наверх. И мы как надо
Приняли бой, лица не закрывая,
Лицом к лицу и не прося пощады.
Мы отступали медленно, но честно.
Мы били в лоб. Мы не стреляли сбоку.
Но камень бил, но резала осока,
Но злобою на нас несло из окон
И горечью нас обжигала песня.
Мы кончены. Мы понимаем сами,
Потомки викингов, преемники пиратов:
Честнейшие - мы были подлецами,
Смелейшие - мы были ренегаты.
Я понимаю всё. И я не спорю.
Высокий век идет высоким трактом.
Я говорю: "Да здравствует история!"
- И головою падаю под трактор.
5-6 мая 1936

П. Коган
НУ, КАК ЖЕ ЭТО МНЕ СКАЗАТЬ?

Ну, как же это мне сказать,
Когда звенит трамвай,
И первая звенит гроза,
И первая трава,
И на бульварах ребятня,
И синий ветер сел на лавочку,
И у меня на сердце карусель,
И мне до черта хорошо,
Свободно и легко,
И если б можно, я б ушел
Ужасно далеко,
Ну, как же это мне сказать,
Когда не хватит слов,
Когда звенят твои глаза
Как запах детских снов,
Когда я знаю все равно –
Все то, что я скажу,
Тебе известно так давно,
И я не разбужу
Того, что крепко, крепко спит.
Но не моя ж вина,
Что за окном моим кипит
Зеленая весна.
Но все равно такой порой,
Когда горит закат,
Когда проходят надо мной
Большие облака,
Я все равно скажу тебе
Про дым, про облака,
Про смену радостей и бед,
Про солнце, про закат,
Про то, что, эти дни любя,
Дожди не очень льют,
Что я хорошую тебя
До одури люблю.
24 апреля 1935

П. Коган
ЛИСОНЬКА

Ослепительной рыжины
Ходит лисонька у ручья,
Рыжей искоркой тишины
Бродит лисонька по ночам.
Удивительна эта рыжь,
По-французски краснеет – руж,
Ржавый лист прошуршит – тишь,
Можжевельник потянет – глушь.
Есть в повадке её лесной
И в окраске древних монет
Так знакомое: блеснет блесной
И приглушенное – не мне.

Ходит лисонька у ручья,
Еле-еле звучит ручей.
Только лисонька та ничья,
И убор её рыжий ничей.
Если сердит тебя намек,
Ты, пожалуйста, извини.
Он же горечью весь намок,
Он же еле-еле блестит.
Ноябрь 1940

П. Коган
ПОЭТУ

Эта ночь раскидала огни,
Неожиданная, как беда.
Так ли падает птица вниз,
Крылья острые раскидав?
Эта полночь сведет с ума,
Перепутает дни - и прочь.
Из Норвегии шел туман.
Злая ночь. Балтийская ночь.
Ты лежал на сыром песке,
Как надежду обняв песок.
То ль рубин горит на виске,
То ль рябиной зацвел висок.
Ах, на сколько тревожных лет
Горечь эту я сберегу!
Злою ночью лежал поэт
На пустом, как тоска, берегу.
Ночью встанешь. И вновь, и вновь
Запеваешь песенку ту же:
«Ах ты ночь, ты моя любовь,
Что ты злою бедою кружишь?
Есть на свете город Каир,
Он ночами мне часто снится,
Как стихи прямые твои,
Как косые ее ресницы.»
Но, хрипя, отвечает тень:
«Прекрати. Перестань. Не надо.
В мире ночь. В мире будет день.
И весна за снега награда.
Мир огромен. Снега косы,
Людям - слово, а травам шелест.
Сын ты этой земли иль не сын?
Сын ты этой земле иль пришелец?
Выходи. Колобродь. Атаманъ.
Травы дрогнут. Дороги заждались дождя...

...Но ты слишком долго вдыхал болотный туман.
Ты верить не хочешь во что-нибудь, кроме дождя".
1937

КОКЫШЕВ Лазарь Васильевич (1933 - 1975)

Л. Кокышев
НА ОЗЕРЕ АЯ.

В тихом озере Ая купается ночью луна.
Накупавшись, нагая, там волосы сушит она.
И березы ее обступают, белы и чисты,
Чтоб никто невзначай не увидел ее наготы.
Чьи-то легкие вздохи мерещатся в гуще ветвей,
Тихо звезды играют в росе на ладони моей.
Ноги сами бредут, и сомненье родится во мне:
Наяву я сейчас или все происходит во сне?
Я на спящую птицу наткнулся в высокой траве,
Я смотрю, как линяет звезда надо мной в синеве.
И стучит моё сердце, встречая несчетный рассвет,
И не верит оно, что на свете бессмертия нет!

Л. Кокышев
БУРЁНУШКА

Отец, винтовку сняв,
У двери встал,
На нас взглянул
И пот холодный вытер,
И плачущую мать поцеловал,
И повторил:
- Буренку берегите...

Всегда мы были сыты молоком,
И мать на фронт
Слать масло не скупилась.
Но вот однажды
Несчастливым днем
Буренушка домой
Не возвратилась.

Напрасно мы кричали средь лугов –
Вокруг стояла тишина немая...
С последним криком
Наших петухов
Буренушка вернулась
Чуть живая.

Она лежала
В пасмурных сенях,
На маму глядя,
Спрашивала будто:
"А как же проживешь ты
Без меня,
А как без молока
Детишки будут?.."

Уже туман за окнами редел,

И мама, обнимая нас,
Рыдала...
Как человек
После хороших дел,
Буренушка
Спокойно умирала.

КОЛУМБ Валентин Христофорович (1935 – 1974)

В. Колумб
ДОБРОТА

Когда фашист
По свету горе сеял,
Грозила миру
Смертная беда,
По всем углам плодилась
Крысой серой
Голодная и голая нужда.

И только хлеб был,
Хлеб в глазах ребёнка,
И только холод выл
Со всех сторон.
Нашёл мальчишка
Сирого цыплёнка,
Такого же худого, как и он.

И словно сразу
Стал сильнее втрое,
«Не плачь!» - как взрослый,
Мудро он вздохнул,
Пригрел у сердца
Существо живое,
Как будто силы новые вдохнул…

Мы выжили.
И в этом нету чуда.
Под той войной
Подведена черта.
Стихи – ответ мой
На вопрос:
- Откуда
У поколенья моего
Такая доброта?

КООЛЬ Николай Мартынович (1902 – 1974)

Там вдали, за рекой
Зажигались огни,
В небе ярком заря догорала.
Сотня юных бойцов
Из буденновских войск

На разведку в поля поскакала.

Они ехали долго
В ночной тишине
По широкой украинской степи.
Вдруг вдали у реки
Засверкали штыки –
Это белогвардейские цепи.

И без страха отряд
Поскакал на врага.
Завязалась кровавая битва.
И боец молодой
Вдруг поник головой —
Комсомольское сердце пробито.

Он упал возле ног
Вороного коня
И закрыл свои карие очи.
«Ты, конек вороной,
Передай, дорогой,
Что я честно погиб за рабочих!»

Там вдали, за рекой,
Уж погасли огни,
В небе ясном заря загоралась.
Капли крови густой
Из груди молодой
На зеленые травы сбегали.
1924

КОПЫЛОВ Герцен Исаевич (1925 – 1976)

Г. Копылов
ПРИВЕТ КОЛЛЕГАМ!

Неизвестные гении
Из НИИ и ВЦ,
Из п/я Оппенгеймеры,
Винера из в/ч,
Фарадеи в зародыше,
Дебютанты - Ферми,
Галилеи – воробушки
Из Мытищ и Перми.
Вас подмяла держава,
Вы дешевле лузги.
Безработными ржавеют
Ваши чудо-мозги.
В общий стиль Вы не лезете,
Ваш некстати размах.
Ваших помыслов лезвие
Портит гладкость бумаг.
За квартальными планами,

Под начальственный бас
Искры Божьего пламени
Гаснут попусту в Вас.
Вас сажают на табели,
Вам паяют чины.
Ах, такие масштабы ли
Вам от Бога даны!
Вам бы вырваться в завтрашний,
Распахнуть для людей
Неоткрытые залежи
Сумасшедших идей.
Но не Ваши фамилии
У людей на устах
Повсеместно хвалимые,
Прозвенят, как хрусталь.
О, трагедия гения,
У судьбы не в чести,
Одиночество Гелл-Мана
Без полей и частиц!
Люди мощности Кантора,
Где ж Ваш АЛЕФ, друзья?
Вам бы слыть бы Декартами,
Вам бы слыть - да нельзя,
Да нельзя, да не велено,
Запрещает Устав...
И сгибаются гении,
От безделья устав.
И сидят в кабинетике,
Лупят об стену лбом –
Не отцы кибернетики,
А создатели бомб.
Академик от атомных,
Водородный член-корр,
Бляшки лауреатные
За подводный линкор.
Их считают вандалами,
Им проклятия шлют.
Начинали Ландаумами,
Докатились до шлюх...
О, умельцы сближения
Мегатонных ракет!
Зазаборные гении!
Прощальный привет!

КОРЖАВИН Наум (МАНДЕЛЬ Эммануил Моисеевич) (1925 - 2018)

Н. Коржавин
16 ОКТЯБРЯ

Календари не отмечали
Шестнадцатое октября,
Но москвичам в тот день - едва ли
Им было до календаря.

Все переоценилось строго,
Закон звериный был как нож.
Искали хлеба на дорогу,
А книги ставили ни в грош.

Хотелось жить, хотелось плакать,
Хотелось выиграть войну.
И забывали Пастернака,
Как забывают тишину.

Стараясь выбраться из тины,
Шли в полированной красе
Осатаневшие машины
По всем незападным шоссе.

Казалось, что лавина злая
Сметет Москву и мир затем.
И заграница, замирая,
Молилась на Московский Кремль.

Там, но открытый всем, однако,
Встал воплотивший трезвый век

Суровый жесткий человек,
Не понимавший Пастернака.

Н. Коржавин
ЛЕНИН В ГОРКАХ
(отрывок)

В окне широком свет и белый снег.
На ручках кресла зайчики играют…
А в кресле неподвижный человек.-
Молчит. Он знает сам, что умирает.
Над ним любовь и ненависть горит.
Его любой врагом иль другом числит.
А он уже почти не говорит.
Слова ушли. Остались только мысли.
Смерть — демократ. Подводит всем черту.
В ней беспристрастье есть, как в этом снеге.
Ну что ж: он на одну лишь правоту
Из всех возможных в жизни привилегий
Претендовал… А больше ни на что.
Он привилегий и сейчас не просит.
Парк за окном стоит, как лес густой,
И белую порошу ветер носит.
На правоту… Что значит правота?
И есть ли у неё черты земные.
Шумят-гудят за домом провода
И мирно спит, уйдя в себя, Россия.

Ну что ж! Ну что ж! Он сделал всё, что мог,
Устои жизни яростно взрывая…
И всё же не подводится итог.-
Его наверно в жизни — не бывает.
1957

Н. Коржавин
ПО КОМ ЗВОНИТ КОЛОКОЛ

Когда устаю, - начинаю жалеть я,
О том, что рожден и живу в лихолетье,
Что годы растрачены на постиженье
Того, что понятно должно быть с рожденья.
И если б со мной не случилось такое,
Я смог бы, наверно, постигнуть другое, -
Что более вечно и более ценно,
Что скрыто от глаз, но всегда несомненно.
Ну, если б хоть ращумом Бог бы обидел,
Хоть впрямь ничего б я не слышал, не видел,
Тогда б… Что ж, обидно, да спросу то нету…
Но в том то и дело, что было не это.
Что разума было не так уж и мало,
Что слуха хватало и зренья хватало,
Но просто не верило слуху и зренью
И собственным мыслям мое поколенье.

Не слух и не зрение – с самого детства
Нам вера, как знанье досталась в наследство, -
Высокая вера в иные начала…
О, как неохотно она умирала!
Мы знали: до нас так мечтали другие,
Но нам все казалось, что мы не такие.
Что мы не подвластны ни року, ни быту,
Что тайные карты нам веком открыты.

Когда-нибудь вспомнят без всякой печали
О людях, которые меры не знали.
Как жили они и как их удивляло,
Когда эта мера себя проявляла.
И вы меня нынче поймете едва ли,
Но я б рассмеялся, когда б мне сказали,
Что нечто помимо есть важное в мире,
Что жизнь – это глубже, страшнее и шире.

Уходит со сцены мое поколенье
С тоскою – расплатой за те озаренья.
Нам многое ясное не было видно,
Но мне почему-то за это не стыдно.
Мы видели мало, но, значит немало,
Каким нам туманом глаза застилало,
С чего начиналось, чем бредило детство.
Какие мы сны получили в наследство.

Летели тачанки, и кони храпели,
И гордые песни казнимые пели,
Хоть было обидно стоять, умирая,
У самого входа в преддверие рая.
Ещё бы немного напора такого
И снято проклятие с рода людского.
Последняя буря, последняя свалка,
И в ней ни врага и ни друга не жалко.

Да! В этом, пожалуй что, мудрости нету,
Но что нам поделать: мы верили в это.
Мы были потом. Но мы к тем приобщались,
Нам нравилось жить, о себе не печалясь.
И так, о себе не печалясь, мы жили.
Нам некогда было – мы к цели спешили.
Построили много и всё претерпели,
И всё ж ни на шаг не приблизились к цели.

А нас всё учили. Всё били и били!
А мы всё глупили, хоть умными были.
И всё понимали. И не понимали.
И логику чувства собой подминали…
Мы были разбиты. В Москве и в Мадриде.
Но я благодарен печальной планиде
За то, что мы так, а не иначе жили,
На чем-то сгорели, зачем-то дружили.

На жизнь надвигается юность иная,
Особых надежд ни на что не питая,
Она по наследству не веру, не силу –
Устало знанье о нас получила.
От наших пиров ей досталось похмелье,
Она не прельстится немыслимой целью,
И ей ничего теперь больше не надо,
Ни нашего рая, ни нашего ада.

Разомкнутый круг замыкается снова
В проклятие древнее рода людского!

А впрочем, негладко, непросто, но вроде
Года в колею потихонечку входят,
И люди трезвеют и всё понимают,
И логика место свое занимает,
Но с юных годов соглашаются дети,
Что зло и добро равноправны на свете,
И так повторяют бестрепетно это,
Что, кажется, нас на Земле уже нету.

Но мы – существуем! Но мы существуем!
Подчас подыхаем, подчас торжествуем.
Мы – опыт столетий, их горечь, их гуща.
И нас не растопчешь – мы жизни присущи.
Мы брошены в годы, как вечная сила,

Чтоб злу на планете препятствие было!
Препятствие в том нетерпеньи и страсти,
В той тяге к добру, что приводит к несчастью.

Нас все обмануло: и средства, и цели;
Но правда всё то, что мы сердцем хотели.
Пусть редко на деле оно удается,
Но в песнях живет оно и остается.
Да! Зло развернется… Но, честное слово,
Наткнется оно на препятствие снова,
Схлестнется… И наше с тобой нетерпенье
Ещё посетит не одно поколенье.

Вновь будут неверными средства и цели,
Вновь правдой всё то, что мы сердцем хотели,
Вновь логика чувствами будет подмята,
И горькая будет за это расплата.
И кто-то, измученный с самого детства,
Усталое знанье получит в наследство.
Вновь будут несхожи мечты и свершенья,
Но дует трагедия значить движенье.

Есть Зло и Добро. И их бой – нескончаем.
Мы место свое на Земле занимаем.
1958

Н. Коржавин
РУССКОЙ ЖЕНЩИНЕ

Столетье промчалось, и снова,
Как в тот незапамятный год
Коня на скаку остановит,
В горящую избу войдет.

Ей жить бы хотелось иначе,
Носить драгоценный наряд…
Но кони всё скачут и скачут,
А избы горят и горят.
1960

Н. Коржавин
ПОСЛЕДНИЙ ЯЗЫЧНИК
(письмо из VI века в XX)

Гордость, мысль, красота – все об этом давно отгрустили.
Все креститься привыкли, всем истина стала ясна...
Я последний язычник среди христиан Византии.
Я один не привык... Свою чашу я выпью до дна.

Я для вас ретроград – то ль душитель рабов и народа,
То ли в шкуры одетый дикарь с придунайских равнин...
Чушь! Рабов не душил я – от них защищал я свободу.
И не с ними – со мной гордость Рима и мудрость Афин.

Но подчищены книги... И вряд ли уже вам удастся
Уяснить, как мы гибли, притворства и лжи не терпя,
Чем гордились отцы, как стыдились, что есть ещё рабство.
Как мой прадед сенатор скрывал христиан у себя...

А они пожалеют меня? Подтолкнут ещё малость:
Что жалеть, если смерть – не конец, а начало судьбы.
Власть всеобщей любви напрочь вывела всякую жалость,
А рабы нынче – все. Только власти достигли рабы.

В рабстве – равенство их: все – рабы, и никто не в обиде.
Всем подчищенных истин доступна равно простота.
Миром правит Любовь, – и живут для Любви – ненавидя.
Коль Христос есть Любовь, каждый час распиная Христа.

Нет, отнюдь не из тех я, кто гнал их к арене и плахе,
Кто ревел на трибунах, у низменной страсти в плену.
Все такие давно поступили в попы и монахи.
И меня же с амвонов поносят за эту вину.

Но в ответ я молчу. Всё равно мы над бездной повисли.
Всё равно мне конец, всё равно я пощады не жду.
Хоть, последний язычник, смущаюсь я гордою мыслью,
Что я ближе монахов к их вечной любви и Христу.

Только я – не они, сам себя не предам никогда я,
И пуская я погибну, но я не завидую им:
То, что вижу я, – вижу. И то, что я знаю, – я знаю.
Я последний язычник. Такой, как Афины и Рим.

Вижу ночь пред собой. А для всех ещё раннее утро.
Но века – это миг. Я провижу дороги судьбы:
Все они превзойдут. Всё в них будет: и жалость, и мудрость...
Но тогда, как меня, их потопчут другие рабы.

За чужие грехи и чужое отсутствие меры,
Всё опять низводя до себя, дух свободы кляня:
Против старой Любви, ради новой немыслимой Веры,
Ради нового рабства... Тогда вы поймёте меня.

Как хотелось мне жить, хоть от жизни давно отгрустили,
Как я смысла искал, как я верил в людей до поры...
Я последний язычник среди христиан Византии.
Я отнюдь не последний, кто видит, как гибнут миры.

Н. Коржавин
КОНЕЦ ВЕКА

Вступление.
Мы живем на Земле - нераздельной, усталой, израненной.
Друг от друга страдая, нуждаясь хоть в капле тепла.
Я пишу не затем, чтоб свести свои счеты с Германией

И найти в ней причину всемирного вечного зла.
Всепрощение? Нет! Это слишком еще не история.
Это свежая рана, что в душах поныне жива
В лагерях еще целы развалины крематориев,
В Бабьем Яре густая и жирная всходит трава.
Утешайся! Не мы это - немцы. Минутку внимания!
Это так, только тут не отделаться прозвищем "Фриц"!
Это было с такими как мы, рядом с нами, в Германии,
Здесь на круглой планете, где нету природных границ.
Это все - наша жизнь, где корысть прикрывают величием…
Где все нации спорят: земля не твоя, а моя.
Да опомнитесь, люди! Что значат все ваши различия
Перед общим различием жизни и небытия!
Глава 1.
На восставший Париж наступают войска из Версаля.
Коммунары дерутся, но только их мало в строю...
Вот стихает пальба. Баррикады последние пали.
Девятнадцатый век погружается в старость свою...
Свирепеют суды. Что ж! Парламент одобрит расстрелы.
Рукоплещет - республика! Все теперь начистоту.
Девятнадцатый век ощущает развитью пределы
И стреляет по тем, кто посмел перейти за черту...
Но прийти в равновесие вскорости все обещает.
Равновесие это он больше не даст разболтать.
Девятнадцатый век с голубыми мечтами кончает...
Он достиг своего. Он о большем не хочет мечтать.
Да, парламент и хартии - к этому люди привыкли.
И границы сословий - от них уже нет ничего...
Век достиг своего. Почему ж своего не достигли
Те, кто двигал его, защищал баррикады его?
Все названия лгут. И мечты не найдут примененья.
Почему ж это так? Где ж тернистый закончится путь?
Или вправду история сводится вся к уравненью,
Где меняется вид, но вовек не меняется суть?
Век мечтал об одном. Получилось, как видно, другое.
Но, не глядя на то, утопая в уютном житье,
Девятнадцатый век одного только хочет – покоя
И глядит сквозь очки, сидя в кресле, как добрый рантье...
Любит он справедливость. Но только не в натиске бурном,
И сочувствует бедным. Но все-таки счастлив вполне...
И ему представляется мир аккуратным, культурным,
А природа прирученной - в людях самих и вовне...
Словно это не в жизни, а так, в идиллической пьесе:
Все дороги - аллеи, иных не бывает путей...
И рождается сказка о добром приличном Прогрессе, -
О присяжном слуге и заботливом друге людей.
Всюду правит Прогресс. Все живут и разумно и чисто.
Как наука велит. Удобрения вносятся в грунт...
Только бомбы зачем-то швыряют в царей нигилисты.
Ну, да это в России. Там вечно холера иль бунт.
Там парламента нет. И, пока что, вводить его рано.
Азиатский народ... Но настанут когда-нибудь дни –
И прогресс просвещенья захватит и дикие страны,

И приятною жизнью тогда заживут и они...
Так освоенный мир улыбается нежно и мило.
Только время идет. И в какие очки не смотри,
Девятнадцатый век оттесняют свирепые силы
И, еще не раскрытые, точат его изнутри...
Еще сладкий дурман обвевает мозги человека.
Только страсти - живут. В них судьба. И ее не унять.
И жестокие правды другого - двадцатого века
Проступают уже - хоть никто их не может понять...
Ну не так, чтоб никто - разговоры про крах неминучий
Входят в быт все упорней, но как ни ораторствуй тут,
Все же трудно представить, какие сбираются тучи
Над цветущей Европой, где творчество, право и труд.
Как еще уважается мысль, воплощенная в слове...
Что бы ни было в ней, это "чистая область ума".
Словно наше мышленье не связано с голосом крови,
Словно в нем притаиться не может звериность и тьма...
Век свободы настал. Будь свободным и в области быта.
Будь свободен во всем!.. (Дым! А вдруг от него угоришь?..)
Доктор Фауст с любовницей ездит на воды открыто,
Маргариту любовник на месяц увозит в Париж.
Но от этих измен вдруг не вспыхнут кровавые войны,
Честь ничья не задета... (При чем тут, и что это - честь?).
Это очень полезно, разумно и благопристойно.
В этом есть просвещенность и, вместе, естественность есть.
Это значит - свобода. (А, может, тоска без исхода?)
Это точные знанья. (Гормоны бунтуют в крови.)
Это дух исчезает и рушатся связи - свобода!
А искусство уходит от смысла, от форм, от любви...
Только правда мгновенья. Все стало доступно и просто...
Лишь дежурной улыбкой глазам отвечают глаза.
Только женщину вскрыли жрецы полового вопроса.
Только женственность сводят, как сводят в Карпатах леса.
Чтоб когда эта призрачность все же откроется чувству,
А устроенность жизни исчезнет в короткой борьбе,
Чтоб нигде и ни в чем: ни в семье, ни в любви, ни в искусстве –
Человек не нашел ни себя, ни покоя себе.
А пока что - Прогресс. Все, что с ним, - человечно и свято.
Все идеи - в почете... И тоже идеям верны,
Напрягая умы, колесят по земле дипломаты...
Самым чутким ушам уже слышится смех Сатаны.
Он смеется не зря. Мы теперь это знаем, к несчастью.
Дурь настолько окрепнет, что разум предаст человек,
Выражаться научно научатся темные страсти...
Но об этом не знает еще девятнадцатый век.
Он уверен в себе. Добродушно встречает он годы,
Всем желает успеха и в трубы Прогресса трубя...
Добрый, толстый рантье, приручивший стихии природы!
Что ты знаешь о них? Еще меньше ты знаешь - себя.
Глава 2.
Все о мертвой воде. А нельзя ли про воду живую?
Не у всех ведь душа умиленья и страха полна.
Социал-демократия в ритме другом существует.

Ибо поступь истории чувствует только она.
Есть научное зренье. Его ей ничто не затмило.
Будет братство рабочих, придет, нищету исстребя...
А терзания духа - агония старого мира.
Пессимизм - это он. Это он, как он видит себя.
Он уверен, что близится хаос... Но ей-то понятно,
Что не хаоса - творческой бури слышны голоса.
Да! ему это страшно. Но ей это только приятно –
Это ветер истории дует в ее паруса.
Но довольство вползает в квартиры рабочих, как мебель.
И во многих квартирах в почетном углу на стене
Два портрета висят. Оба "унзере". Кайзер унд Бебель.
Друг на друга глядят и скучают вдвоем в тишине.
Что ж! Забавная глупость. К ним буря еще подберется.
Но терпенье! К нему непрерывно взывают вожди.
Чем не райская жизнь? Верить в цель... Рваться к цели... Бороться...
А последний рывок ощущать далеко впереди.
Мирно движется век. Происходят в рейхстаге дебаты,
Уясняются истины, жить без которых нельзя.
И на месте законном шумят социал-демократы,
Возраженья внося. И гармонию тоже внося...
...Это - времени дух. Все культурно. Пока - нетревожно...
Где им взяться, тревогам. Устойчиво чист небосвод...
Младший Либкнехт пугает войной. Но война - невозможна.
Как теперь воевать, если есть на земле пулемет?!
Дипломаты скандалят. Но вряд ли им хочется драться.
Это бред. А найдутся безумцы - и то не беда.
Социал-демократия - воля рабочего братства –
По природе своей не допустит войны никогда.
Это вера и смысл. И, по-прежнему, лозунги броски.
Но взрослеют вожди и глаза им не застит туман.
Понимает все явственней нужды Империи Носке,
Государственный такт проявляет Филипп Шейдеман.
Это страсти кипят. Незаметней они, и исконней,
И хитрей, чем идеи... Да, братство! Конечно! Но все ж –
Надо честно сказать - у Германии мало колоний.
По своей доброте опоздала она на дележ.
Доброта - это слабость немецкая. Сколько - о, Боже, -
Неудач, поражений, стыда натерпелись мы с ней...
Между прочим, рабочим колонии выгодны тоже:
Чем беднее страна, тем живут они тоже бедней.
Это стыдные мысли: всемирно рабочее дело.
Но такой нынче воздух. Попробуй прожить не дыша...
Нет! Идеи все те же. Лишь помнить о них надоело,
Словно жаждет разминки забредшая в дебри душа.
Словно хочется мыслить, как люди. Уйти из под власти
Схем всеобщего счастья. Упиться полетом минут.
Нет! Идеи на месте... Но ими не заняты страсти –
Страсти жаждут свободы, и жвачку они не жуют.
Страсти жаждут свободы и мысль побеждают упрямо.
Пусть устои трещат, но страшнее банальность судьбы.
Бога нет - и пускай. Раздеваются весело дамы.
Футуристы вопят, и кубисты рисуют кубы.

Это "Я" проявляется. "Я" без границы и цели.
"Я" без формы и смысла. какое и в чем - все равно.
Нету взлета - в паденье. Любовь не дается - в борделе,
В воровстве и в художестве выхода ищет оно.
Жажда творчества... Творчества... Творчества... - Всем его мало.
Будет битва за творчество - так этой жаждой полны...
Всюду творческий дух... Чутко дремлют в штабах генералы
И, скучая без творчества, ждут объявленья войны...
Только ждать им недолго... Обиды все гуще теснятся...
Есть еще осторожность, но страсти плотину прорвут...
И тогда отдадут все орудья обиженных наций
Человеческой глупости четырехлетний салют.
И тогда заорут. И возникнут орущие братства:
На Берлин! На Париж! В освежающий гром канонад...
Кто оратор - спроси. Все смешалось. Нельзя разобраться.
Декадент? Монархист? Либерал? Социал-демократ?
Все уставшие "Я" успокоились. Все - патриоты.
Сметены тупики. Жизнь ясна, и природа ясна.
Необъятные личности жаждут построиться в роты...
Кто оратор? - спроси. Все равно. Ни к чему имена.
Он из братства орущих, готовых под пули по знаку,
Он в толпе растворен. Но на время. В назначенный срок
Пред таким же, как он, человеком, идущим в атаку,
Перед смертью своей он окажется вновь одинок.
Будет воздух синей, чем всегда, будет небо бездонней,
И покуда совсем для него этот свет не погас,
Будет глупо звучать: "У Германии мало колоний".
И нелепо звучать - "Незажившая рана - Эльзас".
.....
Век культуры идет. Век свободы и доброго света.
Власть гуманных идей, о которой мечтали давно.
И рантье надевает очки. Он читает газету.
"Фигаро" или "Форвертс" читает. Не все ли равно?
1961

Н. Коржавин
***

Горожане в древнем городе Содом
Были заняты развратом и трудом.
Рос разврат и утончался... И всегда
С ним росла производительность труда.
И следил все время строго их Сенат,
Чтоб трудом был обеспечен их разврат.

Телевидение в городе Содом
Просвещение вносило в каждый дом,
Дух прогресса всех учило постигать,
Наслаждаться, но расплаты избегать.
Пусть, кто хочет, превращает в матерей
Их одиннадцатилетних дочерей.

Что пугаться? - Были б в деле хороши!

В том и Жизнь! И нет ни Бога ни души.
Наслаждайся! А к вакханкам овладел,
Есть в запасе свежесть юношеских тел.
Что там грех - забвенье смысла и лица
Перед скукой неизбежного конца?

Все ли думали так в городе Содом?
Может быть. Да кто расскажет нам о том?
Остальные ведь молчали - вот напасть! –
В ретрограды было стыдно им попасть...
И от тех, кто прямо чтил не дух, а плоть
Их потом не отделял уже Господь!

Чем все кончилось - известно без меня.
Что вникать в природу Божьего огня.
Все сгорели в древнем городе Содом,
А при жизни размышляли не о том,
Не о том, за что сожгут, на что пенять.
Лишь куда себя девать и чем занять.

КОРМИЛЬЦЕВ Илья Валерьевич (1959 - 2007)

И. Кормильцев
ПРОГУЛКИ ПО ВОДЕ

С причала рыбачил апостол Андрей,
А Спаситель ходил по воде.
И Андрей доставал из воды пескарей,
а Спаситель - погибших людей.
И Андрей закричал: "Я покину причал,
если ты мне откроешь секрет".
А Спаситель ответил: "Спокойно, Андрей,
никакого секрета здесь нет.

Видишь там, на горе, возвышается крест?
Под ним десяток солдат. Повиси-ка на нем.
А когда надоест, возвращайся назад,
гулять по воде, гулять по воде,
гулять по воде со мной".

Но, Учитель, на касках блистают рога,
черный ворон кружит над крестом.
Объясни мне сейчас, пожалей дурака,
а распятье оставь на потом.
Онемел Спаситель и топнул в сердцах
по водной глади ногой:
"Ты и верно дурак!". И Андрей в слезах
побрел с пескарями домой.

Видишь там, на горе, возвышается крест.
Под ним десяток солдат. Повиси-ка на нем.
А когда надоест, возвращайся назад,
гулять по воде, гулять по воде,

гулять по воде со мной.
1991

КОРНИЛОВ Борис Петрович (1907 - 1938)

Б. Корнилов
КАЧКА НА КАСПИЙСКОМ МОРЕ

За кормою вода густая —
солона она, зелена,
неожиданно вырастая,
на дыбы поднялась она,
и, качаясь, идут валы
от Баку
до Махачкалы.

Мы теперь не поем, не спорим —
мы водою увлечены;
ходят волны Каспийским морем
небывалой величины.

А потом —
затихают воды —
ночь каспийская,
мертвая зыбь;
знаменуя красу природы,
звезды высыпали, как сыпь;
от Махачкалы
до Баку
луны плавают на боку.

Я стою себе, успокоясь,
я насмешливо щурю глаз —
мне Каспийское море по пояс,
нипочем…
Уверяю вас.

Нас не так на земле качало,
нас мотало кругом во мгле —
качка в море берет начало,
а бесчинствует на земле.
Нас качало в казачьих седлах,
только стыла по жилам кровь,
мы любили девчонок подлых —
нас укачивала любовь.

Водка, что ли, еще?
И водка —
спирт горячий,
зеленый,
злой;
нас качало в пирушках вот как —
с боку на бок

и с ног долой…

Только звезды летят картечью,
говорят мне:
— Иди, усни…
Дом, качаясь, идет навстречу,
сам качаешься, черт возьми…
Стынет соль
девятого пота
на протравленной коже спины,
и качает меня работа
лучше спирта
и лучше войны.

Что мне море?
Какое дело —
мне до этой
зеленой беды?
Соль тяжелого, сбитого тела
солонее морской воды.

Что мне (спрашиваю я), если
наши зубы,
как пена, белы —
и качаются наши песни
от Баку
до Махачкалы.
1930

Б. Корнилов
СОЛОВЬИХА

У меня к тебе дела такого рода,
что уйдёт на разговоры вечер весь, —
затвори свои тесовые ворота
и плотней холстиной окна занавесь.
Чтобы шли подруги мимо, парни мимо,
и гадали бы и пели бы, скорбя:
«Что не вышла под окошко, Серафима?
Серафима, больно скучно без тебя…»
Чтобы самый ни на есть раскучерявый,
рвя по вороту рубахи алый шёлк,
по селу Ивано-Марьину с оравой
мимо окон под гармонику прошел.
Он всё тенором, всё тенором, со злобой
запевал — рука протянута к ножу:
«Ты забудь меня, красавица, попробуй…
я тебе такое покажу…
Если любишь хоть на половину,
подожду тебя у крайнего окна,
постелю тебе пиджак на луговину
довоенного и тонкого сукна…»
А земля дышала, грузная от жиру,

и от омута соминого левей
соловьи сидели молча по ранжиру,
так что справа самый старый соловей.
Перед ним вода — зелёная, живая —
мимо заводей несётся напролом,
он качается на ветке, прикрывая
соловьиху годовалую крылом.
И трава грозой весеннею измята,
дышит грузная и тёплая земля,
голубые ходят в омуте сомята,
пол-аршинными усами шевеля.
А пиявки, раки ползают по илу,
много ужаса вода в себе таит…
Щука — младшая сестрица крокодилу —
неживая возле берега стоит…

Соловьиха в тишине большой и душной…
Вдруг ударил золотистый вдалеке,
видно, злой и молодой и непослушный,
ей запел на соловьином языке:
«По лесам, на пустырях и на равнинах
не найти тебе прекраснее дружка —
принесу тебе яичек муравьиных,
нащиплю в постель я пуху из брюшка.
Мы постелем наше ложе над водою,
где шиповники все в розанах стоят,
мы помчимся над грозою, над бедою
и народим два десятка соловьят.
Не тебе прожить, без радости старея,
ты, залётная, ни разу не цвела,
вылетай же, молодая, поскорее
из-под старого и жесткого крыла».

И молчит она, всё в мире забывая, —
я за песней, как за гибелью, слежу…
Шаль накинута на плечи пуховая…
«Ты куда же, Серафима?» — «Ухожу».
Кисти шали, словно пёрышки, расправя,
влюблена она, красива, нехитра, — улетела.
Я держать её не вправе —
просижу я возле дома до утра.
Подожду, когда заря сверкнёт по стеклам,
золотая сгаснет песня соловья —
пусть придёт она домой с красивым, с тёплым —
меркнут глаз её татарских лезвия.
От неё и от него пахнуло мятой,
он прощается у крайнего окна,
и намок в росе пиджак его измятый
довоенного и тонкого сукна.

КОРНИЛОВ Владимир Николаевич (1928 - 2002)

В. Корнилов

ЛЕРМОНТОВ

Дорога вьется пропыленной лентою,
То вверх ползет, то лезет под откос,
И засыпает утомленный Лермонтов,
Как мальчик, не убрав со лба волос.

А солнце жжет. И из ущелья вынырнув,
Летит пролетка под колесный шум,
Под горный шум, под пистолет Мартынова,
На молньями играющий Машук.

Когда с собой приносишь столько мужества,
Такую злобу и такую боль, -
Тебя убьют, и тут же обнаружится,
Что ты и есть та самая любовь.

Тогда судьба растроганною мачехой
Склоняется к простреляннному лбу,
И по ночам поэмы пишут мальчики,
Надеясь на похожую судьбу.
1948

В. Корнилов
ПАМЯТИ ЯРОСЛАВА СМЕЛЯКОВА

Не был я на твоём новоселье,
И мне чудится: сгорблен и зол,
Ты не в землю, а вовсе на Север
По четвёртому разу ушёл.

Возвращенья и новые сроки
И своя, и чужая вина –
Всё, чего не прочтёшь в некрологе,
Было явлено в жизни сполна.

За бессмертие плата – не плата:
Светлы строки, хоть годы темны...
Потому уклоняться не надо
От сумы и ещё от тюрьмы.

Но минувшее непоправимо.
Не вернёшься с поэмою ты
То ль из плена, а может, с Нарыма
Или более ближней Инты.

Отстрадал и отмаялся – баста!
Возвышаешься в красном гробу.
Словно не было хамства и пьянства
И похабства твоих интервью,

И юродство в расчёт не берётся,
И все протори – наперечёт...

И не тратил своё первородство
На довольно убогий почёт.

До предела – до Новодевички
Наконец-то растрата дошла,
Где торчат, как над лагерем вышки,
Маршал*а*, маршал*а*, маршал*а*.

В полверсте от литфондовской дачки
Ты нашёл бы надёжнее кров,
Отошёл бы от белой горячки
И из памяти чёрной соскрёб,

Как ровняли овчарки этапы,
Доходяг торопя, теребя,
Как рыдали проклятые бабы
И, любя, предавали тебя...

И совсем не как родственник нищий,
Не приближенный вдруг приживал,
А собратом на тихом кладбище
С Пастернаком бы рядом лежал.
1972

КОРОТИЧ Виталий Алексеевич (род. 1936)

В. Коротич
(из поэмы «Ленин. Том 54»)

Ленина не трожьте!
Если он
упадет,
еще страшней вам станет.
Если выстрел грянет –
буря грянет
над бездонной пропастью времен.
Золото сусальное клоками
тут же с ваших идолов облезет.
Как вы ни машите кулаками,
ненависть народа
перевесит.
Оправданий жалобные взвизги
никого еще не обманули,
и, хоть ваши лбы
на диво низки,
их найдут слова
и сыщут пули.
...Вся в чаду голодных эпидемий,
Родина
Вставала
из развалин...
Безграничье
ленинских раздумий

не для ваших, господа, извилин.
Не для ваших пушек, наконец,
хоть металл
тяжел, жесток, бесстрастен...
Не убить вам Ленина!
Свинец
над его бессмертием не властен.
Яд хлебать бы
вашими устами!
Ну в каком вас
зачинали лоне,
бунтари
с холуйскими глазами,
спины изогнувшие в поклоне?!
Вы живете страшно и тревожно,
не постигнув самого простого:
застрелить идею
невозможно,
невозможно уничтожить слово!
Злая,
шутовская ваша слава –
будто вдохновение убийцы.
Но живет Ильич,
не меркнет Слово,
и вовек вам цели не добиться.
Где там!
Вот и пятитесь как раки,
тщась,
хотя б улыбочкой паскудной,
обесценить вечные уроки,
И плести хвалою непробудной...
Слишком безнадежно ваше дело.
Лучше,
от бессилия хрипаты,
к своему виску
приставьте дуло,
смерть освобождая от работы…

КОСТЕНКО Лина Васильевна (род. 1930)

Л. Костенко

***

В летах ты, фрау Магда иль Луиза.
Над миром злым – холодные ветра.
У нас еще распахивают ныне
железо Круппа в поле трактора.

Ну как там вальс – еще танцуют в Вене?
Как доктор Фауст – борется со злом?
Уж сколько лет ребят убитых тени
живут в домах за рамочным стеклом.

Я не скажу тебе плохого слова.
Твой тоже не вернулся с той войны.
- За что он дрался, Магда? – Вопрошаю снова.
- Он не кричит «Хайль Гитлер!» со стены?

Л. Костенко
О ЗИМЕ

Села пряха и прядет –
Снег идёт – идёт – идет –
Нитка рветсят где-нигде –
А она прядет весь день.
Напряла уже убор
Для вершин окрестных гор,
И простого полотна
На завесу для окна,
Для платка и покрывала –
Мало – мало – мало – мало –
Снег идет – идет – идет –
И она прядет, прядет…

КОСТРОВ Владимир Андреевич (род. 1935)

В. Костров
***

Моя неразумная восьмидесятилетняя тетя,
Почему ты не выходишь из партии?
Берегись!
Мне приснилось, что великим трибуналом
Судят тебя:
Бывший член Политбюро.
Бывший генерал КГБ, резидент.
Бывшие партийные журналисты.
Доктора и академики:
От марксистской философии,
От истории партии,
От экономики развитого социализма,
От нашего права и политологии,
От национальных отношений,
Следователи по особо важным делам.
И т.д. И т.д. И пр. И пр.
Это ведь ты внушила им,
Что экономика должна быть экономной,
Что советский народ – новая
Историческая общность людей,
Что американский империализм –
Враг труда, мира и прогресса.
Ты ликвидировала неперспективные деревни.
И т.п. И т.д. И пр. И пр.
Страшись! Ты имеешь привилегию
Платить взносы с нищенской пенсии своей.
После долгих лет мытарств

Ты вместе с дочерью вселилась
В две роскошные панельные комнатушки,
На четырнадцатом этаже московской окраины.
Ты... Ты... Ты... Ты...
Стыдись, работавшая всю жизнь
На неправую идею.
Ты обманула таких людей!
...Любая партократия не прощает инакомыслия.
1991

КОТОВ Владимир Петрович (1928 – 1975)

В. Котов
БЫЛА У ДЕВУШКИ КОСА…

Была у девушки коса,
Ее коса,
Ее краса.
Лежала на плечах витая,
В ходьбе спадала, золотая,
И по спине, струясь, бежала,
И выше
Голову держала;
Солдатам и поэтам снилась,
До смерти в памяти хранилась...
Бывало, из-за той косы
Сшибались в буре две грозы;
Два сердца рвались в высоту,
Чтоб только видеть косу ту,
Чтоб ей, единственной6 служить,
Чтоб под ее короной жить...
Ходила девушка, цвела,
Красой и гордостью была.
Ее дожди могли хлестать –
Лишь краше становилась стать,
Стать золота и бирюзы,
Стать русской девичьей красы.
Цвели у девушки глаза,
Ее глаза,
Ее краса,
Сияли синею игрой,
Пронзали золотой искрой,
В них жили
Тихие лучи,
Светились
Чистые ключи;
В них было все:
И моря власть,
И человеческая страсть,
То юной грусти уголек,
То любопытства огонек,
То мысли вспуганной огонь,
То просто лень,

То просто сонь,
То озорные невода,
То просто "нет",
То просто "да"...

Но кто-то срезал ей косу,
Ее косу,
Ее красу.
Клочкастая, как в дождь трава,
Бугрится, стынет голова.
И кто-то на ее зрачки
Надвинул черные очки;
Нет ни бровей
И ни ресниц,
Лишь окна двух глухих темниц.
А где лицо?
Да нет лица,
Раз нет начала и конца.
Что там за ними - не понять,
Ведь взглядом мне стекла не снять!
Где грусти тихий уголек?
Где любопытства огонек?
Где солнца свет?
Где моря власть?
Где человеческая страсть?
С кем я стою?
Во что гляжу?
Кому я слово-то скажу?

Была у девушки коса,
Ее коса,
Ее краса...
1957

КОЧЕТКОВ Виктор Иванович (1923 – 1997)

В. Кочетков
КУКУШКА

Весь просвечен заревой покой,
Степь о чем-то о своем мечтает,
Серая кукушка за рекой
Сколько жить осталось мне, считает.

Льнет, как паутинка к пиджаку,
Стебелек багульника примятый;
Я ловлю ленивое "ку-ку" –
Долголетья зыбкие приметы.

Вторит им качанием кустов
Вся в рябинах тихая опушка.
Восемьдесят... Девяносто... Сто...
Что-то ты расщедрилась, кукушка.

Тратили мы силы, не скупясь,
Жили безоглядчиво и пылко,
Дни свои не пряча про запас,
Как монеты мелкие, в копилку.

Шествует Победа по стране, -
Думаешь, легко она досталась?!
Нам пришлось растратить на войне
Годы, что отпущены на старость.

Так что ты, вещунья, погоди
Мне дарить чужую долю чью-то.
У солдата вечность впереди,
Ты ее со старостью не путай.
1961

КОЧУБЕЙ Нина Константиновна (1929 – 2016)

Н. Кочубей
***

Говорил мне новый русский:
До чего ж ты хороша!
От любви к тебе, от грусти
Изболелась вся душа.
Мы с тобой такая пара –
Я с деньгами, а ты без.
Хочешь виллу на Канарах
И впридачу «мерседес»?

Я, признаться, растерялась
От таких нежданных слов
И смущенно отвечала:
Мол, спасибо за любовь.
Вариант у Вас хороший,
Мне понятна Ваша грусть,
Только Родину не брошу,
И сама не продаюсь.

- Ты богатство отвергаешь! –
Он воскликнул, - не пойму.
Так скажи, о чем мечтаешь…
И сказала я ему:
- Не нужна мне вилла за морем,
«Мерседес» не нужен мне.
Мне бы вновь под красным знаменем
Жить в моей родной стране. –

А он начал всё сначала:
«Жили б роскоши, в любви,
Ты стихи бы мне читала,
Песни пела бы свои…»

Нет! Без Родины любимой
Не дышать мне и не петь!
Под звездою под рубиновой
Мне бы жить и умереть!

КРАПИВА Кондрат (АТРАХОВИЧ Кондрат Кондратович) (1896 - 1991)

К. Крапива
ДИПЛОМИРОВАННЫЙ БАРАН

Ходил в одной из деревень
Баран с башкою набекрень.
Природа к их мозгам и без того сурова,
Но этот... так дурней дурного —
Не узнаёт своих ворот,
Всем ясно: слабый головою,
А кость совсем наоборот —
Он силой лба потряс меня, не скрою:
Коль нет в округе умника другого,
Подраться чтоб на лбах,
Так он разгонится и в стену — баххх!
Другому б — смерть, а тот — шарах!
С наскока в стену снова...
Его шутник один прозвал за дурость ту
"Наш интеллект почётный";
А чтоб был виден за версту —
Табличку с надписью "учёный"
На шею взял и привязал:
— Вот, — молвил, — и диплом тебе.
Что это за "диплом",
Баран — ни "ме", ни "бе",
Однако, перед Кошкою решил он похвалиться:
— А ты что думала, сестрица!
Похвастаться мне нет причин?
Диплом я заслужил, как видно, головою,
И не ровняйся ты со мною.
— Об этом лучше помолчи, —
Ему сказала Кошка.
— Коль был бы ты умней немножко
И разумом раскинуть мог овечьим,
Увидел бы, что здесь хвалиться нечем,
Ведь заслужил ты свой диплом
Не головой, а лбом.

Иной баран — ни "бе", ни "ме",
А титул звучный на уме.
1926

К. Крапива
ЗАНОСЧИВЫЙ КАБАН

Бывает — правда очи колет...

Раз гнал пастух свиней на поле.
Один заносчивый Кабан,
Что влез в деревне в каждый жбан,
За утро все обшарил зауголья,
Теперь был столь надменно-важен,
Что свой пятак задрал на сажень.
О, выше всех он сам себя считал,
Да только вот того не знал,
Что в нечистотах морда вся.
И вот один тут Порося,
Увидев этот макияж,
И молвит: — Дяденька, твой хрюндель грязен!
Нехорошо для свина даж
Ходить таким, как ты, чумазым...
Кабан оскалил пасть. Кабан низложен:
— Из-за тебя краснеть я нынче должен!
Такое мне сказать осмелятся немногие,
Так это ж — демагогия! —
Кабан наш лается и растоптать клянётся:
— И места мокрого, — кричит он, — не найдётся!
Ты мой свинячий рейтинг опустил! —
И так он поросёнка укусил,
Что тот рыдал до самой ночи.

Кабан смотреть хотел не очень
Чистейшей правде в очи.
1927

К. Крапива
ПИСЬМО СЫНА

Враг идет.
Прощай, родная!
Будь жива-здорова.
Мне ль томиться, оставаясь
Под родимым кровом?

Для того ли поливала
Ты землицу потом,
Чтоб она теперь стонала
Под фашистским гнетом?

Для того ли ты про волю
Надо мной певала,
Чтобы к немцу наша доля
Под сапог попала?

Лучше пасть на ратном поле,
Лечь свободным в яму,
Чем пойти к врагам в неволю
Нам с тобою, мама!

Я иду спасать свободу,

Биться с гадом буду,
Что несет с собой народу
Кровь и смерть повсюду.

Будем живы - будем рады
Счастью молодому,
А пока не сломим гада, -
Не бывать мне дома!
1941

КРАСАВИНА Алина (род. 1999)

А. Красавина
СЫН РОССИИ

Гаснет свет в больничном коридоре,
Сном тяжелым раненые спят
Тихо стонет от тяжелой боли
Молодой израненный солдат.

Но при свете лампы пишет маме,
Тяжело, отрывисто дыша.
И ложатся строки на бумаге
Под неровный скрип карандаша.

Дорогая, я пишу из Польши,
Здесь сейчас пришлось мне воевать.
Дорогая, извиним за почерк,
Очень трудно мне пока ещё писать.

Здесь бои прошли совсем недавно
И тебе я должен сообщить:
Мама, я подбил четыре танка,
Правда, сам я тоже ранен был.

А в бою за польский город Радом
Я тебя, родная, не подвел,
Твой сынок, твой Новиков Василий
Стал Советской Родины Герой.

Лишь прошу, ты подожди немножко,
Вот сейчас немножко подлечусь,
И в деревню отчую – Лепешки,
Я к тебе с Победою вернусь.

Мы с тобой опять, как было раньше,
По зелёным улочкам пройдем,
Мы соседей позовем на праздник
В наш с тобой уютный старый дом...»

Только тихо лег листочек белый
Неподвижным бликом на кровать.
Жаль, совсем немного не успел он

То письмо для мамы дописать.

В городе Ченстохове на Варте,
На далёкой польской стороне
Здесь стоят, как память, обелиски,
Как немая память о войне.

Сколько их, родных сынов России,
За свободу тут отдали жизнь.
И земляк наш, Новиков Василий
Здесь вдали от Родины лежит.

А в России - ясные рассветы,
А в России – розовый закат,
Над полями свежий летний ветер,
Над лесами – тихий звездопад.

Водопады летних теплых ливней,
Рек глубоких водяная нить…
Сколько ж их, родных сынов России,
За неё, Россию, полегли.

Мы должны их помнить поименно,
Сохранив ту Память на века,
И хотим, чтоб называлась школа
Именем Героя-земляка.

Чтоб с тобою тоже мы смогли бы
Так достойно жизнь свою прожить.
Есть пример – наш Новиков Василий,
Наш земляк, Герой, Солдат, Танкист.

А. Красавина
***

Как мечтали мы стать взрослее,
Как хотели на вас быть похожи,
Только мир ваш на самом деле
Не таким оказался хорошим.
И, конечно, понять нам сложно,
Почему ж это взрослые люди
Не живут на Земле спокойно,
А воюют, лгут и воруют.

Ну, скажите, как в жизни взрослой
Нам достойно жить научиться,
Ведь у нас переходный возраст,
Мы ж такие максималисты.
И, поверьте, совсем не просто
Разобраться нам в мире этом,
И на наши сплошные вопросы
Мы хотим получить ответы.

Вы, конечно же, нам простите
Подростковую нашу дерзость,
Но у вас посмеем спросить мы
Непременно и первым делом:
«Отчего так живут по разному,
Это нам непонятно что-то,
Небогато – простые граждане,
А богато – «слуги народа»?

А ещё спросить мы хотели,
Уважаемые депутаты,
Это как же Вы рассмотрели
В стариках наших – самых богатых?
Ведь поэтому и наверное,
Чтобы с кризисом разобраться,
Вы российских пенсионеров
Умудрились лишить индексаций.

Ну а сами смогли б прожить вы
На такой пенсионный минимум?
А на что же лекарства купить им,
В этом возрасте необходимые?
Потому то и собирается
На работу с утра бабуля,
Нет, наверное, всё же братцы,
Где-то палку вы перегнули.

И ещё вопрос актуальный
Так волнует мое поколение:
Почему непомерно платным
Стало высшее обучение?
И какое же здесь равноправие
И свобода, скажите на милость?
Нет, какая-то эта неправильная
Социальная справедливость.

Вот такая, простите, грустная
Получилась у нас дилемма.
Но ложатся на плечи грузом нам
Нерешенные ваши проблемы.
Ну а если не то спросили,
То простите нас, ради Бога,
Вы ведь сами всегда учили,
Что в России свобода слова.

Может, скажете, вот какие
Подрастают у нас «диссиденты».
Но, поверьте, мы неплохие,
Просто только-только из детства.
И поэтому, если не правы,
Так подводит жизненный опыт.
А что режем горькую правду,
Потому что – страны патриоты.

Да, конечно, мы станем взрослыми,
Уж, наверное, скоро очень,
Но хотим жить, как в детстве, просто мы –
Без каких-то там заморочек.
И чтоб долго ещё мы помнили,
Как чисты и бесхитростны были,
И чтоб злом своих душ не испортили
В вашем взрослом и сложном мире.

А хотели бы мы всем без разницы
Бесконечного мирного неба,
Чтоб афганцам и африканцам
Всем бы вдоволь хватило хлеба.
Чтобы мы наконец-то вместе
Страшный войн погасили пламя,
Чтоб детей никогда на свете
На войне не теряли мамы.

Чтоб к казне не пускали близко
Казнокрадов и карьеристов,
Чтоб могли победить мы кризис,
Разгромили бы всех террористов!
Чтоб от цен на нефть не страдала
Экономика наша народная,
И чтоб рубль наш российский стал бы
Наконец валютою твердою.

Может, скажете, вот достали
Со своей подростковой критикой
Но ведь скоро из нас кто-то станет
Депутатом или политиком.
И тогда нам придется вместе
Управлять страною и значит
Мы найдем на вопросы ответы
И решим сообща все задачи.

Вы меня, конечно, простите,
Что стихи получились злые,
Но любого из нас спросите,
Рады мы, что живем в России!
Пусть стоит же свободно и вольно,
Удивляя богатством и силою
Хлебосольная и белоствольная
Ненаглядная наша Россия!
2015

КРАСНОПЕРОВ Петр Петрович (род. 1928)

П. Красноперов
БЕЛКА

Белка, белка, - неужели ты пришла?

Полюбила, даже вспрыгнула на плечи.
А глаза твои - как черная смола,
Где мерцает пониманье человечье.
Неужели я, как друг, иду с тобой
Через лес по неизведанной тропинке?
Неужели мне дозволено рукой
Тихо гладить по звериной узкой спинке?..

КРИВИН Феликс Давыдович (1928 - 2016)

Ф. Кривин
ДЕТЕКТИВНАЯ ИСТОРИЯ

Любит заяц детектив,
Чтоб кидало в дрожь,
Чтобы страх в него входил,
Как под сердце нож.
И в такой-то час невзгод
Видит он себя,
Как по лесу он идет
Кобурой скрипя.

Волк петляет впереди,
Заметает след.
Шепчет заяц: "Погоди,
Не уйдешь, сосед!
Срок тебе короткий дан,
Крышка подлецу:
Приключенческий роман
Движется к концу."

И ныряет волк во мглу,
В лоно тишины,
Прижимается к стволу
Вековой сосны,
А другие два ствола
На него в упор,
Волк басит: "Твоя взяла,
Гражданин майор!"

Пасть приходится закрыть,
И потупить взор:
"Разрешите погодить,
Гражданин майор!"
А майор ему: "Шалишь!
Ну тебя совсем!
Погодишь, как загудишь
Эдак лет на семь..."

Любит заяц детектив,
В нем он крупный спец.
И отважен, и сметлив
Парень-молодец!

Ну, а в жизни он другой,
Сам себе не люб.
Выбивает дробь ногой,
Зубом бьет о зуб.
Не вписать ему в актив
Выправку и стать.
Дайте зайцу детектив,
Чтоб героем стать!
1986

КРАЦАШВИЛИ Дато (1963 - 1980)

Д. Крацашвили
СИНИЕ КОНИ

В сказочном мире на синем коне
Мчусь я дорогою синей.
Раннее детство… И кажется мне
Всех победить я по силам.

Утро в тумане… А в нашем окне
Я – в отраженьи – на синем коне.
А за окошком чинара
Кажется грустной и старой.

Раннее детство… Капризы.. Игра…
Споры… Ошибки… Отметки…
Детство… Обидная это пора.
Как оскорбление: «Детка…»

Детство имеет один лишь изъян:
Быстро проходит… В тумане
Годы проносятся, как ураган
И ураган разгоняет туман
Детских бесплодных мечтаний.

Белым от старости стал синий конь
Синяя грива его серебрится.
Нет, он уже не поскачет в огонь,
Синяя юность ему только снится.

Всадник – он тоже с годами иной
Вот - от забот уже некуда деться.
Память о детстве все так же со мной.
Нет беззаботности милого детства…

Горько и больно. Откуда во мне
Зависть? Сомнения? Высокомерье?
Мне бы сейчас проскакать на коне,
Только зарыты из взрослости двери.

Позднею осенью черной я видел
Старой чинары усталую ветку.

Право. Никто бы меня не обидел,
Если б сейчас обозвал меня «Деткой».

В детстве казалось: на синем коне
Быть мне в сражении непобедимым.
Синие кони… Увы, лишь во сне
Вы равнодушно проноситесь мимо…

Смерть подкрадется с улыбой игривой.
С нею б сразиться, да конь мой устал…
Грустно мне машет он синею гривой…
Я умирать не боюсь… Я мечтал…

КРИНИЧНАЯ Ксения ()

К. Криничная
***

Сыра головка на небе сияет,
Разные формы она принимает,
Все потому, что по темному небу
Мышка голодная часто гуляет.
Раз! – не хватает в головке кусочка.
Тихо проходит за ночкою ночка.
Месяц прошел – и на небе лишь корка,
Серую мышку заждалася норка.
Лунного сыра рассыпались крошки,
Мышка проснется, натянет сапожки,
Утренней зорькой по небу пройдет,
Звездные крошки в ладонь соберет.

КРЫЛОВ Сергей Анатольевич (род. 1941)

С. Крылов
ЗИМНЯЯ СКАЗКА

Когда зимний вечер
Уснет тихим сном,
Сосульками ветер
Звенит за окном,
Луна потихоньку
Из снега встает
И желтым цыпленком
По небу идет.

А в окна струится
Сиреневый свет
На хвою ложится
Серебряный снег,
И, словно снежинки,
В ночной тишине
Хорошие сны
Прилетают ко мне.

Ах, что вы хотите,
Хорошие сны?
Вы мне расскажите
О тропах лесных,
Где все, словно в сказке,
Где - сказка сама –
Красавица русская
Бродит зима.

Но что это? Холод
На землю упал,
И небо погасло,
Как синий кристалл? –
То желтый цыпленок,
Что в небе гулял,
Все белые звезды,
Как зерна, склевал.
1962

С. Крылов
ПОДОРОЖНИК.

Осторожней, не топчите подорожник,
Может быть, у этой памятной версты
Вы к груди своей простреленной приложите,
Когда кончатся патроны и бинты.

К вам, как ниточка за смертью неизбежною
Подойдет тогда солдатский страшный рок,
И останется последнею надеждою
Этот маленький зелененький листок.

Как цветок бессмертный, Вы его положите
На могилу, где товарищи легли,
Чтобы русские родные подорожники
Не топтали бы чужие сапоги.

Осторожней, не топчите подорожник,
Может быть, у этой памятной версты
Вы к груди своей простреленной приложите,
Когда кончатся патроны и бинты.
1967

КУБЛАНОВСКИЙ Юрий Михайлович (род. 1947)

Ю. Кублановский
***

Волны падают стена за стеной
под полярной раскаленной луной.
За вскипающею зыбью вдали
близок край не ставшей отчей земли.

Соловецкий островной карантин,
где Флоренский добывал желатин
В сальном ватнике на рыбьем меху
в продуваемом ветрами цеху.
Там на визг срываться чайкам легко,
ибо, каркая, берут высоко,
из-за пайки по-над массой морской
искушающие крестной тоской.
Все ничтожество усилий и дел
Человеческих, включая расстрел.
И отчаянные холод и мрак,
пронизавшие завод и барак…
Грех роптать, когда вдвойне повезло:
ни застенка, ни войны. Только зло,
причиненное в избытке отцу,
больно хлещет и теперь по лицу.
Преклонение, смятение и боль
продолжая перемалывать в соль,
в неуступчивой груди колотьба
гонит в рай на дармовые хлеба.
Распахну окно, за рамы держась,
крикну: «Отче!» — и замру, торопясь
сосчитать как много минет в ответ
Световых непродолжительных лет…

КУГУЛЬДИНОВ Давид Никитич (1922 - 2006)

Д. Кугульдинов
***

При мне насмешливый бездельник
Кричал, что деньги - ерунда!
- Я знаю, ты всегда без денег, -
Ответил я ему тогда, -
Чтоб презирать рубли и медь,
Все ж нужно их сперва иметь.

При мне бездарный рифмоплет
Глумился злобно и лукаво
Над поэтическою славой.
Ему сказал я в свой черед:
- Чтоб славою не дорожить,
Все ж нужно славу заслужить!

Д. Кугульдинов
***

Я смерти не боюсь.
Могильную гряду,
Чтоб вновь увидеть мир и вновь ему дивиться,
Раздвину как-нибудь и деревом взойду
Иль птицей обернусь
И стану петь, как птица.

Боюсь лишь одного –
Что с другом, может быть,
Судьба столкнет меня в той оболочке новой...
Сумею ль я его
Позвать, оповестить,
Утратив дивный дар - людское наше слово?!

Д. Кугульдинов
***

Мужчин сухой, рассудочный расчет,
Ошибки исключив и милосердье,
Вернейшим - будто бы! - путем ведет...
Но почему ж
Иные
перед смертью
Вдруг понимают: цель была не та
И позади зияет пустота?..

А женщина? О, нежность! О, сама
Неправильность, изменчивость, наитье!..
Ты только сердцем делаешь открытья,
Являя этим глубину ума.
Вся жизнь твоя, подвластная минуте,
Не красота ль в ее бессмертной сути?..

КУДИНОВ Александр ()

А. Кудинов
РОССИЯ, 2090 ГОД

Здесь двери все открыты,
Здесь деньги не важны,
Здесь все дается людям
За честные труды.
Здесь люди все равны,
Отзывчивы, просты,
И милиционеры
Здесь просто не нужны.
И нет здесь президентов,
Они тут не важны.
Здесь люди управляют
Будущим страны.
2001

КУДРЯШОВА (ХАЙТЛИНА) Алина Кирилловна (род. 1987)

А. Кудряшова
***

Мама на даче, ключ на столе, завтрак можно не делать.
Скоро каникулы, восемь лет, в августе будет девять.

В августе девять, семь на часах, небо легко и плоско,
солнце оставило в волосах выцветшие полоски.
Сонный обрывок в ладонь зажать, и упустить сквозь пальцы.
Витька с десятого этажа снова зовет купаться.
Надо спешить со всех ног и глаз - вдруг, убегут, оставят.
Витька закончил четвертый класс - то есть, почти что старый.
Шорты с футболкой - простой наряд, яблоко взять на полдник.
Витька научит меня нырять, он обещал, я помню.
К речке дорога исхожена, выжжена и привычна.
Пыльные ноги похожи на мамины рукавички.
Нынче такая у нас жара - листья совсем как тряпки.
Может быть, будем потом играть, я попрошу, чтоб в прятки.
Витька - он добрый, один в один мальчик из Жюля Верна.
Я попрошу, чтобы мне водить, мне разрешат, наверно.
Вечер начнется, должно стемнеть. День до конца недели.
Я поворачиваюсь к стене. Сто, девяносто девять.

Мама на даче. Велосипед. Завтра сдавать экзамен.
Солнце облизывает конспект ласковыми глазами.
Утро встречать и всю ночь сидеть, ждать наступленья лета.
В августе буду уже студент, нынче - ни то, ни это.
Хлеб получерствый и сыр с ножа, завтрак со сна невкусен.
Витька с десятого этажа нынче на третьем курсе.
Знает всех умных профессоров, пишет программы в фирме.
Худ, ироничен и чернобров, прямо герой из фильма.
Пишет записки моей сестре, дарит цветы с получки,
только вот плаваю я быстрей и сочиняю лучше.
Просто сестренка светла лицом, я тяжелей и злее,
мы забираемся на крыльцо и запускаем змея.
Вроде они уезжают в ночь, я провожу на поезд.
Речка шуршит, шелестит у ног, нынче она по пояс.
Семьдесят восемь, семьдесят семь, плачу спиной к составу.
Пусть они прячутся, ну их всех, я их искать не стану.

Мама на даче. Башка гудит. Сонное недеянье.
Кошка устроилась на груди, солнце на одеяле.
Чашки, ладошки и свитера, кофе, молю, сварите.
Кто-нибудь видел меня вчера? Лучше не говорите.
Пусть это будет большой секрет маленького разврата,
каждый был пьян, невесом, согрет теплым дыханьем брата,
горло охрипло от болтовни, пепел летел с балкона,
все друг при друге - и все одни, живы и непокорны.
Если мы скинемся по рублю, завтрак придет в наш домик,
Господи, как я вас всех люблю, радуга на ладонях.
Улица в солнечных кружевах, Витька, помой тарелки.
Можно валяться и оживать. Можно пойти на реку.
Я вас поймаю и покорю, стричься заставлю, бриться.
Носом в изломанную кору. Тридцать четыре, тридцать...

Мама на фотке. Ключи в замке. Восемь часов до лета.
Солнце на стенах, на рюкзаке, в стареньких сандалетах.
Сонными лапами через сквер, и никуда не деться.
Витька в Америке. Я в Москве. Речка в далеком детстве.

Яблоко съелось, ушел состав, где-нибудь едет в Ниццу,
я начинаю считать со ста, жизнь моя - с единицы.
Боремся, плачем с ней в унисон, клоуны на арене.
"Двадцать один", - бормочу сквозь сон. "Сорок", - смеется время.
Сорок - и первая седина, сорок один - в больницу.
Двадцать один - я живу одна, двадцать: глаза-бойницы,
ноги в царапинах, бес в ребре, мысли бегут вприсядку,
кто-нибудь ждет меня во дворе, кто-нибудь - на десятом.
Десять - кончаю четвертый класс, завтрак можно не делать.
Надо спешить со всех ног и глаз. В августе будет девять.
Восемь - на шее ключи таскать, в солнечном таять гимне...

Три. Два. Один. Я иду искать. Господи, помоги мне.

КУЗНЕЦОВ Вадим Петрович (1935 - 2003)

В. Кузнецов
ЦВЕТЫ

Были, были у Антиповны мечты,
Да за временм позабывались напрочь,
Развести под окнами цветы,
Голубые,
Чтоб зажмуривались на ночь.
Чтоб выстреливали стрелками весной,
Чтоб звенели, как бубенчики при ветре,
Чтоб такие, как перед войной
Видела на площади в райцентре.

Не одною думкой
Был загад богат –
Как подушку взбила
Возле дома грядку.
Но пришел черед,
И ее солдат
Под гармонь у клуба
Заходил вприсядку.

"Вы прощайте, тополя,
Прощай, тополиночка!
Вы прощайте, мать-отец,
Прощай, моя милочка!"

Не простилась - обломилась от него,
И упала, словно ветка на дорожку.
Горевала –
А немного отлегло –
Посадила в палисаднике картошку.

Годы, годы...
Чем измерить их? Тоской?
Вдовьей каторгой, латающей разруху?
Одиночеством?

Обидами?
Судьбой,
Превратившей
Раньше времени в старуху?

Виноватых нету,
Некому простить
Горькое сиротство,
медленную старость.
Только и осталось
Думать и грустить,
Горевать о давнем
Только и осталось.

По ночам в ней всходят
Милые черты,
Что за годами
позабывались напрочь,
Да цветут во снах ее цветы –
Голубые,
Что зажмуривались на ночь.
1977

КУЗНЕЦОВ Юрий Поликарпович (1941 - 2003)

Ю. Кузнецов
АТОМНАЯ СКАЗКА

Эту сказку счастливую слышал
Я уже на теперешний лад,
Как Иванушка во поле вышел
И стрелу запустил наугад.

Он пошёл в направленье полёта
По сребристому следу судьбы.
И попал он к лягушке в болото,
За три моря от отчей избы.

- Пригодится на правое дело! –
Положил он лягушку в платок.
Вскрыл ей белое царское тело
И пустил электрический ток.

В долгих муках она умирала,
В каждой жилке стучали века.
И улыбка познанья играла
На счастливом лице дурака.
02 февраля 1968

Ю. Кузнецов
СКАЗКА О ЗОЛОТОЙ ЗВЕЕЗДЕ

Поехал на рыбалку генерал

И место целым штабом выбирал.

- Годится? - гаркнул он на божьи мели.
- Так точно! - офицеры возгремели.

- Где удочка? - готова честь по чести,
Крючок на месте и червяк на месте.

- А где же стопка? - стопку опрокинул
За воротник. И удочку закинул.

Одну минуту свита не мигала.
Но на виду удача генерала,

И слово генерала на слуху:
- Эге! Да это окунь! На уху!

Швырнул котел и снова, честь по чести
Крючок на месте и червяк на месте.

- А где же стопка? - Стопку опрокинул
За воротник. И удочку закинул.

И две минуты свита не мигала,
Но на виду удача генерала,

И слово генерала на слуху:
- Сазан? Зело годится. На уху!

Швырнул в котел и снова, честь по чести
Крючок на месте и червяк на месте.

И снова стопку водки опрокинул
За воротник. И удочку закинул.

И три минуты свита не мигала,
Но на виду удача генерала,

И слово генерала на слуху:
- А, Золотая Рыбка! На уху!

Но красотой и разумом блистая
Возговорила Рыбка Золотая:

- Пусти меня, служивый, а за дружбу
Я сослужу тебе большую службу,

- Достаточно желанья твоего...-
Но генерал не слушал ничего:

- Чего желать, когда я все имею:
И армию, и волю, и идею,

Звезду Героя, голос депутата,
Том мемуаров, ореол и злато,

И то сказать, жена и дочь в меху,
Сын дипломат... Немедля на уху!

Подобной речи с трепетом внимая,
Раздумалась и молвит Золотая:

Герой! Моя судьба не в той воде,
Но что ты скажешь о второй Звезде?

И он махнул: - Согласен на вторую! –
И бросил в воду рыбку Золотую.

И грянул гром! Ни свиты, ни машин,
В широком поле он стоит один,

В солдатской гимнастерке, и зажата
В его руке последняя граната.

А на него идут со всех сторон
Четыре танка из иных времен.

Ю. Кузнецов
***

Аллах и пуля в рай ведут душмана
И русский сон недолог в том краю!
Один солдат в горах Афганистана
Заметил полумертвую змею.

Она на солнце узко отливала
Узорчатым черненным серебром.
Он пожалел, и каждый день бывало
Поил ее из миски молоком.

Уже змея солдата узнавала,
Уже она из рук его пила.
Других она к себе не подпускала.
Окрепла и однажды уползла.

Застава спит. В палатке сон глубокий.
В глухую ночь стоял он на посту.
И только вспомнил отчий край далекий,
Опасность просквозила темноту.

И, уловив опасность по сложенью,
Присел от страха и узнал змею.
Та самая! И обвила за шею
Она его, как гурия в раю.

Хотел он встать. Не тут то было дело.

Змея вздымала голову над ним,
В лицо шипела и в глаза глядела.
Так и сидел он, в страхе недвижим.

Как будто шум со стороны палатки,
Как будто тихо... Вечность протекла.
Змея, разжав кольцо смертельной хватки,
Его освободила. Уползла.

Он распрямился и мрачней заката
Прошел насквозь заставу - кровь и прах.
Все вырезаны, все его ребята,
И первыми - кто были на постах.

Как жить ему? Его сомненье гложет.
Подумать страшно, может быть, змея
Его спасла за счет других... О, Боже,
Печальна тайна, но она - твоя!
1989

КУЛИЕВ Кайсын Шуваевич (1917 - 1985)

К. Кулиев
ИГРАЮТ ШОПЕНА…

Бьют капли по стёклам. Деревья блестят за окном.
Темнеть начинает. Молчит обезлюдевший дом.
Изранены сумерки, вечер смешался с дождём:
Играют Шопена.

Луна над землёю. И девушка смотрит, бледна.
И руку на сердце своё положила она.
След крови на свежем снегу. И вокруг – тишина:
Играют Шопена.

Готовые пасть за свободу в чистейшей из битв,
Бойцы атакуют. Кровь льётся. Сраженье кипит.
Но сил не хватает. Неправый опять победит:
Играют Шопена.

В пути журавли заблудились, курлычут, кричат.
Но, как ни кричи, нет пути ни вперёд, ни назад.
И ранен повстанец. Он прячет измученный взгляд:
Играют Шопена.

От стаи журавль отстаёт. Слышен клёкот орла.
Журавль разбивается – брызнула кровью скала.
Вернулась зима и могилы опять замела:
Играют Шопена.

Хоронят бойцов – тех, кто пал за свой гордый народ.
И ветер о скорби притихшим деревьям поёт.
Над бездной времён – безучастных снежинок полёт:

Играют Шопена.

Мужчина сидит. Зубы сжаты – ничем не разжать.
Прикрыты глаза. Бесполезно его утешать.
Но волосы гладит ему его старая мать:
Играют Шопена.

Трава прорастает. И вновь оживает любовь.
И женские руки на плечи любимого вновь
Ложатся. Но – нет! – не забыты ни горечь, ни кровь:
Играют Шопена.

Растаяли льды и снега моей горной страны.
И речка звенит, и деревья опять зелены.
Рассвет. Перевалы уже отовсюду видны:
Играют Шопена...
1963

К. Кулиев
***

Жил человек и устал человек.
Жил, но ушёл навсегда.
Что же осталось?
Самая малость:
Горы, снега и звезда.

КУЛЬЧИЦКИЙ Михаил Валентинович (1919 - 1943)

М. Кульчицкий
***

Самое страшное в мире –
Это быть успокоенным.
Славлю Котовского разум,
Который за час перед казнью
Тело свое граненое
Японской гимнастикой мучил.
Самое страшное в мире –
Это быть успокоенным.
Славлю мальчишек смелых,
Которые в чужом городе
Пишут поэмы под утро,
Запивая водой ломозубой,
Закусывая синим дымом.
Самое страшное в мире –
Это быть успокоенным.
Славлю солдат революции,
Мечтающих над строфою,
Распиливающих деревья,
Падающих на пулемет!
1943

М. Кульчицкий
***

Мечтатель, фантазер, лентяй-завистник!
Что? Пули в каску безопасней капель?
И всадники проносятся со свистом
вертящихся пропеллерами сабель.
Я раньше думал: "лейтенант"
звучит вот так: "Налейте нам!"
И, зная топографию,
он топает по гравию.

Война - совсем не фейерверк,
а просто - трудная работа,
когда, черна от пота, вверх
скользит по пахоте пехота.
Марш! И глина в чавкающем топоте
до мозга костей промерзших ног
наворачивается на чеботы
весом хлеба в месячный паек.
На бойцах и пуговицы вроде
чешуи тяжелых орденов.
Не до ордена.
Была бы Родина с ежедневными Бородино.
Декабрь 1942

КУНЯЕВ Станислав Юрьевич (род. 1932)

С. Куняев
ПАМЯТИ ПОЭТА
Николаю Рубцову

Мы
Были с ним знакомы,
Как друзья.
Не раз
В обнимку шли и спотыкались.
Его дорога
И моя стезя
В земной судьбе
Не раз пересекались.

Он выглядел,
Как захудалый сын
Своих отцов...
Как самый младший,
Третий...
Но все-таки
Звучал высокий смысл
В наборе слов его
И междометий.

Он был поэт;

Как критики твердят,
Его стихи лучатся
Добрым светом,
Но тот,
Кто проникал
В тяжелый взгляд,
Тот мог по праву
Усомниться в этом.

В его прищуре
Открывалась мне
Печаль
По бесконечному раздолью,
По безнадежно
Брошенной земле, -
Ну, словом, все,
Что можно звать любовью.

А женщины?
Да ни одна из них
Не поняла
Его души, пожалуй,
И не дышал
Его угрюмый стих
Надеждою на них,
Хоть самой малой.

Наверно, потому,
Что женский склад
В делах уюта,
В радостях устройства
Внезапно упирался
В этой взгляд,
Ни разу
Не терявший беспокойства.

Лишь иногда
В своих родных местах
Он обретал
Подобие покоя
И вспоминал
О прожитых годах
Как ангел,
Никого не беспокоя.

Он точно знал,
Что счастье - это дым
И что
Не породнишь его со Словом,
Вот почему
Он умер молодым
И крепко спит
В своем краю суровом,

На Вологодском кладбище своем
В кругу теней
Любимых и печальных...
А мы еще ликуем и живем
В предчувствии потерь,
Уже недальних.

А мы живем,
И каждого из нас
Терзает все,
Что и его терзало,
И потому,
Пока не пробил час,
Покамест время
Нас не обтесало,
Давай поймем,
Что наша жизнь - Завет,
Что только смерть
Развяжет эти узы –
Ну, словом все,
Что понимал поэт
И кровный сын
Жестокой русской музы.
1972

КУПРИЯНОВ Вячеслав Глебович (род. 1939)

В. Куприянов
***

Каждый в мире! Приручите птицу!
И когда становится темно,
Тонким клювом пусть она стучится
В каждое бессонное окно.

Каждый в мире, рыбу приручите,
Станет путь по морю очень прост –
Друг навстречу другу выходите,
Рыбы в море лягут, словно мост.

Каждый в мире, приручите зверя!
Станет садом самый лютый лес.
Приучите, чтобы в людной эре
Человек из мира не исчез.

Только захотите, вы смогли бы!
Все равно вам нет пути назад.
И, быть может, звери, птицы, рыбы
Наконец и нас соединят...

В. Куприянов
***

Ежели зайцев
Вооружить
Чтобы они
Истребили
Волков,
Будут ли зайцы,
Истребив волков,
Истреблять и тех,
Кто их вооружил?
Будут ли зайцы
Истреблять
Друг друга?
Будут ли
Зайцы?

КУПРИЯШИНА Лариса ()

Л. Куприяшина
ЗВЕЗДНАЯ МЕДВЕДИЦА

Как заманчиво звезды светятся!
На колени забрался сын.
«Покажи Большую Медведицу!» -
Важным голосом попросил.
Объясняю звёздный порядок,
Интересно и мне самой…
«Две Медведицы в небе рядом?!»
Удивляется мальчик мой.
Нынче ночью этой морозной,
Нарушая давний запрет,
Подошла Медведица звездная
К Малой. Может быть, обогреть?
Приласкать и погладить лапой,
И за тысячи звёздных лет
Уберечь её, косолапую
От хвостатых и злых комет?
Как заманчиво звёзды светятся!
Там, среди небесных дорог,
Глупой, маленькой звездной Медведице
Захотелось свернуться в клубок
И заснуть под напев метели,
Как в лесу медвежата спят…
С черной шерсти звёзды летели,
Было чудо: зимой звездопад.

Л. Куприяшина

За тобой просвечивают звезды,
Ты сидишь у самого окна.
Знаю, в этот вечер ты одна.
Я приду к тебе. Ещё не поздно.
Я приду сквозь щорохи листвы,
Я войду неслышно и нежданно

Из дождя, из серого тумана,
Из ночной холодной синевы.
Стану вдруг теплом и тишиной,
Серебром луны в твоей ладони.
Буду я молиться, как Малонне,
Тайны поверять тебе одной.
Что мне Жизнь, века и времена?
Что мне мир и в этом мире кто-то?
Быть с тобой… И только. И всего-то.
Подожди немного у окна…

КУРБАННЕПЕСОВ Керим (1929 - 1988)

К. Курбаннепесов
ПОЛУШУТКА О ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЖИЗНИ

В десять лет ты похож на козленка.
А в пятнадцать, ягненку под стать,
Можешь мчаться за кем-то вдогонку,
Можешь вдоволь до полудня поспать.
В двадцать - будешь упрям, как осел ты.
Жеребенком взыграешь потом,
А чуть юности возраст прошел – ты
Станешь сильным, надежным конем.
В пятьдесят будешь очень похожим
На премудрых хитрющих собак:
Для друзей –
Тебя нету дороже,
Для врагов ты –
Безжалостный враг.
Ну а дальше, - во многом зависит
От того, кем ты в зрелости был, -
Можешь волком стать,
Тигром иль рысью,
Хуже, если шакалом завыл...
Ну, а если дотянешь ты до ста,
Будешь в доме и летом дрожать.
Станешь мокрою курицей просто,
Коль не станут тебя уважать.
Но всегда тебя люди уважат,
Если жив несгибаемый дух!
Улыбаясь, про старого скажут:
-"Хоть без крыльев,
Но все же петух!"

КУШНЕР Александр Семёнович (род. 1936)

А. Кушнер
***

Времена не выбирают,
В них живут и умирают.
Большей пошлости на свете

Нет, чем клянчить и пенять.
Будто можно те на эти,
Как на рынке, поменять.

Что ни век, то век железный.
Но дымится сад чудесный,
Блещет тучка; я в пять лет
Должен был от скарлатины
Умереть, живи в невинный
Век, в котором горя нет.

Ты себя в счастливцы прочишь,
А при Грозном жить не хочешь?
Не мечтаешь о чуме
Флорентийской и проказе?
Хочешь ехать в первом классе,
А не в трюме, в полутьме?

Что ни век, то век железный.
Но дымится сад чудесный,
Блещет тучка; обниму
Век мой, рок мой на прощанье.
Время — это испытанье.
Не завидуй никому.

Крепко тесное объятье.
Время — кожа, а не платье.
Глубока его печать.
Словно с пальцев отпечатки,
С нас — его черты и складки,
Приглядевшись, можно взять.
1978

ЛАЗАРЕВ Владимир Яковлевич (род. 1936)

В. Лазарев
***

Я трогаю русые косы,
Ловлю твой задумчивый взгляд.
Над нами весь вечер берёзы
О чём-то чуть слышно шумят…
Берёзы… Берёзы…
Родные берёзы не спят…

Быть может, они напевают
Знакомую песню весны,
Быть может, они вспоминают
Суровые годы войны…
Берёзы… Берёзы…
Родные берёзы не спят…

Неужто свинцовой метелью

Земля запылает окрест,
И снова в солдатских шинелях
Ребята уйдут от невест…
Берёзы… Берёзы…
Родные берёзы не спят…

Я трогаю русые косы,
Ловлю твой задумчивый взгляд,
Не спят под Москвою берёзы,
В Париже каштаны не спят…
Берёзы… Берёзы…
Родные берёзы не спят…
1959

В. Лазарев
ШКОЛЬНИЦА

Я читаю стихи.
В классе тихо и строго.
За окошком снежинки немые летят.
И средь множества глаз
Два огромных, два синих восторга,
Два апрельских рассвета
Мне в душу глядят.

Они ждут откровений,
Они не желают иначе,
Ты их только отвагой,
Только дерзким полетом зови.
Их хозяйка - я знаю –
Над "Анной Карениной" плачет,
И мечтает о сцене,
И верит в бессмертье любви.

Что решает она,
Кроме школьных задачек несложных?
Ей пока лишь мечта
Да нехитрое дело под стать.
Угловатая девочка,
Что она может сегодня:
Помогать своей маме?
Почти без ошибок писать?

А еще она может
В раскрытые волны –
с разбегу.
А еще она может,
Коль тяжкое время придет,
Мимо дымных штыков
Босиком –
по горящему снегу.
А еще она может
Запеть,

восходя на немой эшафот!

В. Лазарев
ПРОЩАНИЕ СЛАВЯНКИ

Наступает минута прощания,
Ты глядишь мне тревожно в глаза,
И ловлю я родное дыхание,
А вдали уже дышит гроза.

Дрогнул воздух, туманный и синий,
И тревога коснулась висков,
И зовет нас на подвиг Россия,
Веет ветром от шага полков.

Прощай, отчий край,
Ты нас вспоминай,
Прощай, милый взгляд,
Прости-прощай, прости-прощай...
Летят, летят года,
Уходят во мглу поезда,
А в них – солдаты.
И в небе тёмном
Горит солдатская звезда.
А в них – солдаты,
И в небе тёмном
Горит солдатская звезда.
Прощай, отчий край,
Ты нас вспоминай,
Прощай, милый взгляд,
Не все из нас придут назад...

Лес да степь, да в степи – полустанки.
Свет вечерней и новой зари –
Все пройдет, но «Прощанье славянки»,
Ты гори в моём сердце, гори!

Нет, не будет душа безучастна –
Справедливости светят огни.
За любовь, за славянское братство
Отдавали мы жизни свои.

Прощай, отчий край,
Ты нас вспоминай,
Прощай, милый взгляд,
Прости-прощай, прости-прощай...
Летят, летят года,
Уходят во мглу поезда,
А в них – солдаты.
И в небе тёмном
Горит солдатская звезда.
А в них – солдаты,
И в небе тёмном

Горит солдатская звезда.
Прощай, отчий край,
Ты нас вспоминай,
Прощай, милый взгляд,
Не все из нас придут назад...
1984

ЛАПИН Борис Матвеевич (1905 - 1941)

Б. Лапин
ПЕСНЯ АНГЛИЙСКОГО СОЛДАТА

Солдат, учись свой труп носить,
Учись не спать в седле,
Учись свой кофе кипятить
На узком фитиле,

Учись не помнить карих глаз,
Учись не ждать небес —
Тогда ты встретишь смертный час,
Как свой Бирнамский лес.

Взгляни, на пастбища войны
Ползут стада коров,
Телеги жирные полны
Раздетых мертвецов,

В воде лежит разбухший труп,
И тень ползет с лица
Под солнце, тяжкое, как круп
Гнедого жеребца…

Должно быть, будет по весне
Богатый урожай,
И не напрасно в вышине
Собачий слышен лай.

О, вы, цепные мудрецы,
Мне внятна ваша речь, -
Восстанут эти мертвецы,
А нас покосит меч.

И полевые мужики,
«ворочая бразды»,
Вкопают в прах, как васильки,
Кровавых дел следы.
1933

Б. Лапин
ПОДЛЕЦ

Ах, как весело идти в ночной плеск,
Слышать хлюпанье воды, свист машин.
О, пение сквозь дождь! Сонный бред,

Голос ночи, крик скользящих шин…

…В задыхающейся пляске вод,
Плотной падавших стеной вниз,
Слышно пение шагов и струй,
Тонкий, чистый, одинокий свист…

Молодой неизвестный человек,
он отпраздновал сегодня двадцать лет.
Он совсем обыкновенный человек,
он не маклер, не убийца, не поэт.

Он готов любой подвиг совершить,
Он готов любую подлость показать, -
лишь бы только кусок счастья ухватить,
лишь бы ужин с бургундским заказать.

Это чей там голос песню гомонит?
Всюду говор, всюду шум и легкий плеск...
Я не буду ни богат, ни знаменит,
если я не спихну вас с ваших мест.

Это счастье я с кровью захвачу,
это счастье я вырву из земли!
Я хочу быть великим!
Я хочу
быть великим!
Хочу
быть
вели...
1933

ЛАСКИН Борис Савельевич (1914- 1983)

Б. Ласкин
ТРИ ТАНКИСТА

На границе тучи ходят хмуро,
Край суровый тишиной объят.
У высоких берегов Амура
Часовые Родины стоят.

Там врагу заслон поставлен прочный,
Там стоит, отважен и силен,
У границ земли дальневосточной
Броневой ударный батальон.

Там живут - и песня в том порука
Нерушимой, дружною семьей
Три танкиста - три веселых друга
Экипаж машины боевой.

На траву легла роса густая,

Полегли туманы, широки.
В эту ночь решили самураи
Перейти границу у реки.

Но разведка доложила точно:
И пошел, командою взметен,
По родной земле дальневосточной
Броневой ударный батальон.

Мчались танки, ветер подымая,
Наступала грозная броня.
И летели наземь самураи,
Под напором стали и огня.

И добили - песня в том порука –
Всех врагов в атаке огневой
Три танкиста - три веселых друга
Экипаж машины боевой!
1939

Б. Ласкин
СПЯТ КУРГАНЫ ТЕМНЫЕ…

Спят курганы тёмные,
Солнцем опалённые,
И туманы белые
Ходят чередой.
Через рощи шумные
И поля зелёные
Вышел в степь донецкую
Парень молодой.
Через рощи шумные
И поля зелёные
Вышел в степь донецкую
Парень молодой.

Там на шахте угольной
Паренька приветили,
Руку дружбы подали,
Повели с собой.
Девушки пригожие
Тихой песней встретили.
И в забой отправился
Парень молодой.
Девушки пригожие
Тихой песней встретили.
И в забой отправился
Парень молодой.

Дни работы жаркие,
На бои похожие,
В жизни парня сделали
Поворот крутой.

На работу жаркую,
На дела хорошие
Вышел в степь донецкую
Парень молодой.
На работу жаркую,
На дела хорошие
Вышел в степь донецкую
Парень молодой.

Через рощи шумные
И поля зелёные
Вышел в степь донецкую
Парень молодой.
Через рощи шумные
И поля зелёные
Вышел в степь донецкую
Парень молодой.
1939

ЛЕБЕДЕВ Алексей Алексеевич (1912 - 1941)

А. Лебедев
ТЕБЕ

Мы распрощаемся в Кронштадте
У зыбких сходен, а потом
Рванется к рейду серый катер,
Раскалывая рябь винтом.

Вот облаков косою тенью
Луна подернулась слегка,
И затерялась в отдаленье
Твоя простертая рука.

Опять шуметь над морем флагу,
И снова, и суров, и скуп,
Балтийский ветер сушит влагу
Твоих похолодевших губ.

И если пенные объятья
Нас захлестнут в урочный час,
И ты в конверте за печатью
Получишь весточку о нас, -

Не плачь, мы жили жизнью смелой,
Умели храбро умирать.
Ты на штабной бумаге белой
Об этом можешь прочитать.

Переживи внезапный холод,
Полгода замуж не спеши,
А я останусь вечно молод
Там, в тайниках твоей души.

И если сын родится вскоре,
Ему одна стезя и цель,
Ему одна дорога - море,
Моя могила и купель.
Ноябрь 1941

ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ Василий Иванович (1898 - 1949)

В. Лебедев-Кумач
ШИРОКА СТРАНА МОЯ РОДНАЯ

Широка страна моя родная,
Много в ней лесов, полей и рек!
Я другой такой страны не знаю,
Где так вольно дышит человек.
От Москвы до самых до окраин,

С южных гор до северных морей
Человек проходит, как хозяин
Необъятной Родины своей.
Всюду жизнь привольно и широко,
Точно Волга полная, течет.
Молодым — везде у нас дорога,
Старикам — везде у нас почет.

Широка страна моя родная,
Много в ней лесов, полей и рек!
Я другой такой страны не знаю,
Где так вольно дышит человек.

Наши нивы глазом не обшаришь,
Не упомнишь наших городов,
Наше слово гордое «товарищ»
Нам дороже всех красивых слов.
С этим словом мы повсюду дома,
Нет для нас ни черных, ни цветных,
Это слово каждому знакомо,
С ним везде находим мы родных.

Широка страна моя родная,
Много в ней лесов, полей и рек!
Я другой такой страны не знаю,
Где так вольно дышит человек.

За столом никто у нас не лишний,
По заслугам каждый награжден,
Золотыми буквами мы пишем
Всенародный Сталинский Закон.
Этих слов величие и славу
Никакие годы не сотрут:
«Человек у нас имеет право
На учебу, отдых и на труд»,

Широка страна моя родная,
Много в ней лесов, полей и рек!
Я другой такой страны не знаю,
Где так вольно дышит человек.

Над страной весенний ветер веет,
С каждым днем все радостнее жить.
И никто на свете не умеет
Лучше нас смеяться и любить.
Но сурово брови мы насупим,
Если враг захочет нас сломать, —
Как невесту. Родину мы любим,
Бережем, как ласковую мать.

Широка страна моя родная,
Много в ней лесов, полей и рек!
Я другой такой страны не знаю,
Где так вольно дышит человек.
1936

В. Лебедев-Кумач
МОСКВА МАЙСКАЯ

Утро красит нежным светом
Стены древнего Кремля,
Просыпается с рассветом
Вся Советская земля.
Холодок бежит за ворот,
Шум на улицах сильней.
С добрым утром, милый город, —
Сердце Родины моей!

Кипучая,
Могучая,
Никем непобедимая, —
Страна моя,
Москва моя —
Ты самая любимая!

Разгорелся день веселый,
Морем улицы шумят,
Из открытых окон школы
Слышны крики октябрят.
Май течет рекой нарядной
По широкой мостовой,
Льется песней необъятной
Над красавицей Москвой.

Кипучая,
Могучая,
Никем непобедимая, —
Страна моя,

Москва моя —
Ты самая любимая!

Солнце яркое, сильнее,
С неба синего свети,
Чтоб до вышки Мавзолея
Нашу радость донести,
Чтобы ярче заблистали
Наши лозунги побед,
Чтобы руку поднял Сталин,
Посылая нам привет.

Кипучая,
Могучая,
Никем непобедимая, —
Страна моя,
Москва моя —
Ты самая любимая!

День уходит, и прохлада
Освежает и бодрит.
Отдохнувши от парада,
Город праздничный гудит.
Вот когда встречаться парам!
Говорлива и жива —
По садам и по бульварам
Растекается Москва.

Кипучая,
Могучая,
Никем непобедимая, —
Страна моя,
Москва моя —
Ты самая любимая!

Стала ночь на день похожей,
Море света над толпой.
Эй, товарищ! Эй, прохожий! —
С нами вместе песню пой!
Погляди, — поет и пляшет
Вся Советская страна…
Нет тебя светлей и краше,
Наша красная весна!

Кипучая,
Могучая,
Никем непобедимая, —
Страна моя,
Москва моя —
Ты самая любимая!

Голубой рассвет глядится
В тишину Москвы-реки,

И поют ночные птицы —
Паровозные гудки.
Бьют часы Кремлевской башни,
Гаснут звезды, тает тень…
До свиданья, день вчерашний,
Здравствуй, новый, светлый день!

Кипучая,
Могучая,
Никем непобедимая, —
Страна моя,
Москва моя —
Ты самая любимая!
1937

В. Лебедев-Кумач
СВЯЩЕННАЯ ВОЙНА

Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой
С фашистской силой темною,
С проклятою ордой!

Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна, —
Идет война народная,
Священная война!

Как два различных полюса,
Во всем враждебны мы:
За свет и мир мы боремся,
Они — за царство тьмы.

Дадим отпор душителям
Всех пламенных идей,
Насильникам, грабителям,
Мучителям людей!

Не смеют крылья черные
Над Родиной летать,
Поля ее просторные
Не смеет враг топтать!

Гнилой фашистской нечисти
Загоним пулю в лоб,
Отребью человечества
Сколотим крепкий гроб!

Встает страна огромная,
Встает на смертный бой
С фашистской силой темною,
С проклятою ордой.

Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна, —
Идет война народная,
Священная война!
24 июня 1941

ЛЕБЕДУШКИНА Ольга Петровна (род. 1967)

О. Лебедушкина
***

Если Жизнь - блуждающий огонь
В царстве пустоты и звездной пыли,
Греющий пространство, как ладонь,
Значит, мы когда-то уже были.

Был чужой рассвет чужих планет
Жизнью пробудившейся наполнен,
Воздух был дыханием согрет...
Это было - только мы не помним.

Снова море синевой блеснет,
Задевая солнце пенным краем,
И продолжат чайки свой полет.
Это будет. Только мы не знаем.

Возродится мир земной опять
Где-то во Вселенной в далях зыбких,
Чтоб свои ошибки повторять
И идти к познанью сквозь ошибки.

И в закатный час начнут кружить
В небесах бездонных те же птицы.
Значит, в этом мире стоит жить,
Чтобы вновь когда-то повториться.
1982

О. Лебедушкина
***

Весна начинается с неба.
Сначала оно светлеет
И чистой голубизною
стекает к земле седой.
Вливаясь в застывшие трубы,
в забытых печурках тлеет,
Стучит по земле капелью,
серебряною водой.
Весна начинается с криков
веселых стай воробьиных,
Которые неумолчно,
взахлеб о весне твердят,
И с радужного сиянья

в сплетении веток длинных
И с хрупких берез-подростков,
что встали пугливо в ряд.
Весна начинается с взглядов,
оттаявших после стужи.
Весна начинается в сердце,
где ясная тишина.
А, может, ее начало
в той первой огромной луже?
Не знаю, но всем понятно:
она началась, весна.

О. Лебедушкина
***

Ты отвлекись от возвышенных истин
И над осенней землею склонись.
Слышишь, шуршит. Это падают листья,
Падают желтыми листьями вниз.

Падают листья, как память, как мысли,
Неторопливы, светлы и легки.
С веток кленовых лазурные выси
Льются в холодные воды реки.

Так же и листья текут на дорогу
С песней последней о прошлом тепле
И обретают покой понемногу
Желтой щекою прижавшись к земле.

О. Лебедушкина
НОЧЬ

Теплая ночь в бесконечностях звездных,
Теплая ночь на вздыхающих соснах,
Веток движенья в погасшем стекле,
Ночь - и в пространстве, и здесь - на Земле.

Как необъятна Земля на рассвете,
Вся в золотящемся праздничном свете,
Вся в молодом бескорыстном тепле...
Ночью Земля - лишь пылинка во мгле.

Листья в росе, как в зеркальных осколках,
Звездные иглы в сосновых иголках,
Словно на нити нанизаны в ряд,
Солнца чужие на иглах дрожат.

Может, в пространстве затеряна где-то,
Жаждет рассвета иная планета,
И на такой-же сосне там, вдали,
Точкой блестит Солнце нашей Земли.

О. Лебедушкина
УГОЛЁК

Как теперь этот вечер далёк,
Но как будто бы лишь вчера
Мы сломали с тобой уголёк
Над печальным дымком костра.
И разлом раскален докрасна,
Вдруг меня разделил с тобой.
Половинка на счастье дана,
Половинка дана на боль.

Тот разлом обжигал мне ладонь,
А потом, побледнев, угас,
Погруженный в полночный огонь
Немигающих звёздных глаз.
И по нашей с тобой судьбе,
Не по нашей с тобой вине,
Половинка досталась тебе,
Половинка досталась мне.

Как теперь этот вечер далёк,
Но как будто бы лишь вчера
Мы сломали с тобой уголёк
Над печальным дымком костра.
Но тогда среди ветра и тьмы
Непонятным осталось нам,
Что весь мир разломили мы,
Словно уголь, напополам.

О. Лебедушкина
УРОК.

Зима. рассвет в созвездьях фонарей.
Лишь только начинаются уроки.
И борется со смертью князь Андрей,
И, как во сне, дрожат и гаснут строки.
А у стола упавшая тетрадь,
Предательски опять мокры ресницы,
Про эту смерть должна я вслух читать,
Читать давно знакомые страницы.
Залиты тихой синью три окна,
И свет ложится в снег, как желтый колос,
И, как назло, такая тишина,
Что слышно, как дрожит и рвется голос.
Такая тишина тогда была!
И даже смолкли, присмирев в печали,
Мальчишки, что домашних десять глав
По лености опять не прочитали.
Как я жалела их все эти дни!
Сквозь синь смотрели напряженно ветки
И тоже ждали... Ну, звонок, звени.
Не умолкай, не засыпай навеки.

Спасеньем стали шум и топот ног,
И голоса в утихшем коридоре...
И в пользу жизни спор решил звонок,
А смерть сдалась в извечном этом споре.
Она ушла, всему наперекор,
И стало так светло и снежно снова,
И жив был князь, и мчались в коридор
Мальчишки, не читавшие Толстого.
1984

ЛЕВИТАНСКИЙ Юрий Давыдович (1922 - 1996)

Ю. Левитанский
ДИАЛОГ У НОГОГОДНЕЙ ЕЛКИ

— Что происходит на свете? — А просто зима.
— Просто зима, полагаете вы? — Полагаю.
Я ведь и сам, как умею, следы пролагаю
В ваши уснувшие ранней порою дома.
— Что же за всем этим будет? — А будет январь.
— Будет январь, вы считаете? — Да, я считаю.
Я ведь давно эту белую книгу читаю,
Этот, с картинками вьюги, старинный букварь.

— Чем же все это окончится? — Будет апрель.
— Будет апрель, вы уверены? — Да, я уверен.
Я уже слышал, и слух этот мною проверен,
Будто бы в роще сегодня звенела свирель.

— Что же из этого следует? — Следует жить,
Шить сарафаны и легкие платья из ситца.
— Вы полагаете, все это будет носиться?
— Я полагаю, что все это следует шить.

— Следует шить, ибо сколько вьюге ни кружить,
Недолговечны ее кабала и опала.
— Так разрешите же в честь новогоднего бала
Руку на танец, сударыня, вам предложить!

— Месяц — серебряный шар со свечою внутри,
И карнавальные маски — по кругу, по кругу!
— Вальс начинается. Дайте ж, сударыня, руку,
И — раз-два-три,
Раз-два-три,
Раз-два-три,
Раз-два-три!..

ЭЛЕГИЯ НА СМЕРТЬ ДЖОНА О’ГРЕЯ,
ДОСТОПОЧТЕННОГО ЗАЙЦА, ЭСКВАЙРА

Меж речкой Твид и речкой Спей,
Где вереск и все прочее,
Жил бедный заяц Джон О'Грей,

Отец семьи и прочее.
Хоть был лишен наш бедный Джон
Чинов, наград и прочее,
Зато был шерсти не лишен,
Хвоста, ушей, и прочее.
Однажды, три-четыре-пять,
Позавтракав и прочее,
Он в рощу вышел погулять
И, так сказать, все прочее.
Он был не в бархат разодет,
Как тот бездельник Билли,
Берет с пером и старый плед
Его одеждой были.
При всем при том,
При всем при том,
С безумною отвагой
Махал он весело хвостом,
Как пикой или шпагой.
Но у развилки трех дорог,
Где ельник и все прочее,
Его охотник подстерег
И подстрелил и прочее.
Он взял себе берет и плед,
А пух и прах О'Грея
Трактирщику за шесть монет
Он продал, не жалея.
А тот из Джоновых костей
Сварил бульон и прочее,
И этим потчевал гостей
Под крепкий эль и прочее.
Но все, кто ели тот обед,
И все, кто Джона ели,
Не о трактирщике, нет-нет,
Не об охотнике, о нет –
О Джоне песню пели.
Вот так под старых кружек звон,
И шутки и все прочее,
Был воскрешен наш добрый Джон,
Отец семьи и прочее.
И с той поры уж столько лет,
Как бы воскресший из котлет,
Из супа и все прочее,
Он на Земле живет опять
И раз-два-три-четыре-пять
Выходит в рощу погулять.
И, так сказать, все прочее.

ЛЕЛЕВИЧ Г. (КАЛМАНСОН Лабори Гилелевич) (1901 - 1937)

Г. Лелевич
КОММУНЭРА О ЧЕКИСТЕ СЕМЁНОВЕ

1.

Всю ночь огни горели в Губчека.
Коллегия за полночь заседала.
Семенова усталая рука
Пятнадцать приговоров подписала.

И в предрассветной мутной темноте
Кого-то из подвалов выводили.
С пятнадцатью к пятнадцатой версте
Прогромыхали три автомобиля.

Все ясно! За предательский мятеж
Расплата ждет сегодня осужденных.
Ведь возглавляет роковой кортеж
Гроза и бич — предгубчека Семенов.

Приехали... Далеко до зари...
Семенов, сохраняя вид бесстрастный,
Пытается напрасно закурить, —
Знать на ветру за спичкой спичка гаснет.

Чернеет яма... Черен голый лес...
И в тишине, тревогой напоенной,
Так четок выстрелов короткий треск,
Так тихи замирающие стоны.

И вот землей засыпаны тела...
Семенов сел в хрипящую машину,
И лишь на лбу высоком залегла
Еще одна глубокая морщина.

2.

От радости бандиты пьяны все.
Всю ночь полны стаканы самогоном.
Сегодня в полночь на глухом шоссе
Захвачен в плен предгубчека Семенов.

И атаман Алешка Костолом
(В былые годы подпоручик Чалин),
Расплатой упиваясь, как вином,
Кровавую нагайку измочалил.

Но некогда упиться местью всласть.
Чай, стон стоит в Чекистском телефоне.
Лишь рассветет—Семенов должен пасть,
А там никто бандитов не догонит...

Рассвет... Выводят пленника враги.
На лбу горят багровые полоски...
В сплетеньях чащи не видать ни зги,
И лязг затворов будит отголоски.

И атаман лопату протянул,
Чтоб пленник сам себе могилу вырыл.
Момент — и заступ взвился в вышину
И опустился тяжкою секирой.

И хряснул череп, и бандит поник...
Недружный залп чекиста опрокинул.
И пред концом разгладились на миг
На бледном лбу Семенова морщины.
1923

ЛИПКИН Семён Израилевич (1911 - 2003)

С. Липкин
ЛУННЫЙ СВЕТ

Городские парнишки со щупами
Ищут спрятанный хлеб допоздна,
И блестит над степными халупами,
Как турецкая сабля, луна.

Озаряет семейства крестьянские:
Их отправят в Котовск через час,
А оттуда в места казахстанские:
Ликвидируют, значит, как класс.

Будет в красных теплушках бессонница,
Будут плакать, что правда крива...
То гордится под ветром, то клонится
Аж до самого моря трава.

Стерегут эту немощь упорную
Приумолкший угрюмый народ.
Если девушка хочет в уборную,
Вслед за нею конвойный идет.

Дверцу надо держать приоткрытою:
Не сбежишь, если вся на виду...
Помню степь, лунным светом облитую,
И глухую людскую беду.

Я встречаю в Одессе знакомого.
Он теперь вне игры, не у дел.
Не избег он удела знакомого,
Восемнадцать своих отсидел.

Вспоминает ли, как раскулачивал?
Как со щупом искал он зерно?
Ветерок, что траву разворачивал?
Лунный свет, что не светит давно?
1963

ЛИСЯНСКИЙ Марк Самойлович (1913 - 1993)

М. Лисянский
МОЯ МОСКВА

Я по свету немало хаживал,
Жил в землянках,
В окопах, в тайге.
Похоронен был дважды заживо,
Знал разлуку, любил в тоске.

Но Москвой я привык гордиться
И везде повторял я слова:
Дорогая моя столица,
Золотая моя Москва.

Я люблю подмосковные рощи
И мосты над твоею рекой.
Я люблю твою Красную площадь
И кремлёвских курантов бой.

В городах и далёких станицах
О тебе не умолкнет молва,
Дорогая моя столица,
Золотая моя Москва.

Мы запомним суровую осень,
Скрежет танков и отблеск штыков.
И в сердцах будут жить
Двадцать восемь
Самых храбрых твоих сынов.

И врагу никогда не добиться,
Чтоб склонилась твоя голова,
Дорогая моя столица,
Золотая моя Москва.

Над страною в сиянии славы
Солнце нашей Победы взойдет.
Здравствуй, город Великой Державы,
Где любимый наш Сталин живет.

Будем вечно тобою гордиться,
Не забудется слава твоя,
Дорогая моя столица,
Золотая моя Москва.
1942

ЛУГОВСКОЙ Владимир Александрович (1901 - 1957)

В. Луговской
БАСМАЧ

Дым папиросный качнулся,

замер и загустел.
Частокол чужеземных винтовок
криво стоял у стен.
Кланяясь, покашливая,
оглаживая клок бороды,
В середину табачного облака
сел Иган-Берды.
Пиала зеленого чая —
успокоитель души —
Кольнула горячей горечью
челюсти курбаши.
Носком сапога покатывая
одинокий патрон на полу,
Нетвердыми жирными пальцами
он поднял пиалу.
А за окном пшеница
гуляла в полном соку,
Но тракторист, не мигая,
прижался щекой к штыку.
Он восемь бессонных суток
искал по горам следы
И на девятые сутки встретил
Иган-Берды.
Выстрелами оглушая
дикие уши горы,
Взяли усталую шайку
совхозники Дангары.
Тракторист засыпает стоя,
но пальцы его тверды.
И чай крутого настоя пьет
Иган-Берды.
Он поднимает руку
и начинает речь,
Он круглыми перекатами
движет просторы плеч,
Он рад, что кольцом беседы
с ним соединены
Советские командиры —
звезды большой страны.
Он никого не грабил
и честно творил бой,
Глазам его чужды убийства,
рукам его чужд разбой.
Как снежное темя Гиссара,
совесть его бела,
И ни одна комсомолка
зарезана им не была.
Сто раз он решал сдаваться,
но случай к нему не пришел.
Он выстрадал пять сражений,
а это — нехорошо.
Как путник, поющий о жажде,
хочет к воде припасть,

Так сердце его сухое ищет
Советскую власть.
Милость Советской власти
для храбрых — богатый пир.
Иган-Берды — знаменитый
начальник и богатырь. —
Непреклонные мои пули
падали гуще дождей,
От головы и до паха
я разрубал людей.
Сокровища кооперативов
я людям своим раздавал,
Повешенный мною учитель
Бога не признавал,
Тяжелой военной славой
жилы мои горды.
Примите же, командиры,
руку Иган-Берды! —
Но старший из командиров
выпрямился во весь рост.
По темным губам переводчика
медленно плыл допрос.
И женщина за стеною
сыпала в миску рис.
Прижавшись к штыку щекою,
жмурился тракторист.
Солнца, сна и дыма
он должен не замечать.
Он должен смотреть в затылок
льстивого басмача.
Кланяется затылок
и поднимается вновь,
Под выдубленной кожей
глухо толчется кровь.
И тракторист усмехается
твердым, сухим смешком:
Он видит не человека,
а ненависти ком.
За сорванную посевную
и сломанные его труды
Совсем небольшая расплата —
затылок Иган-Берды.
1932

В. Луговской
КУРСАНТСКАЯ ВЕНГЕРКА

Сегодня не будет поверки,
Горнист не играет поход.
Курсанты танцуют венгерку,
- Идет девятнадцатый год.

В большом беломраморном зале

Коптилки на сцене горят,
Валторны о дальнем привале,
О первой любви говорят.

На хорах просторно и пусто,
Лишь тени качают крылом,
Столетние царские люстры
Холодным звенят хрусталем.

Комроты спускается сверху,
Белесые гладит виски,
Гремит курсовая венгерка,
Роскошно стучат каблуки.

Летают и кружатся пары
- Ребята в скрипучих ремнях
И девушки в кофточках старых,
В чиненых тупых башмаках.

Оркестр духовой раздувает
Огромные медные рты.
Полгода не ходят трамваи,
На улице склад темноты.

И холодно в зале суровом,
И надо бы танец менять,
Большим перемолвиться словом,
Покрепче подругу обнять.

Ты что впереди увидала?
Заснеженный черный перрон,
Тревожные своды вокзала,
Курсантский ночной эшелон?

Заветная ляжет дорога
На юг и на север - вперед.
Тревога, тревога, тревога!
Россия курсантов зовет!

Навек улыбаются губы
Навстречу любви и зиме,
Поют беспечальные трубы,
Литавры гудят в полутьме.

На хорах - декабрьское небо,
Портретный и рамочный хлам;
Четверку колючего хлеба
Поделим с тобой пополам.

И шелест потертого банта
Навеки уносится прочь.
Курсанты, курсанты, курсанты,
Встречайте прощальную ночь!

Пока не качнулась манерка,
Пока не сыграли поход,
Гремит курсовая венгерка...
Идет девятнадцатый год.
1940

ЛЬВОВА Ирина Михайловна (1958 - 2016)

И. Львова
УЧИТЕЛЬСКИЙ ВАЛЬС

Ах, как годы летят, ах, как годы летят.
Тот поверит, кто спросит.
Начался листопад, золотой листопад.
Приглашает нас в осень.
Снова дел и забот, разных шумных хлопот
У нас неимоверно.
Вдруг осенней порой начинается год
И зовется учебным.

Это вам не пустяк, далеко не пустяк –
По ночам класс мне снится.
Это надо же так, это надо же так
В свою школу влюбиться.
И бумаг виражи, и сердец витражи,
И программы, и планы.
Разумеется, здесь и проходит вся жизнь,
А ведь это немало.

Сохрани меня, Бог, сохрани меня, Бог,
И хранит ведь, наверное.
Пусть в стотысячный раз я иду на урок,
А волнуюсь, как в первый.
Как увижу ваш взгляд, проницательный взгляд,
Совершаю открытье.
Значит, это судьба, значит, это судьба –
Школа, парта, учитель.

Время выбрало нас
Зажигать души-свечи.
А учительский вальс
Не кончается вечно.

И. Львова
РУССКИЕ ДУРАКИ

Скажут без сожаления
Что наши дни легки.
Мы ведь уже с рождения
Русские дураки.

Души на части рвутся.

Не по судьбе шаги.
Но над судьбой смеются
Русские дураки.

Истово верят в чудо,
Пьют от глухой тоски,
В бешенстве бьют посуду
Русские дураки.

Голову класть на плаху
Больно, но нам – с руки.
Последнюю снимут рубаху
Русские дураки.

Иисусы мы и Иуды,
В аду и в раю – крепки.
Жив и весь мир, покуда
Русские - дураки!

ЛЬВОВСКИЙ Михаил Григорьевич (1919 - 1994)

М. Львовский
ВОТ СОЛДАТЫ ИДУТ…

Вот солдаты идут
По степи опаленной,
Тихо песни поют
Про березки да клены,
Про задумчивый сад
И плакучую иву,
Про родные леса,
Про родные леса
Да широкую ниву.

Вот солдаты идут –
Громче песня несется.
И про грозный редут
В этой песне поется.
Про отвагу в бою,
И про смерть ради жизни,
И про верность свою,
И про верность свою
Нашей славной Отчизне.

Вот солдаты идут
Стороной незнакомой.
Всех врагов разобьют
И вернутся до дому.
Где задумчивый сад
И плакучая ива,
Где родные леса,
Где родные леса
Да широкая нива.

1943

М. Львовский
ГЛОБУС

Я не знаю, где встретиться
Нам придется с тобой.
Глобус крутится, вертится,
Словно шар голубой,
И мелькают города и страны,
Параллели и меридианы,
Но нигде таких пунктиров нету,
По которым нам бродить по свету.

Знаю, есть неизвестная
Широта из широт,
Где нас дружба чудесная
Непременно сведет.
И узнаем мы тогда, что смело
Каждый брался за большое дело,
И места, в которых мы бывали,
Люди в картах мира отмечали.

Кто бывал в экспедиции,
Тот поет этот гимн,
И его по традиции
Мы считаем своим,
Потому что мы народ бродячий,
Потому что нам нельзя иначе,
Потому что нам нельзя без песен.
Потому что мир без песен тесен.
1947

ЛЮКИН А ()

А. Люкин
ВО ВТОРУЮ СМЕНУ

Встала утром,
Убрала кровать,
На базар сходила,
Щи сварила,
Собрала дочурку
Погулять.
Напоила всех
И накормила.

Разогнула
Спину от полов,
Поглядела
На часы тревожно
«Слава те... –
Подумала без слов,

- Вот теперь
И на работу можно».

МАКСИМОВ Михаил Александрович (1907 - 1992)

М. Максимов
СИНИЙ ПЛАТОЧЕК

Помню, как в памятный вечер
Падал платочек твой с плеч,
Как провожала и обещала
Синий платочек сберечь.

И пусть со мной
Нет сегодня любимой, родной,
Знаю, с любовью ты к изголовью
Прячешь платок дорогой.

Письма твои получая,
Слышу я голос родной.
И между строчек синий платочек
Снова встает предо мной.

И часто в бой
Провожает меня облик твой,
Чувствую, рядом с любящим взглядом
Ты постоянно со мной.

Сколько заветных платочков
Мы сохраняем с собой!
Нежные речи, девичьи плечи
Помним в страде боевой.

За них, родных,
Желанных, любимых таких,
Строчит пулеметчик за синий платочек,
Что был на плечах дорогих.

Кончится время лихое,
С радостной вестью приду,
Снова дорогу,
К милой порогу
Я без ошибки найду...

И вновь весной
Под знакомой ветвистой сосной.
Милые встречи,
Нежные речи,
Нам возвратятся с тобой.
1942

МАЛЫГИНА Кира Игоревна (род. 1983)

К. Малыгина
ЭЛЕКТРОСТАЛЬ

Я не люблю этот город,
Солнце когда или дождь.
Я не люблю этот город,
Только ты в нем живешь.
Снова стекло электрички
Запорошит февраль
И машинист по привычке
Объявит «Электросталь».

Ты на платформе встретишь,
Поезд умчит, звеня,
Ты мне на все ответишь,
Просто поймешь меня.
В зимней усталой стуже
Станет мне вдруг тепло,
Голос опять простужен
И говорит тяжело.

Слышишь, как снег смеется,
Где-то поет зима,
Все еще к нам вернется,
Ведь я пришла сама.
Солнце из нас слепило
Весь в ярких блестках дождь.
Знаешь, я полюбила
Город, где ты живешь!
Электросталь…

МАМАТОВ Дмитрий Акимович (1931 - 2004)

Д. Маматов
ПИСЬМО ИЗ ЧЕЧНИ

Свищут пули проклятьем ислама,
Разбиваясь о силу брони.
Я давно не писал тебе, мама,
Ты за это меня не брани.
Я прошу, дорогая, прощенья,
Что почтовою ленью грешу...
Наконец-то в Аргунском ущелье
На остывшем прикладе пишу.
Непослушна рука после боя,
Неуклюжие строчки рябят,
Не печалься, родная, с тобою
Батальоны российских ребят.
Все они тебе строем приветы
Шлют, друг друга храбрей и бравей,
Все в каленые каски одеты
До нахмуренных детских бровей.
Мы стройны, как на майском параде,

Пулеметных хватает нам лент.
К нам вчера на крылатом снаряде
В Ханкалу прилетел президент.
Свято верен трехцветному флагу,
Совершал он траншеями путь,
Возвышал нашу честь и отвагу
И медали всем вешал на грудь.
Он за руку здоровался даже,
Воду в ступе в речах не толок.
Ел, не морщась, солдатскую кашу,
И с собой прихватил котелок.
От визита мы стали бодрее,
На унынье поставили крест.
Но... вчера потеряли Андрея,
Паренька из архангельских мест.
Пал Сережка из под Обояни,
Так любивший Отчизну свою.
Он прекрасно играл на баяне,
Да погиб в рукопашном бою.
Медсестричка, красавица Юля...
Нас она словно мать берегла,
Но чеченского снайпера пуля
Меж бровей темно-русых легла.
Не могу продолжать этот список
Отзвучавших в снарядном дыму.
Может, час этот чей-то уж близок,
Но за что? Я никак не пойму.
Помнишь, мама, домашние были,
Петушок нас утрами будил,
Если к празднику утку рубили,
Я тогда со двора уходил.
На мучительном том перепутке
В целом мире большом и пустом
Безутешно я плакал по утке
Под осенним багряным кустом.
А теперь без стыда и расписки,
Привезенный в чужие края,
Разряжаю тяжелые диски
В ребятишек, таких же, как я.
В первый раз, при ознобе и рвоте,
Я убил, как в кошмарном бреду.
А теперь, как на должной работе
Счет загубленным мной не веду.
А кровавый закат, догорая,
Пахнет смертью и горьким свинцом...
Я приеду к тебе, дорогая,
Тихо скрипну родимым крыльцом.
Приютит меня отчая хата,
Но отрада не примет нигде.
И душа будет скорбно распята
На кремлевской холодной звезде.
2000

МАНДЕЛЬШТАМ Осип Эмильевич (1891 - 1938)

О. Мандельштам
***

За гремучую доблесть грядущих веков,
За высокое племя людей
Я лишился и чаши на пире отцов,
И веселья, и чести своей.

Мне на плечи кидается век-волкодав,
Но не волк я по крови своей,
Запихай меня лучше, как шапку, в рукав
Жаркой шубы сибирских степей.

Чтоб не видеть ни труса, ни хлипкой грязцы,
Ни кровавых кровей в колесе,
Чтоб сияли всю ночь голубые песцы
Мне в своей первобытной красе,

Уведи меня в ночь, где течет Енисей
И сосна до звезды достает,
Потому что не волк я по крови своей
И меня только равный убьет.
Март 1931

О. Мандельштам
ЛЕНИНГРАД

Я вернулся в мой город, знакомый до слез,
До прожилок, до детских припухлых желез.
Ты вернулся сюда, — так глотай же скорей
Рыбий жир ленинградских речных фонарей.

Узнавай же скорее декабрьский денек,
Где к зловещему дегтю подмешан желток
Петербург, я еще не хочу умирать:
У тебя телефонов моих номера.

Петербург, у меня еще есть адреса,
По которым найду мертвецов голоса.
Я на лестнице черной живу, и в висок
Ударяет мне вырванный с мясом звонок.
И всю ночь напролет жду гостей дорогих,
Шевеля кандалами цепочек дверных.
1931

О. Мандельштам

Мы живем, под собою не чуя страны,
Наши речи за десять шагов не слышны,
А где хватит на полразговорца,
Там припомнят кремлёвского горца.

Его толстые пальцы, как черви, жирны,
А слова, как пудовые гири, верны,
Тараканьи смеются усища,
И сияют его голенища.

А вокруг него сброд тонкошеих вождей,
Он играет услугами полулюдей.
Кто свистит, кто мяучит, кто хнычет,
Он один лишь бабачит и тычет,

Как подкову, кует за указом указ:
Кому в пах, кому в лоб, кому в бровь, кому в глаз.
Что ни казнь у него - то малина
И широкая грудь осетина.
1933

О. Мандельштам
***

Если бы меня наши враги взяли
И перестали со мной говорить люди,
Если б лишили меня всего в мире:
Права дышать и открывать двери
И утверждать, что бытие будет
И что народ, как судия, судит, —
Если б меня смели держать зверем,
Пищу мою на пол кидать стали б, —
Я не смолчу, не заглушу боли.
Но начерчу то, что чертить волен.
И, раскачав колокол стен голый
И разбудив вражеский тьмы угол,
Я запрягу десять волов в голос
И поведу руку во тьме плугом —
И в глубине сторожевой ночи
Чернорабочей вспыхнут земли очи,
И — в легионе братских очей сжатый —
Я упаду тяжестью всей жатвы,
Сжатостью всей рвущейся вдаль клятвы —
И налетит пламенных лет стая,
Прошелестит спелой грозой Ленин,
И на земле, что избежит тленья.
Будет будить разум и жизнь Сталин.
1937

МАНДЕЛЬШТАМ Роальд Чарльсович (1932 - 1961)

Р. Мандельштам
АЛЫЙ ТРАМВАЙ

Сон оборвался. Не кончен.
Хохот и каменный лай.
В звёздную изморозь ночи

Выброшен алый трамвай.

Пара пустых коридоров
Мчится, один за другим.
В каждом – двойник командора –
Холод гранитной ноги.

– Кто тут?
– Кондуктор могилы!
Молния взгляда черна.
Синее горло сдавила
Цепь золотого руна.

– Где я? (Кондуктор хохочет).
Что это? Ад или Рай?
– В звёздную изморозь ночи
Выброшен алый трамвай!

Кто остановит вагоны?
Нас закружило кольцо.
Мёртвый чугунной вороной
Ветер ударил в лицо.

Лопнул, как медная бочка,
Неба пылающий край.
В звёздную изморозь ночи
Бросился алый трамвай!

МАРКЕЛОВ Леонид Игоревич (род. 1963)

Л. Маркелов
***

Признаться, каждому тирану, не исключение и я,
Нужна интрига для забавы: реформа, слава иль война.
Реформы могут подождать, войну полезно избежать,
Но славу успокоить сложно, порою даже невозможно.
Дается власть как милость Бога. И это следует принять.
Всевышний спрашивает строго - царям придется отвечать.
Великий Данте всех тиранов в седьмой округе поместил
И мир об этом известил.
Тиран обязан созидать, чтоб заслужить небес прощенье.
Не царствовать, а управлять - дарить народу уваженье.
А душу уберечь от зла помогут добрые дела
2009

Л. МАРКЕЛОВ
ОБРАЩЕНИЕ К ПРЕЗИДЕНТУ В.В. ПУТИНУ

«Вы, Маркелов, взяли взятку».
Кто вам это рассказал?
Отвечаю по порядку:
Взятку, взятку я не брал.

У моих друзей купили
Агрохолдинг. Много лет
Им потом руководили
Это сделка, — мой ответ.
Заплатили все налоги
Через свой расчетный счет.
Вы поверьте! Видят боги,
Все же я не идиот.
Если взятка для чего же
Огороды городить,
Господи, помилуй боже,
Как же мне их убедить?
Ночь прошла перед распятьем,
И последовал арест.
Вот и новое занятье,
Испытанье — новый крест
Семь шагов вдоль стенки прямо
И направо только три.
Дворик — каменная яма,
И охрана у двери.
Из угрюмых укоулков
Не узнаешь новостей.
Час — тюремная прогулка,
Только в камере страшней.
Конвоир гремит ключами,
И защелкнули засов.
И бессонными ночами
Не увидишь вещих снов.
Мы грешили несомненно
С объективной стороны,
Но признаться откровенно
Я страдаю без вины.
Без вины и доказательств
Заговор моих врагов,
При стеченье обстоятельств
Все понятно и без слов.
Я врагов не осуждаю,
Я их смог давно простить.
И скорее предлагаю:
Мир навеки заключить.
Вот друзьям не дозвониться,
И не стоит полагать,
Трудно им сейчас решиться
Арестанту помогать.
Я, бросая все на свете,
Был готов для вас служить,
А сегодня моим детям
Не на что, простите, жить.
Для наивного поэта
В этот миг, как никогда,
Нужна помощь и защита.
Где вы «Дамы», господа!
Мое горе не измерить,

И, по правде говоря,
Продолжаю все же верить
В справедливого царя.
Верить в бога и молиться,
И прощения просить.
Я надеюсь сохраниться
И детей своих растить.
Мне один лишь путь остался
«Еже си на небеси»,
Чтобы в деле разобрался
Президент всея Руси.
Миловать — прерогатива
Праведных государей.
Их божественная нива —
За грехи прощать людей.
2018

МАРКОВ Сергей Сергеевич (род. 1980)

С. Марков
***

Сколько светлых песен недопето –
Я июньской звездной ночью понял.
Где б найти еще такое лето,
Чтоб гвоздики вспыхнули в ладонях.

Птица-тройка, ты разбилась оземь
В черном обгорелом Белом Доме.
Где б найти еще такую осень,
Чтоб надежда теплилась в ладонях.

Эти холода невыносимы.
Мать на смерть дитя носила в лоне.
Где б найти еще такую зиму,
Чтобы жизнь не таяла в ладонях.

Я по добрым лицам так тоскую.
Я бегу, лечу - пускай догонят.
Где б найти еще весну такую,
Чтобы песни прыгали в ладонях.

Где б найти еще такое лето,
Чтобы камни вызрели в ладонях...
2000

МАРТЫНОВ Леонид Николаевич (1905 - 1980)

Л. Мартынов
ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Вы
Видели ее,

Когда она настала?
Она взяла свое.
Свергала с пьедестала
Всех, кто пытался влезть
Низвергнутым на смену.
Прыть, краснобайство, лесть
Все потеряло цену.
На пыльной мостовой
С опавшею листвой
Керенок прах мешала,
По своему решала.
Сорила шелухой
Подсолнухов лущеных.
Казались чепухой
Сомнения ученых.
Казались пустяком
И саботаж и фронда
В сравненье с мужиком,
Упорно прущим с фронта.
И были ерундой
Европы пересуды
В сравнении с нуждой
Оборванного люда.
Шла осень горячо.
Шли толпы.
Страшен гнев их.
Вас не было еще
И в материнских чревах,
Когда дрались отцы
И кровь из ран хлестала.
Вас не было, юнцы,
Когда она настала —
На горе меньшинству
И большинству на счастье,
Настала наяву,
Чтоб стать Советской властью!
1957

Л. Мартынов
***

В древности Мыслители бывали
Как художники и как поэты
И, бывало, краткие давали,
Но отнюдь не кроткие, ответы
На бесчисленность пустых вопросов.
Впрочем, что с него возьмёшь? Философ!
А у варваров иное дело:
Если уж мыслителя задело
Выраженье инородца злого,
То такое возглашает слово,
Что оно одно не уместится
На журнальную страницу.

МАРШАК Самуил Яковлевич (1887 - 1964)

С. Маршак
ПОРОСЯТА

Весной поросята ходили гулять,
Счастливей не знал я семьи.
«Хрю-хрю», - говорила довольная мать,
А детки визжали: «И-и!».

Но самый визгливый из всех поросят
Сказал им: «О, братья мои!
Все взрослые свиньи «хрю-хрю» говорят»,
Довольно визжать вам «И-и!».

Послушайте, братья, как я говорю.
Чем хуже я взрослой свиньи?»
Бедняжка! Он думал, что скажет «хрю-хрю»,
Но жалобно взвизгнул «И-и!».

С тех пор перестали малютки играть,
Не рылись в грязи и в пыли.
И все от того, что не смели визжать,
А хрюкать они не могли!

Мой мальчик! Тебе эту песню дарю.
Расчитывай силы свои.
И если сказать не умеешь «хрю-хрю»
Визжи, не стесняясь, «И-и!»
1923

С. Маршак
ЮНЫЙ ФРИЦ ИЛИ ЭКЗАМЕН НА «АТТЕСТАТ ЗРЕЛОСТИ»

Юный Фриц, любимец мамин,
В класс явился на экзамен.
Задают ему вопрос:
- Для чего фашисту нос? –
Заорал на всю он школу:
- Чтоб выискивать крамолу
И строчить на всех донос.
Вот зачем фашисту нос! –
Говорят ему: - Послушай,
А на что фашисту уши?
- Ухо держим мы востро,
Носим за ухом перо.
Все, что ухом мы услышим,
Мы пером в тетрадку пишем,
В наш секретный "ташен-бух".
Вот зачем фашисту слух!
Вопрошает жрец науки:
- Для чего фашисту руки?

- Чтоб держать топор и меч,
Чтобы красть, рубить и сечь.
- Для чего фашисту ноги?
- Чтобы топать по дороге –
Левой, правой, раз и два!
- Для чего же голова?
- Чтоб носить стальную каску
Или газовую маску,
Чтоб не думать ничего
(Фюрер мыслит за него!).
Похвалил учитель Фрица:
- Этот парень пригодится,
Из такого молодца
Можно сделать подлеца!

Рада мама, счастлив папа:
Фрица приняли в гестапо.

С. Маршак
БАЛЛАДА О ПАМЯТНИКЕ

1.
Передают в горах такой рассказ:
Война пришла на Северный Кавказ,

И статую с простертою рукой
Увидел враг над пенистой рекой.

- Убрать! - сказал немецкий генерал
И бронзу переплавить приказал.

И вот на землю статуя легла.
А вечером, когда сгустилась мгла,

Немецких автоматчиков конвой
Ее увез в машине грузовой.

2
В ту ночь на склонах бушевал буран,
В ущельях гор скрывая партизан.

И там, где был дороги поворот,
Заговорил по-русски пулемет.

И эхо вторило ему в горах
На всех гортанных горских языках.

И выстрелами озарялась высь:
В теснинах гор за Ленина дрались.

И Ленин сам - с машины грузовой –
Смотрел на этот партизанский бой.

3
Проснулись утром люди в городке,
И вышли дети первыми к реке.

Они пошли взглянуть на пьедестал,
Где Ленин столько лет и зим стоял.

И видят: Ленин цел и невредим
И так же руку простирает к ним.

Как прежде, руку простирает к ним
И говорит: - Друзья, мы победим!

Он говорит - или шумит река,
Бегущая сюда издалека...
1946

МАСЛАКОВ Денис (род. 1982)

Д. Маслаков
***

Крыса, крыса – рис жует,
По крысячьему живет,
А собака – крыс жуёт,
По собачьему живет.

Только людям думать нужно
Где достать еду на ужин.
1988

Д. Маслаков
МАВЗОЛЕЙ

В Мавзолей идет дорога
Для людей, а не для Бога.
Богу там ужасно тесно
И совсем не интересно.
Там, конечно, страшно очень,
Там темно и днем и ночью,
Там толпа идет, глазея,
И совсем никто не плачет,
Даже вовсе не жалеет.
Видно, надо жить иначе,
Чтоб такой не встретить платы.
Стерегут его солдаты
Чтобы он не возвратился,
Чтобы он руки не поднял,
Чтобы снова не родился.
Может, он уже все понял…
1991

Д. Маслаков

***

Да нет. Я заграницы не боюсь.
Ты мне поверь, нас нет в чужой стране.
Нас не в России просто нет на свете.
Там есть и будут мамы, папы, дети…
И только нас не будет, как во сне.
Не будет нас, а будет только грусть.
Шагнешь за дверь – и ты уже не ты.
В чужой стране, где жить легко и мило,
Куда ты денешь всё, что с нами было:
Стихи, рисунки, мысли и мечты?
А если всё забудешь, ну и пусть!
Тогда я буду помнить за тебя
И Крымский вал, и зимний вечер синий…
Тогда я сам пойду путем России.
Пойду по жизни, веря и любя,
Тебе стихи читая наизусть.
Июль 1993

МАТВЕЕВ Владимир ()

В. Матвеев
МАТЬ

Народ не почитает воронье,
А голубей от бед хранит –
Не троньте!
...Я знаю мать. Три мальчика ее
И муж... Погибли (четверо) на фронте.

Наверное, святейшею из вер
Старушка в чудо превращенье верит.
Я видел, как она приходит в сквер,
Когда рассвет свой первый час отмерит.

Под небом, ставшим сразу голубей,
Лучи в ветвях скользят, как рыбки в верше...
Старушка кормит стаю голубей
И птиц считает душами умерших.
1985

МАТВЕЕВ Владимир Федорович (1932 - 2003)

В. Матвеев
НОВОСТИ ХИМИИ

Не видя
Дальше носа своего,
С природой
Не живем мы в мире:
Вода порой
Не только аш два о,

Но плюс ещё аш два эс о четыре.

В. Матвеев
СЕКРЕТ ВЕЧНОЙ МОЛОДОСТИ

Совет поэта выслушать спешите,
Проблема долголетия ясна:
До гробовой доски стихи пишите,
И в сердце будет вечная весна.

МАТВЕЕВА Вера Ильинична (1945 - 1976)

В. Матвеева
КРЕВЕТКА

Я знаю камни, у которых по ночам много рыбы.
Мы на старой удочке твоей фонарь повесим,
Большую будем рыбу у камней острогой бить.
Мы подождём, пока начнётся отлив,
И поплывём с тобою в синий пролив.
В проливе мы встанем у подводных камней,
Зажжём фонарь и будем рыб ловить.
В проливе мы встанем у подводных камней,
Зажжём фонарь и будем рыб ловить.

Пожалуйста, возьми меня с собой ловить рыбу,
Я постараюсь в лодке сидеть тихо очень,
Я буду помогать тебе грести, если нужно...
И, может, наконец, мне повезёт этой ночью.
И я увижу большую креветку под водой.
Она, как древняя галера, нам встретится в пути.
Все десять её ног будут весело грести.
Пожалуйста, возьми меня с собой.
Креветка ногами будет весело грести,
Пожалуйста, возьми меня с собой.

Пожалуйста, возьми меня с собой ночью в море,
Ведь ты же сам хотел мне показать своё море.
Но только сам об этом мне скажи и сам вспомни,
Я не хочу упрашивать тебя, с тобой спорить.
А завтра я уезжаю в далёкие края,
Там моря нет, там только два маленьких ручья,
Где ни креветок, ни рыб, ни водорослей нет,
И больше моря не увижу я.

Ну неужели ты меня и сегодня не возьмёшь?
Ну неужели ты опять всё на свете позабыл?
Из снов моих большую креветку украдёшь?
Ведь ты же раньше очень добрым был.
Пожалуйста, возьми меня с собой ловить рыбу,
Быть может, наконец, мне повезёт этой ночью

В. Матвеева

Я УШЛА ГУЛЯТЬ ПО ГОРОДУ…

Не ищи меня, пожалуйста,
я ушла гулять по городу
полутенью, полусветом
мимо заспанных домов.
Я спасу от одиночества
эти улицы и дворики,
позабытые домами
ради отдыха и снов.

Я ушла гулять по городу,
слушать ветер и безветрие.
Тихий дождик пусть размоет
и сотрёт мои следы.
Не ищи меня, пожалуйста,
потому что больше нет меня:
я ушла в вечерний город –
царство грёз и темноты.

И отсюда мне не выбраться –
это что-то непонятное:
заманил меня в ловушку
этот город-крысолов.
Жарким лепетом безумного
прошептал слова невнятные
и повёл меня, и бросил
в лапы вымыслов и снов.

Если скажут, что погибла я,
если где-нибудь услышишь вдруг,
что заснула - не проснулась, -
не печалься и не верь.
Не заснула я, любимый мой,
я ушла гулять по городу, -
просто вышла и бесшумно
за собой закрыла дверь.

МАТВЕЕВА Вероника

В. Матвеева
Я

Я только ребенок,
Мне хочется ласки,
Мне хочется слушать
Волшебные сказки.
Мне хочется верить,
Что счастье - не фразы,
Мне хочется многого,
Хочется сразу...
И лишь одного на Земле –
Одиночества –

Мне очень не хочется!
Очень не хочется!

В. Матвеева
***

Идущие на смерть приветствуют тебя,
Листвы опавшей медь и синь озер любя.
С надменной высоты не опуская глаз,
О, император, ты не замечаешь нас.
Но знай, придет тот час,
Когда устанешь жить.
Тогда ты вспомнишь нас,
Умеющих любить.
Пусть в клетках - хищный рык,
Сверкает хищный глаз...
Сдаваться не привык,
Кто выживал не раз.
Последний луч погас
В глазах живых людей;
Ты каждому дал шанс:
"Умри или убей!"..
Прощальный наш пароль
Не даст тебе забыть,
Что, стоя пред тобой,
Смогли тебя простить.
Легко тебе смотреть,
Как, жизнь еще любя,
Идущие на смерть
Приветствуют тебя.

МАТУСОВСКИЙ Михаил Львович (1915 - 1990)

М. Матусовский
ПОДМОСКОВНЫЕ ВЕЧЕРА

Не слышны в саду даже шорохи,
Все здесь замерло до утра,
Если б знали вы, как мне дороги
Подмосковные вечера.

Речка движется и не движется,
Вся из лунного серебра,
Песня слышится и не слышится
В эти тихие вечера.

Что ж ты, милая, смотришь искоса,
Низко голову наклоняя,
Трудно высказать и не высказать
Все, что на сердце у меня.

А рассвет уже все заметнее,
Так, пожалуйста, будь добра,

Не забудь и ты эти летние
Подмосковные вечера.
1955

М. Матусовский
***

Целую ночь соловей нам насвистывал,
Город молчал и молчали дома...
Белой акации гроздья душистые
Ночь напролет нас сводили с ума.

Сад весь умыт был весенними ливнями,
В темных оврагах стояла вода.
Боже, какими мы были наивными,
Как же мы молоды были тогда!

Годы промчались, седыми нас делая...
Где чистота этих веток живых?
Только зима да метель эта белая
Напоминают сегодня о них.

В час, когда ветер бушует неистово,
С новою силою чувствую я:
Белой акации гроздья душистые
Невозвратимы, как юность моя!
Белой акации гроздья душистые
Неповторимы, как юность моя...

МАТЮШИН Роман, иеромонах (РАКОВ Александр Григорьевич) (род. 1954)

Иеромонах Роман
***

Чем человек отличен от скота?
Имеет слово? Слабое отличье.
В наш век, когда кругом нечистота,
Скотов словесных - аж до неприличья.
Да ведь и птицы могут говорить, -
Сегодня кто уж только не ученый,
И как царя природы отличить
От попугая или от вороны?
(Немного отвлекусь - не повредит,
Поскольку в жизни всякое бывает,
Не радуйтесь, что птица говорит, -
Хозяин все равно не понимает).
Скоту не свойственно стремленье ввысь,
Не может и не знает, как молиться…
О, человек! Молись! Молись! Молись!
Чтоб невзначай в скота не превратиться.

МАЯКОВСКИЙ Владимир Владимирович (1893 - 1930)

В. Маяковский
ЛЕВЫЙ МАРШ

Разворачивайтесь в марше!
Словесной не место кляузе.
Тише, ораторы!
Ваше слово,
товарищ маузер.

Довольно жить законом,
данным Адамом и Евой.
Клячу истории загоним.
Левой!
Левой!
Левой!

Эй, синеблузые!
Рейте! За океаны!
Или у броненосцев на рейде
ступлены острые кили?!
Пусть, оскалясь короной,
вздымает британский лев вой.
Коммуне не быть покоренной.
Левой!
Левой!
Левой!

Там за горами г**о**ря
солнечный край непочатый.
За голод за м**о**ра море
шаг миллионный печатай!
Пусть бандой окружат н**а**нятой,
стальной изливаются л**е**евой,-
России не быть под Антантой.
Левой!
Левой!
Левой!

Глаз ли померкнет орлий?
В старое станем ли пялиться?
Крепи у мира на горле
пролетариата пальцы!
Грудью вперед бравой!
Флагами небо оклеивай!
Кто там шагает правой?
Левой!
Левой!
Левой!
1918

В. Маяковский
ЧЕТЫРЕХЭТАЖНАЯ ХАЛТУРА

В центре мира стоит Гиз —
оправдывает штаты служебный раж.
Чтоб книгу народ зубами грыз,
наворачивается миллионный тираж.
Лицо тысячеглазого треста
блестит электричеством ровным.
Вшивают в Маркса Аверченковы листы,
выписывают гонорары Цицеронам. Готово.
А зав упрется назавтра в заглавие,
как в забор дышлом.
Воедино сброшировано 12 авторов! —
Как же это, родимые, вышло??—
Темь подвалов тиражом беля,
залегает знание —
и лишь бегает по книжным штабеля**м**
жирная провинциалка — мышь.
А читатели сидят в своей уездной яме,
иностранным упиваются,
мозги щадя. В Африки
вослед за Бену**я**ми улетают
на своих жилплощадях.
Званье — «пролетарские» —
нося как эполеты,
без ошибок с Пушкина[1]
списав про вёсны,
выступают пролетарские поэты,
развернув рулоны строф повёрстных.
Чем вы — пролетарий, уважаемый поэт?
Вы с богемой слились 9 лет назад.
Ну, скажите, уважаемый пролет,—
вы давно динаму видели в глаза? —
Извините нас, сермяжных,
за стишонок неудачненький.
Не хотите под гармошку поплясать ли?—
Это, в лапти нарядившись,
выступают дачники под заглавием —
крестьянские писатели.
О, сколько нуди такой городимо,
от которой мухи падают замертво!
Чего только стоит один Радимов
с греко-рязанским своим гекзаметром!
Разлунивши лысины лачк**и**,
убежденно взявши ручку в ручки,
бороденок теребя пучки,
честно пишут про Октябрь попутчики.
Раньше маленьким казался и Лесков —
рядышком с Толстым почти не виден.
Ну, скажите мне, в какой же телескоп
в те недели был бы виден Лидин?! —
На Руси одно веселье — пити...—
А к питью подай краюху и кусочек сыру.
И орут писатели до хрипоты о быте,
увлекаясь бытом госиздатовских кассиров.

Варят чепуху под клубы трубочного дыма —
всякую уху сожрет читатель-Фока.
А неписанная жизнь проходит мимо
улицею фыркающих **о**кон.
А вокруг скачут критики в мыле и пене:
— Здорово пишут писатели, братцы!
— Гений-Казин[2], Санников-гений...
Все замечательно! Рады стараться!—
С молотка литература пущена.
Где вы, сеятели правды или звезд сиятели?
Лишь в четыре этажа халтурщина:
Гиза, критика, читаки и писателя.
Нынче стала зелень веток в редкость,
гол литературы ствол.
Чтобы стать поэту крепкой веткой
— выкрепите мастерство!
1926

В. Маяковский
***

Простите меня,
товарищ Костров,
с присущей
душевной ширью,
что часть на Париж
отпущенных строф
на лирику я растранжирю.
Представьте:
входит красавица в зал,
в меха и бусы
оправленная.
Я эту красавицу
взял и сказал: -
правильно сказал
или неправильно? –
Я, товарищ,- из России,
знаменит в своей стране я,
я видал девиц красивей,
я видал девиц стройнее.
Девушкам поэты любы.
Я ж умен и голосист,
заговариваю зубы –
только
слушать согласись.
Не поймать меня на дряни,
на прохожей паре чувств.
Я ж навек любовью ранен –
еле-еле волочусь.
Мне любовь
не свадьбой мерить:
разлюбила - уплыла.
Мне, товарищ,

в высшей мере
наплевать на купола.
Что ж в подробности вдаваться,
шутки бросьте-ка,
мне ж, красавица, не двадцать,-
тридцать... с хвостиком.
Любовь не в том,
чтоб кипеть крутей,
не в том, что жгут **у**гольями,
а в том, что встает
за горами грудей
над волосами-джунглями.
Любить - это значит:
в глубь двора вбежать
и до ночи грачьей,
блестя топором, рубить дрова,
силой своей играючи.
Любить - это с простынь,
бессоннницей рваных,
срываться, ревнуя к Копернику,
его, а не мужа Марьи Иванны,
считая своим соперником.
Нам любовь не рай да кущи,
нам любовь гудит про то,
что опять в работу пущен
сердца выстывший мотор.
Вы к Москве порвали нить.
Годы - расстояние.
Как бы вам бы объяснить
это состояние?
На земле огней –
до неба...
В синем небе звезд –
до черта.
Если бы я поэтом н**е** был,
я б стал бы звездочетом.
Подымает площадь шум,
экипажи движутся,
я хожу,
стишки пишу
в записную книжицу.
Мчат авто по улице,
а не свалят н**а**земь.
Понимают умницы:
человек - в экстазе.
Сонм видений и идей
полон до крышки.
Тут бы и у медведей
выросли бы крылышки.
И вот с какой-то грошовой столовой,
когда докипело это,
из зева до звезд взвивается
слово золоторожденной кометой.

Распластан хвост небесам на треть,
блестит и горит оперенье его,
чтоб двум влюбленным
на звезды смотреть
из ихней беседки
сиреневой.
Чтоб подымать,
и вести, и влечь,
которые глазом ослабли.
Чтоб вражьи головы
спиливать с плеч
хвостатой
сияющей саблей.
Себя до последнего
стука в груди,
как на свидание,
простаивая, прислушиваюсь:
любовь загудит –
человеческая, простая.
Ураган, огонь, вода
подступают в ропоте.
Кто сумеет совладать?
Можете? Попробуйте....
1928

МЕЧИЕВ Кязим Беккиевич (1859 - 1945)

К. Мечиев
ЗАВЕЩАНИЕ

Вот завещание мое и заповедь моя.
К народу обращаюсь я, надежды не тая:
Невыдержанность - нам не друг, так помни же о том,
Когда разрушена судьба, когда потерян дом.

Да, горе наше велико - ведь наш очаг потух,
Но ныне тверже, чем всегда, пускай пребудет дух!
Я буду это повторять, твердить все дни подряд.
Пока мне деревянного коня не снарядят.

Я много прожил на земле и видел много бед,
И потому я навсегда сказал насилью: нет!
Уже так скоро навсегда я сгину, Божий раб.
По телу слабость разлилась, недужен я и слаб.

Теперь я стар, но вот опять тоскою обуян –
В изгнанье, в ссылке нахожусь среди односельчан. Аллах!
Прошу сегодня я всего лишь об одном:
Терпения народу дай, чтоб вновь обрел свой дом.

Когда иссякнет та вода, что суждено испить,
Я потеряю голос свой - порвется с миром нить.
Почуяв смерть мою, мой пес завоет, заскулит –

И деревянного коня народ мне снарядит.

Я знаю: скоро я уйду навеки в мир иной,
Пока же я еще живой, услышьте голос мой:
Не озлобляйтесь на страну, страна здесь ни при чем,
Что на чужбине, вдалеке от родины живем!

Ведь лишь на скачках узнаёшь, чего твой стоит конь.
Кого, скажите мне, не жгло страданье, как огонь?
Крепитесь, чтобы жизнь прожить, держась на высоте,
Трудитесь, не жалея сил, чтоб не плестись в хвосте.

Вы много бед перенесли на горестном веку,
Вы знали униженья боль и голода тоску,
Вы пропадали среди льдов и проливали кровь,
Но, все на свете одолев, всегда вставали вновь.

Пусть в очагах родных огонь уже бессчетно гас,
Пусть бури и лавины с гор домов лишали вас,
Народ всегда народом был, пребудет он живым.
Внемлите же теперь тому, что говорит Кязим:

Изгнанья бремя тяжело, теперь оно опять
На наши плечи возлегло, чтоб вновь нас испытать.
Коль сможем вынести его, то честь нам и хвала,
А если нет - то лишь позор, бесчестье и хула!

В единстве - сила, только с ним мы обретем свой дом.
Народ мой, я прошу тебя не забывать о том.
Нам стойкими пристало быть - прошу тебя, пойми,
Что и в несчастье надо быть достойными людьми!
1944

МИРОШНИЧЕНКО Надежда Александровна (род. 1943)

Н. Мирошниченко
***

За то, что птице крыльев не вязал,
За то, что псу похлебки не жалел,
За то, что дом, похожий на вокзал,
И защитил, и спас, и обогрел,
За то, что сам остался не у дел,
Когда другие рвали удила,
За то, что незаметно поседел,
Что от тебя детей я родила,
За то, что все стихи мои прочел,
По жизни их ценя, не по рублю,
За то, что раю ад ты предпочел,
Я никогда тебя не разлюблю.

МИРОШНИЧЕНКО Николай ()

Н. Мирошниченко
ЖУРАВЛИ

Почему я люблю журавлей?
Вряд ли я объясню, если спросят,
Но мне кажется, что журавли
Меня в школьные годы уносят.

Помню, в школу пришли в первый класс,
На линейке с цветами стояли,
А над нами в тот утренний час
Журавли, журавли пролетали.

Пролетели у самой земли,
Прокричали печально и скрылись...
Журавли! Журавли! Журавли!
Я хочу, чтобы вы возвратились.

Ах, сейчас бы прийти на урок,
Пусть бы даже на тройку ответить,
Но услышать бы школьный звонок,
И друзей своей юности встретить.

Мы бы тесной гурьбою прошли
По тем классам, в которых учились...
Журавли! Журавли! Журавли!
Я хочу, чтобы вы возвратились.
1998

МИХАЛКОВ Сергей Владимирович (1913 - 2009)

С. Михалков
СВЕТЛАНА

Ты не спишь,
Подушка смята,
Одеяло на весу...
Носит ветер запах мяты,
Звёзды падают в росу.
На берёзах спят синицы,
А во ржи перепела...

Почему тебе не спится?
Ты же сонная легла!

Ты же выросла большая,
Не боишься темноты...
Может, звёзды спать мешают?
Может, вынести цветы?

Под кустом лежит зайчиха,
Спать и мы с тобой должны.
Друг за дружкой

Тихо-тихо
По квартирам ходят сны.

Где-то плещут океаны,
Спят медузы на волне.
В зоопарке пеликаны
Видят Африку во сне.

Черепаха рядом дремлет,
Слон стоит закрыв глаза,
Снятся им родные земли
И над землями гроза.

Ветры к югу повернули,
В переулках - ни души,
Сонно на реке Амуре
Шевельнулись камыши,
Тонкие качнулись травы,
Лес как вкопанный стоит...
У далёкой
У заставы
Часовой в лесу не спит.

Он стоит –
Над ним зарницы,
Он глядит на облака:
Над его ружьём границу
Переходят облака.
На зверей они похожи,
Только их нельзя поймать...

Спи. Тебя не потревожат.
Ты спокойно можешь спать.

Я тебя будить не стану:
Ты до утренней зари
В тёмной комнате,
Светлана,
Сны весёлые смотри.

От больших дорог усталый,
Тёплый ветер лёг в степи.
Накрывайся одеялом,
Спи...
1935

С. Михалков
ВЕСЁЛЫЕ ПУТЕШЕСТВЕННИКИ

Мы едем, едем, едем
В далёкие края,
Хорошие соседи,
Счастливые друзья.

Нам весело живётся,
Мы песенку поём,
И в песенке поётся
О том, как мы живём.

Красота! Красота!
Мы везём с собой кота,
Чижика, собаку,
Петьку-забияку,
Обезьяну, попугая
Вот компания какая!

Когда живётся дружно,
Что может лучше быть!
И ссориться не нужно,
И можно всех любить.

Ты в дальнюю дорогу
Бери с собой друзей:
Они тебе помогут,
И с ними веселей.

Красота! Красота!
Мы везём с собой кота,
Чижика, собаку,
Петьку-забияку,
Обезьяну, попугая
Вот компания какая!

Мы ехали, мы пели
И с песенкой смешной
Все вместе, как сумели,
Приехали домой.

Нам солнышко светило,
Нас ветер обвевал;
В пути не скучно было,
И каждый напевал:

- Красота! Красота!
Мы везём с собой кота,
Чижика, собаку,
Петьку-забияку,
Обезьяну, попугая
Вот компания какая!
1937

С. Михалков
ДВЕ ПОДРУГИ

«Красиво ты живёшь,
Любезная сестрица! —

Сказала с завистью в гостях у Крысы Мышь. —
На чём ты ешь и пьёшь,
На чём сидишь,
Куда ни глянешь — всё из-за границы!» —
«Ах, если б, душенька, ты знала, —
Со вздохом Крыса отвечала, —
Я вечно что-нибудь ищу!
Я день-деньской в бегах за заграничным —
Всё наше кажется мне серым и обычным,
Я лишь заморское к себе в нору тащу
Вот волос из турецкого дивана!
Вот лоскуток персидского ковра!
А этот нежный пух достали мне вчера —
Он африканский. Он от Пеликана!» —
«А что ты ешь? — спросила Крысу Мышь —
Есть то, что мы едим, тебе ведь не пристало!» —
«Ах, душенька! — ей Крыса отвечала. —
Тут на меня ничем не угодишь!
Вот разве только хлеб я ем и сало!..»

Мы знаем, есть ещё семейки,
Где наше хают и бранят,
Где с умилением глядят
На заграничные наклейки…
А сало… русское едят!
1946

С. Михалков
ЛЕВ И ЯРЛЫК

Проснулся Лев и в гневе стал метаться,
Нарушил тишину свирепый, грозный рык
Какой-то зверь решил над Львом поиздеваться:
На Львиный хвост он прицепил ярлык.

Написано: "Осел", есть номер с дробью, дата,
И круглая печать, и рядом подпись чья-то...
Лев вышел из себя: как быть? С чего начать?
Сорвать ярлык с хвоста?! А номер?! А печать?!
Еще придется отвечать!

Решив от ярлыка избавиться законно,
На сборище зверей сердитый Лев пришел.
"Я Лев или не Лев?" - спросил он раздраженно.
"Фактически вы Лев! - Шакал сказал резонно.
Но юридически, мы видим, вы Осел!"

"Какой же я Осел, когда не ем я сена?!
Я Лев или не Лев? Спросите Кенгуру!"
"Да! - Кенгуру в ответ. - В вас внешне, несомненно,
Есть что-то львиное, а что - не разберу!.."

"Осел! Что ж ты молчишь?! - Лев прорычал в смятенье.

Похож ли я на тех, кто спать уходят в хлев?!"
Осел задумался и высказал сужденье:
"Еще ты не Осел, но ты уже не Лев!.."

Напрасно Лев просил и унижался,
От Волка требовал, Шакалу объяснял...
Он без сочувствия, конечно, не остался,
Но ярлыка никто с него не снял.

Лев потерял свой вид, стал чахнуть понемногу,
То этим, то другим стал уступать дорогу,
И как-то на заре из логовища Льва
Вдруг донеслось ослиное: "И-аа!"
1957

С. Михалков
НАШИ ДЕТИ.

Наши дети, наши дети
Обсуждают все на свете,
И от них не в стороне
Все события в стране.

Я приехал как-то с дачи,
Отворил окно во двор
И услышал вдруг ребячий
Трех подружек разговор.

- Я хочу, - сказала Вера,-
Быть женой миллионера,
Буду ездить по Москве
- На спортивном «БэЭмВэ».

- Ну а я, сказала Ира, -
Заведу себе банкира!
С ним я буду каждый год
Одеваться в Доме мод.

- У меня, - сказала Люда, -
Далеко идущий план:
Заработаю валюту
И открою ресторан!

Меж собой когда-то дети
Разговор вели иной,
И за этих мы в ответе
Перед собственной страной.

МИХЕЕВ Михаил Петрович (1911 - 1993)

М. Михеев
ЧУЙСКИЙ ТРААКТ

Есть по Чуйскому тракту дорога,
Много ездит по ней шоферов,
Был один там отчаянный шофер,
Звали Колька его Снегирев.

Он машину трехтонную АМО
Как сестренку родную любил,
Чуйский тракт до монгольской границы
Он на АМО своей изучил.

А на «Форде» работала Рая,
И частенько над Чуей-рекой
«Форд» зеленый и Колькина АМО
Над обрывом неслися стрелой.

Полюбил Костя Раечку крепко,
И, бывало, куда не езжал,
По ухабам и пыльной дороге
«Форд» зеленый глазами искал.

И признался однажды ей Колька,
Но суровая Рая была,
Посмотрела на Кольку с усмешкой
И по «Форду» рукой провела.

«Слушай, Коля, скажу тебе что я,
Ты, наверное, любишь меня.
Когда АМО «Форда» перегонит,
Тогда Раечка будет твоя».

Из далекой поездки с Алтая
Коля ехал однажды домой –
Быстрый «Форд» и веселая Рая
Мимо АМО промчались стрелой.

Тут и екнуло Колькино сердце –
Вспомнил Раечкин он уговор,
И сейчас же рванулась машина,
И запел свою песню мотор.

Ни обрывов уж тут, ни ухабов,
Колька тут ничего не видал,
Шаг за шагом все ближе и ближе
Грузовой АМО «Форд» догонял.

Миг еще и машины сравнялись,
Коля Раечку вновь увидал,
Обернулся и крикнул: «Эх, Рая!»
И на миг позабыл про штурвал.

И, как птица, тут грузная АМО
Вбок рванулась, пошла под откос,
И в волнах серебристого Чуя

Он погиб, не увидевши грез.

И на память лихому шоферу,
То удачи в любви не узнал,
На могилу положили фару,
И от АМО погнутый штурвал.

И с тех пор неприступная Рая
Не летит над обрывом стрелой,
Едет тихо, как будто устала
И штурвал крепко держит рукой.
1931

МОЛЧАНОВ Иван Никандрович (1903 - 1984)

И. Молчанов
СВИДАНИЕ

Закат зарею прежней вышит,
Но я не тот,
И ты - не та,
И прежний ветер не колышит
Траву под веером куста.

У этой речки говорливой
Я не сидел давно с тобой...
Ты стала слишком некрасивой
В своей косынке
Голубой.

Но я и сам неузнаваем:
Не говорит былая прыть...
Мы снова вместе,
Но... не знаем
О чем бы нам поговорить?

И цепенея,
И бледнея,
Ты ждешь,
Я за лицом слежу.
Да, лгать сегодня не сумею,
Сегодня правду расскажу!

Я, милая, люблю другую,
Она красивей и стройней,
И стягивает грудь тугую
Жакет изысканный на ней.

У ней в лице
Не много крови
И руки тонки и легки,
Зато –
В безвыходном подбровьи

Текут две темные реки.

Она - весельем не богата,
Но женской лаской –
Не бедна...
Под пышным золотом заката
Она красивой рождена!

У этой речки говорливой
Я песни новые пою.
И той,
Богатой и красивой
Я прежний пламень отдаю.

Нас время разделило низкой
Неумолимою межой:
Она, чужая,
Стала близкой,
А близкая –
Совсем чужой!..

Мне скажут:
"Стал ты у обрыва
И своего паденья ждешь!.."
И даже ты мои порывы
Перерожденьем назовешь.

Пусть будет так!..
Шумят дубравы,
Спокоен день,
Но тяжек путь...
Тот, кто устал, имеет право
У тихой речки отдохнуть.

Иду к реке,
Иду к обрыву,
И с этой мирной высоты
Бросаю звонкие на диво
И затаенные мечты.

За боль годов,
За все невзгоды,
Глухим сомнениям не быть!
Под этим мирным небосводом
Хочу смеяться и любить!

Опять закат зарею вышит...
Но я не тот,
И ты не та.
И старый ветер не колышет
Траву под веером куста.

В простор безвестный

И широкий
Несутся тени по кустам...
Прощай!
Зовет тебя далекий
Гудок к фабричным
Воротам.
1927

И. Молчанов
***

По дороге неровной, по тракту ли,
Все равно нам с тобой по пути,
Прокати нас, Петруша, на тракторе,
До околицы нас прокати.

Прокати нас до речки, до реченьки
Где горят серебром тополя.
Запевайте же девушки, песенку
Про коммуну, про наши поля.

Не примяты дождем, не повыжжены,
Нани полосы в нашем краю,
Кулаки на тебя разобижены
За счастливую долю твою.

Им бы только ругаться да лаяться,
Злоба льется у них через край,
Кулачье до тебя добирается,
Комсомолец, родной, не сдавай.

По дороге неровной, по тракту ли,
Все равно нам с тобой по пути,
Прокати нас, Петруша, на тракторе,
До околицы нас прокати.
1929

МОРИЦ Юнна Пинхусовна (род. 1937)

Ю. Мориц
***
Уеду, уеду, уеду
В далекую южную степь,
Где скачут собаки по следу,
Сплетенную в узкую цепь.

Там хищные птицы кочуют,
И зной не жалеет лица,
И, запах собачий почуя,
Там заячьи рвутся сердца.

Костры я раскладывать буду,
Охотникам ужин варить,

И я навсегда позабуду,
Как надо с тобой говорить.

Я буду, усталая, падать,
Не слышать, что ветры гудят.
Пусть небо, и горы, и пади,
Меня от тебя охранят.

Я стану угадывать зверя
По травам, растоптаны зло.
Мне смелые люди доверят
Однажды свое ремесло.

И коршуна влажное тело
Повиснет на ленте ремня.
Уеду! Какое мне дело,
Как ты проживешь без меня.

НАБОКОВ Владимир Владимирович (1899 - 1977)

В. Набоков
РАССТРЕЛ

Бывают ночи: только лягу,
В Россию поплывет кровать,
И вот ведут меня к оврагу,
Ведут к оврагу убивать.

Проснусь, и в темноте со стула,
Где спички и часы лежат,
В глаза, как пристальное дуло
Глядит горящий циферблат.

Закрыв руками грудь и шею, -
Вот-вот сейчас пальнет в меня, -
Я взгляда отвести не смею
От круга тусклого огня.

Оцепенелого сознанья
Коснется тиканье часов,
Благополучного изгнанья
Я снова чувствую покров.

Но, сердце, как бы ты хотело,
Чтоб это вправду было так:
Россия, звезды, ночь расстрела
И весь в черемухе овраг.
1927
Берлин

НАГДИЕВА Наргиза Ризвановна (род. 1991)

Н. Нагдиева

***

Говорят, что дети – беда.
Говорят, что дети – кошмар.
«У кого нет детей – тот счастлив», -
Так какой-то ученый сказал.
Сразу видно, ученый – дурак,
Понимает он все не так!
Вы сестрички мои – лисички,
Не читайте его странички!
Вы братишки мои – шалунишки,
Не читайте его вы книжки!
Хорошо, что вы есть у меня,
Я вас очень-очень люблю!
И свою конфетку единственную
На восемь частей разделю!

Н. Нагдиева
ГОЛОС ОСЕНИ.

Этот звук ни с чем не сравнить,
Этот звук прямо в сердце ранит,
Журавлиный прощальный крик
Он кого равнодушным оставит?
Наплывает сплошная волна
Этой боли, ни с чем не сравнимой:
До свиданья, родная страна,
Уголочек России милой!»
Может там, в чужеземной дали
Будет им и тепло и радость,
Много сочной медовой травы
И воды ключевая сладость.
Но припомнится вдруг гнездо
Под кусточком в болотце тихом,
Разобьется небес стекло
Журавлиным протяжным криком.
Над широким простором полей,
Над веселой речушкой синей
Пролетает клин журавлей,
Громким криком прощаясь с Россией.

Н. Нагдиева
ЗВЕЗДОПАД.

Темной ночью иду наугад
По тропинке, в траве чуть приметной,
Над моей головой звездопад
Звезды падают, тают бесследно.

Звездопад, звездопад, звездопад,
Ярких звезд золотое сиянье.
Звездопад, звездопад, звездопад,
Исполняет любое желанье.

Попрошу у тебя, звездопад,
Покажи мне другие планеты,
Где свершается звездный парад
В честь рождения новой кометы.

Звездопад, звездопад, звездопад,
Ярких звезд золотое сиянье.
Звездопад, звездопад, звездопад,
Исполняет любое желанье.

Ковш Медведицы старый, большой
До краев лунным светом наполним,
Млечный путь предстоит нам с тобой,
Добрый Путь, словно песню, запомним.

Звездопад, звездопад, звездопад,
Ярких звезд золотое сиянье.
Звездопад, звездопад, звездопад,
Исполняет любое желанье.

Н. Нагдиева
ДОВЕРИЕ

Я знаю, где твоя нора,
Ее случайно увидала,
Сегодня вновь произошла
Седьмая встреча. Из нее
Я очень многое узнала.
Ты от меня в пяти шагах
Вдруг на дороге появилась,
Страх не стоял в твоих глазах,
Чему я очень удивилась.
Что я могла тебе сказать,
Лесная, рыжая подруга?
Чтоб наше равенство признать,
Смотрели мы в глаза друг другу.
Протяжный зов был так похож
На плач простого собачонка
И появились из кустов
Три рыжих маленьких лисенка.
Твоя душа моей душе
Сонату радостную пела,
Ты показать хотела мне
Сокровища, что ты имела.
Спасибо! Да, я поняла
Твое доверие большое
Сердечком робким приняла
Ты дружелюбие людское.
Спаси Господь и сохрани
Такое милое семейство,
Пусть не господствует над ним
Тупое лютое злодейство.

НАРОВЧАТОВ Сергей Сергеевич (1919 - 1981)

С. Наровчатов
ВОЛЧОНОК

Я домой притащил волчонка.
Он испуганно в угол взглянул,
Где дружили баян и чечетка
С неушедшими в караул.
Я прикрикнул на них: — Кончайте!
Накормил, отогрел, уложил
И шинелью чужое несчастье
От счастливых друзей укрыл.
Стал рассказывать глупые сказки,
Сам придумывал их на ходу,
Чтоб хоть раз взглянул без опаски,
Чтоб на миг позабыл беду.
Но не верит словам привета…
Не навечно ли выжгли взгляд
Черный пепел варшавского гетто,
Катакомб сладковатый смрад?
Он узнал, как бессудной ночью
Правит суд немецкий свинец,
Оттого и смотрит по-волчьи
Семилетний этот птенец.
Все видавший на белом свете,
Изболевшей склоняюсь душой
Перед вами, еврейские дети,
Искалеченные войной…
Засыпает усталый волчонок,
Под шинелью свернувшись в клубок,
Про котов не дослушав ученых,
Про доверчивый колобок.
Без семьи, без родных, без народа…
Стань же мальчику в черный год
Ближе близких, советская рота,
Вместе с ротой — советский народ!
И сегодня, у стен Пултуска,
Пусть в сердцах сольются навек
Оба слова — еврей и русский —
В слове радостном — человек!
1945

НЕИЗВЕСТНЫЙ АВТОР - 1

Неизвестный автор - 1
ПОСЛАНИЕ ЕВАНГЕЛИСТУ ДЕМЬЯНУ

Я часто размышлял, за что Его казнили,
За что Он жертвовал своею головой?
За то ль, что, враг суббот,
Он против всякой гнили

Отважно поднял голос свой?
За то ли, что в стране проконсула Пилата,
Где культом Кесаря полны и свет, и тень,
Он с кучкой рыбаков из местных деревень
За Кесарем признал лишь силу злата?
За то ль, что, разорвав на части лишь себя,
Он к горю каждого был милосерд и чуток
И всех благословлял, мучительно любя,
И маленьких детей, и грязных проституток?
Не знаю я, Демьян, в "Евангелье" твоём
Я не нашёл на свой вопрос ответа.
В нём много бойких слов,
Ох, как их много в нём,
Но слова нет, достойного поэта.
Я не из тех, кто признаёт попов,
Кто безотчётно верит в Бога,
Кто лоб свой расшибить готов,
Молясь у каждого церковного порога.
Я не люблю религию раба,
Покорного от века и до века,
И вера у меня в чудесное слаба —
Я верю в знание и силу человека.
Я знаю, что, стремясь по чудному пути,
Здесь, на земле, не расставаясь с телом,
Не мы, так кто-нибудь ведь должен же дойти
Воистину к божественным пределам.
И всё-таки, когда я в "Правде" прочитал
Неправду о Христе блудливого Демьяна,
Мне стыдно стало так, как будто я попал
В блевотину, низверженную спьяна.
Пусть Будда, Моисей, Конфуций и Христос —
Далёкий миф. Мы это понимаем,
Но всё-таки нельзя, как годовалый пёс,
На всё и вся захлёбываться лаем.
Христос — сын плотника — когда же был казнён,
(Пусть это миф), но всё ж, когда прохожий
Спросил его: "Кто ты?" — Ему ответил Он
"Сын человеческий", а не сказал: "Сын Божий".
Пусть миф Христос, пусть мифом был Сократ,
И не было Его в стране Пилата,
Так что ж, от этого и надобно подряд
Плевать на всё, что в человеке свято?
Ты испытал, Демьян, всего один арест,
И ты скулишь: "Ох, крест мне выпал лютый"!
А что ж, когда б тебе голгофский дали б крест?
Иль чашу с едкою цикутой, —
Хватило б у тебя величья до конца
В последний раз, по их примеру тоже,
Благословлять весь мир под тернием венца
И о бессмертии учить на смертном ложе?
Нет, ты, Демьян, Христа не оскорбил,
Ты не задел его своим пером нимало.
Разбойник был, Иуда был.

Тебя лишь только не хватало.
Ты сгустки крови у креста
Копнул ноздрёй, как толстый боров.
Ты только хрюкнул на Христа,
Ефим Лакеевич Придворов.
Но ты свершил двойной и тяжкий грех
Своим дешёвым балаганным вздором:
Ты оскорбил поэтов вольный цех
И скудный свой талант покрыл позором.
Ведь там, за рубежом, прочтя твои "стихи",
Небось злорадствуют российские кликуши:
"Ещё тарелочку Демьяновой ухи,
Соседушка, мой свет, пожалуйста, откушай!"
А русский мужичок, читая "Бедноту",
Где образцовый блуд печатался дуплетом,
Ещё отчаянней потянется к Христу,
И коммунизму «мать» пошлёт при этом.
1925

НЕИЗВЕСТНЫЙ АВТОР – 2

Неизвестный автор – 2

***

Шла по улице машина
Вычислительная.
Шла тихонько, не спеша,
Перфокартами шурша,
Перфоленты вороша.
Шла машина по проспекту,
Шла куда-то по делам,
А за нею по пятам
Шел большой гиппопотам.
Говорит ему машина:
Ах! Вы мешаете мне.
Интегралы и дифуры
Я решаю в уме.
А Вы глупый, толстый
И необразованный совсем.
Отвечает ей бедняга:
Пусть я глуп и даже толст,
В жизни всякое бывает,
Пусть я даже бегемот.
Вы теперь понять должны:
Я один и Вы одна,
Ну а с другой стороны
Нас ведь ровно два.
Тут машина растерялась:
Ах! Я не знаю цифры "два",
Ноль-один, один и ноль
Вот и все мои слова.
Ах, какой тяжелый случай.
Так поедемте со мной.

Знаю я кой-что получше
Всяких цифр и всяких слов.
Всем, конечно, интересно,
Чем закончится рассказ.
А конец давно известен,
Скоро ждет такой же Вас.
Мирно плавают в воде
Бегемот и ЭВМ.
А за ними дружной ротой
Маленькие эвемоты.

НЕИЗВЕСТНЫЙ АВТОР – 3

Неизвестный автор – 3
ЧЕТВЕРОЛАПЫЕ ГЕРОИ

Да, Манечка, поверить в это сложно:
Когда был побеждён блокадный ад,
От полчищ крыс тогда простые кошки
Спасли послеблокадный Ленинград...
А в сорок первом, в рукопашной схватке,
Исполнив до конца солдатский долг,
Бок о бок бились люди и собаки,
Буквально разорвав фашистов полк...
А там, где вязла техника в трясине,
И было не пройти сквозь бурелом-
Там всё, что нужно, кони вывозили
Под беспощадным вражеским огнём...
Всё претерпели... Всё превозмогли...
И за Победу заплатили кровью...
В строю героев наравне с людьми
Стоят четверолапые герои...

НЕРИС (БАЧИНСКАЙТЕ-БУЧЕНЕ) Саломея (1904 - 1945)

С. Нерис
МАТУШКА

На березах почки
Стали зацветать.
Четверых сыночков
Проводила мать.

У старухи слезы
Застилают взгляд.
Старые березы
У ворот шумят.

Крепкий и плечистый
Первый сын — герой
Молодым танкистом
Понесется в бой,

Под вторым — чубарый
Пляшет, чуя плеть.
Не придется старой
За него краснеть.

Смерть врагам жестоким
Третий сын несет:
По небу он, сокол,
Водит самолет.

Снайпером четвертый
Смотрит в темноту.
Много немцев мертвых
На его счету!

На березах листья
Свежие шумят,
Голубями письма
К матери летят.

Тот у ненавистных
Немцев мост взорвал,
Уложил фашиста
Этот наповал.

Старые березы
Август золотит,
Мать роняет слезы:
Старший сын убит.

Что же! Зубы стисни,
Сдерживайся, мать,
Ласточками письма
От троих летят.

А березам в осень
Облетать, не цвесть.
Ей зима приносит
Вновь дурную весть.

Позабыв усталость,
Снежный ветер, вей.
У нее осталось
Двое сыновей.

Пригревает солнце,
С гор бежит вода,
Стукнула в оконце
Новая беда.

Вновь березы вскоре
Зашумят, да что ж!
В старом сердце горе

Точно острый нож.

Велика утрата,
Горюшко без дна, —
Три сынка, три брата
Унесла война.

Ветви: "Не печалься, —
Шепчут у ворот, —
Младший сын остался
Он к тебе придет!"

Но с березы веток
Щелкнул соловей,
Что у старой нету
Больше сыновей.

То не буйный ветер
Морщил речки гладь, —
То о мертвых детях
Убивалась мать:

Голову склоняла
У берез в тени,
Землю целовала,
Где лежат они.

Тропкой на погосте
Уходила мать —
На полях их кости
Белые собрать.

В лес пришла к отряду
Смелых партизан,
И блеснула радость
По ее глазам:

Статны и румяны,
Зорки и сильны,
Эти партизаны —
Все ее сыны.
1942

НЕФЕДОВ Юрий ()

Ю. Нефедов
***

Таня учится писать:
"Мама", "Мир", "Танюша".
Таня может рисовать
Яблоню и грушу.
Вот берет карандаши,

Красный ли, зеленый...
Вырос дом какой, гляди
По соседству с кленом.
И коричневый забор:
Это будет дача,
Пес по имени Трезор
Ко всему впридачу.
Во дворе вовсю цветут
Желтые ромашки,
В синем небе там и тут
Радужные пташки...
Все расцветки хороши,
Коль рисуешь от души.
1980

НИКИТИНА Алиса ()

А. Никитина
***

Любите всех животных, дети,
Заботу, ласку им дарите!
Они вернее всех на свете,
Слабее нас на этом свете.

Присядем молча мы на времени ступень.
Подумаем, кого любили, с кем теперь…

И, содрогнувшись в памяти поту,
Поймем: по морде дали мы коту.
- Иди отсюда, грязный ты и драный,
И запашок то от тебя поганый.

Мурлыча, старый в сторону уйдет,
Лишь от обиды лапкой поскребет.
За что? Ведь он же в том не виноват,
Что у тебя дела нейдут на лад,
С работой плохо, все менять пора,
И непослушна дома детвора…

А бедный Кузя вот уже четвертый день
Стучит замерзшей лапкой в Вашу дверь,
И холод пробирает до костей –
Ответа нет, не ждете Вы гостей.

Замерзший Кузя с голоду умрет,
К чужим за километр не подойдет:
Любимого хозяина вот так
Он не продаст за пищу и очаг.

Присядем молча мы на времени ступень.
Подумаем, кого любили, с кем теперь…

НИКОЛЕНКО Анастасия Алексеевна (род. 1990)

Н. Николенко
РОССИЯ, 2007 ГОД

В угол загнана,
Обездвижена,
Обесточена
И озлоблена
Я в углу
Перед вами,
С прицелами.
Ну! Стреляйте
Взглядами-стрелами.
Я ослаблена,
Обездвижена,
Обесточена,
Обезврежена,
Но я выживу,
Что бы ни было!

НИКУЛИН Юрий Владимирович (1921 - 1997)

Ю. Никулин
ПРОУРАЛИ

Мы большую страну проУРАли.
Стала меньше. Её – промолчим.
Повернувшись спиной – оболгали
К благоденствию шедший почин.

Всё не гладко там было, не просто.
Превращаясь в великий народ,
Из души вынимали наросты
И ни шагу назад – шли вперёд!

Возродили крестьянство и пашни.
Домом стал хлеборобу колхоз.
Пролетарий стал кузницей нашей.
Жили дружной семьёй, а не врозь.

Мир спасли от набегов фашизма,
Смерть и кровь победили в боях.
Ныне втиснули в бред сталинизма
С солженицевской книжкой в руках.

На планете Земля мы герои.
Мы спасали от бедствия мир.
А теперь из великого чуда.
Возвели примитивный сортир!

В нём и гадим, и жрём-веселимся,
Бесноваты в безумной хвальбе.

Да когда же мы протрезвимся,
Ужаснёмся в какой мы беде.

ОЗЕРОВ Владимир (это псевдоним) (род. 1951)

В. Озеров
СТИХОТВОРЕНИЕ ПОГИБШЕГО ПОЭТА
(из романа «ПЛУТИШКИНА СКАЗКА»)

Мне бы завтра утром не проснуться,
Чтобы не увидеть новый день,
Или птицей черной обернуться,
Иль растаять, как ночная тень...

Только даже если стану птицей –
Где бы эта птица ни была,
Вспомнишь имя - птица возвратится,
Над тобой раскинет два крыла.

Только знаю - даже после смерти,
Если вспомнишь о моей любви –
Я вернусь - дождем июльским, ветром –
Чтобы целовать глаза твои.

Даже если я, как тень, растаю –
Только вспомни, имя назови –
Я вернусь - весною, птичьей стаей –
В нежность нерастраченной любви.

Но не бойся - я смогу проснуться
Не растаю птицей в вышине...
Знаю, ты уйдешь, не обернувшись,
Никогда не вспомнишь обо мне...

В. Озеров
ГУСАРСКИЙ РОМАНС
(из романа «Плутишкина сказка»)

Было время - с презреньем холодным
Я смотрел на влюбленных тогда
И несли меня быстрые кони
Неизвестно зачем и куда...

Звонкий цокот подков золоченых,
Жизнь - как мост над широкой рекой,
Воздух - яшмовый, свод – бирюзовый
И лесов изумрудный покой...

Пламя пунша над глиняной кружкой,
Круг друзей без концов и начал...
Но однажды на звонкой пирушке
Я впервые ТЕБЯ повстречал...

Небосвод надо мной раскололся,
Загорелися, рухнув, мосты,
Коренник сел на задние ноги,
Пристяжные скакнули в кусты...

Заслонил горизонт предо мною
Потный круп вороного коня,
И волшебная чудная сила
В поднебесье швырнула меня!

Я очнулся ничком на дороге,
Весь в пыли и ободранный в кровь,
И подумал: Великие Боги!
Неужели все это... Любовь?!

Ты взглянула с улыбкой спокойной,
И земля покачнулась на миг,
И к руке твоей я, недостойный,
С поцелуем впервые приник!..

ОКУДЖАВА Булат Шалвович (1924 - 1997)

Б. Окуджава
ГРУЗИНСКАЯ ПЕСНЯ

Виноградную косточку в теплую землю зарою,
И лозу поцелую и спелые гроздья сорву,
И друзей созову, на любовь свое сердце настрою.
А иначе зачем на земле этой вечной живу?

Собирайтесь-ка гости мои на мое угощенье,
Говорите мне прямо в глаза чем пред вами слыву,
Царь небесный пошлет мне прощение за прегрешенья.
А иначе зачем на земле этой вечной живу?

В темно-красном своем будет петь для меня моя Дали,
В черно-белом своем преклоню перед нею главу,
И заслушаюсь я и умру от любви и печали.
А иначе зачем на земле этой вечной живу?

И когда заклубится закат по углам золотея,
Пусть опять и опять предо мной проплывут наяву,
Синий буйвол и белый орел и форель золотая.
А иначе зачем на земле этой вечной живу?
1959

Б. Окуджава
ПЕСЕНКА О МОЦАРТЕ

Моцарт на старенькой скрипке играет,
Моцарт играет, а скрипка поет,
Моцарт отечества не выбирает –
просто играет всю жизнь напролет.

Ах, ничего, что всегда, как известно,
наша судьба -- то гульба, то пальба...
Не оставляйте стараний, маэстро,
не убирайте ладони со лба.

Где-нибудь на остановке конечной
Скажем спасибо и этой судьбе.
Но из грехов своей родины вечной
не сотворить бы кумира себе.
Ах, ничего, что всегда, как известно,
наша судьба -- то гульба, то пальба...
Не расставайтесь с надеждой, маэстро,
не убирайте ладони со лба.

Коротки наши лета молодые.
Миг -- и развеются, как на кострах,
красный камзол, башмаки золотые,
белый парик, рукава в кружевах
Ах, ничего, что всегда, как известно,
наша судьба --то гульба, то пальба...
Не обращайте вниманья, маэстро,
не убирайте ладони со лба.
1969

ОЛЕЙНИК Борис Ильич (1935 - 2017)

Б. Олейник
ПЕСНЬ О МАТЕРИ

Засеяла поле летами своими, как житом.
Земле поклонилась, в степи нарвала спорышу.
Детей научила, как в мире по совести жить им,
Вздохнула тихонько, и тихо пошла за межу.
- Куда же вы, мама? - Бегут ее дети за нею.
- Куда вы, бабусенька? - Внуки кричат у ворот.
- Да я недалечко... За солнышком... Может, успею...
Пора мне, родные... Живите, не знайте забот! –
- Да как же без вас мы? Да что вы надумали, мама? –
- А кто нам, бабуся, расскажет опять про лису? –
- А я вам оставлю и радуги все, и туманы,
И золото в поле, и вербу, и птицу в лесу. –
- Не нужно нам радуг, не нужно нам серебра-злата,
Лишь только бы вечно встречали вы нас у ворот.
Родная, мы сделаем все и на поле, и в хате.
Останьтесь, мамуся! Пусть солнышко вас подождет! –
Она усмехнулась, и вся почернела от боли.
Взмахнула руками и дрогнул рушник на весу.
- Счастливой вам доли! - И стала задумчивым полем,
Землей и туманом, и вербой, и птицей в лесу.

ОРЛОВ Сергей Сергеевич (1921 - 1977)

С. Орлов

ТЫКВА

В жару растенья никнут,
Бегут от солнца в тень.
Одна лишь чушка-тыква
На солнце целый день.

Лежит рядочком с брюквой,
И, кажется, вот-вот
От счастья громко хрюкнет
И хвостиком махнет.
1938

С. Орлов.
***

Его зарыли в Шар Земной,
А был он лишь солдат,
Всего, друзья, солдат простой
Без званий и наград.
Ему как мавзолей Земля
На миллион веков,
И Млечные Пути пылят
Вокруг него с боков.
На рыжих скатах тучи спят,
Метелицы метут,
Грома тяжелые гремят,
Ветра разбег берут.
Давным-давно окончен бой,
Руками всех друзей
Положен парень в Шар Земной,
Как будто в мавзолей.
1944

ОХРИМЕНКО Алексей Петрович (1923 - 1993)
КРИСТИ Сергей Михайлович (1922 - 1986)
ШРЕЙБЕРГ Владимир Федорович (1924 - 1979)

А. Охрименко
С. Кристи
В. Шрейберг
***

Я был батальонный разведчик,
А он - писаришка штабной,
Я был за Россию ответчик,
А он спал с моею женой…

Ой, Клава, родимая Клава,
Ужели судьбой суждено,
Чтоб ты променяла, шалава,
Орла на такое говно?!

Забыла красавца-мужчину,
Позорила нашу кровать,
А мне от Москвы до Берлина
По трупам фашистским шагать…

Шагал, а порой в лазарете
В обнимку со смертью лежал,
И плакали сестры, как дети,
Ланцет у хирурга дрожал.

Дрожал, а сосед мой - рубака,
Полковник и дважды Герой,
Он плакал, накрывшись рубахой,
Тяжелой слезой фронтовой.

Гвардейской слезой фронтовою
Стрелковый рыдал батальон,
Когда я Геройской звездою
От маршала был награжден.

А вскоре вручили протезы
И тотчас отправили в тыл…
Красивые крупные слезы
Кондуктор на литер пролил.

Пролил, прослезился, собака,
А всё же сорвал четвертак!
Не выдержал, сам я заплакал,
Ну, думаю, мать вашу так!

Грабители, сволочи тыла,
Как носит вас наша земля!
Я понял, что многим могила
Придет от мово костыля.

Домой я, как пуля, ворвался
И бросился Клаву лобзать,
Я телом жены наслаждался,
Протез положил под кровать…

Болит мой осколок железа
И режет пузырь мочевой,
Полез под кровать за протезом,
А там писаришка штабной!

Штабного я бил в белы груди,
Сшибая с грудей ордена…
Ой, люди, ой, русские люди,
Родная моя сторона!

Жену-то я, братцы, так сильно любил,
Протез на нее не поднялся,
Ее костылем я маненько побил

И с нею навек распрощался.

С тех пор предо мною всё время она,
Красивые карие очи…
Налейте, налейте стакан мне вина,
Рассказывать нет больше мочи!

Налейте, налейте, скорей мне вина,
Тоска меня смертная гложет,
Копейкой своей поддержите меня –
Подайте, друзья, кто сколь может…
1950

ОШАНИН Лев Иванович (1912 - 1996)

Л. Ошанин
ДОРОГИ

Эх, дороги…
Пыль да туман,
Холода, тревоги
Да степной бурьян.
Знать не можешь
Доли своей:
Может, крылья сложишь
Посреди степей.
Вьется пыль под сапогами —
степями,
полями,-
А кругом бушует пламя
Да пули свистят.

Эх, дороги…
Пыль да туман,
Холода, тревоги
Да степной бурьян.
Выстрел грянет,
Ворон кружит,
Твой дружок в бурьяне
Неживой лежит.
А дорога дальше мчится,
пылится,
клубится
А кругом земля дымится —
Чужая земля!

Эх, дороги…
Пыль да туман,
Холода, тревоги
Да степной бурьян.
Край сосновый.
Солнце встает.
У крыльца родного

Мать сыночка ждет.
И бескрайними путями
степями,
полями —
Все глядят вослед за нами
Родные глаза.

Эх, дороги…
Пыль да туман,
Холода, тревоги
Да степной бурьян.
Снег ли, ветер
Вспомним, друзья.
…Нам дороги эти
Позабыть нельзя.
1945

Л. Ошанин
ПЕСНЯ О ТРЕВОЖНОЙ МОЛОДОСТИ

Забота у нас простая,
Забота наша такая:
Жила бы страна родная,
И нету других забот!

И снег, и ветер,
И звёзд ночной полёт..
Меня мое сердце
В тревожную даль зовёт.

Пускай нам с тобой обоим
Беда грозит за бедою,
Но дружба моя с тобою
Лишь вместе со мной умрёт.

Пока я ходить умею,
Пока глядеть я умею,
Пока я дышать умею,
Я буду идти вперёд!

И так же, как в жизни каждый,
Любовь ты встретишь однажды, -
С тобою, как ты, отважно
Сквозь бури она пройдёт.

Не думай, что всё пропели,
Что бури все отгремели.
Готовься к великой цели,
А слава тебя найдёт!

И снег, и ветер,
И звёзд ночной полёт…
Меня мое сердце

В тревожную даль зовёт.
1958

Л. Ошанин
СОЛНЕЧНЫЙ КРУГ

Солнечный круг,
Небо вокруг —
Это рисунок мальчишки.
Нарисовал он на листке
И подписал в уголке:

Пусть всегда будет солнце,
Пусть всегда будет небо,
Пусть всегда будет мама,
Пусть всегда буду я.

Милый мой друг,
Добрый мой друг,
Людям так хочется мира.
И в тридцать пять
Сердце опять
Не устает повторять:

Пусть всегда будет солнце…
Тише, солдат,
Слышишь, солдат, -
Люди пугаются взрывов.
Тысячи глаз
В небо глядят,
Губы упрямо твердят:

…Против беды,
Против войны
Встанем за наших мальчишек.
Солнце — навек!
Счастье — навек! -
Так повелел человек.

Пусть всегда будет солнце,
Пусть всегда будет небо,
Пусть всегда будет мама,
Пусть всегда буду я.
1962

Л. Ошанин
***

Издалека долго
Течет река Волга,
Течет река Волга –
Конца и края нет...
Среди хлебов спелых,

Среди снегов белых
Течет моя Волга,
А мне семнадцать лет.

Сказала мать:
"Бывает все, сынок,
Быть может,
ты устанешь от дорог,-
Когда придешь домой
в конце пути,
Свои ладони
в Волгу опусти".

Издалека долго
Течет река Волга,
Течет река Волга –
Конца и края нет...
Среди хлебов спелых,
Среди снегов белых
Течет моя Волга,
А мне уж тридцать лет.

Тот первый взгляд
и первый плеск весла...
Все было,
только речка унесла...
Я не грущу
о той весне былой,
Взамен ее
твоя любовь со мной.

Издалека долго
Течет река Волга,
Течет река Волга
- Конца и края нет...
Среди хлебов спелых,
Среди снегов белых
Гляжу в тебя, Волга, -
Седьмой десяток лет.

Здесь мой причал,
и здесь мои друзья,
Все, без чего
на свете жить нельзя.
С далеких плесов
в звездной тишине
Другой мальчишка
подпевает мне:

"Издалека долго
Течет река Волга,
Течет река Волга –
Конца и края нет...

Среди хлебов спелых,
Среди снегов белых
Течет моя Волга,
А мне семнадцать лет".
1962

Л. Ошанин
***

Это будет вот так:
будут звезды бесчисленно падать.
Разбежится гроза,
а закат еще жив в полумгле...
Будешь ты повторять мне:
«Не надо, не надо, не надо...»
Я возьму тебя за руку
и поведу по земле.
И рука твоя станет
доверчивой, доброй, послушной.
А земля будет разной —
радушной, чужой, равнодушной...
Это что за река?
Это Нил, Енисей или Волга?
Я прижму тебя больно
к перилам моста.
Я люблю тебя, слышишь?
Всю жизнь. Беспощадно. Безмолвно.
Звезды тихо уходят домой.
Холодеет. Рассвет.
И в руках пустота.
1964

ПАСТЕРНАК Борис Леонидович (1890 - 1960)

Б. Пастернак
НА РАННИХ ПОЕЗДАХ

Я под Москвою эту зиму,
Но в стужу, снег и буревал
Всегда, когда необходимо,
По делу в городе бывал.

Я выходил в такое время,
Когда на улице ни зги,
И рассыпал лесною темью
Свои скрипучие шаги.

Навстречу мне на переезде
Вставали ветлы пустыря.
Надмирно высились созвездья
В холодной яме января.

Обыкновенно у задворок

Меня старался перегнать
Почтовый или номер сорок,
А я шел на шесть двадцать пять.

Вдруг света хитрые морщины
Сбирались щупальцами в круг.
Прожектор несся всей махиной
На оглушенный виадук.

В горячей духоте вагона
Я отдавался целиком
Порыву слабости врожденной
И всосанному с молоком.

Сквозь прошлого перипетии
И годы войн и нищеты
Я молча узнавал России
Неповторимые черты.

Превозмогая обожанье,
Я наблюдал, боготворя.
Здесь были бабы, слобожане,
Учащиеся, слесаря.

В них не было следов холопства,
Которые кладет нужда,
И новости и неудобства
Они несли как господа.

Рассевшись кучей, как в повозке,
Во всем разнообразьи поз,
Читали дети и подростки,
Как заведенные, взасос.

Москва встречала нас во мраке,
Переходившем в серебро,
И, покидая свет двоякий,
Мы выходили из метро.

Потомство тискалось к перилам
И обдавало на ходу
Черемуховым свежим мылом
И пряниками на меду.
Март 1941

ПАШИН Сергей Анатольевич (род. 1962)

С. Пашин
БИОГРАФИЯ

Грудничок выплевывал пустышку,
Заливался раннею слезой,
Но пугала мама шалунишку

Из двух пальцев сделанной козой.

С каждым годом рос он все быстрее,
Пойман раз был в садике чужом,
И пугал отец сынка-злодея
Участковым, поркой и ремнем.

В школе не был глупым и отпетым,
Просто как-то стало невтерпеж.
И пугал директор педсоветом:
- В ПТУ, мол, двоечник, пойдешь!

В Институт устроился он с бою.
Знаний море - радостная ширь.
Но пугали нашего героя,
Что распределят его в Сибирь.

Он попал на службе в передрягу
И смолчал, хоть дали под ребро –
Ведь пугали парами беднягу
Прокурор, местком и партбюро.

Он ушел на пенсию без славы,
Заслужил он отдых молодцом,
И его пугали костоправы
Диабетом, астмой и концом.

Но дало однажды сердце промах,
Предан был могиле тут же прах...
Может он теперь пугать знакомых,
Им являясь ночью в жутких снах.

ПЕТРЯНОВ-СОКОЛОВ Игорь Васильевич (1907 - 1996)

И. Петрянов-Соколов
ПОЧЕМУ КОТЫ ЧАСТО СИДЯТ ОКОЛО ЗЕРКАЛА

Коты это знают издавна,
Что кот - всему господин,
Когда все уходят из дому
И кот остается один.

Как только все дом покидают
Ради пустых забот,
С трудом свою радость скрывает
Мой маленький серый кот.

Но ты не подумай, что мыши –
Предмет его тайных затей.
И ты ничего не услышишь,
Прислушавшись у дверей.

Не слышно, как он мурлыкает,

Не слышно его прыжков.
Лишь только маятник тикает
У старых больших часов.

Я тайну узнал нечаянно,
И мне не поверишь ты,
Но очень странною тайной
Владеют простые коты...

Мой маленький серый приятель
Одни - очень важен и прост,
Садится у зеркала, тщательно
Расправивши лапою хвост.

Он зорко следит за стрелками,
Он очень ученый кот,
Он знает, что стрелки в зеркале
Движутся наоборот.

И если смотреть внимательно...
(Сама не пытайся ты:
Смотреть надо так старательно,
Как могут только коты.

Не за одно поколение
Подле мышиных нор
Твердо усвоил терпения
Законы кошачий взор).

Недаром следит за стрелками
Мой маленький кот Усат,
Он знает, что стрелки в зеркале
Время ведут... назад.

Все то, что для нас непривычно,
Привыкли мы тайною звать,
Но часто ведь можно отлично
И просто тайну понять.

Хоть кажется невозможным,
Ты все же пойми одно:
Ведь в зеркале видеть можно
То, что прошло давно...

Не знаешь ты это, конечно,
Раз перед зеркалом ты
Подолгу стоишь бесконечно,
Стеклу доверяя мечты.

Новое платье, сомнения,
Халатик, заспанный вид,
Шляпку, пальто, огорчения,
Морщинку минутных обид.

Грусть и улыбку, желания,
Горечь ненужных забот,
Радость, прическу, мечтания –
Все снова увидит кот

В зеркале, где равнодушно
Подводится счет годам...
Зачем ему все это нужно?
Я, право, не знаю сам.

Когда же мы снова приходим
Домой, то мы никогда,
Мы никогда не находим
У зеркала близко кота...

Скрывая усмешку умело
В длинных своих усах,
Он делает вид, что дремлет
На старых больших часах.

ПЕТУХОВА Наталья Юрьевна (1973 - 1993)

Н. Петухова
***

Блаженны те, кто, описав свой круг,
Уйдут из жизни, не дождавшись срока.
Пусть говорят, что слишком уж жестоко –
Но я прошу: желай мне это, друг!
Они, безумной пролетев стрелой,
Взрываются под взглядами Вселенной;
Минуя пору старости согбенной,
Встают перед зарей кроваво-золотой.
Я голову в почтеньи преклоню –
Они достойно пали в рукопашной,
О них скорбим в застолье бесшабашном,
Их поминая много раз на дню.
Их старость тихая не ждет,
Их путь лежит в миры иные –
Пусть грешники – они святые,
Их только Бог у нас берет.

Н. Петухова
МЕГАПОЛИС

В мегаполисе галактики соседней
Происходят ныне странные дела
Из-за споров и тумана, врак и бредней
Диктатура хриплый голос подала.
Лик кровавый она спрятала под маской
Да и многих одурачила уже.
И мозги народу пудрит лживой сказкой

Мегаполис на последнем рубеже.
Это ведь еще начало года,
Что в дальнейшем там произойдет?
Неужели не найдут в порыве брода,
Неужели все дерьмо опять всплывет?
В макияже знанья дамы той не просты,
Только у людей глаза не на ногах.
Поступают под косметикой наросты,
Дула черные и тот же черный страх.
А под ожерельем дула пулемета,
Чтоб свои пошли в бою против своих.
Возвести людей в баранов, вот забота
О потребностях и чаяньях людских.
Это же еще начало года,
Дальше может все произойти,
А гроза близка, но нет громоотвода
И конкретного спасения пути.
Где же выход, а ведь с горя может статься,
Недовольные приклад получат в бок:
"Эй, толпа. Вы больше двух не собираться!
Руки за спину. Язык на поводок".
И по площадям в дыму проедут танки,
Тяжкой гусеницей вставшим смерть суля,
И воскреснут баррикады и землянки,
И слезами пропитается земля.
Это же еще начало года,
Как там будет все происходить?
Если даме той сейчас не дать прохода,
То судьбу пока возможно изменить.
Мегаполис той галактики не нашей
Наполняется реакцией на ложь,
Стал весь город переполненною чашей,
Только капни и последствий не сочтешь.
Но боятся и не любят там решений,
Что способны круто вывести из сна.
Ныне спящих скоро не спасет и гений,
Чаша треснула с верхушки и до дна.
Это же еще начало года,
Что еще там будет впереди?
Неужель пойдут под ненависть народа
Злые люди с автоматом на груди!
Май 1993

Н. Петухова
***

И Родина наша –
Совсем не начальство,
Совсем не Система,
А просто – Земля.
1993

Н. Петухова

***

Бригада, на выброску - Вашу мать!
Ну, как Вы меня достали
Заткнитесь заразы. Нетрудно понять,
Что все уж давно устали.
Заходим сегодня на пятый челнок,
Кого-то опять выводим.
Слипаются веки, все падают с ног,
Но все-таки как-то ходим.
У командиров по жизни - бардак,
Хрен выяснишь, что нужнее,
И что б ты ни сделал - все будет не так, -
опять получать по шее.
Ведь мы же разведка подземных путей.
Что делаете Вы с нами?
А нам приказали: "Ведите людей!"
И стали мы сталкерами.
Сил нету уже. Только мат-перемат,
На взлете и при посадке.
И лишь не нарваться бы на автомат,
А так - будет все в порядке.
Есть ниточка к миру, и только одна,
Ну надо, так значит надо.
Опять отдохнуть не дают ни хрена:
- На выброску всем, бригада.
И слушаешь вновь темноту
И трубы, гудящие рядом.
И все, как ночному коту,
В потемках видать твоим взглядом.
А воздуха верхней Москвы
Вверху океан безбрежный.
Бригада! Внимание, вы!
Пароль остается прежний.
Летучих мышей не видать.
Парилка. Потом - холодина.
И матом ты кроешь опять
Какого-нибудь кретина.
И вновь по колено в воде –
И тут - не до медитаций:
Такого не сыщешь нигде,
Кроме коммуникаций.
И грязь дорогих Силикат
Теперь вспоминаешь с тоскою:
Нам нету дороги назад,
Все наши пути под Землею.
А если у люка менты,
Стоят с автоматами, гады:
Два метра земли - и кранты
Вот все, что нам будет надо.
21 сентября – 03 октября 1993

ПОЛЕТАЕВ Владимир Григорьевич (1951 - 1970)

В. Полетаев
***

Небо начинается с земли,
с лепета последнего былинок,
с огонька случайного вдали,
с желтых Якиманок и Ордынок.

Как страницы, листья шелестят.
Где-то рядом, где-то очень рядом,
слышишь, подступает листопад,
мы с тобой стоим под листопадом.

Задыхающаяся жара
торопливо обжигает щеки,
дождь зарядит с самого утра,
глухо забормочут водостоки.

Дождь зарядит с самого утра.
Эта осень на дожди щедра.
Капли расплывутся на стекле –
небо возвращается к земле.

В. Полетаев
***

Архангелы трубили в трубы,
и кровь блестела, как трава,
и желтый месяц скалил зубы
над самым храмом Покрова.

А храм гудел и плыл над ночью
семиголовый, как дракон,
и девки непутевых зодчих
глядели из его икон.

И государь стонал -- не спится,
и шел на ощупь, как слепой,
и верещали половицы
под государевой стопой.

А в щели демоны свистели:
"Пошто казниша божьих чад?"
И он не мог найти постели,
и щупал стены, и кричал.

Крик разносился по палатам –
и ночь качалась и текла,
и диким маревом цветастым
неслись сквозь сумрак купола...

А поутру в библиотеке

царь размышлял, тоской объят:
"Пошто латиняне и греки
Меня жесточе во сто крат?"

ПОЛОЗКОВА Вера Михайловна (род. 1986)

В. Полозкова
ЯБЛОКО

Попробуй съесть хоть одно яблоко
Без вот этого своего вздоха
О современном обществе, больном наглухо,
О себе, у которого всё так плохо;

не думая, с этого ли ракурса
вы бы с ним выгоднее смотрелись,
не решая, всё ли тебе в нём нравится —
оно прелесть.

Побудь с яблоком, с его зёрнами,
жемчужной мякотью, алым боком, —
а не дискутируя с иллюзорными
оппонентами о глубоком.

ну, как тебе естся? что тебе чувствуется?
как проходит минута твоей свободы?
как тебе прямое, без доли искусственности,
высказывание природы?

здорово тут, да? продравшись через преграды все,
видишь, сколько теряешь, живя в уме лишь.
да и какой тебе может даться любви и радости,
когда ты и яблока не умеешь.

ПОЛЯКОВ Юрий Алексеевич (род. 1969)

Ю. Поляков
ДОМОВОЙ

Однажды
Отличница Маша Петрова
На первый урок принесла...
Домового!

Весь день,
Соблюдая привычный порядок,
Он тихо сидел
Среди книг и тетрадок,
А после уроков
Хватилась Петрова,
В рюкзак заглянула –
Там нет Домового!

Куда подевался?
Куда он исчез?
На физике,
Может,
Под парту залез?
А может
Он сам
На большой перемене
В портфель перебрался к Самсонову Гене?
А может
Направился в школьный буфет
Купить себе
Чипсов,
Печенья,
Конфет?

Искали
Всей школой в тот день
Домового:
Искали
В кармане у Миши Козлова,
Искали у Вити,
Искали у Пети,
В буфете искали
И в медкабинете.
Нашли три гвоздя,
Рваный кед,
Зажигалку,
Огрызок от яблока,
Фантик,
Скакалку,
Лягушку нашли у кого-то в портфеле…
А вот Домового
Найти не сумели.

С тех пор
В нашей школе порядка не стало…
У Генки Самсонова
Двойка пропала!
Была в дневнике –
И исчезла куда-то:
- Куда подевалась?
Не знают ребята.
- А кто измазюкал вчера между делом
Учительский стул по периметру мелом?
- Кто высадил дверь в раздевалку плечом?
- Окно разбабахал футбольным мячом?
На парте царапнул: «Серёжа + Света»?
- Кто сделал всё это?
- Кто сделал всё это?
Но хором упрямо ребята твердят,
Что, дескать, во всём
Домовой виноват.

И если
Случайно
В какой-нибудь
Школе,
Когда-нибудь
Вдруг
Повторится такое,
То вы
Домового
Винить не спешите, -
Сначала, друзья, на себя посмотрите:
Ну разве всегда домовой виноват,
Когда в вашей школе
Мальчишки
Шалят?
Виновен ли он,
Если кто в беспорядке
Оставил учебники,
Бросил тетрадки?
А если в окно угодили мячом?
И тут Домовой
Ни при чём!
,
Прошу вас, ребята:
Не нужно, ребята,
Вести себя так,
Будто вы –
Домовята.
2010

Ю. Поляков
ЭСЭМЭСКА

Урок…
Телефон завибрировал резко.
Наташе Петровой
Пришла эсэмэска.
А в той эсэмэске
От Мишки пять слов:
«Петрова, тИбя я люблю.
Иванов».

Петрова
Слегка покраснела:
«Ах, Мишка!
Какой он прикольный
И классный мальчишка!»
И шлёт эсэмэску –
Всего лишь три слова:
«Дурак Иванов! –
Ну и подпись:
Петрова».

2013

ПОЛЯКОВ Юрий Михайлович (род. 1954)

Ю. Поляков
ДИСПУТ

Был прорицатель сморщен, стар,
В пещеру втиснут.
Был дерзок, молод комиссар –
И вышел диспут.

- Мы революции врагов
Разгоним стаю!
Не будет больше бедняков!
- Я это знаю...

- Мы всех накормим. Наш набат
Весь мир разбудит!
Жизнь станет краше во сто крат!
- Все так и будет...

- Поднимет чудо-города
Всех звонниц выше
Страна свободного труда!
- Я это вижу...

- Да ты, старик, и впрямь пророк!
Тогда скажи мне:
Как я умру? Какой мне срок
Отпущен в жизни?

Ты не молчи, - я устою!
За дело наше
Готов я смерть принять в бою
Под пыткой вражьей.

Пусть будет страшен мой конец,
А все же светел!
Не бойся, говори, отец!

Он не ответил...
1985

ПОМАЗОВ Виталий Васильевич (1946 - 2014)

В. Помазов

Сумерки в районном городке,
Тает дым ботвы на огородах,
И слышны далеко по реке
Лопасти последних пароходов.
На веранде в кринке молоко,

Дом пропах укропом и ранетом,
Чуть тревожно, грустно, но легко,
И цикада отпевает лето.

В. Помазов
ДОМОВОЙ

В коробках спят игрушки,
В кроватках дети спят,
Упрятан по подушкой
И тает шоколад.
Чу, скрипнул дверью где-то,
Со свечкой восковой
По скользкому паркету
Шагает Домовой.
Откашлялся, зевает,
Прикрыв ладонью рот,
И что-то напевает:
«Маэстро» иль «Фокстрот».
Посматривая в щелку
Насколько сны крепки,
На миг включает елку –
Цветные огоньки.
Включает телевизор,
Но пуст, увы, экран.
Коря себя «Подлиза!»
Подкручивает кран.
Хап – лапкою мохнатой
Из хлебницы сухарь.
«Какие ждут нас даты?» -
Листает календарь.
Вздремнув между щкафами,
Мохнат, смешон и мал,
Он мелкими шажками
Спускается в подвал –
К себе, на трубы, в угол.
Кряхтит: «Радикулит!..»
А в топке черный уголь
Жар-птицею горит.

В. Помазов
РУССКИЕ СТИХИ В ЯПОНСКОМ СТИЛЕ

«Да» иль «Нет»
Говорил я раньше.
Теперь говорю:
«Не знаю…».

Не ум, не труд:
Раскаянье и стыд
Подняли с четверенек
Человека!

В сумерках читаю книгу,
Оставленную девушкой…
Сначала скучной кажется книга
А потом и девушка…

Грустью воспоминаний
Наполнил пустую комнату
Крохотный ландыш
В стакане.

Через межу две яблони
Друг к другу,
Таясь,
Протягивают руки
Сквозь осуждающий репейник.

Выпускницей
В стае первоклашек
Плачет лилия
В букете васильков.

Два облака,
Два белых лепестка
В уездных деревянных городках
Наверно,
Отцветают вишни…

Тихо смеется
Июньская ночь-белянка
Уткнувшись лицом
В сирень

Так и умрем?
- Неправда, -
Ласково шепчет кленок,
На цыпочках встав
За оградой.

В парке
Красный лист мне
Уступил дорогу.
Осень,
Как тебя благодарить?

Тревога в городе.
На фиолетовой воде
Листы каштанов.
Пронзительное
Раненое небо.

Оттаяла земля,
Теплынь...
Над кладбищем

В беспечном небе
Рокочет самолет...

Когда решится
Жилищный вопрос,
Последним получит
Квартиру
Поэт.

Из правильных
Коротких мыслей
Упорно строим
Здание своего благополучия
На гневно вздрагивающей Земле.

В. Помазов
ПАМЯТИ ВАСИЛИЯ ШУКШИНА

Надорвался в ненужной картине,
Оживляя бездарный роман,
Он, в котором на совестной дыбе
В муках корчился Разин Степан.

Триединый (в искусстве – атлетом!)
Он лежал, как давно не привык.
С бесполезным партийным билетом
Исстрадавшийся русский мужик

Спал, тяжелые темные руки
Уронив, по-крестьянски, на грудь...
На лице его не было муки,
Лишь спокойная грозная жуть.

Черным лесом росли некрологи.
И хвалили! – В тех самых домах,
Где представить нельзя на пороге
Его в смятых простых сапогах.

И когда-то московской пропиской
Первый свой получив гонорар,
В наградные пожалован списки.
Поздний, жалкий, опасливый дар!

С фотографии, снятой при жизни,
Скорбно глядя сквозь траурный зал,
Как в последней своей кинотризне
Он над собственным гробом стоял.

Что он видел? Он мог бы по праву
От Москвы до Алтая страну
Видеть с черною лентой Урала,
Или просто: мать, дочку, жену?

В наши души, врастая глазами,
Он смотрел. И отчаянный крик:
«Земляки, что же сделалось с нами?!»
Каждый вспомнил. Хотя бы на миг.
1974

В. Помазов
ПАМЯТИ НИКОЛАЯ ДУБИНКИНА.

Я переехал в твой район.
Теперь из одного окошка
Мне виден твой панельный дом,
За ним – цветущая картошка.

Твоя родимая окраина
Прости, не так уж мне мила:
Нигде в России нет хозяина,
Но здесь совсем плохи дела.

Повсюду мусорные кучи,
Из них по берегам реки
Друг перед дружкой злей и круче
Выпячиваются особняки.

Пылит, подпрыгивая мимо,
«Икарус» желтый в Протвино.
За перекрестком пантомима:
Глухонемой берет вино.

Теперь нехватки, милый Коля
В нем нет: бери и наливай,
Но прежней радостью застолье
Уже не брызнет через край...

Тебя я помню и без даты:
Заходишь (как бы был толпой)
Чудной, взъерошенный, поддатый,
Но больше всех других живой.

И вот уж тренькает гитара,
И, чуть картавя, ты поешь...
В редакции портрет твой старый
Похож и вовсе не похож.

Сейчас – ходить бы рядом в гости,
Крестили б сына моего...
На сердце времени короста
И нивермора – «Ничего».
1997

ПРИЛЕПИН Захар (Евгений Николаевич) (род. 1975)

З. Прилепин

***

Я жил уже не раз,
Но больше жить не смею.
То чувственная страсть,
То вздорная идея
Дожить мешали мне,
Дособирать все крохи.
И нежил сладкий снег
Еловые дороги.

Прости мне, отче, что
Я не имел желанья
Ловить горячим ртом
Последнее дыханье.
Судьбы дар, как ни жаль,
Я не берег, не ластил.
И жизни не держал
За скользкие запястья.

Не сетуя, не злясь,
Я опадал неспелым.
Душа в который раз
Легко прощалась с телом.
Вместить не в силах речь
Времен и расстояний
От столь коротких встречь
И частых расставаний.

Я жил так часто, что
Забыл места и числа,
И вспоминать о том
Здесь не имеет смысла.
На войнах мировых
Не успевал стареть я, -
Погиб на двух из них
И попаду на третью.

ПРИХОДОВСКАЯ Екатерина Анатольевна (род. 1984)

К. Приходовская

***

Валялась дохлая собака у дороги,
Машины ездили, и люди мимо шли,
И ни смотрели ни ничтожества, ни боги,
На то, что гнило у обочины в пыли.
Ничья, случайная, ненужная, смешная,
Она немного прожила - почти щенок,
И если был бы рай, перед вратами рая
Она лизала бы архангелу сапог.
Иных собак мы почитаем, превозносим,
Они скрываются в обличии людей.

А эта мало прожила, легко и просто,
И ничего в пути не нужно было ей.
У ней была своя судьба, свои печали,
Дела, надежды, мысли, счастье, торжество...
Но никогда ее не замечали –
Лишь потому, что не кусала никого...
Она бежала по асфальтовой дороге,
Глядела в мир, о чем-то думала она...
Как много голода, а радости - немного,
Но хорошо, что потеплело, что весна...
Ей было холодно зимой, ей было плохо,
И в лапы нос дрожащий прятала, спала...
А мы оценим равнодушным словом "сдохла"
Исчезновение живого существа.
Ну что ж, и мы за кость грызем друг друга в драке,
Всю жизнь ища повсюду пищу и приют,
И души мертвые, как дохлые собаки,
На всех обочинах невидимо гниют.
О людях меньше слез и слов, чем о собаках;
Голодный псов не счесть, но что на них смотреть,
Когда и люди часто спят на свалках, -
Их почему-то некому жалеть...
Свои законы есть в звериной клетке:
Лизаться - к сильным, слабых - не спасти,
И слабые всегда грызут объедки
За теми, кто дорвался до кости...
На злых собак легко найти управу,
Трудней очистить мир от подлецов
Легко бывает заработать славу
Длиной когтей и остротой зубов!
И там одна задача - быть бы живу,
Тебя чтоб в драке не схватили в пасть
Те псы, над нами рвущие наживу,
Зубами раздирающие власть.
Они привыкли, устремляясь в драку
И капитал деля между собой,
Живых людей, как дохлую собаку
К обочине отшвыривать ногой.

К. Приходовская
***

Пройдут года, и в вечность нас уложат.
Как хлам, сожгут за нами корабли;
Пройдут века, и войны уничтожат
Всех лучших представителей Земли.
Умрут миры, отжившие когда-то,
В потоках эпидемий и смертей;
И будут жить средь горя и разврата
Лишь жалкие подобия людей.
Они забудут цель существованья,
Жизнь погрузив в мир пустоты и тьмы,
Ту цель, к которой через все страданья

Стремились, как к вершине счастья мы.
Кто виноват, что на пути обмана
Ведут года свой непрерывный бег,
Что стала человеком обезьяна,
И станет обезьяной человек?
1997

К. Приходовская
***

Годы развеются в прахе и пыли,
Страшных столетий забудутся были.
Эхо трагедий, страданий и горя
Вечность в своем похоронит просторе.
Мчатся по космосу будет планета –
Вечная молодость вечного света.
Вечное пламя гореть не устанет,
Скорбный венок никогда не увянет,
Чтобы потомки вовек не забыли
Страшных столетий кровавые были,
Чтобы на гибельный путь не ступили,
Зная, как мы погибали и жили,
Зная, что мы им стезю пролагали,
Зная, что мы за грядущее пали!

Верю! С героями прошлого вместе
В памяти их мы когда-то воскреснем.
Скажем потомкам: "Недаром мы жили!
Мы победили! Мы победили!"
1997

К. Приходовская
***

Не называй «козлом» ты никого:
Появятся рога у самого,
А с мелкою рогатою скотиной
Общаться можно только хворостиной.
И из козлёнка, как бы жизни ни шла,
Не вырастет никто, кроме Козла!

К. Приходовская
***

Умерла, умерла – опустела нора,
Убежала волчица в осенний закат...
Где-то рядом, как будто бы было вчера,
Все ласкает и лижет озябших волчат.

Как вибрирует время – вернутся ветра;
Принесут чьи-то зыбкие тени назад...
И сейчас, и всегда, сотни лет, как вчера,
Все ласкает волчица дрожащих волчат...

Рядом, рядом они – позови, помяну,
Не уходит бесследно, что было живым,
Не уходят – невидимо бродят они
Над покинутым домом своим.

Через тысячу лет – лишь ладонь протяни,
Повторяется все: те же птицы кричат,
В очагах загораются те же огни
Да все та же волчица ласкает волчат.
2004

К. Приходовская
***

Он был Аркашей из десятой школы.
Через четыре года – в универ.
Застенчивый, улыбчивый, весёлый,
Влюблённый в астрономию, и в тайны звёздных сфер,
И в одноклассницу… А после артобстрела
Осталось неопознанное тело.

Она была вахтёрша – тётя Вера,
Вставала в семь утра, шла на работу к девяти,
Соседского кота звала «моя пантера»,
Звонила дочке, торопясь прийти –
Понянчить двух внучат… А после артобстрела
Осталось неопознанное тело.

Она была малышкой годовалой,
Пелёнки голубые – в тон глазам.
Её котёнком мама называла,
Шутя, что не по дням, а по часам
Она растёт… А после артобстрела
Осталось неопознанное тело.

Мир! Тысячами жертвы ты считаешь –
Тела, что были мирными людьми.
Международным правом называешь
Международный произвол – опомнись, мир!
Зло, возомнившее себя твоим владыкой –
Лишь горстка варваров, погрязшая в крови.
Их власть, саму себя зовущую великой –
Как бешеных собак – останови.
2014

ПРОКОФЬЕВ Александр Андреевич (1900 - 1971)

А. Прокофьев
ТОВАРИЩ

А. Крайскому

Я песней, как ветром, наполню страну

О том, как товарищ пошел на войну.
Не северный ветер ударил в прибой,
В сухой подорожник, в траву зверобой, —
Прошел он и плакал другой стороной,
Когда мой товарищ прощался со мной.
А песня взлетела, и голос окреп.
Мы старую дружбу ломаем, как хлеб!
И ветер — лавиной, и песня — лавиной…
Тебе — половина, и мне — половина!
Луна словно репа, а звезды — фасоль…
«Спасибо, мамаша, за хлеб и за соль!
Еще тебе, мамка, скажу поновей:
Хорошее дело взрастить сыновей,
Которые тучей сидят за столом,
Которые могут идти напролом.
И вот скоро сокол твой будет вдали,
Ты круче горбушку ему посоли.
Соли астраханскою солью. Она
Для крепких кровей и для хлеба годна».
Чтоб дружбу товарищ пронес по волнам,
Мы хлеба горбушку — и ту пополам!
Коль ветер — лавиной, и песня — лавиной,
Тебе — половина, и мне — половина!
От синей Онеги, от громких морей
Республика встала у наших дверей!
1929

ПРОКОФЬЕВА Александрина Алексеевна (род. 2005)

А. Прокофьева

КАВКАЗ. БЕССМЫСЛЕННАЯ ВОЙНА

посвящается моему папе,
который воевал в Чечне

Между венами чёрная горечь.
Между артериями боль и страх.
Смотрит на мир сквозь прицел автомата –
Так повелел Аллах.

Парень кудрявый, русоволосый,
Ну-ка, не вешай нос!
Мать, провожая сына, рыдала:
«Пусть будет с тобой Христос».

Мальчишка чумазый, совсем несмышленый,
Ему бы учебник прочесть.
Чистит оружье, готовится к бою –
Война за Аллаха – честь.

А за горою, в соседнем ауле,
Где только что кончен бой,
Спит раненый парень и шепчет сквозь боли:
«Спасибо, Христос, что живой».

А завтра друг в друга стрелять будут снова
Мальчишки совсем – простота.
Один призовет Аллаха родного,
Другой призовёт Христа.

Пока наши парни друг в друга стреляют,
И сеют ненависть, боль и страх,
На облаках о детях рыдают
Обнявши друг друга, Христос и Аллах.

А. Прокофьева
ЧТО ТАКОЕ РОДИНА?

Как-то на перроне, средь метели зимней
Двое иностранцев у меня спросили:
«Ты вот, россиянка. Чем же здесь гордиться?
Надо бы в хорошем месте народиться!

Есть места прекрасные, где тепло – не холодно,
Люди все культурные и не пьяны вроде бы.
Много интересного, модного, свободного.»
Отвечала честно я – что такое Родина.

В Африке теплее, в Африке красивее.
Там слоны, жирафы и даже крокодилы.
Ну, а мне роднее милая Россия,
Что меня такую когда-то породила.

С белою берёзкой и с зелёной елью,
С радугой в полнеба, с соловьиной трелью,
С клюквой на болоте, с аистами в небе.
Нет милей России, где б ты был и не был.

Хорошо в Европе, мода вся в Париже.
Красота, культура, только там и жить бы.
Только, почему-то, мне Россия ближе.
С золотой пшеницей и с лисою рыжей.

С матерной частушкой полупьяный дворник
И, как воробьишки, стайками девчонки.
Неметёный, пыльный, полутёмный дворик.
Взгляд, немного грустный, из под русой чёлки.

Хорошо в Америке – Голливуд и клубы,
Наркота, оружие и свобода нравов.
А вот мне привычнее заводские трубы
Нашего посёлка. Может не права я?

На работу - с зорькою. Воевать – так с песнею.
И траву косою – деды как косили.
Пить – так до упаду. Горевать – так весело.
Потому и гордая – что живу в России.

А. Прокофьева
СПЕЦНАЗ ВДВ

Посвящаю маме и папе

Полон дом гостей. Ах, лето!
Удалых, шальных.
Все в тельняшках и беретах
Ярко-голубых.

Мама с папой то ж в ажуре.
В глазках бесов сонм…
И парадка по фигуре,
И медалей звон.

И на кудрях вздёрнут лихо
Голубой берет.
Десантура бродит… Тихо!
Всё! Тушите свет!

Водка, шашлыки и песни
Под гитару здесь.
И, конечно, интересны
Разговоры есть.

Как Чечню прошли удачно
И Азербайджан…
Напоследок очень смачно
Вспомнят про Афган.

И пошли гулять в округу.
Вся в полосках грудь.
Ты, Россия, блин, подруга,
С десантурой будь!

А они тебя готовы
Заслонить собой…
За родимые просторы
И сейчас, хоть, в бой!

Редко праздники бывают
У таких людей.
Выпивают. Поминают
Умерших друзей.

Этот праздник, то ж с грустинкой…
Каждый здесь – герой!
С глаз смахнув тайком слезинку,
Молча, пьют второй…

Тост второй «За тех, что где-то…».
Фото – чёрный кант…
Праздник. Слёзы. Пьянка. Лето.

Куролесь, десант!

А. Прокофьева
У ОБЕЛИСКА

Памяти огонь среди осинок
Сполохами лижет по лицу,
Под небесным сводом чисто-синим
У статуи павшему бойцу.

На краю деревни в старой школе,
Госпиталь работал, где в войну,
Там у леса выстроились в поле
Крестики в шеренгу, как в строю.

Май. Мария – старая соседка,
Что из дома-то выходит редко,
С пенсии выкраивает сотку,
Покупает белый хлеб и водку.

Вечером приходит к обелиску,
Митинги закончились уже.
И тихонько поминает близких
С горькою печалью на душе.

Тяжело на лавочку садится,
На груди медалей перезвон.
И на постамент у обелиска
Водку ставит и кладет батон.

Достает стаканы из кошёлки,
Пластиковые, бежит прогресс,
И батон. Нарезка очень тонкая.
А в войну не знали тех чудес.

Разливает водку по стаканам,
Сверху по батончику кладет,
Свечку зажигает, поминает,
Каждого по имени зовет:

«Вот стакан Витеньке – мужу.
Под Киевом был контужен.
Умер, не приходя в сознание
В госпитале, где – не знаю.

Это для брата Феди.
Сгорел в самолете Федя
У самого у Берлина
За пять деньков до Победы.

Этот – сестренке Свете.
Убили её на рассвете,
В Освенциме расстреляли.

Звездочкой где-то светит.

Этот для милого бати.
Батя служил в автобате.
В машине сгорел в Ленинграде.
Хлебушко вез блокаде.

А это тому санитару,
Что выносил с поля боя,
От смерти укрыл собою.
Не знаю, жаль имя героя».

Баба Маша в красивую кружечку,
Льёт молочко, сверху булочку.
«Это племяшу Сереженьке,
В концлагере мертворожденному».

А себе в стаканчик наливает
Из кастрюли слабенького чая.
«Ну, а я вас чаем поминаю,
Чай с баранкой очень уважаю».

Может, я чего не понимаю,
Но ползет слезинка по лицу,
Когда вижу, как шагает в мае
Баба Маша к «Павшему бойцу».

ПШЕНИЧНЫЙ Анатолий Григорьевич (род. 1948)

А. Пшеничный
БАЛЛАДА О КЛАССНОМ РУКОВОДИТЕЛЕ.

1.
Ленты орденских планок
Знали мы наизусть,
Он учил нас не плакать –
Если боль или грусть.
Брал журнал и указку,
Щурил пристально глаз.
Крикнет кто-нибудь:
– Классный!
И входил он в наш класс.
Словно утро, – привычный
И седой, словно мел,
Он оценок отличных
Никогда не жалел.
И гордились всем классом
Мы еще потому,
Что майором запаса
Он закончил войну…
Мы простились с ним летом,
Погрустили о том...
А историю эту

Я услышал потом.
2.
Сорок первый. Лето. Главным праздником –
Выпускной, последний школьный бал.
До утра своих десятиклассников
Молодой учитель провожал.
Провожал, не ведая, что сбудутся
Их мечты о встрече через год,
Что вот эти – пятеро смеющихся –
Попадут в его стрелковый взвод.
И что он, встречая пополнение,
Вдруг сорвет фуражку с головы.
И не по уставу – от волнения –
Кто-то переспросит: – Это вы?!

На высоте с расщепленною елью
Уже вторые сутки напролет
Осколки перепахивали землю,
И врос в суглинок поредевший взвод.
Но, раздвигая рощицы останки,
Заскрежетала бешено броня.
И вдоль окопов полетело: «Танки!..»
И крикнул взводный: – Слушайте меня!..
Но подтянув ремень помятой каски
И сбросив скатку с пыльного плеча,
Сказал боец: – Ясна задача, классный, –
И улыбнулся: – Можно отвечать?

И в тыл ушли пять уголков-конвертов,
Где от руки под штампом фронтовым:
«…Я ставлю сыну вашему посмертно
Оценку «пять» за прожитое им…»
4
Сорок синих тетрадок,
Сорок новых путей.
Видно, в мире порядок,
Если столько детей.
Сочинения тема –
«Я люблю тебя, Русь».
И опять налетела
Стародавняя грусть.
И глаза стали строже,
И опять вдоль щеки,
Словно пули под кожей, –
Вдруг пошли желваки.
1975

РАТУШИНСКАЯ Ирина Борисовна (1954 - 2017)

И. Ратушинская
***

Ну, купите меня, купите —

Я такой хороший и рыжий.
Ну, возьмите — и не любите,
Но внесите к себе под крышу.

Я вам буду ловить мышей,
А если отважусь — крыс,
Домовых прогоню взашей,
И приду на ваше «кис-кис».

Я буду вам песни петь,
Согревая ваш ревматизм.
И на свечи ваши смотреть
С подоконника — сверху вниз.

Заберите меня из клетки —
Я во все глаза вам кричу!
И не бойтесь нудной соседки —
Уж ее-то я приручу.

Откупите меня у смерти!
Ну, кого еще вы откупите?!
Вы вздыхаете, будто верите,
Сквозь решетку пальцем голубите…

И уйдете, как все другие.
И не будет тепла и чуда…
О, единственные! Дорогие!
Заберите меня отсюда!!!

И. Ратушинская
***

Ты в первый раз влюблен,
Тебе пятнадцать лет,
И ты умнее всех и благородней...
Ты в первый раз проснулся с криком "Нет!"
И жмет в плечах привычное сегодня.
Княжонок, переросший свой удел,
Немилый сын в обтрепанных штанинах,
Смешной птенец, что из гнезда слетел
Под натиском кукушкиного сына!
Еще событье - двойка за урок,
Уже событье - девичья усмешка...
Нотации - не в страх, не в смех, не впрок.
Учителя! Не состоялась пешка!
Утрата! Созывайте педсовет!
Вы чуете - привычными ноздрями –
  Еще одно безжалостное "нет",
Сметающее напрочь - с октябрями,
Парадами, газетами, враньем –
И вас, таких умелых и трусливых.
Вам страшно, правда? Думали: добьем,
Чтобы как мы... А эти дурни живы!

Целуются, печалятся, поют –
По-варварски неловко, но без фальши.
О, нет, не бойтесь.
Эти не убьют. Им не до вас.
Им дальше. Дальше.
18 августа 1989

И. Ратушинская
ТОСТ

Тетя Песя прибавила в весе
И никак похудеть не могла.
- Ой, - сказала себе тетя Песя,
И до моря топиться пошла.

И туда же спешил дядя Боря,
Он виагры три пачки купил,
И шагал он, шатаясь от горя,
Убедясь, что навеки остыл.

За причалами с жизнью прощаясь
Лили слезы и он и она.
Облака над водой улыбались,
В берег пенная била волна.

Но, поднявши глаза, дядя Боря
Вдруг увидел роскошный объем.
И он вздрогнул, как кот на заборе,
Ощутив в организме подъем.

Улыбнулась ему, тетя Песя,
И решили они: Таки да!
Недопето еще столько песен,
Утопиться сумеем всегда.

Шли в обнимку обое от моря,
Целовались, как дети, взасос.
- Будьте счастливы, Песя и Боря!-
Поздравлял их одесский Привоз.

И забыли они за диеты,
За виагры и всех докторов.
Их любовь воспевают поэты
Из соседних и дальних дворов.

Если ночью вы слышите стоны,
Не спешите скандал поднимать.
Там не мочит никто Дездемону,
Это Песина стонет кровать.

Ну так выпьем, чтоб было у Бори,
Чтобы Песя пекла пироги,
Чтоб мы были здоровы, а в море

Чтоб топилися наши враги.

РОЖДЕСТВЕНСКИЙ Роберт Иванович (1932 - 1995)

Р. Рождественский
ХИРОСИМА

Город прославился так:
Вышел военный чудак,
Старец с лицом молодым.
"Парни, - сказал он, - летим!
Мальчики, время пришло,

Дьявольски нам повезло!.."

В семь сорок девять утра
Все было так, как вчера.
"Точка... - вздохнул офицер, -
Чистенько вышли на цель..."

В восемь двенадцать утра
Сказано было: "Пора!.."

В восемь пятнадцать,
Над миром взлетев,
Взмыл торжествующий
Дымный клубок!
Солнце зажмурилось,
Похолодев,
Вздрогнули оба:
И "Боинг", и Бог!..
Штурман воскликнул:
"Ой, как красиво!..."

В эту секунду,
В расплавленной мгле
Рухнули все
Представленья о зле...
Люди узнали, что на Земле
Есть Хиросима...
И нет Хиросимы...

Р. Рождественский
МОНОЛОГ ЦАРЯ ЗВЕРЕЙ

В катакомбах музея пылятся пастушья свирель,
Бивень мамонта, зуб кашалота и прочие цацки...
Человек! Ты послушай Царя терпеливых зверей.
И прости, что слова мои будут звучать не по-царски.
Я последний из львов, но пускай за меня говорят
Лань в объятьях капкана, ползучего смога громадность.
И дельфинья семья, за которой неделю подряд
С вертолета охотился ты, чтоб развеяться малость.

Пусть тебе повстречается голубь, хлебнувший отрав,
Муравейник сожженный, разрытые норы барсучьи,
оглушеная семга, дрожащий от страха жираф
и подстреленный лебедь, и чайки по горло в мазуте.
Пусть они голосят, вопрошая карающий век.
Пусть они стороною обходят любую машину...
Ты - бесспорно - вершина природы, мой брат, человек.
Только где и когда ты встречал без подножья вершину?

Ты командуешь миром. Пророчишь. Стоишь у руля.
Ты - хозяин. Мы спорить с тобой не хотим и не можем.
Но без нас - ты представь! - разве будет землею земля?
Но без нас - ты пойми! - разве море останется морем?
Будут жить на бетонном безмолвье одни слизняки.
Океан разольётся огромной протухшею лужей!
Я тебя не пугаю. Но очень уж сети крепки.
И растет скорострельность твоих замечательных ружей.

Всё твоё на планете! А нашего нет ничего.
Так устроена жизнь. Мы уже лишь на чучела сгожи.
Зоопарки твои превосходны. Да жаль одного:
мы в твоих зоопарках давно на себя не похожи...
Так устроена жизнь. Мы поладить с тобой не смогли.
Нашу поступь неслышную тихие сумерки спрячут.
Мы уходим в историю этой печальной земли.
Человечьи детеныши вспомнят о нас и заплачут...

Мы - пушистые глыбы тепла. Мы - живое зверьё.
Может правда, что день ото дня мир становится злее?
Вот глядит на тебя поредевшее царство моё.
Не мигая, глядит. И почти ни о чём не жалея.
И совсем ничего не прося. Ни за что не коря.
Видно, в хоботы, ласты и когти судьба не даётся...
Я с седеющей гривы срываю корону Царя!
И реву от бессилья... А что мне ещё остаётся?

РОМАНЕНКО Надежда (род. 1982)

Н. Романенко
***

Рассвет посеребрил
верхушки небоскребов…
Прекрасен и жесток
Мир,
созданный руками Человека.
1999

РОСС А ()

А. Росс
СЕМЬЯ

Раз Еве сказал прародитель Адам:
«Семь важных вопросов тебе я задам.
Ответь, плот от кости, без смеха, всерьез,
Сначала на простенький первый вопрос:
Кто деток родит мне, Богиня моя?»
И Ева, подумав, ответила: «Я!»
«Смекнула, поди-ка», - Адам произнес, -
А ну, рассмотри посложнее вопрос:
«Кто их воспитает, голубка моя?»
«Ну, ты и спросил. Разумеется, я!»
«Шустра, не подъедешь, вокруг посмотри,
Пещерный приют неуютен внутри.
Кто стены расцветит узором из роз?
Попробуй ответить на третий вопрос:
Кто нам приспособит жильё для житья?»
Вздохнула она: «Ну, естественно, я!»
«Опять же кормежка», - талдычит Адам,
- Конечно, картошки и мяса я дам.
Но кто наготовит еды и питья?»
«Я, миленький, - Ева ответила, - я!»
«Кто скуку развеет, спасет от хандры.
Воспеть нам сумеет иные миры?» -
Она улыбнулась, любви не тая,
И снова ответила: «Кажется, я!»
Но неблагодарный колчаном трясет
И снова коварный вопрос задает:
«Кто к стрелам моим прикрепит острия?
Кто сети сплетет, мурмулетка моя?»
«Я!» – Крикнула Ева, сама не своя,
И снова спокойней ответила: «Я!»

Сказала она знаменитых семь «Я!»,
Вот так на Земле появилась семья.

РУБЦОВ Николай Михайлович (1936 - 1971)

Н. Рубцов
ВИДЕНИЯ

Взбегу на холм и упаду в траву.
И древностью повеет вдруг из дола!
И вдруг картины грозного раздора
Я в этот миг увижу наяву.
Пустынный свет на звёздных берегах
И вереницы птиц твоих, Россия,
Затмит на миг
В крови и в жемчугах
Тупой башмак скуластого Батыя…

Россия, Русь - куда я ни взгляну…
За все твои страдания и битвы
Люблю твою, Россия, старину,

Твои леса, погосты и молитвы,
Люблю твои избушки и цветы,
И небеса, горящие от зноя,
И шёпот ив у омутной воды,
Люблю навек, до вечного покоя…
Россия, Русь! Храни себя, храни!
Смотри, опять в леса твои и долы
Со всех сторон нагрянули они,
Иных времён татары и монголы.
Они несут на флагах чёрный крест,
Они крестами небо закрестили,
И не леса мне видятся окрест,
А лес крестов в окрестностях России.

Кресты, кресты… Я больше не могу!
Я резко отниму от глаз ладони
И вдруг увижу: смирно на лугу
Траву жуют стреноженные кони.
Заржут они - и где-то у осин
Подхватит эхо медленное ржанье,
И надо мной – бессмертных звёзд Руси,
Спокойных звёзд безбрежное мерцанье…
1962

Н. Рубцов
ДОБРЫЙ ФИЛЯ

Я запомнил, как диво,
Тот лесной хуторок,
Задремавший счастливо
Меж звериных дорог…

Там в избе деревянной,
Без претензий и льгот,
Так, без газа, без ванной,
Добрый Филя живет.

Филя любит скотину,
Ест любую еду,
Филя ходит в долину,
Филя дует в дуду!

Мир такой справедливый,
Даже нечего крыть…
— Филя, что молчаливый?
— А о чем говорить?
1962

Н. Рубцов
СУДЬБА

Лёгкой поступью, кивая головой,
Конь в упряжке прошагал по мостовой.

Как по травке, по обломкам кирпича
Прошагал себе, телегой грохоча.
Между жарких этих каменных громад
Как понять его? Он рад или не рад?
Бодро шёл себе, накормленный овсом,
И катилось колесо за колесом…

В чистом поле меж товарищей своих
Он летал, бывало, как весенний вихрь,
И не раз подружке милой на плечо
Он дышал по-молодому горячо.
Но однажды в ясных далях сентября
Занялась такая грустная заря!
В чистом поле, незнакомцев веселя,
Просвистела, полонив его, петля.

Тут попал он, весь пылая и дрожа,
Под огонь ветеринарного ножа,
И поднялся он, тяжёл и невесом…
Покатилось колесо за колесом.
Долго плёлся он с понурой головой
То по жаркой,
То по снежной мостовой,
Но и всё-таки, хоть путь его тяжёл,
В чём-то он успокоение нашёл.
Что желать ему? Не всё ли уж равно?
Лишь бы счастья
Было чуточку дано,
Что при солнце, что при дождике косом…
И катилось колесо за колесом.
1963

Н. Рубцов
ЗВЕЗДА ПОЛЕЙ

Звезда полей во мгле заледенелой,
Остановившись, смотрит в полынью.
Уж на часах двенадцать прозвенело,
И сон окутал родину мою…

Звезда полей! В минуты потрясений
Я вспоминал, как тихо за холмом
Она горит над золотом осенним,
Она горит над зимним серебром…

Звезда полей горит, не угасая,
Для всех тревожных жителей земли,
Своим лучом приветливым касаясь
Всех городов, поднявшихся вдали.

Но только здесь, во мгле заледенелой,
Она восходит ярче и полней,
И счастлив я, пока на свете белом

Горит, горит звезда моих полей…
1964

Н. Рубцов
ЖУРАВЛИ

Меж болотных стволов красовался восток огнеликий…
Вот наступит октябрь - и покажутся вдруг журавли!
И разбудят меня, позовут журавлиные клики
Над моим чердаком, над болотом, забытым вдали…

Широко по Руси предназначенный срок увяданья
Возвещают они, как сказание древних страниц.
Всё, что есть на душе, до конца выражает рыданье
И высокий полёт этих гордых прославленных птиц.

Широко на Руси машут птицам согласные руки.
И забытость болот, и утраты знобящих полей –
Это выразят всё, как сказанье, небесные звуки,
Далеко разгласит улетающий плач журавлей…

Вот летят, вот летят… Отворите скорее ворота!
Выходите скорей, чтоб взглянуть на любимцев своих!
Вот замолкли - и вновь сиротеет душа и природа
Оттого, что - молчи! - так никто уж не выразит их…
1965

Н. Рубцов

Под ветвями плакучих деревьев
В чистых окнах больничных палат
Выткан весь из пурпуровых перьев
Для кого-то последний закат…
Вроде крепок, как свеженький овощ,
Человек, и легка его жизнь! –
Вдруг проносится «скорая помощь»,
И сирена кричит: «Расступись!»
Вот и я на больничном покое.
И такие мне речи поют,
Что грешно за участье такое
Не влюбиться в больничный уют!
В светлый вечер под музыку Грига
В тихой роще больничных берёз
Я бы умер, наверно, без крика,
Но не смог бы, наверно, без слёз…
Нет, не всё, - говорю, - пролетело!
Посильней мы и этой беды!
Значит, самое милое дело –
Это выпить немного воды,
Посвистеть на манер канарейки
И подумать о жизни всерьёз
На какой-нибудь старой скамейке
Под ветвями больничных берёз…

1970

Н. Рубцов
***

Смерть приближалась, приближалась,
Совсем приблизилась уже, -
Старушка к старику прижалась,
И просветлело на душе!

Легко, легко, как дух весенний,
Жизнь пролетела перед ней,
Ручьи казались, воскресенье,
И свет, и звон пасхальных дней!

И невозможен путь обратный,
И славен тот, который был,
За каждый миг его отрадный,
За тот весенний краткий пыл.

- Всё хорошо, всё слава Богу… -
А дед бормочет о своём,
Мол, поживи ещё немного,
Так вместе, значит, и умрём.

- Нет, - говорит. - Зовёт могилка.
Не удержать меня теперь.
Ты, - говорит, - вина к поминкам
Купи. А много-то не пей…

А голос был всё глуше, тише,
Жизнь угасала навсегда,
И стало слышно, как над крышей
Тоскливо воют провода…
1970

Н. Рубцов
***

Я умру в крещенские морозы.
Я умру, когда трещат берёзы.
А весною ужас будет полный:
На погост речные хлынут волны!
Из моей затопленной могилы
Гроб всплывёт, забытый и унылый,
Разобьётся с треском, и в потёмки
Уплывут ужасные обломки.
Сам не знаю, что это такое…
Я не верю вечности покоя!
1970
Примечание: Николай рубцов погиб 19 января 1971 года
в день православного праздника Крещения.

РУЖАСКИЙ Б. ()
Член Литобъединения «Серпейка» гор. Серпухов

Б. Ружанский
БАСНЯ БЕЗ МОРАЛИ

Свинья выходит замуж в третий раз,
Жених - достойный хряк-пьянчуга,
Сощурив красный захмелевший глаз,
Он говорил ей: "Ты моя подруга.
Давай хлебать со мною заодно,
Я чувствую, как ты мне рада,
Я, например, любое пью вино,
От самогона до денатурата.
У нас с тобой единство душ,
И неразрывны наши связи,
И я и ты не можем жить без луж,
Точнее говоря, без грязи.
Икаю я, хотя тобой согрет,
Ты молодец - плюешь на материнство.
Дай мне вина! Гляди, уже рассвет...
Хряк окосел. Морали в басне нет,
Зато с избытком свинства.
1976

РУЧЬЕВ Борис Александрович (1913 - 1973)

Б. Ручьев
***

Когда бы мы, старея год от году,
всю жизнь бок о бок прожили вдвоем,
я, верно, мог бы лгать тебе в угоду
о женском обаянии твоем.
Тебя я знал бы в платьицах из ситца,
в домашних туфлях, будничной, такой,
что не тревожит, не зовет, не снится,
привыкнув жить у сердца, под рукой.
Я, верно, посчитал бы невозможным,
что здесь, в краю глухих, полярных зим,
в распадках горных, в сумраке таежном,
ты станешь красным солнышком моим.
До боли обмораживая руки,
порой до слез тоскуя по огню,
в сухих глазах, поблекших от разлуки,
одну тебя годами я храню.
И ты, совсем живая, близко-близко,
все ласковей, все ярче, все живей,
идешь ко мне с тревогой материнской
в изломе тонких девичьих бровей.
Еще пурга во мгле заносит крышу
и, как вчера, на небе зорьки нет,
а я уже спросонок будто слышу:

«Хороший мой. Проснись. Уже рассвет...»
Ты шла со мной по горным перевалам,
по льдинкам рек, с привала на привал.
Вела меня, когда я шел усталым,
и грела грудь, когда я замерзал.
А по ночам, жалея за усталость,
склонясь над изголовьем, как сестра,
одним дыханьем губ моих касалась
и сторожила сон мой до утра.
Чтоб знала ты: в полярный холод лютый,
в душе сбирая горсть последних сил,
я без тебя — не прожил ни минуты,
и без тебя — ни шагу не ступил.
Пусть старый твой портрет в снегах потерян,
пусть не входить мне в комнатку твою,
пусть ты другого любишь, — я не верю,
я никому тебя не отдаю.
И пусть их, как назло, бушуют зимы, —
мне кажется, я всё переживу,
покуда ты в глазах неугасима
и так близка мне в снах и наяву.

РЫЖИЙ Борис Борисович (1974 - 2001)

Б. Рыжий
ЗАВЕЩАНИЕ

В.С.

Договоримся так: когда умру,
ты крест поставишь над моей могилой.
Пусть внешне будет он как все кресты,
но мы, дружище, будем знать с тобою,
что это — просто роспись. Как в бумаге
безграмотный свой оставляет след,
хочу я крест оставить в этом мире.

Хочу я крест оставить. Не в ладах
я был с грамматикою жизни.
Прочел судьбу, но ничего не понял.
К одним ударам только и привык,
к ударам, от которых, словно зубы,
выпадывают буквы изо рта.
И пахнут кровью.
1993

Б. Рыжий
***

Я в детстве думал: вырасту большим –
И страх и боль развеются, как дым.
И я увижу важные причины,
Когда он станет тоньше паутины.
Я в детстве думал: вырастет со мной

И поумнеет мир мой дорогой.
И ангелы, рассевшись полукругом,
Поговорят со мною и друг с другом.
Сто лет прошло. И я смотрю в окно.
Там нищий пьет осеннее вино,
Что отливает безобразным блеском…
А говорить мне не о чем и не с кем.
1996

САМАРИНА-ЛАБИРИНТ Ирина (род. 1981)

И. Самарина-Лабиринт
***

Простите нас, родные россияне…
Пока ещё вращается земля,
Мы братьями вам быть не перестанем…
Нас предала не Родина моя,

Не люди, что на площадь выходили,
Пытаясь наболевшее сказать,
А те, кто нашу Родину купили…
Купили, чтобы выгодно продать…

Правители приходят и уходят…
Кого-то помнят долго и с добром…
Но комом каждый президент выходит,
Как первый блин, в моём краю родном…

Нас ссорили с экранов и смеялись,
Что разругались братья в пух и прах…
Но верю, мы в душе людьми остались…
И понесём друг друга на руках,

Когда из нас кого-то ранят в спину,
Не будем о гражданстве вспоминать…
Я верю, что не может Украина
На братские народы наплевать…

Простите нас, что вас не пропускаем
На собственных границах, как врагов…
Простите, что каналам доверяем,
Где нас считают всех за дураков,

Показывают войны, истерию
И получают в долларах паёк…
Но нету Украины без России,
Как без ключа не нужен и замок…

Мы все – одна семья… Пусть разругались,
Но ссоры ведь случаются в семье…
И главное, чтоб мы людьми остались,
А не зверьми, готовыми к войне,

За земли, за туманные идеи,
Забыв о том, что детям нужен мир…
Я думать по-другому не умею…
А мы для власти нашей – просто тир…

Хотят, на нас же армию направят…
Хотят, на воздух нам введут налог…
Но разлюбить Россию не заставят…
Пока мы вместе, с нами вместе Бог!
2014

И. Самарина-Лабиринт
В ПАРАЛЛЕЛЬНОЙ ВСЕЛЕННОЙ

А там далеко, в параллельной вселенной,
Котята топили людей…
Им было не жалко людей совершенно,
Кошачьи устои важней…

Там пёс прогонял человека под ливень,
И лапой, в придачу, пинал.
А тот, кто поистине добр и наивен,
Вселенною той управлял…

Там хитрых и жадных прозвали лохами
И дурят на каждом шагу…
Там помнят всегда о стареющей маме
И людям любимым не лгут…

Там можно любить, но нельзя ненавидеть,
Ведь ненависть рушит сердца!
И там старика не посмеют обидеть…
Там сын уважает отца.

Там люди с улыбкой встречают восходы
И Господа благодарят.
Там женственность, мужество – главная мода,
А искренность – лучший наряд.

А если опасность к стране подступает –
Политики шлют сыновей
Отважных своих, и они побеждают,
Не трогая мирных людей…

Там люди хорошее видят друг в друге,
И это не новый айфон.
Там чувства взаимные ценят супруги,
Семейное счастье – закон…

Там дети счастливые с папой и мамой
Общаются по вечерам…
Там добрых и честных поступков реклама

Расклеена по городам.

Котята, конечно, людей не топили,
В них столько жестокости нет…
Там люди людей, а не вещи любили,
И в этом, наверно, секрет…

Там царство небесное раем считают,
И, мудрые, не по годам,
Всех грешных людей, что у них умирают,
Не в ад отправляют, а к нам…
2016

САМОЙЛОВ Давид (КАУФМАН Давид Самуилович) (1920 - 1990)

Д. Самойлов
***

Сороковые, роковые,
Военные и фронтовые,
Где извещенья похоронные
И перестуки эшелонные.

Гудят накатанные рельсы,
Просторно. Холодно. Высоко.
И погорельцы, погорельцы
Кочуют с запада к востоку…

А это я на полустанке
В своей замурзанной ушанке,
Где звёздочка неуставная,
А вырезанная из банки.

Да, это я на белом свете,
Худой, веселый и задорный.
И у меня табак в кисете,
И у меня мундштук наборный.

И я с девчонкой балагурю,
И больше нужного хромаю
И пайку надвое ломаю,
И все на свете понимаю.

Как это было! Как совпало –
Война, беда, мечта и юность!
И это всё в меня запало
И лишь потом во мне очнулось!..

Сороковые, роковые,
Свинцовые, пороховые…
Война гуляет по России,
А мы такие молодые!
1961

СВЕТЛОВ (ШЕЙНКМАН) Михаил Аркадьевич (1903 – 1964)

М. Светлов
ГРЕНАДА

Мы ехали шагом,
Мы мчались в боях
И «Яблочко»-песню
Держали в зубах.
Ах, песенку эту
Доныне хранит
Трава молодая —
Степной малахит.

Но песню иную
О дальней земле
Возил мой приятель
С собою в седле.
Он пел, озирая
Родные края:
«Гренада, Гренада,
Гренада моя!».

Он песенку эту
Твердил наизусть…
Откуда у хлопца
Испанская грусть?
Ответь, Александровск,
И Харьков, ответь:
Давно ль по-испански
Вы начали петь?

Скажи мне, Украйна,
Не в этой ли ржи
Тараса Шевченко
Папаха лежит?
Откуда ж, приятель,
Песня твоя:
«Гренада, Гренада,
Гренада моя»?

Он медлит с ответом,
Мечтатель-хохол:
— Братишка! Гренаду
Я в книге нашел.
Красивое имя,
Высокая честь —
Гренадская волость
В Испании есть!

Я хату покинул,
Пошел воевать,

Чтоб землю в Гренаде
Крестьянам отдать.
Прощайте, родные!
Прощайте, семья!
«Гренада, Гренада,
Гренада моя!»

Мы мчались, мечтая
Постичь поскорей
Грамматику боя —
Язык батарей.
Восход поднимался
И падал опять,
И лошадь устала
Степями скакать.

Но «Яблочко»-песню
Играл эскадрон
Смычками страданий
На скрипках времен…
Где же, приятель,
Песня твоя:
«Гренада, Гренада,
Гренада моя»?

Пробитое тело
Наземь сползло,
Товарищ впервые
Оставил седло.
Я видел: над трупом
Склонилась луна,
И мертвые губы
Шепнули: «Грена…»

Да. В дальнюю область,
В заоблачный плес
Ушел мой приятель
И песню унес.
С тех пор не слыхали
Родные края:
«Гренада, Гренада,
Гренада моя!»

Отряд не заметил
Потери бойца
И «Яблочко»-песню
Допел до конца.
Лишь по небу тихо
Сползла погодя
На бархат заката
Слезинка дождя…

Новые песни

Придумала жизнь…
Не надо, ребята,
О песне тужить,
Не надо, не надо,
Не надо, друзья…
Гренада, Гренада,
Гренада моя!
1926

М. Светлов
***

Ночь стоит у взорванного моста,
Конница запуталась во мгле...
Парень, презирающий удобства,
Умирает на сырой земле.

Теплая полтавская погода
Стынет на запекшихся губах,
Звезды девятнадцатого года
Потухают в молодых глазах.

Он еще вздохнет, застонет еле,
Повернется на бок и умрет.
И к нему в простреляннной шинели
Тихая пехота подойдет.

Юношу стального поколенья
Похоронят посреди дорог,
Чтоб в Москве еще живущий Ленин
На него расчитывать не мог.

Чтобы шла по далям живописным
Молодость в единственном числе...
Девушки ночами пишут письма,
Почтальоны ходят по Земле.
1931

М. Светлов
ИТАЛЬЯНЕЦ

Черный крест на груди итальянца,
Ни резьбы, ни узора, ни глянца, -
Небогатым семейством хранимый
И единственным сыном носимый…

Молодой уроженец Неаполя!
Что оставил в России ты на поле?
Почему ты не мог быть счастливым
Над родным знаменитым заливом?

Я, убивший тебя под Моздоком,
Так мечтал о вулкане далеком!

Как я грезил на волжском приволье
Хоть разок прокатиться в гондоле!

Но ведь я не пришел с пистолетом
Отнимать итальянское лето,
Но ведь пули мои не свистели
Над священной землей Рафаэля!

Здесь я выстрелил! Здесь, где родился,
Где собой и друзьями гордился,
Где былины о наших народах
Никогда не звучат в переводах.

Разве среднего Дона излучина
Иностранным ученым изучена?
Нашу землю — Россию, Расею —
Разве ты распахал и засеял?

Нет! Тебя привезли в эшелоне
Для захвата далеких колоний,
Чтобы крест из ларца из фамильного
Вырастал до размеров могильного…

Я не дам свою родину вывезти
За простор чужеземных морей!
Я стреляю — и нет справедливости
Справедливее пули моей!

Никогда ты здесь не жил и не был!..
Но разбросано в снежных полях
Итальянское синее небо,
Застекленное в мертвых глазах…
1943.

СЕДОВ Александр Евгеньевич (1954 – 2016)

А. Седов
ЩАВЕЛЬ

Я крепким ребенком в семье образованной рос.
Меня воспитали - без комплексов, но с головой.
Почтенье к натурфилософии не привилось:
Все ниже колена зеленое звал я травой.

Недавно вздыхали и шлялись по нашей земле
Хмыри и эстеты, травинки да нотки любя.
Но их раздавили, сказавши нам: "Парни, смелей!
Всю вашу ответственность смело берем на себя!.."

-"Так что, получается, мама, мы лучше других,
И можно во имя идеи людей убивать?" –
С парада вернувшись я маму спросил и затих;
И тихо ответила "Да" моя добрая мать...

... И нам разъяснили преданья седой старины;
Научным путем доказали, что боженьки нет,
Что флаги - как алая кровь, потому и красны,
А знак на них - символ грядущих великих побед,

Которые наш возрожденный великий народ
Во имя потомков на целой планете свершит.
Под песни и марши мы хором кричали: "Вперед!"
И выросли крепкими - тверже, чем сталь и гранит.

Мы гниль иностранную вывели с нашей земли
И нескольким странам оружием дали прогресс.
И солнце вставало оттуда, куда мы пошли,
Гремя по полям и лесам и сверкая с небес.

...Мы сеяли смерть и пожары, но запахи трав
Угар заглушали. Мы вешали здешних людей –
И молча они умирали, своих не предав,
Бежавших в леса, становившихся злей и сильней...

...И вот мы в болотном краю. В окружении. Год
Нас бьют партизаны, как зайцев. Утеряна цель.
На здешних лугах кисловатая травка растет.
Зовут ее русские "щ'авель", а, может, "щав'ель"...

В эсэсовской каске варю себе ... тр'аву?.. трав'у?
Вся пища из этого, как его, щ'авеля?.. иль щавел'я?..
Я - просто убийца. Зачем я на свете живу?..
Простреленный труп принимает любая земля.

Оставлю в кармане немного готических строк.
Мой череп с улыбкою будет глядеть из плаща,
Как влезет в ремень автомата зеленый росток
Корявой, немыслимой русскою буквою "Щ"...

СЕРМАН Б. ()

Б. Серман
ПАМЯТНИК

Матери
Героя Советского Союза
Олега Степанова
Марии Яковлевне.

В скверике бронзовый замер солдат,
Совсем еще мальчик на постаменте.
Мимо машины куда-то спешат,
Играют в скверике дети.
Живые цветы у солдатских сапог,
Омытый дождями мрамор.
Женщина. Губы шепчут: «Сынок...»

И слышится женщине: «Мама...»

СЕРОВА Екатерина Васильевна (1919 - 2008)

Е. Серова
ГУСИНЫЙ ЛУК.

Что за чудо?
Звезды
Среди бела дня,
Смотрят эти звезды
Прямо на меня.

Стану я волшебницей,
Почему бы нет?
Вот возьму –
И звездочки
Соберу в букет.

Е. Серова
МЫШИНЫЙ ГОРОШЕК.

Спросили мышек,
Веселых крошек,
Скажите, мышки,
Тут чей горошек?

Сказали мышки:
Тут наш горошек,
Такой кудрявый,
Такой хороший!

Пусть он невкусный,
Пусть он несладкий,
Но в нем мышата
Играют в прятки.

СИМОНЕНКО Василь Андреевич (1935 - 1963)

В. Симоненко
***

Я вас встречал в те горестные годы,
Когда огонь до неба доставал,
И почерневший купол небосвода
Рёв самолётов вражьих раздирал.
Тогда вас люди называли псами,
-Ведь вы лизали немцам башмаки,
Орали "Хайль" осипшими басами,
Ревели "Ще не вмерла" от тоски.
Где вы прошли - пустыни и руины,
Для трупов не хватало больше ям.
Плевала кровью "Ненька Украина"

В хозяев ваших, прямо в хари - вам.
Вы б пропили ее, забыв о Боге,
Вы б выжили и нас с своей земли,
Когда бы Украине на подмогу
С востока не вернулись "москали".
Теперь вы снова, подвязавши кости,
Торгуясь, как потасканная б**дь,
Нацистов новых кликаете в гости
-Украинские хлеб и сало жрать.
Вы будете слоняться по чужбинам,
Пока вас чёрт к себе не заберёт.
Но знайте — не погибла Украина
Фашистам даст отпор и не умрёт!
1963

СИМОНОВ Константин Михайлович (1915 - 1979)

К. Симонов
ЖДИ МЕНЯ…

Жди меня, и я вернусь.
Только очень жди,
Жди, когда наводят грусть
Желтые дожди,
Жди, когда снега метут,
Жди, когда жара,
Жди, когда других не ждут,
Позабыв вчера.
Жди, когда из дальних мест
Писем не придет,
Жди, когда уж надоест
Всем, кто вместе ждет.

Жди меня, и я вернусь,
Не желай добра
Всем, кто знает наизусть,
Что забыть пора.
Пусть поверят сын и мать
В то, что нет меня,
Пусть друзья устанут ждать,
Сядут у огня,
Выпьют горькое вино
На помин души…
Жди. И с ними заодно
Выпить не спеши.

Жди меня, и я вернусь,
Всем смертям назло.
Кто не ждал меня, тот пусть
Скажет: — Повезло.
Не понять, не ждавшим им,
Как среди огня
Ожиданием своим

Ты спасла меня.
Как я выжил, будем знать
Только мы с тобой, -
Просто ты умела ждать,
Как никто другой.
1941

К. Симонов
УБЕЙ ЕГО…

"Если дорог тебе твой дом,
Где ты русским выкормлен был,
Под бревенчатым потолком,
Где ты, в люльке качаясь, плыл;
Если дороги в доме том
Тебе стены, печь и углы,
Дедом, прадедом и отцом
В нем исхоженные полы;

Если мил тебе бедный сад
С майским цветом, с жужжаньем пчел
И под липой сто лет назад
В землю вкопанный дедом стол;
Если ты не хочешь, чтоб пол
В твоем доме немец топтал,
Чтоб он сел за дедовский стол
И деревья в саду сломал...

Если мать тебе дорога —
Тебя выкормившая грудь,
Где давно уже нет молока,
Только можно щекой прильнуть;
Если вынести нету сил,
Чтобы немец, ее застав,
По щекам морщинистым бил,
Косы на руку намотав;
Чтобы те же руки ее,
Что несли тебя в колыбель,
Мыли немцу его белье
И стелили ему постель...

"Если ты отца не забыл,
Что качал тебя на руках,
Что хорошим солдатом был
И пропал в карпатских снегах,
Что погиб за Волгу, за Дон,
За отчизны твоей судьбу;
Если ты не хочешь, чтоб он
Перевертывался в гробу,
Чтоб солдатский портрет в крестах
Немец взял и на пол сорвал
И у матери на глазах
На лицо ему наступал..."

Если ты не хочешь отдать
Ту, с которой вдвоем ходил,
Ту, что долго поцеловать
Ты не смел,— так ее любил,—
Чтобы немцы ее живьем
Взяли силой, зажав в углу,
И распяли ее втроем,
Обнаженную, на полу;
Чтоб досталось трем этим псам
В стонах, в ненависти, в крови
Все, что свято берег ты сам
Всею силой мужской любви...

Если ты не хочешь отдать
Немцу с черным его ружьем,
Дом, где жил ты, жену и мать,
Все, что родиной мы зовем,—
Знай: никто ее не спасет,
Если ты ее не спасешь;
Знай: никто его не убьет,
Если ты его не убьешь.

И пока его не убил,
Ты молчи о своей любви,
Край, где рос ты, и дом, где жил,
Своей родиной не зови.
Если немца убил твой брат,
Если немца убил сосед,—
Это брат и сосед твой мстят,
А тебе оправданья нет.
За чужой спиной не сидят,
Из чужой винтовки не мстят.
Если немца убил твой брат,—
Это он, а не ты солдат.

Так убей же немца, чтоб он,
А не ты на земле лежал,
Не в твоем дому чтобы стон,
А в его по мертвым стоял.
Так хотел он, его вина,—
Пусть горит его дом, а не твой,
И пускай не твоя жена,
А его пусть будет вдовой.
Пусть исплачется не твоя,
А его родившая мать,
Не твоя, а его семья
Понапрасну пусть будет ждать.
Так убей же хоть одного!
Так убей же его скорей!
Сколько раз увидишь его,
Столько раз его и убей!
1942

К. Симонов

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО ЖЕНЩИНЕ ИЗ ГОРОДА ВИЧУГИ ОТ ОФИЦЕРОВ

Я вас обязан известить,
Что не дошло до адресата
Письмо, что в ящик опустить
Не постыдились вы когда-то.

Ваш муж не получил письма,
Он не был ранен словом пошлым,
Не вздрогнул, не сошел с ума,
Не проклял все, что было в прошлом.

Когда он поднимал бойцов
В атаку у руин вокзала,
Тупая грубость ваших слов
Его, по счастью, не терзала.

Когда шагал он тяжело,
Стянув кровавой тряпкой рану,
Письмо от вас еще все шло,
Еще, по счастью, было рано.

Когда на камни он упал
И смерть оборвала дыханье,
Он все еще не получал,
По счастью, вашего посланья.

Могу вам сообщить о том,
Что, завернувши в плащ-палатки,
Мы ночью в сквере городском
Его зарыли после схватки.

Стоит звезда из жести там
И рядом тополь — для приметы...
А впрочем, я забыл, что вам,
Наверно, безразлично это.

Письмо нам утром принесли...
Его, за смертью адресата,
Между собой мы вслух прочли —
Уж вы простите нам, солдатам.

Быть может, память коротка
У вас. По общему желанью,
От имени всего полка
Я вам напомню содержанье.

Вы написали, что уж год,
Как вы знакомы с новым мужем.

А старый, если и придет,
Вам будет все равно ненужен.

Что вы не знаете беды,
,Живете хорошо. И, кстати,
Теперь вам никакой нужды
Нет в лейтенантском аттестате.

Чтоб писем он от вас не ждал
И вас не утруждал бы снова...
Вот именно: «не утруждал»...
Вы побольней искали слова.

И все. И больше ничего.
Мы перечли их терпеливо,
Все те слова, что для него
В разлуки час в душе нашли вы.

«Не утруждай». «Муж». «Аттестат»...
Да где ж вы душу потеряли?
Ведь он же был солдат, солдат!
Ведь мы за вас с ним умирали.

Я не хочу судьею быть,
Не все разлуку побеждают,
Не все способны век любить,—
К несчастью, в жизни все бывает.

Ну хорошо, пусть не любим,
Пускай он больше вам не нужен,
Пусть жить вы будете с другим,
Бог с ним, там с мужем ли, не с мужем.

Но ведь солдат не виноват
В том, что он отпуска не знает,
Что третий год себя подряд,
Вас защищая, утруждает.

Что ж, написать вы не смогли
Пусть горьких слов, но благородных.
В своей душе их не нашли —
Так заняли бы где угодно.

В отчизне нашей, к счастью, есть
Немало женских душ высоких,
Они б вам оказали честь —
Вам написали б эти строки;

Они б за вас слова нашли,
Чтоб облегчить тоску чужую.
От нас поклон им до земли,
Поклон за душу их большую.

Не вам, а женщинам другим,
От нас отторженным войною,
О вас мы написать хотим,
Пусть знают — вы тому виною,

Что их мужья на фронте, тут,
Подчас в душе борясь с собою,
С невольною тревогой ждут
Из дома писем перед боем.

Мы ваше не к добру прочли,
Теперь нас втайне горечь мучит:
А вдруг не вы одна смогли,
Вдруг кто-нибудь еще получит?

На суд далеких жен своих
Мы вас пошлем. Вы клеветали
На них. Вы усомниться в них
Нам на минуту повод дали.

Пускай поставят вам в вину,
Что душу птичью вы скрывали,
Что вы за женщину, жену,
Себя так долго выдавали.

А бывший муж ваш — он убит.
Все хорошо. Живите с новым.
Уж мертвый вас не оскорбит
В письме давно ненужным словом.

Живите, не боясь вины,
Он не напишет, не ответит
И, в город возвратись с войны,
С другим вас под руку не встретит.

Лишь за одно еще простить
Придется вам его — за то, что,
Наверно, с месяц приносить
Еще вам будет письма почта.

Уж ничего не сделать тут —
Письмо медлительнее пули.
К вам письма в сентябре придут,
А он убит еще в июле.

О вас там каждая строка,
Вам это, верно, неприятно —
Так я от имени полка
Беру его слова обратно.

Примите же в конце от нас
Презренье наше на прощанье.
Не уважающие вас

Покойного однополчане.

По поручению офицеров полка
К. Симонов
1943

К. Симонов
СЫН

Был он немолодой, но бравый;
Шел под пули без долгих сборов,
Наводил мосты, переправы,
Ни на шаг от своих саперов;
И погиб под самым Берлином,
На последнем на поле минном,
Не простясь со своей подругой,
Не узнав, что родит ему сына.

И осталась жена в Тамбове.
И осталась в полку саперном
Та, что стала его любовью
В сорок первом, от горя черном;
Та, что думала без загада:
Как там, в будущем, с ней решится?
Но войну всю прошла с ним рядом,
Не пугаясь жизни лишиться…

Ничего от него не хотела,
Ни о чем для себя не просила,
Но, от пуль закрыв своим телом,
Из огня его выносила
И выхаживала ночами,
Не беря с него обещаний
Ни жениться, ни разводиться,
Ни писать для нее завещаний.

И не так уж была красива,
Не приметна женскою статью.
Ну, да, видно, не в этом сила,
Он ее и не видел в платьях,
Больше все в сапогах кирзовых,
С санитарной сумкой, в пилотке,
На дорогах войны грозовых,
Где орудья бьют во всю глотку.

В чем ее красоту увидел?
В том ли, как вела себя смело?
Или в том, как людей жалела?
Или в том, как любить умела?

А что очень его любила,
Жизнь ему отдав без возврата,-

Это так. Что было, то было…
Хотя он не скрыл, что женатый.
Получает жена полковника
Свою пенсию за покойника;
Старший сын работает сам уже,
Даже дочь уже год как замужем…

Но живёт ещё где-то женщина,
Что звалась фронтовой женой.
Не обещано, не завещано
Ничего только ей одной.

Только ей одной да мальчишке,
Что читает первые книжки,
Что с трудом одет без заплаток
На её, медсестры, зарплату.

Иногда об отце он слышит,
Что был добрый, храбрый, упрямый.
Но фамилии его не пишет
На тетрадках, купленных мамой.

Он имеет сестру и брата,
Ну, а что ему в том добра-то?
Пусть подарков ему не носят,
Только маму пусть не поносят.

Даже пусть она виновата
Перед кем-то, в чем-то, когда-то,
Но какой ханжа озабочен —
Надавать ребенку пощечин?

Сплетней душу ему не троньте!
Мальчик вправе спокойно знать,
Что отец его пал на фронте
И два раза ранена мать.

Есть над койкой его на коврике
Снимок одерской переправы,
Где с покойным отцом, полковником,
Мама рядом стоит по праву.

Не забывшая, незамужняя,
Никому другому не нужная,
Она молча несёт свою муку.
Поцелуй, как встретишь, ей руку!
1954

СЛУЦКИЙ Борис Абрамович (1919 - 1986)

Б. Слуцкий
ФИЗИКИ И ЛИРИКИ
Что-то физики в почете,

Что-то лирики в загоне.
Дело не в сухом расчете,
Дело в мировом законе.
Значит, что-то не расркыли
Мы, что следовало нам бы!
Значит, слабенькие крылья –
Наши сладенькие ямбы,
И в пегасовом полете
Не взлетают наши кони…
То-то физики в почете,
То-то лирики в загоне.
Это спамоочевидно,
Спорить просто бесполезно.
Так что даже не обидно,
А, скорее, интересно
Наблюдать, как, словно пена
Опадают наши рифмы
И величие степенно
Отступает в логарифмы.
1959

Б. Слуцкий
БАЛЛАДА О ДОГМАТИКЕ

— Немецкий пролетарий не должон!-
Майор Петров, немецким войском битый,
ошеломлен, сбит с толку, поражен
неправильным развитием событий.

Гоним вдоль родины, как желтый лист,
гоним вдоль осени, под пулеметным свистом
майор кричал, что рурский металлист
не враг, а друг уральским металлистам.

Но рурский пролетарий сало жрал,
а также яйки, млеко, масло,
и что-то в нем, по-видимому, погасло,
он знать не знал про классы и Урал.

— По Ленину не так идти должно!-
Но войско перед немцем отходило,
раскручивалось страшное кино,
по Ленину пока не выходило.

По Ленину, по всем его томам,
по тридцати томам его собрания.
Хоть Ленин — ум и всем пример умам
и разобрался в том, что было ранее.

Когда же изменились времена
и мы — наперли весело и споро,
майор Петров решил: теперь война
пойдет по Ленину и по майору.

Все это было в марте, и снежок
выдерживал свободно полоз санный.
Майор Петров, словно Иван Сусанин,
свершил диалектический прыжок.

Он на санях сам-друг легко догнал
колонну отступающих баварцев.
Он думал объяснить им, дать сигнал,
он думал их уговорить сдаваться.

Язык противника не знал совсем
майор Петров, хоть много раз пытался.
Но слово «класс»- оно понятно всем,
и слово «Маркс», и слово «пролетарий».

Когда с него снимали сапоги,
не спрашивая соцпроисхождения,
когда без спешки и без снисхождения
ему прикладом вышибли мозги,

в сознании угаснувшем его,
несчастного догматика Петрова,
не отразилось ровно ничего.
И если бы воскрес он — начал снова.

Б. Слуцкий
***

Товарищ Сталин письменный
—Газетный или книжный
—Был благодетель истинный,
Отец народа нежный.

Товарищ Сталин устный
—Звонком и телеграммой
—Был душегубец грустный,
Угрюмый и упрямый.

Любое дело делается
Не так, как сказку сказывали.
А сказки мне не требуются,
Какие б ни навязывали.

СМЕЛЯКОВ Ярослав Васильевич (1913 - 1972)

Я. Смеляков
ЛЮБКА

Посредине лета
высыхают губы.
Отойдем в сторонку,
сядем на диван.

Вспомним, погорюем,
сядем, моя Люба,
Сядем посмеемся,
Любка Фейгельман!

Гражданин Вертинский
вертится. Спокойно
девочки танцуют
английский фокстрот.
Я не понимаю,
что это такое,
как это такое
за сердце берет?

Я хочу смеяться
над его искусством,
я могу заплакать
над его тоской.
Ты мне не расскажешь,
отчего нам грустно,
почему нам, Любка,
весело с тобой?

Только мне обидно
за своих поэтов.
Я своих поэтов
знаю наизусть.
Как же это вышло,
что июньским летом
слушают ребята
импортную грусть?

Вспомним, дорогая,
осень или зиму,
синие вагоны,
ветер в сентябре,
как мы целовались,
проезжая мимо,
что мы говорили
на твоем дворе.

Затоскуем, вспомним
пушкинские травы,
дачную платформу,
пятизвездный лед,
как мы целовались
у твоей заставы,
рядом с телеграфом
около ворот.

Как я от райкома
ехал к лесорубам.
И на третьей полке,

занавесив свет:
"Здравствуй, моя Любка",
"До свиданья, Люба!"-
подпевал ночами
пасмурный сосед.

И в кафе на Трубной
золотые трубы,-
только мы входили,-
обращались к нам:
"Здравствуйте,
пожалуйста,
заходите, Люба!
Оставайтесь с нами,
Любка Фейгельман!"

Или ты забыла
кресло бельэтажа,
оперу "Русалка",
пьесу "Ревизор",
гладкие дорожки
сада "Эрмитажа",
долгий несерьезный
тихий разговор?

Ночи до рассвета,
до моих трамваев?
Что это случилось?
Как это поймешь?
Почему сегодня
ты стоишь другая?
Почему с другими
ходишь и поешь?

Мне передавали,
что ты загуляла –
лаковые туфли,
брошка, перманент.
Что с тобой гуляет
розовый, бывалый,
двадцатитрехлетний
транспортный студент.

Я еще не видел,
чтоб ты так ходила –
в кенгуровой шляпе,
в кофте голубой.
Чтоб ты провалилась,
если всё забыла,
если ты смеешься
нынче надо мной!

Вспомни, как с тобою

выбрали обои,
меховую шубу,
кожаный диван.
До свиданья, Люба!
До свиданья, что ли?
Всё ты потопила,
Любка Фейгельман.

Я уеду лучше,
поступлю учиться,
выправлю костюмы,
буду кофий пить.
На другой девчонке
я могу жениться,
только ту девчонку
так мне не любить.

Только с той девчонкой
я не буду прежним.
Отошли вагоны,
отцвела трава.
Что ж ты обманула
все мои надежды,
что ж ты осмеяла
лучшие слова?

Стираная юбка,
глаженая юбка,
шелковая юбка
нас ввела в обман.
До свиданья, Любка,
до свиданья, Любка!
Слышишь?
До свиданья,
Любка Фейгельман!
1933

Я. Смеляков
ЕСЛИ Я ЗАБОЛЕЮ…

Если я заболею, к врачам обращаться не стану,
Обращаюсь к друзьям (не сочтите, что это в бреду):
Постелите мне степь, занавесьте мне окна туманом,
В изголовье поставьте ночную звезду.

Я ходил напролом. Я не слыл недотрогой.
Если ранят меня в справедливых боях,
Забинтуйте мне голову горной дорогой
И укройте меня одеялом в осенних цветах.

Порошков или капель - не надо.
Пусть в стакане сияют лучи.
Жаркий ветер пустынь, серебро водопада

- Вот чем стоит лечить.

От морей и от гор так и веет веками,
как посмотришь, почувствуешь: вечно живем.
Не облатками белыми путь мой усеян, а облаками.
Не больничным от вас ухожу коридором, а Млечным Путем.
1940

Я. Смеляков
ХОРОШАЯ ДЕВОЧКА ЛИДА

Вдоль маленьких домиков белых
Акация душно цветет.
Хорошая девочка Лида
На улице Южной живет.

Ее золотые косицы
Затянуты будто жгуты.
По платью, по синему ситцу,
Как в море, мелькают цветы.

И вовсе, представьте, неплохо,
Что рыжий пройдоха апрель
Бесшумной пыльцою веснушек
Засыпал ей утром постель.

В оконном стекле отражаясь,
По миру идет не спеша
Хорошая девочка Лида.
Да чем же она хороша?

Спросите об этом мальчишку,
Что в доме напротив живет.
Он с именем этим ложится,
Он с именем этим встает.

Недаром на каменных плитах,
Где милой ботинок ступал
"Хорошая девочка Лида"
В отчаяньи он написал.

Не может никак не растрогать
Мальчишки влюбленного пыл.
Так Пушкин влюблялся, должно быть,
Так Гейне, наверно, любил.

Он вырастет, станет известным,
Покинет пенаты свои,
И станет та улица тесной,
Для этой огромной любви.

Преграды влюбленному нету,
Смущенье и робость - вранье!

На всех перекрестках планеты
Напишет он имя ее.

На полюсе южном - огнями,
Пшеницей - в кубанских степях,
На русских полянах - цветами,
И пеной морской - на морях.

Он в небо залезет ночное,
Все пальцы себе обожжет.
Но скоро над нашей землею
Созвездие Лиды взойдет.

Пусть будут ночами светиться
Над снами твоими, страна,
На синих небесных страницах
Красивые эти слова:
"Хорошая девочка Лида!"
1940

Я. Смеляков
МАНОН ЛЕСКО

Много лет и много дней назад
жил в зеленой Франции аббат.
Он великим сердцеедом был.
Слушая, как пели соловьи,
он, смеясь и плача, сочинил
золотую книгу о любви.

Если вьюга заметает путь,
хорошо у печки почитать.
Ты меня просила как-нибудь
эту книжку старую достать.

Но тогда была наводнена
не такими книгами страна.
Издавались книги про литье,
Книги об уральском чугуне,
А любовь и вестники ее
Оставались как-то в стороне.

В лавке букиниста-москвича
Все-таки попался мне аббат,
Между штабелями кирпича,
Рельсами и трубами зажат.

С той поры, куда мы ни пойдем,
Оглянуться стоило назад –
В одеянье стареньком своем
Всюду нам сопутствовал аббат.

Не забыл я милостей твоих,

И берет не позабыл я твой,
Созданный из линий снеговых,
Связанный из пряжи снеговой.

...Это было десять лет назад.
По широким улицам Москвы
Десять лет кружился снегопад
Над зеленым празднеством листвы.

Десять раз по десять лет пройдет.
Снова вьюга заметет страну.
Звездной ночью юноша
Придет к твоему замерзшему окну.

Изморозью тонкою обвит,
До утра он ходит под окном.
Как русалка, девушка лежит
На диване кожаном твоем.

Зазвенит, заплещет телефон,
В утреннем ныряя серебре,
И услышит новая Манон
Голос кавалера де Грие.

Женская смеется голова,
Принимая счастие и пыл...
Эти сумасшедшие слова
Я тебе когда-то говорил.

И опять сквозь синий снегопад
Грустно улыбается аббат.
1945

Я. Смеляков
КЛАДБИЩЕ ПАРОВОЗОВ

Кладбище паровозов.
Ржавые корпуса.
Трубы полны забвенья,
Свинчены голоса.

Словно распад сознанья –
Полосы и круги.
Грозные топки смерти.
Мертвые рычаги.

Градусники разбиты:
Цифирки да стекло –
Мертвым не нужно мерить,
Есть ли у них тепло.

Мертвым не нужно зренья –
Выкрошены глаза.

Время вам подарило
Вечные тормоза.

В ваших вагонах длинных
Двери не застучат,
Женщина не засмеется,
Не запоет солдат.

Вихрем песка ночного
Будку не занесет.
Юноша мягкой тряпкой
Поршни не оботрет.

Больше не раскалятся
Ваши колосники.
Мамонты пятилеток
Сбили свои клыки.

Эти дворцы металла
Строил союз труда:
Слесари и шахтеры,
Села и города.

Шапку сними, товарищ.
Вот они, дни войны.
Ржавчина на железе,
Щеки твои бледны.

Произносить не надо
Ни одного из слов.
Ненависть молча зреет,
Молча цветет любовь.

Тут ведь одно железо.
Пусть оно учит всех.
Медленно и спокойно
Падает первый снег.
1946

Я. Смеляков
***

Там, где звезды светятся в тумане,
Мерным шагом ходят марсиане.

На холмах монашеского цвету
Ни травы и ни деревьев нету.

Серп не жнет, подкова не куется,
Песня в тишине не раздается.

Нет у них ни счастья, ни тревоги —
Все отвергли маленькие боги.

И глядят со скукой марсиане
На туман и звезды мирозданья.

...Сколько раз, на эти глядя дали,
О величье мы с тобой мечтали!

Сколько раз стояли мы смиренно
Перед грозным заревом вселенной! .

..У костров солдатского привала
Нас иное пламя озаряло.

На морозе, затаив дыханье,
Выпили мы чашу испытанья.

Молча братья умирали в ротах.
Пели школьницы на эшафотах.

И решили пехотинцы наши
Вдоволь выпить из победной чаши.

Было марша нашего начало
Как начало горного обвала.

Пыль клубилась. Пенились потоки.
Трубачи трубили, как пророки.

И солдаты медленно, как судьи,
Наводили тяжкие орудья.

Дым сраженья и труба возмездья.
На фуражках алые созвездья.

...Спят поля, засеянные хлебом.
Звезды тихо освещают небо.

В темноте над братскою могилой
Пять лучей звезда распространила.

Звезды полуночные России.
Звездочки армейские родные.

...Телескопов точное мерцанье
Мне сегодня чудится вдали:

Словно дети, смотрят марсиане
На Великих Жителей Земли.
1946

Я. Смеляков
***

Свечение капель и пляска.
Открытое ночью окно.
Опять начинается сказка
На улице, возле кино.
Не та, что придумана где-то,
А та, что течет надо мной,
Сопутствует мраку и свету,
В пыли существует земной.
Есть милая тайна обмана,
Журчащее есть волшебство
В струе городского фонтана,
В цветных превращеньях его.
Я, право, не знаю, откуда
Свергаются тучи, гудя,
Когда совершается чудо
Шумящего в листьях дождя.
Как чаша содружества - брагой,
Московская ночь до окна
Наполнена темною влагой,
Мерцанием капель полна.
Мне снова сегодня семнадцать.
По улицам детства бродя,
Мне нравится петь и смеяться
Под зыбкою кровлей дождя.
Я снова осенен благодатью
И встречу сегодня впотьмах
Принцессу в коротеньком платье
С короной дождя в волосах.
1947

Я. Смеляков
***

На главной площади страны,
Невдалеке от Спасской башни,
Под сенью каменной стены
Лежит в могиле Вождь вчерашний.

Над местом, где закопан он
Без ритуалов и рыданий,
Нет наклонившихся знамен,
И нет скорбящих изваяний.

Ни обелиска, ни креста,
Ни караульного солдата –
Лишь только голая плита
И две решающие даты.

Да чья-то женская рука
С томящей нежностью и силой
Два безымянные цветка
К его надгробью положила.
1964

Я. Смеляков
МЕНШИКОВ

Под утро мирно спит столица,
Сыта от снеди и вина.
И дочь твоя в императрицы
Уже почти проведена.

А впереди - балы и войны,
Курьеры, девки, атташе.
Но отчего-то беспокойно,
Тоскливо как-то на душе.

Но вроде саднит, а не греет,
Хрустя, голландское белье.
Полузаметно, но редеет
Всё окружение твое.

Еще ты вроде в прежней силе,
Полудержавен и хорош.
Тебя, однако, подрубили,
Ты скоро, скоро упадешь.

Ты упадешь, сосна прямая,
Средь синевы и мерзлоты,
Своим паденьем пригибая
Березки, елочки, кусты.

Куда девалась та отвага,
Тот всероссийский политес,
Когда ты с тоненькою шпагой
На ядра вражеские лез?

Живая вырыта могила
За долгий месяц от столиц.
И веет холодом и силой
от молодых державных лиц.

Всё ниже и темнее тучи,
Всё больше пыли на коврах.
И дочь твою мордастый кучер
Угрюмо тискает в сенях.
1966

СМЕРТИНА Татьяна Ивановна (род. 1948)

Т. Смертина
***

Мне формулы Герона
Доступны и просты,
И графики и токи

Стандартной частоты.
Понятен мне Белинский,
И Гёте и Шекспир.
Но кажется мне странным
И дождь и этот мир.
1961

Т. Смертина
КОСТЕР

Пионерский костерок
Мрак по ёлкам разволок.
В мире всё прекрасно,
Гори, гори ясно…
В древность девы
Сквозь костёр
Прыгали не раз.
У вожатой глаз остёр,
Прыгать нам не даст
Мол, беды не понимаем.
Ах, зачем Вы, Шурочка!
Как же мы теперь узнаем,
Кто из нас – Снегурочка.
1962

СОБОЛЕВ Александр Владимирович. (СОБОЛЬ Исаак Владимирович) (1915 - 1986)

А. Соболев
БУХЕНВАЛЬДСКИЙ НАБАТ

Люди мира, на минуту встаньте!
Слушайте, слушайте:
Гудит со всех сторон –
Это раздаётся в Бухенвальде
Колокольный звон,
Колокольный звон.
Это возродилась и окрепла
В медном гуле праведная кровь.
Это жертвы ожили из пепла
И восстали вновь,
И восстали вновь,
И восстали, и восстали,
И восстали вновь!
И восстали, и восстали,
И восстали вновь!

Сотни тысяч заживо сожжённых
Строятся, строятся
В шеренги к ряду ряд.
Интернациональные колонны
С нами говорят,
С нами говорят.
Слышите громовые раскаты?

Это не гроза, не ураган.
Это вихрем атомным объятый
Стонет океан, Тихий океан.
Это стонет, это стонет
Тихий океан.
Это стонет, это стонет
Тихий океан.

Люди мира, на минуту встаньте!
Слушайте, слушайте:
Гудит со всех сторон –
Это раздаётся в Бухенвальде
Колокольный звон,
Колокольный звон.
Звон плывёт, плывёт
Над всей землёю,
И гудит взволнованно эфир:
Люди мира, будьте зорче втрое,
Берегите мир, берегите мир,
Берегите, берегите,
Берегите мир!
Берегите, берегите,
Берегите мир!
1958

А. Соболев
ОДИН ИЗ МНОГИХ ТЫСЯЧ

В глухой тиши больницы Хиросимы,
Измученный, с поникшей головой,
Еще один - Якио Иосима
Кончался от болезни лучевой.
Он не стонал,
Не звал врачей на помощь,
Тускнели в отрешенности глаза.
Над Хиросимой проплывала полночь,
Слезою капля по стеклу ползла...
Он понимал: от смерти нет спасенья,
И, как ни странно, хорошо, что нет.
Смерть по пятам за ним тащилась тенью,
Не отставая, много черных лет.
Он вспоминал (в сознании покуда):
Год сорок пятый, августовский сад...
Огонь и гром! И за одну минуту
Нет Хиросимы –
Есть кромешный ад!..
Нет светлых улиц, скверов нет зеленых...
Один разряд, всего один лишь взрыв!
Но сколько горожан испепеленных!
А он, Якио, он остался жив...
И вот он мертв. Его сомкнулись веки.
Ждет погребенья Иосимы прах.
- Войне проклятье! Миру мир навеки! –

Застыло криком на его губах.
1983

СОКОЛОВА Татьяна Ивановна (род. 1949)

Т. Соколова
ПРОЩАЙ, ТАНЮША!

Смешно, но надпись
Запала в душу,
Хотя писали
Совсем не мне.
"Прощай, Танюша!
Прощай, Танюша!
Прощай, Танюша!"
На стене.

Всерьез ли, в шутку ль,
Соученице?
Испачкать стены?
Как он посмел?
Но эта надпись
Тебе приснится,
И почерк детский,
И школьный мел.
Кому писал он?
Хорошей самой,
На грани грусти
И озорства.
"Храните деньги."-
Вверху реклама.
"Прощай, Танюша!"-
Внизу слова.

Т. Соколова
БРОДЯЧИЕ МУЗЫКАНТЫ

Мы у стен городских. Отоприте ворота скорее
И впустите нас в город - для вас будем петь и плясать.
Беднякам мы без денег усталые души согреем,
Ну а кто побогаче - спешите монеты бросать!
И открылись ворота. По улице, камнем мощеной,
Музыканты пошли, озорными глазами блестя.
И на площади Ратушной празднично и увлеченно
Пели песни свои, ни о чем в этот день не грустя.
А народ собирался, теснился на площади кругом,
Были пекарь, аптекарь, башмачник и даже корчмарь...
Представление шло, музыканты кивали друг другу,
Дескать, звонче, приятель, по струнам гудящим ударь!
Расколи тишину, пробуди этот каменный город
От оков суеверий и мрачности Средних веков,
Чтобы песня дошла сквозняком до лачуг и каморок,
Чтобы голод и страх выдувала из всех чердаков.

Чтоб, когда мы уйдем, наши песни звучали,
Чтобы в тесных кварталах луч светлых надежд не погас,
Чтобы не было в мире вражды, нищеты и печали,
Чтобы добрые люди еще вспоминали о нас!
И актеры играли, а денег собрали немного,
Да и те прокутили в таверне еще до утра.
Слишком ночь коротка, и пора собираться в дорогу –
Свежий утренний ветер уже повернул флюгера.
И ворота открыть хмурый странник навстречу им вышел,
Глухо лязгнул запор и собаки залаяли вслед.
Музыканты ушли. Золотил черепичные крыши
И бесплатно чеканил на ставнях узоры рассвет.
А проснется советник и мигом поднимет тревогу,
Всколыхнется и ахнет от новости весь магистрат:
Ведь увел его дочь под плащом на большую дорогу
Молодой, черноусый и дерзкий ловкач-акробат.
Будут слуги с усмешкой шептаться о гневе папаши,
И почтенные дамы ругать нечестивую дочь...
А их юные девочки смотрят из каменных башен
И мечтают вот также умчаться куда-нибудь в ночь.
Пусть мечтают пока, пусть волнуются робкие души,
Замирая от счастья, храня полудетский секрет.
Безрассудная дочь, как могла, как решилась разрушить
Материнский покой и нарушить отцовский запрет?
Город каменно спит. Очень крепко закрыты ворота.
Стража честно хранит горожан безмятежный покой.
Музыканты ушли, чтобы снова тревожить кого-то,
Когда певчие струны поют под умелой рукой.
...И подумает странник, глядевший на них из бойницы:
Почему музыкантам беспошлинный вход в города,
Почему музыканты на свете свободны, как птицы,
Почему музыканты кого-то уводят всегда?..

Т. Соколова
СНЕЖНЫЙ ЧЕЛОВЕК

На вершинах гор,
Там, где вечный снег,
Где не строят гнезд
Птица и змея,
С давних пор живет
Снежный человек.
У него свои
Снежные друзья.

У подножий гор
Встали города.
Он не ищет там
Братьев и сестер.
Он живет один.
В вечном царстве льда
Разжигает свой
Снеговой костер.

На закате дня
У того огня
Греет снежный барс
Лапы и бока.
И стекает вниз
Чистая река.
И горит огонь
Ярче мотылька.

СОЛОУХИН Владимир Алексеевич (1924 - 1997)

В. Солоухин
МУЖЧИНЫ

Пусть вороны гибель вещали,
И кони топтали жнивье,
Мужскими считались вещами
Кольчуга, седло и копье.

Во время военной кручины,
В полях, в ковылях, на снегу
Мужчины,
Мужчины,
Мужчины,
Пути заступали врагу.

Пусть жены в ночи голосили,
И пролитой крови не счесть,
Мужской принадлежностью были
Мужская отвага и честь.

Таится лицо под личиной,
Но глаз пистолета свинцов.
Мужчины,
Мужчины,
Мужчины,
К барьеру вели подлецов.

А если звезда не светила,
И решкой ложилась судьба,
Мужским достоянием было
Короткое слово "Борьба".

Пусть небо черно, как овчина,
И проблеска нету вдали,
Мужчины,
Мужчины,
Мужчины
В остроги сибирские шли.

Я слухам нелепым не верю, -
Мужчины теперь, говорят,

В присутствии сильных - немеют,
В присутствии женщин - сидят.

И сердце щемит без причины,
И сила ушла из плеча.
Мужчины,
Мужчины,
Мужчины,
Вы помните тяжесть меча?

Врага, показавшего спину,
Стрелы и копья острие,
Мужчины,
Мужчины,
Мужчины,
Вы помните званье свое?

А женщина - женщиной будет,
И мать, и сестра, и жена,
Уложит она и разбудит,
И даст на дорогу вина.

Проводит и мужа и сына,
Обнимет на самом краю...
Мужчины,
Мужчины,
Мужчины,
Вы слышите песню мою?

В. Солоухин
ДОЧЬ ЗЕМЛИ

Мрак над костром висел,
Мрак подползал к костру,
Вождь в середину сел,
Люди уселись вокруг.

Они уважали Вождя,
Старого Ау-Го,
Он их спасал от дождя
И от других врагов.

Деву, что он добыл,
Нельзя никому обнять.
Недаром он сыном был
Спасителя их - Огня.

И они боялись Вождя
Старого Ау-Го,
Боялись больше дождя,
Который тушит огонь.

Люди уселись вокруг,

Задумчивы и мрачны,
И подошел к костру
Юноша - Сын Весны.

Люди были одни
В своем первобытном лесу,
Они творили над ним
Свой первобытный суд.

За то, что он их закон
Высмеял и забыл.
Полюбив жену Ау-Го,
Которую тот добыл.

Глаз не могла поднять,
Когда к костру подвели,
Красная от огня,
Стройная дочь Земли.

Вождь костлявой рукой
В лес показал, где мрак,
В лес, где не греет огонь,
И ночь - самый страшный враг.

Жесты его ясны,
Туда умирать уйдет
Юноша - Сын Весны,
Которого проклял род.

Хлопал по тучам дождь,
Тучи ползли черны.
Утром проснулся Вождь
И... не нашел жены!

СТАЛИН (ДЖУГАШВИЛИ) Иосиф Виссарионович (1879 - 1953)

И. Сталин
ПОСЛУШНИК

Поговорим о вечности с тобою…
Конечно, я во многом виноват!
Но кто-то правил и моей судьбою,
Я ощущал тот вездесущий взгляд.
Он не давал ни сна мне, ни покоя,
Он жил во мне и правил свыше мной.
И я, как раб вселенского настроя,
Железной волей управлял страной.
Кем был мой тайный высший повелитель?
Чего хотел он, управляя мной?
Я словно раб, судья и исполнитель –
Был всем над этой нищею страной.
И было все тогда непостижимо:
Откуда брались сила, воля, власть.

Моя душа, как колесо машины
Переминала миллионов страсть.
И лишь потом, весною в сорок пятом,
Он прошептал мне тихо на ушко:
«Ты был моим послушником, солдатом
И твой покой уже недалеко!»
1949

СТАРШИНОВ Николай Константинович (1924 - 1998)

Н. Старшинов
***

Ракет зеленые огни
По бледным лицам полоснули.
Пониже голову пригни
И как шальной не лезь под пули.

Приказ: «Вперед!»
Команда: «Встать!»
Опять товарища бужу я.
А кто-то звал родную мать,
А кто-то вспоминал – чужую.
Когда, нарушив забытье,
Орудия заголосили,
Никто не крикнул: «За Россию!..»
А шли и гибли
За нее.
1943г.

Н. Старшинов
***

Зловещим заревом объятый,
Грохочет дымный небосвод.
Мои товарищи-солдаты
Идут вперед
За взводом взвод.

Идут, подтянуты и строги,
Идут, скупые на слова.
А по обочинам дороги
Шумит листва,
Шуршит трава.

И от ромашек-тонконожек
Мы оторвать не в силах глаз.
Для нас,
Для нас они, быть может,
Цветут сейчас
В последний раз.

И вдруг (неведомо откуда

Попав сюда, зачем и как)
В грязи дорожной – просто чудо! –
Пятак.

Из желтоватого металла,
Он, как сазанья чешуя,
Горит,
И только обметало
Зеленой окисью края.

А вот – рубли в траве примятой!
А вот еще... И вот, и вот...
Мои товарищи-солдаты
Идут вперед
За взводом взвод.

Все жарче вспышки полыхают.
Все тяжелее пушки бьют...
Здесь ничего не покупают
И ничего не продают.
1945

Н. Старшинов
***

Белый пустырник кивает кипрею,
Летним густым ароматом дыша.
Выйду на солнышко, душу согрею,
Ибо чего-то озябла душа.

Был ли я в жизни достаточно гибок,
Точно ли видел идущую явь?..
Нет, я немало наделал ошибок.
Ну а теперь их попробуй исправь!

В чём-то не мог похвалиться упорством,
Где-то на лёгкий успех уповал,
С кем-то бывал неоправданно чёрствым,
С кем-то и мягким излишне бывал.

Этих ошибок прямые примеры
Мне самому приходили давно...
Где же ты, чувство доподлинной меры?
Или природой ты мне не дано?

Вот свою душу чуть-чуть отогрею –
Стану суровей, а где-то добрей...
Белый пустырник кивает кипрею.
И отвечает согласно кипрей.
1987

СТОВБА Александр Иванович (1957 - 1980)

А. Стовба
***

Загадай скорей желание,
Видишь – падает звезда.
Дай судьбе своей задание
На грядущие года.

И пускай почти забудется
Что хотел ты и желал,
Половина пусть не сбудется
Из того, что ожидал.

Загадай скорей, ведь падает,
Оставляя яркий след!
Может, жизнь тебя обрадует,
Может, даст тебе совет.

Ненадежно предсказание…
Да и сбудется ль когда?..
Но подумай про желание:
Видишь, падает звезда.

СТРУКОВА Марина Васильевна (род. 1975)

М. Струкова
***

Как ангел-хранитель,
Как демон с мечом,
Две Музы - за левым
И правым плечом.
Без перьев гусиных
Пишу и без свеч...
И только два лика
Глядят из-за плеч.
И справа: "...О свете,
О счастье пиши!"
И слева: "...Их нету!..
О злобе и лжи..."
А вьюга - сквозь ставни,
А снег - не зола...
Та Муза, что справа,
Замерзла, ушла...
Не ангел-хранитель,
Не демон с мечом...
Жестокая правда
За левым плечом.
1992

М. Струкова
***

Мальчик глухо и горько смеется,
Хочет верить под роковый ритм,
Что для подвигов повод найдется
И найдется пространство для битв.
Все - вверх дном, и на кухне туманно,
Как всегда, от дымка анаши,
Ухмыляются шлюхи с экрана,
И политики лгут от души.
Он потерян для белого света,
Но зачем-то вечерней порой
Снова, снова включает кассету
С давней песней "Последней герой".
Сердце в пьяной истерике бьется,
Шепчет иглам и лезвиям бритв,
Что для подвигов повод найдется
И найдется пространство для битв.
Словно что-то зовет за стеною,
Обещает борьбу и успех,
И восходит война над страною,
Отмахнув героиновый снег.
Но уже ничего не случится,
Мальчик спит на подушке сырой,
И успела кассета разбиться
С давней песней "Последний герой".
Для других над дорогами вьется
Птица-месть выше робких молитв,
И для подвигов повод найдется,
И найдется пространство для битв.
2000

СУВОРОВ Александр Васильевич (род. 1946)

А. Суворов
ПОСЛЕДНЯЯ НОЧЬ

Улыбнулась Королева Королю:
- Мой Король, я Вас по-прежнему люблю!
Ничего, что по углам скребутся мыши,
Ничего, что очутились мы в тюрьме.
Неизвестно, что у Бога на уме –
Может, эти муки посланы нам свыше?
Может, надо испытать и эту боль?
Улыбнулся тихо сам себе Король:
- Перед смертью - чудеса? А ведь и верно!
Что бесплодной злобой душу жечь.
Лучше эта нежность милых плеч.
Но на сердце все равно темно и скверно...

Лязг дверей... Ухмылки палачей.
- Королев! На выход! Без вещей...
Неужели Королева только снилась?
Или в самом деле, в час ночной,
Провожая скорбно в мир иной

С ним была она, как Божья милость?

СУВОРОВ Александр Васильевич (род. 1953)

А. Суворов
***

На рассвете - лучей пляска,
От нейтронного что ли огня?
Дайте мне дочитать сказку,
А потом пусть не будет меня.
Может, атомный взрыв это,
Может, сварка, а может - заря...
От беды бы спасти деток,
А потом пусть не будет меня.
Все равно на тот свет в яму.
Маме горя добавить нельзя.
Дотерпеть, пережить маму,
А потом пусть не будет меня.

СУВОРОВ Владимир Сергеевич (1947 - 2002)

В. Суворов
ИУДА

Вошел Иуда, кепчонку снял,
Сказал: сегодня Христа продал.
Несладко будет теперь Христу,
Вновь прибивают его к кресту.
Ты слышишь стоны? Ты слышишь стук?
Не пожалеют Христовых рук.
Исусе, хватит творить добро.
Тебе – распятье, мне серебро.
Пусть предал брата – не упрекай.
Жаль, только плата невелика».

Ушел Иуда, пропал, исчез…
А утром чудо:
Христос Воскрес!
1961

В. Суворов
НАТАША

1.
Но все-таки
Вы предали меня.
А помните,
Нам говорили в школе:
Нельзя прожить ни месяца,
Ни дня
За просто так,
Чужой не зная боли.

И вот болит.
И в тягость я семье,
Все учат,
Как по сердцу полосуют.
А по ночам
Я словно в колее
Глубокой
И колеса в ней буксуют.
Мне эти дни
Особенно горьки,
И каждый час
Так долго-долго длится.
Минуты,
Как пугливые зверьки,
Рассыпались,
Чтоб в доме
Затаиться.
Я не хочу
Ни плакать, ни вздыхать,
Но все мне душно,
Дома, в поле душно.
Я знаю,
Вас нетрудно отыскать,
Боюсь услышать голос
Равнодушный.
Боюсь, что проживу
За просто так.
Без мысли,
Без высокого глагола.
Я знаю,
Развалившийся ветряк
Боится вспомнить
Радости помола.
2.
Судьба пустой
Телегою гремит,
Под горку еду!
Не остановиться!
Но вдруг ударит
И ошеломит
Письмом жестоким
Бывшей ученицы.
...Загладино.
Крапива и осот
У дома,
Где стоял я на постое.
Я в том селе
Учительствовал год,
Один, как волк,
И в творческом простое.
Бывало,
Надерзят ученики,
Бредешь уныло

На подворье вдовье,
Какие-то
Пекла мне колобки
Хозяйка,
Тимофеева Прасковья.
Старушка!
Уж не видит ничего.
Но хлопотала,
Жарила, варила.
Такое было
Древнее вдовство,
Что имя мужа
Напрочь позабыла.
Я засыпал.
В раскрытое окно
Светил фонарь,
Подвешенный у склада.
А по ночам
Мне виделось одно:
Раскольников,
Разлитое вино,
Раздавленный
Чиновник Мармеладов.
И угольком
Среди печной золы
Мерцала жизнь
Привычно и упорно.
Мне снились
Петербургские углы
И Соня
В одеянии позорном.
3.
Его герои
Мучали меня,
Как тяжкий бред,
Как исповедь больная.
Я крылья жег
У страшного огня,
Все Достоевским
В жизни проверяя.
Вот помню: утро,
Выгонят овец
И небеса
Очистятся от хмури.
А я лежу и думаю:
Конец.
Умру,
Как гражданин кантона Ури.
Вот Свидригайлов
Трогает висок,
Вот Девушкин
Вымучивает строки...
А вот старушки

Добрый голосок:
- Сергеич!
Опоздаешь на уроки! –
Идешь, скрипишь
Убогими дверьми.
А небеса
Сияют влажно, славно...
Ах, утро!
Что за утро, черт возьми!
Что ж, поживем,
Прасковья Николавна!
И пусть коптит
Калечный керогаз,
И пусть наш быт
Ничто уж не украсит,
О Соне Мармеладовой
Рассказ
Я нынче
Поведу в девятом классе.
4.
Урок окончен.
Пусто и темно.
Поспорить не с кем,
Не с кем поругаться.
И как мне быть,
Когда не суждено
До этих душ
Заносчивых добраться.
Любезные мои ученички!
Что любите
До самоотреченья?
Но лучше мне
Побои и тычки,
Чем Ваших глаз
Холодное свеченье.
На боль, на крик,
Мне верилось с трудом –
Ответом были
Шум и смех веселый.
Еще не раз
Вот этот мертвый дом
Я назову в забывчивости
Школой.
И впрямь, зачем
Словесный тот туман,
Поскольку Вам,
Взрослеющим до срока,
Какой-нибудь
Семенов Юлиан
Дороже
Достоевского и Блока.
Войду в избу,
Запнувшись о порог,

Припомню день,
Потраченный без толку,
Так испеки,
Прасковья,
Колобок,
Чтоб покатился
Прямо в зубы к волку!
5.
Я уходил
За маленький лесок,
Спускался тропкой
К застывавшей речке,
И под ногами
Тоненький ледок
Трещал сердито,
Как растопка в печке.
Там берег был,
Поросший ивняком,
Седые камни,
Лодка кверху днищем.
Там думалось
О самом дорогом,
Чему никак
Названия не сыщешь.
Там думалось:
Не зря в такую ночь
Горит звезда
Над этим сельским миром.
Там верилось,
Что в силах ты помочь
На свете всем
Обиженным и сирым.
Там Родины
Надежная рука
У пропасти
Меня попридержала.
И таяла,
И таяла тоска,
Как тает снег
От солнечного жара.
6.
Уж соловей –
Поэтова родня –
Девичьему покою
Угрожает.
Наташа Белозорова меня
До дома
Ежедневно провожает.
Не знаю как,
Но стала мне близка
Та девочка
С повадкою нездешней.
Как староста бессменный

Литкружка,
Как слушатель
Речей моих поспешных.
Уже вставали
Первые цветы,
Чтоб встретить нас
У бабкиной калитки.
Наташа!
Так беспомощно чисты
Твои литературные попытки.
И эти строчки
Перевороша,
Я находил достойного
Так мало.
Но важно то,
Что юная душа
Уже открыто
Миру сострадала.
А в мире этом,
В дальнем далеке,
Из нашей яви
Различима еле,
В семейном,
Драдедамовом платке
Лежит и плачет
Соня на постели.
Она полдня
Стояла на ветру.
Кого молить,
К каким
Припасть иконам?
Наташа!
Обними свою сестру,
Ей в каторгу
Идти за Родионом!
7.
Но все же ты
Должна меня понять.
Мне не забыть,
В каком живем мы веке.
И ты - я думал –
Сможешь променять
Наш литкружок
На танцы в дискотеке.
Иди, Наташа,
К сверстникам своим.
Зачем решать
Проблемы мировые?
А мы опять
О чем-то говорим...
Мне ошибаться в людях
Не впервые.
Но вот и нашим

Встречам
Вышел срок,
И мне пора
Своим заняться делом.
Уже один
Столетний педагог
Нам вслед перстом
Грозит окаменелым.
Пускай грозит!
На белые листы
Мы перепишем жизнь
До основанья!
8.
Наташа!
Как беспомощно горьки
Твои глаза
В минуты расставанья!
Я вырубил
Крапиву и осот
У дома,
Где я год
Зачем-то прожил,
Не взяв
Педагогических высот,
Людской покой
Ничем не потревожив.
Я уезжал.
Жила моя родня
В селе близ Тулы,
Каменного града.
Там книжка
Выходила у меня,
Такая запоздалая награда!
Прасковья Николавна,
Не грусти!
Обнимемся на
Горькую разлуку!
Твоим лугам
Уже не зацвести,
Дай, поцелую
Старческую руку.
Так выйдем, золотая,
На порог,
Где горизонт
Горит рассветной кромкой.
Еще не шел я,
Но уже продрог.
Согреют - знаю –
Колобки в котомке.
Ну что ж, прощайте,
Здешние места,
На ветлах
Почерневшие скворешни,

Лесок да речка,
Церковь без креста,
Да девочка
С повадкою нездешней.
9.
И вот письмо...
Не видно берегов.
Туман.
Туман над местностью
Безлюдной.
Так не покинь
Своих учеников,
Чтоб не дышали
Затхлостью запрудной.
Мне жаль детей,
Теряющих отцов.
Так оглянись,
Пока еще не поздно.
В ответе ты
За тысячи птенцов,
Коль им горьки
Отеческие гнезда.
Наташа!
Тот урок не повторить!
Когда душа
Над книгою лечилась.
Но мне твоим
Наставником не быть.
Прости, родная,
Так уж получилось.
Когда судьба нас
За руки брала,
Подумал я, прошедшее итожа:
Вот если б ты
Постарше чуть была,
А я бы
Лет на десять помоложе...
Кто виноват,
Что волосы белы,
Что жизнь –
Совсем
Не книжные страницы?
Мне снились
Петербургские углы,
А нынче - что же –
Ничего не снится.
Ты со свиданья
Счастлива, как все,
Придешь домой,
Промокшая до нитки.
Нетоптаны,
Во всей своей красе
Стоят цветы

У бабкиной калитки!
1988

В. Суворов
***

Десятый класс. Урок литературы.
Смешные Чернышевского фигуры:
Кирсанов, Лопухов, Четвертый сон...
Зловещий вид отличницы Марины:
Вчера была звана на именины,
Но почему-то не явился Он...
Твердит учитель "Разберитесь сами."
Наташа спит с открытыми глазами
(Вернулась со свиданья поутру).
Пролейся свет на заспанные лики!
К чему же звал сей демократ великий!
И кто-то робко пискнул: "К топору!"
Звенел топор над барскою усадьбой,
Слиянье душ не завершилось свадьбой,
Чужим добром не разжилось село.
Всем исполать: мыслителям, пророкам,
А нам ошибки выходили боком,
И мы не знали, где добро, где зло.
Несчастный шкраб! Отбрось учебник старый!
Уже опять готовятся пожары,
Уж мир трясет от горестных вестей!
Чего ж мы ждем? Чему поверим сдуру?
Десятый класс. Урок литературы.
А дети спят. И страшно за детей.

В. Суворов
***

Мама, мама,
Я – подстреленная птица,
Как на землю, мама, падать тяжело.
Был высоко, но свинцовая синица
Перебила, мама, правое крыло.
Мама, мама, долго были мы в разлуке.
Ты услышишь, ты почувствуешь пальбу.
Я паду тебе на ласковые руки,
Ты снеси меня, калечного, в избу.
Знаешь, мама, слишком многого просил я,
Слишком чистым видел этот небосклон.
Знаешь, мама, слишком долго над Россией
Не кончается охотничий сезон.

В. Суворов
***

Верилось, что это – навсегда:
Полыханье солнечного диска,

Сонная, недвижная вода,
Девушка, сидящая так близко.
Ты сняла доверчиво платок,
Тронул косы ветер присмиревший,
И коснулся нежный локоток
До руки моей отяжелевшей.
Что случится? Что произойдет?
Но пока не кончилась дорога,
На груди моей не зарастет
Золотое пятнышко ожога.

СУЛЕЙМЕНОВ Олжас Омарович (род. 1936)

О. Сулейменов
ВОЛЧАТА

Шёл человек.
Шёл степью, долго, долго.
Куда? Зачем?
Нам это не узнать.
В густой лощине он увидел волка,
Верней, волчицу,
А, точнее, мать...
Она лежала в зарослях полыни,
Откинув лапы и оскалив пасть.
Из горла перехваченного плыла
Толчками кровь, густая, словно грязь.
Кем? Кем? Волком? Охотничьими псами?
Слепым волчатам это не узнать.
Они, толкаясь и ворча, сосали
Большую неподатливую мать.
Голодные волчата позабыли,
Как властно пахнет в зарослях укроп.
Они, прижавшись к маме, жадно пили
Густую холодеющую кровь.
С глотками в них входила жажда мести.
Кому?
Любому.
Лишь бы не простить.
И будут мстить
В отдельности,
Не вместе.
А встретятся –
Друг другу будут мстить.
И человек пошёл своей дорогой.
Куда?.. Зачем?..
Нам это не узнать.
Он был волчатник,
Но волчат не тронул,
Ребят уже не защищала мать...

СУРКОВ Алексей Александрович (1899 - 1983)

А. Сурков
***

Их было двое. Враг их окружал,
Один, крича и плача побежал.
Четыре вспышки выстрелом блеснули,
И в спину беглеца впились четыре пули,
Другой боец не отступил ни шагу.
Он встретил в лоб орущую ватагу.

Поднялся в рост над рыжим бугорком,
Спружинил мышцы сильные упруго,
Разил гранатами, колол штыком
И вырвался из замкнутого круга,
Десятерых на месте уложив.
Он жизнь любил и он остался жив.
1941

А. Сурков
В ЗЕМЛЯНКЕ

Бьется в тесной печурке огонь,
На поленьях смола, как слеза,
И поет мне в землянке гармонь
Про улыбку твою и глаза.

Про тебя мне шептали кусты
В белоснежных полях под Москвой.
Я хочу, чтобы слышала ты,
Как тоскует мой голос живой.

Ты сейчас далеко-далеко.
Между нами снега и снега.
До тебя мне дойти нелегко,
А до смерти — четыре шага.

Пой, гармоника, вьюге назло,
Заплутавшее счастье зови.
Мне в холодной землянке тепло
От моей негасимой любви.
1941

СУХАРЕВ (САХАРОВ) Дмитрий Антонович (род. 1930)

Д. Сухарев
ПЕСЕНКА

О сладкий миг, когда старик
Накрутит шарф по самый нос
И скажет псу: "А ну-ка, пес, пойдем во дворик!"
А во дворе идет снежок,
И скажет псу: "Привет, дружок!" –
Незлобный дворник, дядя Костя, алкоголик.

У дяди Кости левых нет доходов,
Зато есть бак для пищевых отходов,
Зато у дяди Кости в этом баке
Всегда найдутся кости для собаки.

Я рассказать вам не могу,
Как много меток на снегу,
Их понимать умеет каждая собака.
Над этой лапу задирал
Боксер по кличке Адмирал,
А здесь вот пинчер -- мелкий хлыщ и задавака.

Мы дружим со слюнявым Адмиралом,
Он был и остается добрым малым,
А пинчера гоняли и гоняем
За то, что он, каналья, невменяем.

Увы, бывают времена,
Когда, криклива и дурна,
Во двор выходит злая дворничиха Клава.
Она не любит старика,
Она кричит издалека,
Что у нее на старика, мол, есть управа.

Нам дела нет до бабы бестолковой,
Но к ней гуляет Вася-участковый,
И Вася вместе с ней не одобряет,
Когда собачка клумбу удобряет.

Как хорошо, о боже мой,
Со стариком идти домой,
Покинув двор, где ты как вор и правит злоба.
Старик поближе к огоньку,
А пес поближе к старику,
И оба-два сидим и радуемся оба.

Старик себе заварит черный кофий,
Чтоб справиться с проблемой мировою,
А пес себе без всяких философий
Завалится на лапы головою.
1972

Д. Сухарев
***

Вспомните, ребята, поколение людей
В кепках довоенного покроя.
Нас они любили,
За руку водили,
С ними мы скандалили порою.

И когда над ними грянул смертный гром,

Нам судьба иное начертала –
Нам, непризывному,
Нам, неприписному
Воинству окрестного квартала.

Сирые метели след позамели,
Все календари пооблетели,
Годы нашей жизни как составы пролетели –
Как же мы давно осиротели!

Вспомните, ребята,
Вспомните, ребята,-
Разве это выразить словами,
Как они стояли
У военкомата
С бритыми навечно головами.

Вспомним их сегодня всех до одного,
Вымостивших страшную дорогу.
Скоро, кроме нас, уже не будет никого,
Кто вместе с ними слышал первую тревогу.

И когда над ними грянул смертный гром,
Трубами районного оркестра,
Мы глотали звуки
Ярости и муки,
Чтоб хотя бы музыка воскресла.

Вспомните, ребята,
Вспомните, ребята,-
Это только мы видали с вами,
Как они шагали
От военкомата
С бритыми навечно головами.
1977

Д. Сухарев
ДВЕ ЖЕНЩИНЫ

Две женщины проснулись и глядят —
Проснулись и глядят в окно вагона.
Две женщины умылись и сидят —
Друг дружку наряжают благосклонно.

Две тайны примеряют кружева,
Им так охота выглядеть красиво!
Одна из них пять платьев износила —
Она пять лет на свете прожила.

Одна пять лет на свете прожила
И повидала разного немало.
Другая — пять смертей пережила
И пятый свой десяток разменяла.

Две ясности, две хитрых простоты
Играют в дурачка на нижней полке,
А сам дурак лежит на верхней полке,
Заглядывая в карты с высоты.

Там на заход валетик желторотый,
Там на отбой четыре короля,
Там козырями черви под колодой,
Там за окном летучая земля.

И карты сообщают так немного,
И так земля летучая легка,
И так длинна, так коротка дорога,
Что можно спать, не слушая гудка.
1977

ТАЛЬКОВ Игорь Владимирович (1956 - 1991)

И. Тальков
БЫВШИЙ ПОДЪЕСАУЛ

Бывший подъесаул уходил воевать.
На проклятье отца и молчание брата
Он ответил: Так надо, но вам не понять.
Тихо обнял жену и добавил: Так надо.

Он вскочил на коня, проскакал полверсты,
Но, как вкопанный, встал у речного затона.
И река приняла ордена и кресты,
И накрыла волна золотые погоны

Ветер сильно подул, вздыбил водную гладь,
Зашумела листва, встрепенулась природа,
И услышал казак: Ты идешь воевать
За народную власть со своим же народом.

Он тряхнул головой и молитву прочел,
И коню до костей шпоры врезал с досады.
Конь шарахнулся так, как от ладана черт,
От затона, где в ил оседали награды

Любо, братцы, любо, любо, братцы, жить.
С нашим атаманом не приходится тужить

И носило его по родной стороне,
Где леса и поля превратились в плацдармы.
Бывший подъесаул преуспел в той войне
И закончил ее на посту командарма

Природа мудра, и Всевышнего глаз
Видит каждый наш шаг на тернистой дороге.
Наступает момент, когда каждый из нас

У последней черты вспоминает о Боге

Вспомнил и командарм о проклятье отца,
И как божий наказ у реки не послушал,
Когда щелкнул затвор и девять граммов свинца
Отпустили на суд его грешную душу

А затон все хранит в глубине ордена,
И вросли в берега золотые погоны
На года, на века, и на все времена
Непорушенной памятью Тихого Дона

Любо, братцы, любо, любо, братцы, жить.
С нашим атаманом не приходится тужить.
1990

ТАРУТИН Олег Аркадьевич (1935 - 2000)

О. Тарутин
В ОТДЕЛЬНОЙ ПАЛАТЕ

Что чекистом почетным –
Сто разов наплевать,
От прогнившей печенки
Мне концы отдавать.
Подкачает, зараза,
Доконает на днях.
Вся она в метастазах,
Точно клумба в корнях.
Мне из этой палаты –
Лишь ногами вперед.
Но - спасибо халатам –
Боль не шибко дерет.
А грызут меня мысли,
Их укол не глушит:
Все о жизненном смысле,
О бессмертьи души.
Не сыночка к папане,
Не жену, что слезит,
Позовите попа мне,
Оплатите визит.
Мне б отца Серафима
Из Предтечи с Песков.
Генерал, мол, Ефимов
К покаянью готов.
Он придет непременно,
И скажу я ему:
- "Помнишь выпуск наш, Гена,
Что досталось кому?
Молодым лейтенантам
В сорок пятом году:
Мне - колоть арестантов,
Ты - в иную среду.

И скажи ты мне, Гена,
Богослов дорогой:
Для какого же хрена
Мы старались с тобой?
Ну вот ты в доме Божьем
Прослужил столько лет...
Ты ответить мне можешь:
Сам-то есть или нет?
Не твоим, брат, усердьем
Душу мне отскрести...
Но меня перед смертью
Ты, майор, окрести.

ТАТЬЯНИЧЕВА Людмила Константиновна (1915 - 1980)

Л. Татьяничева

***

В году военном,
В городе чугунном,
Что броневым щитом
России стал,
Стихи писала я
С восторгом юным
О женщине,
Что плавила металл.
Она была достойна
Пьедестала –
Отменный мастер
Плавок скоростных.
...Вот только матерью
Она не стала,
И внуков не увидела
Своих.
В ней женственность
И материнства силы
Дыханьем ярым
Погасил огонь.
А ей бы легче
У родной могилы
Стоять в слезах,
Прижав к груди ладонь.
Ни холмика,
Ни детской русой прядки,
Ни песенки,
Услышанной во сне!
...Сказала мне
С достоинством солдатки:
- Детей я потеряла
На войне!
1979

ТВАРДОВСКИЙ Александр Трифонович (1910 - 1971)

А. Твардовский
Я УБИТ ПОДО РЖЕВОМ…

Я убит подо Ржевом,
В безыменном болоте,
В пятой роте, на левом,
При жестоком налете.
Я не слышал разрыва,
Я не видел той вспышки, —
Точно в пропасть с обрыва —
И ни дна ни покрышки.
И во всем этом мире,
До конца его дней,
Ни петлички, ни лычки
С гимнастерки моей.
Я — где корни слепые
Ищут корма во тьме;
Я — где с облачком пыли
Ходит рожь на холме;
Я — где крик петушиный
На заре по росе;
Я — где ваши машины
Воздух рвут на шоссе;
Где травинку к травинке
Речка травы прядет, —
Там, куда на поминки
Даже мать не придет.

Подсчитайте, живые,
Сколько сроку назад
Был на фронте впервые
Назван вдруг Сталинград.
Фронт горел, не стихая,
Как на теле рубец.
Я убит и не знаю,
Наш ли Ржев наконец?
Удержались ли наши
Там, на Среднем Дону?..
Этот месяц был страшен,
Было все на кону.
Неужели до осени
Был за ним уже Дон
И хотя бы колесами
К Волге вырвался он?
Нет, неправда. Задачи
Той не выиграл враг!
Нет же, нет! А иначе
Даже мертвому — как?
И у мертвых, безгласных,
Есть отрада одна:
Мы за родину пали,
Но она — спасена.

Наши очи померкли,
Пламень сердца погас,
На земле на поверке
Выкликают не нас.
Нам свои боевые
Не носить ордена.
Вам — все это, живые.
Нам — отрада одна:
Что недаром боролись
Мы за родину-мать.
Пусть не слышен наш голос, —
Вы должны его знать.
Вы должны были, братья,
Устоять, как стена,
Ибо мертвых проклятье —
Эта кара страшна.
Это грозное право
Нам навеки дано, —
И за нами оно —
Это горькое право.
Летом, в сорок втором,
Я зарыт без могилы.
Всем, что было потом,
Смерть меня обделила.
Всем, что, может, давно
Вам привычно и ясно,
Но да будет оно
С нашей верой согласно.

Братья, может быть, вы
И не Дон потеряли,
И в тылу у Москвы
За нее умирали.
И в заволжской дали
Спешно рыли окопы,
И с боями дошли
До предела Европы.
Нам достаточно знать,
Что была, несомненно,
Та последняя пядь
На дороге военной.
Та последняя пядь,
Что уж если оставить,
То шагнувшую вспять
Ногу некуда ставить.
Та черта глубины,
За которой вставало
Из-за вашей спины
Пламя кузниц Урала.
И врага обратили
Вы на запад, назад.
Может быть, побратимы,
И Смоленск уже взят?

И врага вы громите
На ином рубеже,
Может быть, вы к границе
Подступили уже!
Может быть… Да исполнится
Слово клятвы святой! —
Ведь Берлин, если помните,
Назван был под Москвой.
Братья, ныне поправшие
Крепость вражьей земли,
Если б мертвые, павшие
Хоть бы плакать могли!
Если б залпы победные
Нас, немых и глухих,
Нас, что вечности преданы,
Воскрешали на миг, —
О, товарищи верные,
Лишь тогда б на воине
Ваше счастье безмерное
Вы постигли вполне.
В нем, том счастье, бесспорная
Наша кровная часть,
Наша, смертью оборванная,
Вера, ненависть, страсть.
Наше все! Не слукавили
Мы в суровой борьбе,
Все отдав, не оставили
Ничего при себе.

Все на вас перечислено
Навсегда, не на срок.
И живым не в упрек
Этот голос ваш мыслимый.
Братья, в этой войне
Мы различья не знали:
Те, что живы, что пали, —
Были мы наравне.
И никто перед нами
Из живых не в долгу,
Кто из рук наших знамя
Подхватил на бегу,
Чтоб за дело святое,
За Советскую власть
Так же, может быть, точно
Шагом дальше упасть.
Я убит подо Ржевом,
Тот еще под Москвой.
Где-то, воины, где вы,
Кто остался живой?
В городах миллионных,
В селах, дома в семье?
В боевых гарнизонах
На не нашей земле?

Ах, своя ли. чужая,
Вся в цветах иль в снегу…
Я вам жизнь завещаю, —
Что я больше могу?
Завещаю в той жизни
Вам счастливыми быть
И родимой отчизне
С честью дальше служить.
Горевать — горделиво,
Не клонясь головой,
Ликовать — не хвастливо
В час победы самой.
И беречь ее свято,
Братья, счастье свое —
В память воина-брата,
Что погиб за нее.
1946

ТИХОНОВ Николай Семенович (1896 - 1979)

Н. Тихонов
***

Мы разучились нищим подавать,
Дышать над морем высотой соленой,
Встречать зарю и в лавках покупать
За медный мусор — золото лимонов.

Случайно к нам заходят корабли,
И рельсы груз проносят по привычке;
Пересчитай людей моей земли —
И сколько мертвых встанет в перекличке.

Но всем торжественно пренебрежем.
Нож сломанный в работе не годится,
Но этим черным, сломанным ножом
Разрезаны бессмертные страницы.
1921

Н. Тихонов
БАЛЛАДА О ГВОЗДЯХ

Спокойно трубку докурил до конца,
Спокойно улыбку стер с лица.
«Команда, во фронт! Офицеры, вперед!»
Сухими шагами командир идет.
И слова равняются в полный рост:
«С якоря в восемь. Курс — ост.
У кого жена, брат —
Пишите, мы не придем назад.
Зато будет знатный кегельбан».
И старший в ответ: «Есть, капитан!»
А самый дерзкий и молодой

Смотрел на солнце над водой.
«Не все ли равно,- сказал он,- где?
Еще спокойней лежать в воде».
Адмиральским ушам простукал рассвет:
«Приказ исполнен. Спасенных нет».
Гвозди б делать из этих людей:
Крепче б не было в мире гвоздей.
1921

Н. Тихонов
НОЧЬ

Спит городок
Спокойно, как сурок.
И дождь сейчас уснет,
На крышах бронзовея;
Спит лодок белый флот
И мертвый лев Тезея,
Спит глобус-великан,
Услада ротозея,
Спят мыши в глобусе,
Почтовый синий ящик,
Места в автобусе
И старых лип образчик,
- Все спит в оцепенении одном,
И даже вы —
меняя сон за сном.
А я зато в каком-то чудном гуле
У темных снов стою на карауле
И слушаю: какая в мире тишь.

… Вторую ночь уже горит Париж!
1940

ТРАП КЕРБА Нази (1939 - 2015)

Н. Трап Керба
ТОПОЛЕК
Памяти Наташи Петуховой

Рано утром малиновый звон,
На лицо налетит ветерок,
Я в родник окуну ладонь,
Отопью из неё глоток,

Я дотронусь до ветки рукою
И меня окропит роса,
Той росою со словом заветным
Я умоюсь, зажмурив глаза

Залюбуюсь я той красотою
Что на небе рисует заря,
Стаи птиц гомонят меж собою,

Возвещая рождение дня.

Ветерок пробежит стороною
Солнца луч заплетет косу,
Я тебя подниму, дорогая,
Хоть куда на весу донесу

Ветерок, не балуй ты со мною,
Воду в озере не тереби.
Прошумит зеленой листвой
Объявив всем начало зари

Ветерок, не шути ты со мною
Причеши, залохматив усы,
Я была такой молодою,
Озорною и счастливой, как ты.

Ветерок пробежал стороною,
Я стою на рассвете дня
Я была такою красивой,
Вспоминай иногда меняю

Ветерок споткнулся о кручи,
Я ушла на начале дня.
Поклонился березе плакучей,
Здесь под кроной убили меня.

ТРЯПКИН Николай Иванович (1918 - 1999)

Н. Тряпкин
***

Свет ты мой робкий, таинственный свет.
Нет тебе слов и названия нет.

Звуки пропали. И стихли кусты.
Солнце в дыму у закатной черты.

Парус в реке не шелохнется вдруг.
Прямо в пространство повис виадук.

Равны права у небес и Земли.
Город, как воздух, бесплотен вдали...

Свет ты мой тихий, застенчивый свет!
Облачных стай пропадающий след.

Вечер - не вечер, ни тьмы, ни огня.
Молча стою у закатного дня.

В робком дыму, изогнувшись, как лук,
Прямо в пространство повис виадук,

Равны права у небес и Земли.
Желтые блики на сердце легли.

Сколько над нами провеяло лет?
Полдень давно проводами пропет.

Сколько над нами провеяло сил?
Дым реактивный, как провод, застыл.

Только порою, стеклом промелькав,
Там вон беззвучно промчится состав.

Молча стою у закатного дня...
Свет ты мой тихий! Ты слышишь меня?

Свет ты мой робкий! Таинственный свет.
Нет тебе слов и названия нет.

Звуки пропали. И стихли кусты.
Солнце в дыму у закатной черты.
1969

Н. Тряпкин
***

Как научились воровать!
Воруем все - напропалую.
Ворует сын, ворует мать
И строят дачу воровскую.

Ворует пекарь у печей,
Ворует резчик у буханки,
Ворует сторож у бахчей,
Ворует книжник у стремянки.

Ворует врач у порошков,
Ворует сварщик у паялки,
И даже - тренер у прыжков,
И даже - мусорщик у свалки.

Воруют грунт из-под двора,
Воруют дно из-под кадушки.
Воруют совесть у Петра,
Воруют душу у Марфушки...

Кого просить? Кому кричать?
И перед кем стоять в ответе?
И что мы будем воровать,
Когда растащим все на свете!
1981

ТУРБИНА Ника Георгиевна (1974 – 2002)

Н. Турбина
СМЫСЛ ЖИЗНИ.

Ступеньки вверх,
Ступеньки вниз, -
Кружится голова.
Ступеньки вверх,
Ступеньки вниз, -
Как жизнь моя мала!
Но не хочу
Я верить в то,
Что смерть придет ко мне,
Что не увижу никогда
Я снега в январе,
Весной я сорву цетов,
И не сплету венок.
Прошу!
Не надо лишних слов,
А просто верьте в то,
Что утром снова день придет
И будете опять
Ступеньки вверх,
Ступеньки вниз,
Летя по ним, считать.
1981

Н. Турбина
ГОЛОС.

По аллеям парка
Шариком хрустальным
Голос твой, звенящий
Обогнал меня.

Пробежал по крышам,
Пробежал по листьям,
В шорохе осеннем
Музыку поймал.

Вдруг остановился
Возле той скамейки,
Где стоял разбитый
Уличный фонарь.

Шарик твой хрустальный
Заискрился смехом,
И фонарь разбитый
Музыку поймал.
1981

Н. Турбина
***

Утром, вечером и днем
Думай только лишь о том,
Что на город ночь садится,
Словно филин за окном.
Утром, вечером и днем
Ночь тихонько входит в двери,
Ноги вытерев у входа,
Будто опасаясь встретить
Лучик дня, который прыгал
Час назад по одеялу.

Утром, вечером и днем
Думай только лишь о том,
Как ночами страшно воет
Ветер, что живет в трубе.
Как врывается он в окна,
С криком разбивает ставни,
Листья желтые прилипнут
К мокрому от слез стеклу.

Не люблю я ночью думать
О тревожных страшных сказках,
Буду лучше засыпать я
Утром, вечером и днем.
1981

Н. Турбина
ОДНОЙ ИЗ ЖЕНЩИН.

В шесть сорок отбудет поезд,
В шесть сорок наступит расплата
За то, что забыла вернуться,
Что смех у тебя на лице.
Ты выйдешь на станцию тихо,
Твой поезд ушел на рассвете.
Не надо придумывать фразы,
Чтоб время простило тебя.
Ты просто забыла о дате,
Уходит нескорый поезд.
В шесть сорок приедет любимый,
Но это было вчера.
1983

Н. Турбина
***

Жизнь моя – черновик,
На которой все буквы –
Созвездья.
Сочтены наперед
Все ненастные дни.
Жизнь моя – черновик.
Все удачи мои, невезенья

Остаются на нем,
Как надорванный выстрелом крик.
1983

Н. Турбина
ХОЧУ ДОБРА.

Как часто
Я ловлю косые взгляды.
И колкие слова,
Как стрелы,
Вонзаются в меня.
Я Вас прошу – послушайте!
Не надо
Губить во мне минуты
Детских снов.
Так невелик
Мой день,
Я так хочу добра
Всем,
И даже тем,
Кто целится в меня.
1983

Н. Турбина
***

Я стою у черты,
Где кончается
Связь со Вселенной.
Здесь разводят мосты
Ровно в полночь:
То время бессменно.

Я стою у черты –
Ну, шагни,
И окажешься
Сразу бессмертна.
Оглянулась – за мною дни
Что дарили мне столько света.

И я сделать последний шаг
Не могу.
Но торопит время.
Утром меркнет моя звезда
И черта обернулась мгновеньем.
1983

Н. Турбина
СОРОК ПЕРВЫЙ.

Города горят,
И леса горят.

По стране идет
Черным шагом враг.
Смертью смотрит глаз,
И рукой своей
Он заносит меч
Над Землей моей.
И закрыл крылом
Страшный ястреб свет.
И кричит Земля:
Мне покоя нет.
Отчего вы, люди,
Хуже зверей,
Убиваете даже
Малых детей.
Города горят,
И леса горят,
По Земле идет
Черной смертью враг.
1983

Н. Турбина
ГАДАНИЕ.

Гадают сейчас на времени,
Карты ушли в историю.
Кому выпадет черная –
Бросают туда бомбу.
Не карты, а люди раскинуты
На бедном Земном шаре,
И каждый боится вытащить
Кровью залитые страны.
Как жаль, что я – не гадалка,
Гадала бы только цветами
И радугой залечила
Земле нанесенные раны.\
1983

Н. Турбина
ТАМ, ГДЕ ГРОХОЧЕТ ВОЙНА.

Слепой ребенок на куче хлама
Играл осколками стекла.
И в мертвых его глазах
Стояло солнце, не виданное им,
И блики мерцали на колких стеклышках,
И пальцы, дрожа, перерывали мусор,
Думая, что это цветы,
Растущие под небом рая.
Слепой ребенок радовался утру,
Не зная и не ведая, что ночь
Всегда стоит за детскими его плечами.
1983

Н. Турбина
Я СЛЫШУ ВРЕМЯ.

Как хочется
Укрыться одеялом
И заново обдумать день,
Который пробежал
Так быстро,
Был заполнен
Людьми, бумагами
И шумом городским.
Я время ощущаю
Только ночью,
Тогда мне слышен
Гулкий бой часов,
Секунды собираются в минуты,
И тьма распахивает
Створки окон.
Я слышу время.
Вот оно идет
По Красной площади,
И заполняет
Сразу полземли.
Я слышу крик ребенка,
Он родился
На счастье,
Нет, не знаю,
Может быть,
На боль,
Об этом
Мне расскажет
Только утро,
А я хочу
Увидеть ночью мир.
Ты спи, Земля,
Такая голубая.
Такая невесомая,
Земная.
Я буду
Вечным сторожем твоим.
1984

Н. Турбина
***

Мы говорим с тобой
На разных языках.
Все буквы те же,
А слова – чужие.
Живем с тобой
На разных островах,
Хотя в одной квартире.
1983

ТУРОВСКАЯ Людмила Тадеушевна (род. 1949)

Л. Туровская
ХУЛА КАПИТАЛИЗМУ

Мир стал бескрылым. Ни мечты, ни воли.
Безбрежно стар и безнадежно туп.
Так мерзнет волк в пустом январском поле,
Так под забором стынет черный труп.
Стальные двери, толстые решетки…
Куда ни кинь – тот вор, а тот – подлец.
На всем следы тотальной обработки
Пугливых душ, доверчивых сердец.
И все глупцы помешаны на рынке.
И лезут в Думу полчища иуд.
Ужель не слышно в их колбасном рыке
Тупую алчность и бесстыжий блуд?
Заморский френч на думском бегемоте.
Цинизм и спесь - из-под тяжелых век.
В своей крутой, лоснящейся *тойоте*
Летит – в могилу! – ветхий человек.
Телеэкран трещит сплошные байки.
Маразм – на лицах сытых и пустых.
Мясные туши. Сонные байбаки.
О, Господи, да сколько ж всюду их!
Повылезли из всех щелей кромешных
Дебилы, урки, шлюхи всех пород.
Рожает Кремль парады войск потешных.
И ждет чего-то кинутый народ.
На всем печать тюрьмы и вырожденья.
Кто прокурор? Глухой или слепой!
Ни одного прекрасного мгновенья,
Ума души – секунды ни одной.
Ну, как тут жить в помойной этой яме,
Где запах гнили – на десяток верст,
Где города – в публичном тонут сраме,
Где не родные села, а погост?
И этот ад – венец земной юдоли?
Дурдом корысти. Пошлости базар.
Мир стал бескрылым. Ни мечты, ни воли.
Безбрежно туп. И безнадежно стар!

Л. Туровская
ТОВАРИЩИ

Нет уз святее товарищества.
Н. Гоголь

Я вас люблю, товарищи мои!
Так горячо, наверное, впервые.
Веселые, счастливые, живые,
Не господа – товарищи мои.
Меня не греет слово «господа».

В нем есть чужой, надменный отзвук барства,
И горя тень, и тайный привкус рабства,
И темный след небожьего суда.
«Товарищи! » - кричал мой юный дед,
Срывая горло в яростной атаке.
Он русским* был, когда в советском танке
Входил в берлинский сумрачный рассвет.
И мой отец не чествовал господ,
Даря людей своей надежной дружбой.
Он честным был в семье и мирной службе
И тоже шел за Родину, вперед.
Товарищей в господ перекроив,
Куражатся наперсники разврата.
Но их найдет живое слово-правда!
И в прах рассеет Времени порыв.
Товарищи – единая семья.
Простое слово говорит о многом.
Ему учил меня великий Гоголь.
Земля моя. И молодость моя.

Примечание:
*Обратите внимание на отчество автора.

Л. Туровская
РОССИЙСКИЙ БОМЖ

Был смысл. И преданность. И вера.
Была семья. И теплый дом.
Он был советским пионером,
И вот российским стал бомжом.
К отцу на Волгу мчался в «скором».
Спешил на свой родной завод.
И вот ночует под забором.
И у помойки водку пьет.
Его страшат гнилые ночи,
Пустой не радует рассвет.
Спроси его – чего он хочет?
Мычанье тёмное – в ответ.
Встает… Как будто вы из гроба.
По-рабьи смотрит. И – молчит.
И вновь меж муторных сугробов
Судьбу-злодейку волочит.
Ушел, на землю сплюнув нервно.
Ему – «в печенках» эта жизнь!
Он был советским пионером.
И твердо верил – в коммунизм.

ТУШНОВА Вероника Михайловна (1915 - 1965)

СТИХИ О ДОЧЕРИ.
Наташе

Душная, безлунная,

Наступает ночь…
Все о сыне думала,
А сказали: "Дочь."

Хорошо мечтается
В тишине палат...
Голубые лампочки
У дверей горят.

Ветер стукнул форточкой,
Кисею струя.
Здравствуй, милый сверточек,
Доченька моя!

Все такое синее,
На столе цветы!
Думала о сыне я,
Но родилась ты.

Ты прости, непрошенный,
Ежик сонный мой,
Я тебя, хорошую,
Отвезу домой.

Для тебя на коврике
Вышита коза,
У тебя, наверное,
Синие глаза...

Ну... а если серые –
Маме все равно.
Утро твое первое
Смотрится в окно.
1939

УЛЗЫТУЕВ Дондок Аюшеевич (1936 - 1972)

Д. Улзытуев
ПРЕДСКАЗАНИЕ

А когда я бродил босиком по
крутым берегам Шибертуя,
и за радугой бегал бегом,
и свистел, подражая синицам,
молчаливый старик Шойсорон
повстречал мою мать и промолвил:
«Либо станет сказителем он,
либо просто чудным человеком».

УТКИН Иосиф Павлович (1903 - 1944)

И. Уткин
ГИТАРА

Не этой песней старой
Растоптанного дня,
Интимная гитара,
Ты трогаешь меня.

В смертельные покосы
Я нежил, строг и юн,
Серебряную косу
Волнующихся струн.

Сквозь боевые бури
Пронес я за собой
И женскую фигуру
Гитары дорогой!

Всегда смотрю с любовью
И с нежностью всегда
На политые кровью,
На бранные года.

Мне за былую муку
Покой теперь хорош.
(Простреленную руку
Сильнее бережешь!)

…Над степью плодоносной
Закат всегда богат,
И бронзовые сосны
Пылают на закат…

Ни сена! И ни хлеба!
И фляги все — до дон!
Под изумрудным небом
Томится эскадрон…

…Что пуля? Пуля — дура.
А пуле смерть — сестра.
И сотник белокурый
Склонился у костра.

И вот, что самый юный
(Ему на песню — дар!),
Берет за грудь певунью
Безусый комиссар.

И в грустном эскадроне,
Как от зеленых рек,
Повыпрямились кони
И вырос человек!

…Короткие кварталы —
Летучие года!

И многого не стало,
Простилось навсегда.

Теперь веселым скопом
Не спеть нам, дорогой.
Одни —
Под Перекопом,
Другие —
Под Ургой.

Но стань я самым старым, -
Взглянув через плечо,
Военную гитару
Я вспомню горячо.

Сейчас она забыта.
Она ушла в века
От конского копыта,
От шашки казака.

Но если вновь, бушуя,
Придет пора зари,-
Любимая,
Прошу я —
Гитару подари!
1926

УХОВА Е. ()

Е. Ухова
КОТЁНОК

Он сидит и смотрит
За окном закат.
В сумерках два глаза
Весело горят.

Он следит за ручкой,
Глупый и смешной.
Подбегает к лампе,
Вот и сел со мной.

Он похож на серый
Бабушкин клубок.
Вот поймал свой хвостик,
Прыгнул в уголок.

Он пока котенок,
Скоро будет кот!
Вот какое счастье
У меня живет!

ФАТЬЯНОВ Алексей Иванович (1919 - 1959)

А. Фатьянов
СОЛОВЬИ

Соловьи, соловьи, не тревожьте солдат,
Пусть солдаты немного поспят…

Пришла и к нам на фронт весна,
Солдатам стало не до сна —
Не потому, что пушки бьют,
А потому, что вновь поют,
Забыв, что здесь идут бои,
Поют шальные соловьи.

Соловьи, соловьи, не тревожьте солдат,
Пусть солдаты немного поспят…

Но что война для соловья!
У соловья ведь жизнь своя.
Не спит солдат, припомнив дом
И сад зелёный над прудом,
Где соловьи всю ночь поют,
А в доме том солдата ждут.

Соловьи, соловьи, не тревожьте солдат,
Пусть солдаты немного поспят…

А завтра снова будет бой, —
Уж так назначено судьбой,
Чтоб нам уйти, не долюбив,
От наших жён, от наших нив;
Но с каждым шагом в том бою
Нам ближе дом в родном краю.

Соловьи, соловьи, не тревожьте солдат,
Пусть солдаты немного поспят…
1942

А. Фатьянов
***

Майскими короткими ночами.
Отгремев, закончились бои...
Где же вы теперь, друзья-однополчане,
Боевые спутники мои?

Я хожу в хороший час заката
У тесовых новеньких ворот.
Может, к нам сюда знакомого солдата
Ветерок попутный занесет?

Мы бы с ним припомнили, как жили,
Как теряли трудным верстам счет.

За победу б мы по полной осушили,
За друзей добавили б еще.

Если ты случайно не женатый,
Ты, дружок, нисколько не тужи:
Здесь у нас в районе, песнями богатом,
Девушки уж больно хороши.

Мы тебе колхозом дом построим,
Чтобы было видно по всему, -
Здесь живет семья советского героя,
Грудью защитившего страну.

Майскими короткими ночами,
Отгремев, закончились бои...
Где же вы теперь, друзья-однополчане,
Боевые спутники мои?
1946

А. Фатьянов
***

Тишина за Рогожской заставою.
Спят деревья у сонной реки.
Лишь составы идут за составами,
Да кого-то скликают гудки.
Почему я все ночи здесь полностью
У твоих пропадаю дверей?
Ты сама догадайся по голосу
Семиструнной гитары моей!

Тот, кто любит, в пути не заблудится.
Так и я — никуда не пойду,
Всё равно переулки и улицы
К дому милой меня приведут.
Подскажи-подскажи, утро раннее,
Где с подругой мы счастье найдём?
Может быть вот на этой окраине
Или в доме, котором живём?

Не страшны нам ничуть расстояния!
Но, куда ни привёл бы нас путь,
Ты про первое наше свидание
И про первый рассвет не забудь.
Как люблю твои светлые волосы,
Как любуюсь улыбкой твоей,
Ты сама догадайся по голосу
Семиструнной гитары моей.
1956

ФЕДОРОВ Василий Дмитриевич (1918 - 1984)

В. Федоров

ГАМЛЕТ В КОЛХОЗЕ

Сто разных вздохов,
Как одно дыханье,
И, как одно лицо,
Сто разных лиц...
В совхозном клубе
На киноэкране
Страдает Гамлет,
Юный датский принц.

Страдает Гамлет...
Золото венца,
Отечески светившее
Для принца,
Теперь,
Когда живет
Лишь тень отца.
Блестит все так же
На его убийце.

Страдает Гамлет...
Как же не страдать,
Не мучиться,
Не исторгать проклятий,
Когда из тьмы
Изменческих объятий
С улыбкой прежнею
Выходит мать!

Страдает Гамлет...
Как ему любить,
Как позабыться
В неге голубиной,
Когда уста
Офелии невинной
Уже успели
Ложью отравить!

Страдает Гамлет...
Волны мчатся к скалам,
Чтоб умереть
У датских берегов...
И странный свет
Дрожит над кинозалом,
Как будто льется
Из глубин веков.

Страдает Гамлет...
Свет пылит пыльцой,
Бледней волос
Загубленной датчанки.
В ней вижу я

Скорбящее лицо
Еще не старой,
Но седой сельчанки.

Страдает Гамлет,
Отпрыск королей...
Сельчанка плачет
Тихою слезою.
Что Гамлету она,
Что Гамлет ей,
Чтобы терзаться
Над его судьбою?

Что Гамлет ей,
Когда о том,
Как быть,
Сто раз решала,
Путаясь в ответе.
О, сколько-сколько
Горестных трагедий
Она сама успела
Пережить!

Что Гамлет ей
С интригами дворца?
В тот смутный год,
Что страхами измерян,
К ней тоже приходила
Тень отца,
Но не ко мщению звала,
А к вере.

Что Гамлет ей?
Она дышала адом,
Прошла войну
Со смертною бедой.
Уже сраженный,
Муж нездешним взглядом
Ее увидел,
Ставшую седой.

Что Гамлет ей?
Холодною душою
Трагедию земли
Не все поймут.
Родную землю
Делали чужою,
Скупою,
Неотзывчивой на труд.

Но с высоты
Страданья своего,
С вершины веры,

Что неугасима,
Она в душе
Боится за него,
Как мать боится
За родного сына.

Сто разных вздохов,
Как ее дыханье,
И, как лицо ее,
Сто разных лиц...
В совхозном клубе
На киноэкране
Страдает Гамлет,
Юный датский принц...

ФИЛАТОВ Леонид Алексеевич (1946 - 2003)

Л. Филатов
РАЗНОЦВЕТНАЯ МОСКВА

У окна стою я как у холста…
Ах, какая за окном красота –
Будто кто-то перепутал цвета
И Дзержинку, и Манеж...
Над Москвой встает зеленый восход,
По мосту идет оранжевый кот,
И лотошник у метро продает
Апельсины цвета беж.

А в троллейбусе мерцает окно –
Пассажиры, как цветное кино,
Мне, товарищи, ужасно смешно
Изучать в окошко мир:
Этот негр из далекой страны
Так стесняется своей белизны,
И рубают рядом с ним пацаны
Фиолетовый пломбир.

И качает головой постовой –
Он сегодня огорошен Москвой,
Ни черта он не поймет, сам не свой,
Будто рыба на мели.
Я по улицам бегу, хохочу,
Мне любые чудеса по плечу,
Фонари свисают - ешь, не хочу, -
Как бананы в Сомали.

У окна стою я, как у холста:
Ах, какая за окном красота –
Будто кто-то перепутал цвета
И Дзержинку, и Манеж...
Над Москвой встает зеленый восход,
По мосту идет оранжевый кот,

И лотошник у метро продает
Апельсины цвета беж.
1965

ФИСАНОВИЧ Израиль Ильич (1914 - 1944)

И. Фисанович
***

Нет выше счастья, чем борьба с врагами,
И нет бойцов подводников смелей.
И нет нам твёрже почвы под ногами,
Чем палубы подводных кораблей.

Простились мы с родными берегами.
Крепчает шторм, и волны хлещут злей.
И нет нам твёрже почвы под ногами,
Чем палубы подводных кораблей.

В морскую глубь на смертный бой с врагами
Идёт подлодка, слушаясь рулей.
И нет нам твёрже почвы под ногами,
Чем палубы подводных кораблей.

Утоплен враг, идём сквозь сталь и пламя.
Пускай бомбят: посмотрим, кто хитрей!
И нет нам твёрже почвы под ногами,
Чем палубы подводных кораблей.

Любимые, встречайте нас с цветами.
И хоть на свете вы нам всех милей,
Но нет нам твёрже почвы под ногами,
Чем палубы подводных кораблей.
1943

ФОКИНА Ольга Александровна (род. 1937)

О. Фокина
***

Как в армию повестка,
Где можно пасть в бою,
Страшит меня поездка
На родину мою.
Боюсь узнать: старушки –
Соседки – больше нет,
В утряске и усушке
Прикончен сельсовет.
И нет библиотеки.
И школа – на замке.

И маленькие дети
Не плещутся в реке.
И поле, где когда-то
Училась боронить,
Стоит в кустах лохматых,
И их не победить.
…Давно пенсионерка,
Забытая людьми,
Грозится рухнуть церква…
Господь её храни!
По росписи на стенах
Там надписи гвоздём.
Живу… Не на гвозде, но
Как на гвозде. Живьём.

ФОНЯКОВ Илья Олегович (1935 - 2011)

И. Фоняков
ПОРТРЕТ В ПУТИ.

Нам попался шофер
На дороге под городом Тулой,
Рыжий, словно костер,
Длиннорукий, высокий, сутулый.

Не боясь никого,
Он твердил, что повсюду нехватка
И того, и того,
Ну а главное, - это порядка.

Но и сам был хорош!
Не стесняясь, калымил, левачил:
"Все берут - ты берешь..."
Да как начал, как начал, как начал...

Горлопан! Горлодер!
Вдруг примолкнет: на горке береза...
Не забылся с тех пор:
Въелся в память, торчит, как заноза.

В кожухе меховом,
Зол, циничен и сентиментален.

На стекле ветровом –
Два портрета: Есенин и Сталин...
1986

ХАРЧИКОВ Александр Анатольевич (род. 1949)

А. Харчиков
МОЯ РОДИНА СОВЕТСКИЙ СОЮЗ

Я родился на советской земле,

и советский я заканчивал ВУЗ.
Я служил в Советском флоте тебе,
незабвенный мой Советский Союз.

Моя Родина - Советский Союз,
Я люблю его и этим горжусь
И за доллары не продаюсь,
Моя Родина – Советский Союз!

Наши деды лили кровь за него,
Революцию свершая в стране,
В жарких сечах живота своего
Не щадили на Гражданской войне.
А потом Магнитку и Днепрогэс
Возводили в ритме бешеных дней,
И от плуга, достигая небес,
Приближались к светлой цели своей.

Моя Родина - Советский Союз,
Я люблю его и этим горжусь
И за доллары не продаюсь,
Моя Родина – Советский Союз!

Деды спуску не давали врагам,
Гнали извергов с родимой земли,
И в солдатских кирзовых сапогах
С сыновьями до Берлина дошли.
Поднимая из разрухи страну,
Сверхдержаву изваяли бойцы,
Запускали корабли на Луну
Сыновья Союза - наши отцы.

Моя Родина - Советский Союз,
Я люблю его и этим горжусь
И за доллары не продаюсь,
Моя Родина – Советский Союз!

Мы советские, братишка, с тобой,
И в счастливые и в злые года
Солнце Родины Советской одной
Нам надеждою сияло всегда.
Мы страну не предавали в боях,
И сегодня у беды на краю,
На земле, и в небесах, и в морях,
Вспомним славу боевую свою!

Наша Родина - Советский Союз.
Скажем дружно: "Я врагу не сдаюсь
И за доллары не продаюсь!
Наша Родина - Советский Союз!"

Наша Родина - Советский Союз,
Выше голову, товарищ, не трусь!

Прочь уныние и липкую грусть,
Наша Родина - Советский Союз!

А. Харчиков
НАСТОЯЩИЙ КОММУНИСТ

Настоящий коммунист перед Родиною чист,
перед памятью былых поколений
ни своей родной стране, ни тебе, мой друг, ни мне
настоящий коммунист не изменит.
Ни своей родной стране, ни тебе, мой друг, ни мне
настоящий коммунист не изменит.

Знай, в 17-ом году всем буржуям на беду
разбудили, раскачали державу,
и разутые полки повели большевики
в бой решительный, великий, кровавый,
мировой орде на страх поднимая красный флаг
над шестою частью земного шара!
Мировой орде на страх поднимая на штыках
Красной Армии геройскую славу!

Сорок первый грозный год не забыл ещё народ:
был силён тевтон, коварен и неистов.
Но за Родину свою на переднем на краю
принимали смерть бойцы-коммунисты.
С партбилетами в строю шли за Родину свою
воины ВКП(б) - коммунисты!

Настоящий коммунист перед Родиною чист,
он у виселицы в миг испытаний
у народа на виду верил в красную звезду
и бросал в толпу: "Да здравствует Сталин!"
Он своих не предавал, он в лицо врагам плевал
и кричал, хрипя: "Да здравствует Сталин!"

Настоящий коммунист - не масон, не сионист,
не наёмник Валютного фонда,
не приспешник, не слуга Кремль занявшего врага,
не предателя похабная морда.
Настоящие сыны Маме-Родине верны
навсегда и в убеждениях твёрды!

Перед партиею чист настоящий коммунист,
не бежал он из неё в час суровый,
ошибался и искал, но себя не опускал,
не сжигал мостов до отчего дома.
Перед плесенью не сник настоящий большевик,
он возьмёт своё, я верую, снова!

А. Харчиков
***

В майский день за столом полупьяным
В ресторане весёлом вокзальном
Мне с полковником и генералом
Познакомиться вышло случайно.

Генерал- старикан седовласый,
Ордена его что-то не грели
Как-то тускло светились лампасы,
Как-то грустно медали звенели.

Говорил он 'полкану': - салага,
Хоть и был ты комбатом в Афгане,
Не видал ты того, бедолага,
Что отцы на войне повидали.

Ты не видел горящую ниву
Той земли, что была нам своею,
Ты не шел через всю Украину,
Ты не знаешь как бабы жалеют.

Ты не видел, сынок, как вставали
Вслед за мною бойцы из окопов,
И орлами в атаку взлетали,
Пол-земли пешкодралом протопав.

Ты не видел, как мы наступали
Сквозь прорывы поротно, повзводно
Как голодных детей согревали
И кормили из кухонь походных.

Как живыми мы в плен не сдавались,
А израненных нас выносили,
С поля боя ползком выбираясь,
На руках медсестрички России.

Ты не знал настоящую славу,
Что, как солнце, над нами сияла,
Ты забыл нашу Родину-Маму,
Что растила тебя и питала.

И мундир тебе новый, безликий
Неродного мышиного цвета
С триколором не раз мною битым,
Сука Власов прислал с того света.

Мы лоскут этот рвали штыками
Заедино с германским штандартом,
Сапоги о него вытирали
И в огонь отправляли с азартом.

Ну а тех, кто под ним кучковался
Мы как нечисть с земли выметали:
Русских тех, кто с врагами якшался

Ведь и русскими мы не считали.

И пьянел генерал и бранился,
За страну ему было обидно,
И за всех, кто от матери русской родился
И в ком русского было не видно.

И бледнел и молчал как покойник,
И упреки глотал как отраву
Моложавый российский полковник;
А старик у меня взял гитару

И запел незнакомое что-то, ъ
И по струнам рука ударяла,
И за ним, за безусым пехота
Все вперед, все на Запад шагала.

И качались хмельные фужеры.
И нарядная люстра дрожала,
И халдеи с опаской глядели
На видавшего жизнь генерала.

И кружились по залу березы,
Медсанбат и церковная паперть,
И катились и падали слезы
На узорную белую скатерть...

ХЛЕБНИКОВ Олег Никитьевич (род. 1956)

О. Хлебников
КОНЕЦ СЕМИДЕСЯТЫХ

Жили тем, что летом можно было
Искупаться в городском пруду
И на берегу, где ТЭЦ дымила,
Съесть с собою взятую еду.

А зимой - на лыжах, по лесочку
Меж онкологичкой и рекой,
Ржавой и рассохшейся, как бочка, -
По снежочку, бьющему искрой.

Жили тем, что ловкостью достали,
Жили тем, что лучше стали жить.
А из тупорылых МАЗов Сталин
Так глядел, что нечего тужить.

Вообще немногого хватало –
Хмурых жен, с лихвой двоих детей,
Магазинчика за три квартала,
Небольших в него очередей...

И еще какие-то мгновенья,

Доски в густо солнечной смоле,
И листвы сухое шелестенье
На сырой от воздуха земле.

ХОНИНОВ Михаил Ванькаевич (1919 - 1981)

М. Хонинов
АВТОБИОГРАФИЯ

Я надел фуражку с красным кантом
Только перед самою войной.
Молодым всего лишь лейтенантом
Был я в Красной Армии родной.
Я не дослужился до майора,
Из меня не вышел капитан,
Потому что стал я очень скоро.
Командиром взвода партизан.

Рвал пожар войны когтями крыши,
Радовалась всяческая гнусь…
Калмычонок с Волги – Черный Миша –
Дрался за родную Беларусь.
В ватнике, с немецким автоматом
В партизанские ходил бои…
«Ой вы, хаты, дорогие хаты,
Хаты опаленные мои!»
Плачут дети, горько плачут бабки,
- Пьяный «фюрер» злобен и жесток…
В стеганке изодранной, без шапки,
Миша появился: «Хенде Хох!» …
Ночи бьют метельными крылами,
Смерть, как струны, щиплет провода.
Версты проутюжены боками,
Но взлетают вражьи поезда!
По округе слух ползет упорный,
Нагоняя на фашистов страх:
«Это снова сделал Миша Черный!
Миша Черный!» В ближних деревнях
Все следы обнюхало гестапо,
Ищут партизана здесь и там…
Всех подряд цепляют злые лапы:
«Ви есть Миша? Черный капитан?»
Полицаи прячут морды в пыжик:
«Он? Не он?» - гадают, морща лбы.
Эй, постой! – на Мишу лезет рыжий.
Нате-ка, держите… на гробы!
- Полетела под ноги граната, -
В каждой шкуре чуть не сотня дыр.
«Больше взрывов – значит, меньше гадов», -
Подытожил после командир.

В давних сводках роется ученый,
Роется, дыханье затая:

Где сегодня этот Черный Миша?
Миша Черный! Где тропа твоя
Пролегает? Бедам нынче крышка!
– Зов летит, качая ковыли,
- С нами беды ты делил, братишка,
А теперь и радость раздели! –
Этот зов был в Элисте услышан,
И опять с друзьями Черный Миша,
Здравствуйте, браты! Вы встрече рады?
Рад и я, но … тише – соловьи:
«Ой вы, хаты дорогие хаты,
Хаты обновленные мои!»

ЦВЕТАЕВА Марина Ивановна (1892 - 1941)

М. Цветаева
***

Тоска по родине! Давно
Разоблаченная морока!
Мне совершенно все равно —
Где совершенно одинокой
Быть, по каким камням домой
Брести с кошелкою базарной
В дом, и не знающий, что — мой,
Как госпиталь или казарма.
Мне все равно, каких среди
Лиц ощетиниваться пленным
Львом, из какой людской среды
Быть вытесненной — непременно —
В себя, в единоличье чувств.
Камчатским медведём без льдины
Где не ужиться (и не тщусь!),
Где унижаться — мне едино.
Не обольщусь и языком
Родным, его призывом млечным.
Мне безразлично — на каком
Непонимаемой быть встречным!
(Читателем, газетных тонн
Глотателем, доильцем сплетен…)
Двадцатого столетья — он,
А я — до всякого столетья!
Остолбеневши, как бревно,
Оставшееся от аллеи,
Мне все — равны, мне всё — равно,
И, может быть, всего равнее —
Роднее бывшее — всего.
Все признаки с меня, все меты,
Все даты — как рукой сняло:
Душа, родившаяся — где-то.
Так край меня не уберег
Мой, что и самый зоркий сыщик
Вдоль всей души, всей — поперек!

Родимого пятна не сыщет!
Всяк дом мне чужд, всяк храм мне пуст,
И все — равно, и все — едино.
Но если по дороге — куст
Встает, особенно — рябина…
1934

ЦИМБАЛОВ Александр Анатольевич (род. 1992)

А. Цимбалов
МОНОЛОГ РАДУЖНОГО КОТА

И в голосе твоем невинном
Я милосердье уловил,
Не странно, ведь таким наивным
До сих времен я с детства был.

Недаром губ твоих касанье
Я принимал за поцелуй,
С такой наивностью сегодня
Сиди себе и в ус не дуй.

Недаром я, как бедный странник,
Приникнул к светлому ручью...
Но что уж там! Ведь я же всадник!
Другим клинок я свой дарю.

Клинок, что в сердце раны вносит,
И сам излечивает их,
Клинок, что сотни тысяч косит
И ярость порождает в них.

Рассвет штандарты поднимает,
Клинок зарницей блещет вновь,
И лед пред ним любой растает,
Ведь имя у клинка – Любовь.

ЧАРЕНЦ Егише (СОГОМОНЯН Егише Абгарович) (1897 - 1937)

Е. Чаренц
КРАСНЫЕ КОНИ

Красные кони как вихри летят,
Гривы горящие красные кони,
Блеском стальным их подковы горят,
Мчатся горячие кони-драконы.
Красным пожаром объята страна,
Красные кони её подпалили,
Красных коней пробегает стена,
Скачет тревога храпящая, в мыле.
Стелется пламя по лентам дорог:
Красные кони летят оголтело.
Мрамор дворцовый летит из-под ног,

Всюду пожары - священное дело.
Красные кони как вихри летят,
Гривы горящие красные кони...
Знаки зловещие следом чертя,
Мчатся горячие кони-драконы.

Е. Чаренц
МОЕЙ МУЗЕ

Ты — чистая любовь, мой меч, мое спасенье,
Единственный огонь во мраке трудных дней,
Надежда светлая, сестра души моей.
Даруемое мне тобою вдохновенье —
Прибежище мое и радость жизни всей.
Не расставалась ты со мной и на мгновенье,
Делила все со мной по доброте своей:
И раны, и цветы, и жар моих страстей,
Ты — чистая любовь.
Как для не знающих земных забот детей
Прыжки и карусель в стремительном круженье,
Как лира для певца, сроднившегося с ней,
Как сабля острая для воина в сраженье —
Всего дороже мне твой свет во мраке дней,
Ты — чистая любовь!
1937

ЧЕКМАРЕВ Сергей Иванович (1910 - 1933)

С. Чекмарев
ПИСЬМО ИЗ МОСКВЫ

Здравствуй, бабушка и Нина,
Здравствуй, Лида и "Бутон"!
И "Милушка", друг старинный,
И с котятами корзина,
И хрю-хрюшке мой поклон!

Жить в Москве не очень сладко –
Тут и пыль, и духота,
И с погодой непорядки,
И проклятые тетрадки,
И весна совсем не та.

Серый дождь в окно мигает,
Вьётся скучный дым из труб,
Скука, сон одолевает,
И ничто не помогает –
Книга валится из рук.

Утром день такой же гадкий,
Облака черны, как ад,
Соберёшь свои манатки,
И несёшься без оглядки

На центральный книжный склад.

Книги, счёты, подотчёты,
Буквы, цифры и значки...
После трёх часов работы
Уж в мозгах перевороты,
И не пальцы, а крючки.

Вечера ещё печальней,
Скучно, тесно, утомлён,
И, плетясь дорогой дальней
В перегретую читальню,
Вспомнишь: как-то там "Бутон"?

Если ж день случится жаркий,
Жарко, значит, горячо.
Солнце топит, как кухарка,
И кладёт, кладёт припарки
На затылок, на плечо.

Денег нет ходить в кино нам.
Да к тому же много дел,
Даже (что пишу со стоном)
В "Арсе" с Бестером Китоном
"Три эпохи" не смотрел.

Вот вам новости все вкратце.
Толя в Крым уж взял билет.
Привелось мне любоваться
На такое счастье братца,
Приведётся вам иль нет?

Напишите мне в ответе
Про своё житьё-бытьё,
Что вы делаете летом,
Да про то, про се, про это.
До свиданья,
Чекмарёв.

С. Чекмарев

***

Тебя мне даже за плечи
не вытолкать из памяти,
Пусть ты совсем не прежняя,
пусть стала ты другой,
Но переливы глаз твоих
и губы, цвета камеди,
В сознанье озаряются,
как вольтовой дугой.
Я буду помнить корпус наш,
шаги твои по Лиственной,
Холодное молчание,

горячие слова.
Там пруд пылал, как озеро,
и бред казался истиной,
И от улыбки чуточной
кружилась голова.
Она, любовь, с тобой у нас
не распускалась розою,
Акацией не брызгала,
сиренью не цвела.
Она шла рядом с самою
обыкновенной прозою,
Она в курносом чайнике
гнездо свое свила.
Она была окутана
лиловым чадом примуса,
Насмешками приятелей
и сутолокой групп...
Но на душе тоска была,
и я в огонь бы ринулся
За искорку в глазах твоих,
за очертанье губ.
Теперь с тоскою кончено.
Теперь твои артерии
С моими перепутаны
и переплетены.
И как рисунок бабочки
на шелковой материи,
Над нами тень раскинулась
ибряевской луны.
Скажи мне, неужели ты
со скукой смотришь на небо?
И жизнь тебя измучила
и кажется сера?
И как в реку бросаются,
не глядя, хоть куда-нибудь,
Бежать тебе хотелось бы
из этого села?
А мне минуты кажутся
чудесными и гордыми,
По книгам буквы ползают,
беснуется метель,
И лошади проносятся
с опущенными мордами,
И избы озаряются
улыбками детей.
По "точкам" путешествовать,
не брезговать помоями,
С директорами ссорится,
с кобылами дружить –
Не знаю, как по-твоему,
но, Тонечка, по-моему,
Все это, вместе взятое,
и означает - жить.

С. Чекмарев
ДОМ, ПОСТРОЕННЫЙ НА ПЕСКЕ
Я от взгляда её краснею,
Любуясь жилкою на виске,
Но наша дружба сердечная с нею –
Дом, построенный на песке.

Она целует меня, балуясь,
Я уеду, она - в Москве.
Что все мечты мои, все поцелуи?
Дом, построенный на песке.

Но как-то я удивился очень,
Прочитав в календарном листке:
"Как раз бывает особенно прочен
Дом, построенный на песке".

Снег колючий падает с веток...
Может, и правда, конец тоске?
И будет сиять таким чудным светом
Дом, построенный на песке.

С. Чекмарев
В ПУТИ

Сегодня вьюга бесится,
ехать не велит,
Мерин мой игреневый
ушами шевелит.

- Ты что, овес-то даром ел
по целому мешку?
Давай, давай прокатимся
по белому снежку!

Чтобы глаза заискрились,
чтоб ветер щеки жег,
Чтобы снежинки вихрились
в переплетеньях ног...

Кого, скажи, пугаешь ты,
косматая метель?
Мы все здесь люди взрослые,
нет маленьких детей.

Нам все равно, голубушка,
хоть вой ты иль не вой, -
Твой голосок пронзительный
мы слышим не впервой.

Среди снежинок шелковых,
в нагроможденье скал,

Я только здесь нашел себе,
чего всю жизнь искал.

Ты что прижался, слушаешь,
мерин, мою речь?
А ну, рвани как бешеный
метелице навстречь!

Я все-таки, товарищи,
жалею горожан:
Стоят машины сложные
у них по гаражам.

Там иглы, карбюраторы,
и черт их разберет!
А мы помашем палкою –
и движемся вперед.

Скорость, направление
и качество езды
Легко мы регулируем
при помощи узды.

Тяжелое чудовище,
пузатый автоб`ус,
Он был бы здесь, в ущелиях,
обузой из обуз.

Скажи мне: он проехал бы
ну вот на этот стог?
Конечно, не проехал бы,
он сразу тут бы сдох!

А с поршнями и кольцами
возился человек,
Он не смыкал над книгами
своих усталых век.

Он думал над машинами
десятки тысяч лет...
Таких, как мой игреневый,
еще покамест нет, -

С такой вот теплой кожею
и гривою коня,
С такой вот хитрой рожею,
глядящей на меня.

И вот он снова мчит меня,
нисколько не устав.
Опять мелькает в воздухе
скакательный сустав.

И всё уже не нужное
    я стряхиваю с лет,
И вьюгою за санками
    заравнивает след...

ЧЕРНЯЕВА М. ()

М. Черняева
СОЛНЕЧНЫЙ ЕНОТ.

Никому и невдомек
То, что жил давным-давно
Милый маленький зверек –
Солнечный енот.

В шкурке солнца огонек
Золотился круглый год.
Вот такой был наш зверек
Солнечный енот.

Выбирался на лужок
По ночам, когда темно
Этот маленький зверек
Солнечный енот.

Прилетали светлячки
И водили хоровод.
Веселился наш зверек
Солнечный енот.

Но сородичей в норе
Волновало лишь одно –
Был заметным тот зверек,
Солнечный енот.

Ведь идут со всех сторон
В лес любители охот –
Выдаст шкуркою зверек
Солнечный енот.

Жизнь в лесу – сплошной упрек.
Но решение одно
Обнаружил вдруг зверек
Солнечный енот.

Попрощался на заре
И отправился в поход
Храбрый маленький зверек
Солнечный енот.

Прошагал он целый свет
От заката на восход.
И нашел приют зверек

Солнечный енот.

Прижился на маяке
Вдалеке от всех забот
Замечательный зверек
Солнечный енот.

И работал весь свой век
Там ночами напролет
Как фонарик наш зверек
Солнечный енот.

Никому и невдомек
То, что жил давным-давно
Милый маленький зверек
Солнечный енот.

ЧИЧИБАБИН (ПОЛУШИН) Борис Алексеевич (1923 - 1994)

Б. Чичибабин
МАХОРКА

Меняю хлеб на горькую затяжку,
родимый дым приснился и запах.
И жить легко, и пропадать нетяжко
с курящейся цигаркою в зубах.

Я знал давно, задумчивый и зоркий,
что неспроста, простужен и сердит,
и в корешках, и в листиках махорки
мохнатый дьявол жмется и сидит.

А здесь, среди чахоточного быта,
где холод лют, а хижины мокры,
все искушенья жизни позабытой
для нас остались в пригоршне махры.

Горсть табаку, газетная полоска –
какое счастье проще и полней?
И вдруг во рту погаснет папироска,
и заскучает воля обо мне.

Один из тех, что "ну давай покурим",
сболтнет, печаль надеждой осквернив,
что у ворот задумавшихся тюрем
нам остаются рады и верны.

А мне и так не жалко и не горько.
Я не хочу нечаянных порук.
Дымись дотла, душа моя махорка,
мой дорогой и ядовитый друг.
1946

Б. Чичибабин
ПЛАЧ ОБ УТРАЧЕННОЙ РОДИНЕ

Судьбе не крикнешь: «Чур-чура,
не мне держать ответ!»
Что было родиной вчера,
того сегодня нет.

Я плачу в мире не о той,
которую не зря
назвали, споря с немотой,
империею зла,

но о другой, стовековой,
чей звон в душе снежист,
всегда грядущей,
за кого мы отдавали жизнь,

С мороза душу в адский жар
впихнули голышом:
я с родины не уезжал —
за что ж ее лишен?

Какой нас дьявол ввел в соблазн
и мы-то кто при нем?
Но в мире нет ее пространств
и нет ее времен.

Исчезла вдруг с лица земли
тайком в один из дней,
а мы, как надо, не смогли
и попрощаться с ней.

Что больше нет ее, понять
живому не дано:
ведь родина — она как мать,
она и мы — одно…

В ее снегах смеялась смерть
с косою за плечом
и, отобрав руду и нефть,
поила первачом.

Ее судили стар и мал,
и барды, и князья,
но, проклиная, каждый знал,
что без нее нельзя.

И тот, кто клял, душою креп
и прозревал вину,
и рад был украинский хлеб
молдавскому вину.

Она глумилась надо мной,
но, как вела любовь,
я приезжал к себе домой
в ее конец любой.

В ней были думами близки
Баку и Ереван,
где я вверял свои виски
пахучим деревам.
Ее просторов широта
была спиртов пьяней…
Теперь я круглый сирота —
по маме и по ней.

Из века в век, из рода в род
венцы ее племен
Бог собирал в один народ,
но божий враг силен.

И, чьи мы дочки и сыны
во тьме глухих годин,
того народа, той страны
не стало в миг один.

При нас космический костер
беспомощно потух.
Мы просвистали свой простор,
проматерили дух.

К нам обернулась бездной высь,
и меркнет Божий свет…
Мы в той отчизне родились,
которой больше нет.
1992

ЧУЕВ Феликс Иванович (1941 - 1999)

Ф. Чуев
ЗАПОВЕДНИК ВОРОВ

Я уснул и попал в заповедник воров,
если б кто рассказал, не поверил,
там воров развелось, как в лесу комаров,
даже днём запираются двери.

Продавщицы на толстых коротких ногах,
что в капроне с колбасами схожи,
выносили привычно авоськи впотьмах,
трудовые успехи итожа.

И со стройки, мечту разделив на троих,
убирали паркет - шито-крыто!
Крали строки поэты у братьев своих,

композиторы - песни и ритмы.

Крали доски, ботинки, детали машин
и с вином, и с бензином канистры,
место в вузе и должность,
и так, для души,
воровали завхозы, министры.

Пусть грозили законы с неласковых пор,
но хотелось хоть что-нибудь, что-то
увести и присвоить: не пойман - не вор, -
хоть простой карандашик с работы.

Благо, было кругом всенародное всё,
и богата земля, и обильна,
тянут, тянут, никак не растянут её,
да ведь тянут своё - не обидно.

Но пришёл к управленью крутой человек,
он привычкой веков не смутился
и по пальцу велел отрубать, да у всех,
невзирая на званья и лица.

Я не помню великой расплаты финал.
Испугались? А может, не слишком?
Но среди палачей я внезапно узнал
знаменитого прежде воришку.

Он лукаво с помоста подмигивал мне
и подбрасывал срубленный палец,
и толпою брели к справедливой резне
те, что за день сегодня попались.

Я проснулся и мигом ладони разжал –
пальцев было по пять, как ни странно,
я увидел вокруг торопливый вокзал
и у ног не нашёл чемодана.

ШАДРИНОВ Алексей Юрьевич (1973 - 1992)

А. Шадринов
О ЖИЗНИ

Где я кончу свой путь?
На которой дороге?
На котором кругу
Неспокойной земли?
И увижу конец
Уж на самом пороге,
Иль замечу его издали?

Кем я буду для Вас?
Неспокойной душою?

Иль примером того,
Как нельзя уже жить?
Я не знаю ещё,
Как расстанусь с Землею.
И не знает никто,
Как я буду любить!

И не знает никто,
Что мне ночью июньской
Рассказал у костра
Заполуночный лес.
Как на том берегу
Кто-то веткою хрустнул,
Как бормочет поток,
Огибающий плес…

Нет, недаром я жил.
То есть, жить начинаю.
И на сердце моём
И не лёд и не снег.
Просто жизнь для меня
Словно речка лесная…
Просто жизнь для других –
Лихорадочный бег.
1987

А. Шадринов
***

Я отовсюду слышу ветер.
Я вижу серый небосвод.
Я знаю то, зачем на свете
Запущен дней круговорот.

Я знаю всё; я чую звёзды,
Луну, бегущую во мгле –
И то, что всем обещан отдых:
И мне, и птицам, и земле.

А. Шадринов
***

Не знаю, был ли этот сад?
И был ли этот дом?
Но много-много лет назад
Я жил в краю родном.

Не знаю, был ли этот сад
И был ли соловей?
И мой ли дух, и мой ли взгляд
Терялся средь ветвей?

Но он скользил по всем холмам,

По бревнам милых стен,
Бежал по пенистым волнам,
Не зная, что блажен…

Пусть мать лишь знает об одном:
Что след мой не истерт,
Но тополь за моим окном
Наполовину мертв…

ШАНГИН-БЕРЕЗОВСКИЙ Ген Никифорович (1930 - 1992)

Г. Шангин-Березовский
ЦАРЕВНА НЕСМЕЯНА

Ты стоишь у окна, небосвод высок и светел.
Ты стоишь у окна и не видишь ничего,
Потому что опять он прошел и не заметил,
Как ты любишь его, как тоскуешь без него.

Ты скажи-расскажи, разве в нем одном услада?
Может, просто тебе стало холодно одной.
Может, просто тепла твоему сердечку надо,
Чтоб не ждать, не страдать и не плакать под луной.

Все пройдет, все пройдет: будет поздно или рано
Тихим сном, дальним сном этот месяц голубой.
Не грусти и не плачь, как царевна Несмеяна –
Это глупое детство прощается с тобой.
1960

ШАТАЛИНА Софья (род. 1994)

С. Шаталина
***

Я принимаю ветер
Ветер в лицо! Ещё!
Лошади тёплая морда
Ложится мне на плечо
Ветер ворвался мне в сердце
Махом весь мусор прочь!
Я радуюсь солнцу и звёздам
И - здравствуй, подруга-ночь!

ШВЕДОВ Яков Захарович (1905 - 1984)

Я. Шведов
ОРЛЁНОК

Орлёнок, орлёнок, взлети выше солнца
И степи с высот огляди!
Навеки умолкли весёлые хлопцы,
В живых я остался один.

Орлёнок, орлёнок, блесни опереньем,
Собою затми белый свет.
Не хочется думать о смерти, поверь мне,
В шестнадцать мальчишеских лет.

Орлёнок, орлёнок, гремучей гранатой
От сопки врагов отмело.
Меня называли орлёнком в отряде,
Враги называли орлом.

Орлёнок, орлёнок, мой верный товарищ,
Ты видишь, что я уцелел.
Лети на станицу, родимой расскажешь,
Как сына вели на расстрел.

Орлёнок, орлёнок, товарищ крылатый,
Ковыльные степи в огне.
На помощь спешат комсомольцы-орлята –
И жизнь возвратится ко мне.

Орлёнок, орлёнок, идут эшелоны,
Победа борьбой решена.
У власти орлиной орлят миллионы,
И нами гордится страна.
1936

ШЕВЧЕНКО Татьяна Григорьевна (род. 2007)

Т. Шевченко
***

Опускается вечер,
Пламенеет закат…
Тополиные свечи
Ровным строем стоят.

На уставший мой город
Вновь легла тишина,
Словно не было горя,
Что несет нам война.

Тишину разрывает
Смерть несущий снаряд,
Мама глаз не смыкает
Над кроваткой ребят.

Каплей горькой стекает
На сынишку слеза,
Сердце мамы сжимают
Боль и страх, как гроза.

Что творите вы, люди,

Вам не жалко детей!?
Вы – жестокие судьи,
Раз вам мало смертей.

Снег растает когда-то
И рассеется тьма.
Без кровавых закатов
В мир придет тишина.
2019

ШЕЛЕХОВ Михаил Михайлович (род. 1954)

М. Шелехов
ИСТОРИЯ ЛЮБВИ

Он в атаку пошел, он не знал ничего,
И попал под обстрел, как на чай к Сатане...
Персонально из пушки стреляли в него,
Видно очень понравился той стороне.

Как собрали его - по кускам, по частям,
И снесли в медсанбат - он на ладан дышал!
Но сестрицу увидел хорошую там
И, буквально в могиле, к ней клеиться стал.

- У меня организм, - он кричал, - как наган!
До семи сосчитает за ночь барабан.
Если выживу - жить будешь только со мной,
Гадом буду - тебя, медсестра, не продам.

И сказала ему медсестра по культям,
Что, поскольку снарядом его разнесло,
Надо резать! И душу доверить врачам.
Если Бог не спасет, так спасет ремесло.

У меня организм, - он кричал, - пулемет!
Я тебя уведу, я тебя украду!
Мы с тобою закатим такой Новый год,
Что и ангелам в Божьем не снилось саду.

Он шептал развеселые байки сестре
И бессильной рукой за колено хватал...
И никак его смерть не брала на заре,
И никак хлороформ его душу не брал.

- Надо резать! - сказал осовелый хирург, -
А не то он детей заведет тут к утру.
Не хватало, чтоб труп в хирургической вдруг
Уломал на столе молодую сестру!

Как гвоздями Христа, там ремнями его
Прикрутили, распяли на паре досок!
И, как смертнику, чтобы не знал ничего,

Нацепили на голову грязный мешок.

И пока его резали - все, кто хотел,
И кидали в ведро его бедную плоть,
Он зубами прогрыз свой мешок - и глядел.
Но сестру заслонял от солдата Господь.

- Отойди! - он хрипел и таращил белок.
И Господь отходил. И на месте Его
Приходил Сатана, чтобы парень не мог
Медсестру соблазнить - и не знал ничего.

Заорал он: - Снимите свой грязный мешок!
Не хватало ослепнуть по вашей вине...-
Но хирург запихнул в него десять кишок
И поставил скобу на дырявой спине.

Поломали пилу, хлороформ извели,
Кровь текла из него, как вода в решето.
Медицинские братья на двор сволокли
Две ноги, две руки и еще кое-что.

Он в мешке поседел. Он на свет поглядел
И увидел сестру и ее красоту.
- Приходи ко мне вечером! - он прохрипел. –
Я тебя уведу! Я тебя украду.

И когда уходил навсегда поутру,
Как младенец в пеленки, завернут в бинты,
Он увел за собой полковую сестру
По причине великой ее красоты!

ШИРАЛИ Лоик (1941 - 2000)

Л. Ширали
***

Когда ты шла по городскому скверу,
Красавица, одетая в шелка,
Как я ловил твой взгляд высокомерный,
Как обижался, что ты так дерзка.

Я был влюблён, и с той поры звучали
В моей душе и песни, и стихи.
Сходил с ума от горя и печали.
И понимал, дела мои плохи.

Но я узнал, по улицам блуждая,
Лишь ты одна достойна высоты.
Лишь ты одна про муки сердца знаешь,
Что нужно делать – знаешь только ты!

Мне в этом городе открылась тайны дверца,

Что ты одна печёшься обо мне.
Я сотню раз любил лишь краем сердца,
Чтобы влюбиться, наконец, вполне.

Но ты ушла, как будто канув в воду,
Красавица, одетая в шелка.
Я, словно раб, что грезит о свободе,
Брожу, тоскуя, как ты далека.
1988

Л. Ширали
***

Меня, таджика, ещё не убили таджики…
Благодарение аллаху…
Я жив ещё.
Однако убили и я мертвее мертвого.
Мою преданность, мою веру, мои убеждения убили
И я стал горстью сухих костей.
Сосуды мои пусты,
В них нет крови гордости за народ,
На могильной плите моих убеждений
Кто напишет эпитафию,
И что напишет?

Л. Ширали
БОЕВИКУ

«В голове твоей полный штиль, но ты хмелен и рад.
С чего?
Ходишь в золоте и шелках. И бесчестно богат.
С чего?
И буквально еще вчера не имел ни кола, ни двора,
А сейчас на больших торгах продаешь всё подряд.
С чего?
Шуршат доллары, как листва, у тебя. Разве ты не вор?
Хватит спорить, с пеной у рта. Твои губы дрожат.
С чего?»

ЩИПАЧЕВ Степан Петрович (1899 - 1980)

С. Щипачев
ЛЕНИН

Из бронзы Ленин. Тополя в пыли.
Развалины сожженного квартала.
Враги в советский городок вошли
И статую низвергли с пьедестала.

Полковник-щеголь был заметно рад,
Что с памятником справился так скоро,
И щелкал долго фотоаппарат
Услужливого фоторепортера.

Полковник крепко этой ночью спал,
А на рассвете задрожал от страха:
Как прежде памятник в саду стоял,
Незримой силой поднятый из праха.

Засуетились гитлеровцы вдруг.
В развалинах мелькали чьи-то тени:
То партизаны, замыкая круг,
Шли на врага. И вел их Ленин.

С.Щипачев
ПИОНЕРСКИЙ ГАЛСТУК

Как повяжешь галстук,
Береги его,
Он ведь с Красным знаменем
Цвета одного.

А под этим знаменем
В бой идут бойцы,
За Отчизну бьются
Братья и отцы

Как повяжешь галстук,
Ты светлей лицом…
На скольких ребятах
Он пробит свинцом!

Пионерский галстук –
Нет его родней!
Он от юной крови
Стал ещё красней.

Как повяжешь галстук,
Береги его:
Он ведь с Красным знаменем
Цвета одного.

ЭНТИН Юрий Сергеевич (род. 1935)

Ю. Энтин
***

Шпаги звон как звон бокала
С детства мне ласкает слух
Шпага многим показала,
Шпага многим показала
Что такое прах и пух

Вжик, вжик, вжик - уноси готовенького
Вжик, вжик, вжик - кто на новенького?
Кто на новенького, кто на новенького?

Подходите ближе, ближе,
Вам урок преподнесу
Подлецов насквозь я вижу,
Подлецов насквозь я вижу
Зарубите на носу

На опасных поворотах
Трудно нам как на войне
И быть может скоро кто-то,
И быть может скоро кто-то
Пропоет и обо мне

Вжик, вжик, вжик - уноси готовенького
Вжик, вжик, вжик - кто на новенького?
Кто на новенького, кто на новенького?

Юный друг, в бою открытом
Защитить готовься честь
И оружием забытым,
И оружием забытым
Соверши святую месть!

Эх, народец нынче хилый,
Драться с этими людьми!
Мне померяться бы силой,
Мне померяться бы силой
С чертом, черт меня возьми

Вжик, вжик, вжик - уноси готовенького
Вжик, вжик, вжик - кто на новенького?
Кто на новенького, кто на новенького?
1970

Ю. Энтин
КРЫЛАТЫЕ КАЧЕЛИ

В юном месяце апреле
В старом парке тает снег,
И весёлые качели
Начинают свой разбег.
Позабыто всё на свете,
Сердце замерло в груди,
Только небо, только ветер,
Только радость впереди.

Взмывая выше ели,
Не ведая преград,
Крылатые качели
Летят, летят, летят.

Детство кончится когда-то,
Ведь оно не навсегда,

Станут взрослыми ребята,
Разлетятся кто куда.
А пока мы только дети,
Нам расти ещё, расти,
Только небо, только ветер,
Только радость впереди.

Шар земной быстрей кружится
От весенней кутерьмы,
И поют над нами птицы,
И поём, как птицы, мы.
Позабыто всё на свете,
Сердце замерло в груди,
Только небо, только ветер,
Только радость впереди.

Взмывая выше ели,
Не ведая преград,
Крылатые качели
Летят, летят, летят.
1979

Ю. Энтин
ПРЕКРАСНОЕ ДАЛЕКО

Слышу голос из прекрасного далека,
Голос утренний в серебряной росе.
Слышу голос, и манящая дорога
Кружит голову, как в детстве карусель.

Прекрасное далеко
Не будь ко мне жестоко,
Не будь ко мне жестоко,
Жестоко не будь.
От чистого истока,
В прекрасное далеко,
В прекрасное далеко,
Я начинаю путь.

Слышу голос из прекрасного далека,
Он зовет меня не в райские края.
Слышу голос, голос спрашивает строго:
А сегодня что для завтра сделал я?

Прекрасное далеко
Не будь ко мне жестоко,
Не будь ко мне жестоко,
Жестоко не будь.
От чистого истока,
В прекрасное далеко,
В прекрасное далеко,
Я начинаю путь.

Я клянусь, что стану чище и добрее,
И в беде не брошу друга никогда.
Слышу голос и спешу на зов скорее,
По дороге, на которой нет следа.

Прекрасное далеко
Не будь ко мне жестоко,
Не будь ко мне жестоко,
Жестоко не будь.
От чистого истока,
В прекрасное далеко,
В прекрасное далеко,
Я начинаю путь.
1984

ЭРЕНБУРГ Илья Григорьевич (1891 - 1967)

И. Эренбург
***

Есть перед боем час – все выжидает:
Винтовки, кочки, мокрая трава,
И человек невольно вспоминает
Разрозненные темные слова.
Хозяин жизни, он обводит взором
Свой трижды восхитительный надел,
Всё, что вчера ещё казалось вздором,
Что второпях он будто проглядел.
Какая жизнь недожита! Добро какое!
Пора идти. А, может, не пора!..
Ещё цветут горячие левкои.
Они цвели… Вчера… Позавчера…
1939

И. Эренбург
УБЕЙ!

Как кровь в виске твоем стучит,
Как год в крови, как счет обид,
Как горем пьян и без вина,
И, как большая тишина,
Что после бурь и после мин,
И в сто пудов на миг один,
Как эта жизнь – не ешь, не пей
И не дыши – одно: убей!
За сжатый рот твоей жены,
За то, что годы сожжены,
За то, что нет ни сна,Ю ни стен,
За плач детей, за крик сирен,
За то, что даже образа
Свои проплакали глаза,
За горе оскорбленных пчёл,
За то, что он к тебе пришёл,

За то, что ты – не ешь, не пей,
Как кровь в виске – одно: убей!
1942

ЯКУШЕВА Ада (Ариадна Адамовна) (1934 - 2012)

А. Якушева
***

Вечер бродит по лесным дорожкам,
Ты, ведь тоже любишь вечера,
Подожди пока еще немножко,
Посидим с товарищами у костра.

Вслед за песней позовут ребята
В неизвестные еще края,
И тогда над крыльями заката
Вспыхнет яркой звездочкой мечта моя.

Вижу целый мир в глазах тревожных,
В этот час на берегу крутом.
Не смотри ты так неосторожно,
Я могу подумать что-нибудь не то.

Что волшебней задушевной песни,
И молчанья в отблесках огня,
Нет на свете глаз твоих чудесней,
Что глядят задумчиво так на меня.

Ясный месяц на прогулку вышел,
Светят звезды из глубин небес,
Друг хороший, ты меня услышишь,
Эту песню я пою сейчас тебе.

Знаю, будут и другие встречи,
Год за годом пролетят года,
Но вот этот тихий теплый вечер,
Мы с тобою не забудем никогда.
1959

А. Якушева
СИНИЕ СУГРОБЫ

Слушай, -
на время время позабудь,
Лучше
тебе спою я что-нибудь,
Чтобы
теплели строгие глаза
И не оглядывался больше ты назад.

Песню
зачем из дома понесу,

Если
могу найти ее в лесу,
Знаешь,
какой красивый лес зимой?
Ее с мороза принесу тебе домой.

В синие сугробы
Убегает день
Если петь тебе, то надо, чтобы
Песня начиналась здесь

Хочешь –
в ней вспыхнут лунные огни,
К ночи
хрустальный лес в ней зазвенит,
Будет в ней дерзость ветра, свежесть щек, -
Скажи мне только, что бы ты хотел еще?

Скажешь –
поймаю песню на лету,
Наши
про нас чего-нибудь сплетут...
Только не в песнях дело тут моих:
Мне просто нравится, как слушаешь ты их.

В синие сугробы
Убегает день –
Если петь тебе, то надо, чтобы
Песня начиналась здесь.
1956

ЯШВИЛИ Паоло Джибраэлович (1895 - 1937)

П. Яшвили
ПОЭЗИЯ

Безумье легко предпочту стиховому безмолвью.
Черней слепоты невозможность восславить светило.
И если творенье из сердца не вырвется с кровью,
Откуда у песни возьмется бессмертная сила?

Пожары и войны, терзания вечной разлуки,
Чума моровая, разломы в граните упругом –
Ничто не сравнится с величием яростной муки
Поэта, который сражен вдохновенным недугом.

По городу бродит на прочих похожее тело.
Прохожие скажут: "Гляди, от поэзии пьяный".
Но кто понимает, что это - опасное дело,
Что в пламени гибнет и корчится мозг окаянный?

О, сколько мне нужно сердец, чтобы чувствовать души!
И глаз, чтобы каждого ясно увидело зренье.
Я множество образов должен нещадно порушить,
Чтоб, бабочки чище, взлетело одно песнопенье.

Как смерть неотвязное, слово горячкой слепило,
И тело, и душу душило цепями полона.
Не спишь, а наутро, когда постучится светило,
Ты - скорбная память о том, кого звали Паоло.

Рождается песня - и на год урезаны сроки
Земного пути. И недолго уже до предела.
И если вот это и вправду - последние строки, -
Швырните воронам никчемное мертвое тело!

ЯШИН Александр Яковлевич (1913 - 1968)

А. Яшин
БЕЛИЧЬИ СВАДЬБЫ

Начинаются беличьи свадьбы,
Бор в слепящем морозном огне.
Не положено,
А летать бы
По сосновым верхам и мне,

От возни на земле отрешиться,
От чужих отмахнуться забот,
Ни за что не болеть,
Ничего не страшиться,
Жить, как ветер в вершинах живет.

Небо зыбко,
И сучья хрупки,
Но ведь тем и свята простота,
Что в глазах только беличьи шубки
Да манящие вспышки хвоста.

Я скольжу за колхозные гумна,
Оседает под лыжами снег.
Птицы с веток срываются шумно
И ныряют в сугроб на ночлег.

Как все просто в березнике частом,
Снова ростепель входит в права...
Не погибли бы только под настом
Простодушные тетерева.